

МАТЕРИАЛЫ

VI Международной научной конференции

Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 10

Философские
и психологические науки

Дорогие коллеги!

В Донецком национальном университете стало традиционным проведение международных научных конференций «Донецкие чтения». Они организуются ежегодно, начиная с 2016 года.

В 2021 году Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» проходит в шестой раз и принадлежат к числу наиболее масштабных и значимых научных мероприятий в Донецкой Народной Республике.

С каждым годом эти конференции вызывают все больший интерес в отечественном и зарубежном научно-образовательном пространстве. Постоянно расширяется состав их участников, перечень выносимых на обсуждение научных проблем. Число представляемых докладов за годы проведения конференций возросло более чем в два раза.

В 2021 году VI Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» проводится при поддержке Главы ДНР, Общественной организации «Русский Центр», Совета ректоров вузов ДНР. В ее подготовке и проведении активное и деятельное участие принимают научные организации Донецкой Народной Республики, входящие в состав академического консорциума «Научно-образовательный и инновационный комплекс ДонНУ».

Конференция представлена 67 секциями, которые отражают достижения по широкому спектру научных направлений – от фундаментальной математики и цифровых компьютерных технологий до проблем культуры, духовности, искусства. Данный сборник является одиннадцатипромтым изданием, включающим 16 книг общим объемом более пяти тысяч страниц.

Свои доклады на VI Международную научную конференцию «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» по результатам выполненных фундаментальных и прикладных исследований прислали известные специалисты и молодые ученые из многочисленных научно-образовательных организаций, представляющие Донецкую и Луганскую народные республики, Российскую Федерацию и целый ряд зарубежных государств. Уверенность в успешной работе конференции придает единодушие всех участников из многих уголков Русского мира: Москвы, Рязани, Ростова, Воронежа, Ставрополя, Краснодара, Минска, Цхинвала, Республики Крым.

Проведение VI Международной научной конференции «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» будет способствовать решению новых актуальных задач фундаментальной и прикладной науки, технологий, внесет свой вклад в инновационное развитие Донецкой Народной Республики, в дальнейшее укрепление творческих контактов ученых, педагогов, деятелей культуры и искусств стран-участниц.

Пусть наша конференция станет местом для дальнейших интересных и плодотворных встреч. Уверена, что результаты работы будут полезны всем участникам, а предложенные рекомендации найдут свое применение в дальнейшей практической деятельности каждого из нас!

Ректор, доктор физико-математических наук, профессор
С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Русский Центр

VI Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 10

**ФИЛОСОФСКИЕ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**Донецкие чтения
2021:
образование, наука,
инновации, культура
и вызовы
современности**

г. Донецк
26–28 октября 2021 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2021

ББК Ю.я431+Ю9я431

УДК 1(043.2)

Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Т.А. Андреева, А.В. Камарали,
А.В. Гордеева, Э.А. Ангелина

Д672 Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 10: *Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – 324 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В десятый том материалов VI Международной научной конференции «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, философии на линии фронта, психологической теории и практики.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2021

© Донецкий национальный университет, 2021

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог).

Андреев Д.А., канд. ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Болночин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Васьков М.А., д-р социол. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Кишкиань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Куролап С.А., д-р геогр. наук, профессор, декан факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Минаев А.И., д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, профессор, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Скафа Е.И., д-р пед. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета (г. Москва).

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК 159.9316.6

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ (В РАКУРСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

Агаркова А.А., канд. культурологии, доц.
ГОУ ВПО «Донецкая юридическая академия», г. Донецк, ДНР
agarkova.anna3710@gmail.com

Тело и телесность как значимый объект социокультурного, а не физиологического исследования последовательно отвоевывали свое место в кругу устойчивых научных интересов, особенно активизировавшись со времени появления философско-онтологических интуиций М. Мерло-Понти («Le Visible et L'Invisible»). Доминирующая отныне парадигмальная установка на «телецентризм» в самых разных культурных практиках делает эту проблематику еще более значимой, многогранной и перспективной [1-3].

Как показал весь ход культурно-исторического процесса, стоявший у его истоков универсальный мифологический телоцентризм, представлявший человеческое тело как космический прототип мироздания в соотнесении с различными первоэлементами («голова – огонь», «кровь – вода» и пр.) или планетами, – на нынешнем этапе циклически замыкается принципиально иным, знаменуя путь от *homo sapiens* к *homo digitalis* («цифровому человеку»).

Нашумевшие постмодернистские концепты «тела без органов» (Ж.Делеза), «киборга» (Д.Харрауэй), ризоматического постчеловеческого бытия в сетевых системах (с чередой своих легко конструируемых и стираемых виртуальных двойников) лишь еще более заострили извечный мотив имманентной борьбы в человеке телесного и духовного. В условиях непрерывного достраивания человеческой телесности, «дополненной» мультимедийным инструментарием реальности (эксперименты с «до-развитием» телесных возможностей) ведут к тому, что человек все более расходится со своим естеством. Это можно сравнить и с метаморфозами современного художественного восприятия, подобно тому, как в эстетике современного «визуального театра» тело уже может выступать не более, чем пластический элемент общей сценической композиции. Впрочем, указанный модус социокультурной телесности легко существует с другими, в частности – реархаизированными своими вариантами

(например, через модную в определенной молодежной субкультурной среде брутально-телесную неоязыческую атрибутику).

Весь путь от традиционного общества (премодерна) к современному «пост-обществу» сопровождался переозначиванием духовно-исторических смыслов человеческой телесности, рефлексией над её амбивалентностью: греховной и святой, сакральной и профанической (если позволительно сослаться на одно из самых загадочных творений Тициана), равно, как и наготы – добродетельной или порочной.

Культуротворческое пересоздание модусов телесности в разных стилистических и идеологических преломлениях легко прослеживается от эстетически утрированной классовой идентичности («рококо») до ее полного дезавуирования, к примеру – в «гиперфизической» советской производственной эстетике (т. н. «пролеткультовского» периода). Не секрет, что акцентированное (чрезмерное) эстетство в оформлении образной телесности особенно свойственно переходным, кризисным эпохам (вроде дендистских, декадентских или стиляжнических манерно-provокативных и эпатажных стилистических изысков прошлых эпох). Культура в этом случае утрачивает прежнюю устоявшуюся степенность, сложившуюся социальную стратификацию эстетических нормативов, равно, как и свой центрирующий «серединный» уровень.

Проблема «телесно-образного соответствия» наряду с внешним обличием существовала в каждой возрастной группе любой этнокультуры любого исторического этапа: как «приличествует» выглядеть представителю данной социальной общности. Телесность во всей её интегральной сущности является одним из путей социализации индивида, выступая, в том числе, и в роли предъявителя профессиональной принадлежности. Профессиональное «коллективное тело» выступает одним из значимых топосов телесности, формируя условный нормативный образ в данной социокультурной реальности. Профессиональная «метафизика тела» выражает себя в особой семиотике и системе стереотипов, способствующих установлению комфорtnого, предсказуемого социального контакта, узаконенного длительной, многопоколенческой практикой (по «одежке», по внешнему телесному образу). В свою очередь, определенное выпадение из заданного «привычкой свыше» образа, разрушая сложившиеся стереотипы, способно усложнить коммуникацию (вызывая, к примеру, иронию: «ну какой с тебя...», «... и эта «Барби» будет защищать его в суде?»).

Как известно, у каждой из профессиональных общностей исторически оформляются свои специфические издержки проявления деятельностиной идентичности: педантичная аккуратность бухгалтеров, напускная грубоватость и своеобразный защитный юмор у врачей, учительская авторитарность и пр. «Профессиональная телесность» может быть эстетически достроена спецодеждой или акцентирована подчеркнуто

архаичной знаковой атрибутикой (вроде – вызывающей «священный трепет» – судейской мантии).

Определенный «сословно-телесный» ракурс в пирамиде культурной идентичности исторически складывался в массовом сознании по отношению к русским социальным типажам: телесная «дородность» русского купечества (как ранее – боярства), вкупе с утрированным практицизмом и деловитостью, вездесущая полная нянюшка («раздобревшая») – в противовес чуждому угловатому облику «понаехавших» английских гувернанток (как в гротескно преломленном образе чеховской «Дочери Альбиона»).

Семиотика внешнего телесного оформления по своему способствовала преодолению ряда сменяющих друг друга социофобий. В коммуникации на уровне телесно-визуального контакта осуществляется свое неосознаваемое прочтение кодов социокультурной телесности, в том числе и в профессиональном ключе («тощий повар?»). Речь идет о выработанных повседневной практикой образных стереотипах восприятия (свою значимую роль здесь играет и художественный мир «экранной культуры», особенно в его зрительно-зрелищных формах). Прическа, внешнее облачение телесной стороны во всех культурах символически организует человека, обозначая его пол, возраст, профессию и социальный статус (как длинные волосы – знак артистизма и аристократизма, растрепанные – а/антисоциальности, бритые – возможный знак неких магических практик и т. п.). В свою очередь, принадлежность к «богемной» арт-среде, так или иначе, эстетически маркирует в обыденном восприятии образ своего носителя, который просто не может быть «таким, как все».

Современные метаморфозы мультикультурализма и пресловутой «толерантности» последовательно разрушают системную иерархию культурных идентичностей (половой, расовой, возрастной и пр.). Размываются привычные гендерные нормативы-стереотипы, а поэтика «прекрасного безобразного»очно воцаряется в эстетической шкале современных «префигуративных» (М. Мид) межпоколенческих отношений. В сплошь экранированном, симулятивном мире нашей современности усугубляется кризис телесной самоидентичности, неосознанно разворачивающейся со своим внутренним (духовным) «Я». Автономизируемая плотская грань телесности (та, которая всецело «от мира сего»), многочисленные виртуальные практики её переконструирования ломают привычную ценностную иерархию, все больше утверждая феномен телесности в роли едва ли не основополагающей самоидентичности осознания себя в мире.

Список литературы

1. Богаченко В. В. Феномен человеческой телесности в аспекте глобальной культуры / В. В. Богаченко // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – Минск: БГТУ, 2018, №1(209). – С. 115–120.
2. Подорога В. А. Феноменология тела / В. А. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995. – 340 с.
3. Фадеева Т. Е. Телесность в парадигме трансгуманизма и постфордизма / Т. Е. Фадеева // Артикульт. – 2019. – №2 (34). – С. 6-17.

ФЕМИНОЦЕНТРИСТСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Армен А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
armenanastasiya@gmail.com

Антропоцентризм на протяжении веков был и продолжает оставаться привлекательной мировоззренческой позицией. Однако не все так однозначно. В недрах антропоцентризма зрело нечто, что затем стало способным привести к дроблению самого принципа антропоцентризма, то есть, к разъятию человеческого единства, рода *Homo Sapiens* и смещении акцентов и аксиологических ориентиров с целого (человечество) на часть (женщина), что нашло отражение в возникновении и развитии идеологии феминизма.

Так, необходимо остановиться на самом антропоцентризме в его сущности, причинах появления, взглядах, принципах, таких как гуманизм, индивидуализм, субъективизм.

Антропоцентризм – мировоззренческий принцип, культурный приоритет, этап самосознания человека как представителя рода *Homo Sapiens*, результат культурного взросления человечества и философской рефлексии. «Антропоцентризм» (от греч.*anthropos* – человек, *kentron* – центр) – позиция, согласно которой человек является центром и высшей целью мироздания [1, с. 20].

Антропоцентризм зародился на греческом востоке, затем был унаследован Римом. Так или иначе, он является ведущим принципом европейской культуры. Гражданские права, частная собственность, права наследования – достижения античной демократии, а затем ее трансформации в лоне Римской империи. Это, безусловно, антропоцентризм в рамках демократического принципа, когда в результате рабовладельческой системы и классового дробления, а также связанных с ними социальных заказов для институтов семьи, воспитания и образования, происходит одно из первых дроблений, точнее, юридически освященных дроблений в восприятии человека и человечества. Парадокс античного антропоцентризма заключается в том, что это человекоцентризм не для всех – за его рамками оказываются рабы и варвары, в известной степени свободные, но неполноправные жители полисов, и, конечно же, женщины.

Гуманистическая картина мира, порожденная новым антропоцентризмом возрожденческого образца не могла не содержать изменений в восприятии женщины, не повлиять на отношение к ней со стороны общества, внеся разнообразие в ее жизнь и деятельность. Женщина перестает быть однозначным «сосудом греха» как в Средневековье,

отрицательные характеристики ее как носителя соблазна и источника искушений, несмотря на усилия инквизиции, созданной в XIII веке, в социокультурном пространстве стран, охваченных идеалами эпохи, все же уходят на второй план.

Однако «человек эпохи Возрождения» как концептуальное понятие все-таки мужчина – философ, художник, творец, первооткрыватель новых пространств, носитель разносторонних интересов и страстей. Он является выражителем родовой сущности человека, которая заключается в свободе, достоинстве и творчестве. Восторги от женской красоты и ослабление религиозных тисков никоим образом не изменило социальное положение женщины, особенно не богатой и не знатной, в рамках традиционного феодального способа производства. Разделение труда как крестьян, так и горожан, остается тем же, соответственно продолжается и сохранение традиционных социальных норм и ролей, как в производственной, так и в приватной сферах.

Эпоха Возрождения не может рассматриваться как исключительно поступательный социокультурный процесс. Антропоцентризм, доведенный до своего высшего предела, порождает не только гуманизм, но и декларативный субъективизм и крайний индивидуализм, которые быстро прорастут в новоевропейскую культуру и новейшую историю европейской цивилизации. Концепция неограниченной воли, популярная в Возрождении, противоречива, а ее гуманистическая направленность не гарантирована от подмены и была ею искажена: понятие свободы личности вскоре и неоднократно с тех пор подменялось понятиями вседозволенности и своеволия. Также трансформации антропоцентризма в сторону бесконтрольного индивидуализма положили начало развитию тех тенденций, которые затем приведут к распаду единства, теориям сверхчеловека (искажения Ф. Ницше) и феноменам психологического отчуждения, аэтичности, биологизации человеческого начала, атомизации социального пространства, утрате стремления к обретению единой картины мира и интереса к его объективному познанию. Но там, где нет стремления к объективному постижению мира, неминуемо появляются трактовки мира «под себя», по собственному заказу, примером чему является *современный феминоцентризм* – результат развития побочных тенденций антропоцентризма, которые привели к кризису последнего.

Эпоха Просвещения вносит существенные корректизы в принцип антропоцентризма. Человек гуманистов Просвещения интересует как индивид (не индивидуальность), то есть как представитель рода, член общества, гражданин государства. Социоцентристскими тенденциями наполняются пространства философии и художественного творчества. Формируется классические философские и социологические концепции, основанные на стремлении к единому и объективному. Ограниченност новоевропейской философии будет преодолена в системе взглядов нового

мировоззрения – материалистического понимания истории [2, с. 22]. Капиталистический способ производства внес кардинальные изменения в реальный мир и мировосприятие человека. Вместе с глобальными угрозами и разрастающимся мировым кризисом множится и разъединение, дробление и антагонизм, которые затронули как все человечество, так и его сегменты (цивилизации, страны, общество, социальные структуры и институты). Примером тому могут служить экофашизм, теория золотого миллиарда, геноцидные теории и их прагматические воплощения.

Не является исключением в общем процессе разъятия мира и феминизм с его феминоцентризмом как единственным ложным объединяющим посылом к цельности и единому. Не случайно экофеминизм – лишь результат обиды на патриархальное общество и маскулинного вмешательства в окружающую природную среду.

Фокус, субъект антропоцентристской картины мира, начиная с античности и вплоть до новой и новейшей истории – мужчина. Поэтому женщина, ощущавшая себя в патриархальном хозяйственном укладе и социокультурном пространстве традиционного общества второстепенным человеком, которым она была фактически в своей социальной роли и в соответствии с социальными ожиданиями, как только она получила возможность горизонта экономических, политических, социальных прав и свобод, вместе с ними начинает сжигать мосты и выстраивать новую модель мироздания – *феминоцентричную*. Феминоцентризм – это, прежде всего, защитный механизм против патриархального мира, сублимирующая стратегия взаимодействия «человек-реальность», которая вековой отрицательный опыт женщины трансформирует в новой модели мироздания, цивилизации, где главное место будет принадлежать женщине. Феминистское общество – женское общество, женский мир. За пожеланиями и постулатами теоретики феминизма отказываются видеть действительность, реалии и сущностные силы и механизмы исторического движения, которые им не интересны, поскольку не соответствуют идеалу и схемам феминистской картины мира, так как они расходятся внутри изначально разъятого феминизма.

Список литературы

1. Словарь по мировой художественной культуре: Учеб. пособие для сред. и высш. пед. учеб. заведений / Под ред. А. П. Садохина. – М.: Академия, 2001. – 403 с.
2. Рагозина Т. Э. К вопросу об антропологическом измерении философии истории марксизма // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2021. – Вып. № 1 (13). – С. 17-26.

ФЕНОМЕН МИСТИЦИЗМА В ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Белицкий А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Belitskiy.a.a@gmail.com

В истории философии проблематика мистицизма получила свое обоснование преимущественно в рамках идеалистической философии и рассматривалась, как правило, в контексте обсуждения природы творчества, интуиции (интеллектуальной, мистической), любви, состояний озарения (спиритуализм, феноменология, герменевтика и т.п.). Уникальный взгляд на религиозное мировоззрение мы находим в идеалистических и философских ориентированных направлениях психологии.

Значительное внимание изучению феномена мистицизма уделяли представители гуманистической и трансперсональной психологии. Центральное место в их концепциях занимает рассмотрение всех религиозных представлений человека как порожденных исключительно субъективно-психологическими факторами, то есть трансовыми ощущениями, сверхличностным (трансперсональным) опытом и т.д. В таком контексте древний человек видится как специалист по различным техникам «изменения состояний сознания», а мистический опыт объясняется всегда в рамках таких состояний.

Так, известный трансперсональный психолог С. Гроф предложил для объяснения целостных (холотропных) состояний сознания «расширенную картографию сознания». Согласно этой схеме, структура сознания имеет несколько уровней:

- 1) биографических воспоминаний;
- 2) перинатальный, обусловленный переживаниями рождения и смерти (память нахождения индивида в лоне матери и последующее рождение);
- 3) трансперсональный (выход за пределы индивидуальной памяти, личности).

Ученый находит следующую дефиницию понятия «трансперсональный». Это – «эмпирическое расширение сознания за пределы обычных границ телесного «я» и за пределы пространственно-временных ограничений» [1, с. 55]. Другими словами, «трансперсональный опыт» предстает как совокупный термин для обозначения всех известных ранее психических феноменов: видений, экстазов, галлюцинаций, наркотических опьянений и других подобных состояний. Он включает в себя различные проявления отождествления человеком себя с другими людьми, животными, растениями, всей вселенной и Абсолютом. С. Гроф утверждает, что во время трансперсонального опыта, вызванного дозой ЛСД или психо-

техникой холотропного дыхания, субъект способен получать действительную информацию от объекта, с которым себя отождествляет, причем до проведения этой процедуры человек не имел понятия об этом объекте. На основании того, что люди после таких отождествлений дают действительно правильную информацию о различных видах живых существ и неживой природы, делается вывод, что и в тех случаях, когда человек говорит о единении с Абсолютом, он представляет действительную информацию об объективном существовании этого самого Абсолюта.

Другой представитель трансперсональной психологии К. Уилбер отстаивает теорию сознания практически аналогичную некоторым мистическим концепциям проявления Бога, Абсолюта. Он разработал понятие «спектра сознания», в котором условно выделил несколько плоскостей, оговорившись, что на самом деле существует только один, единый спектр «mind» или «космическое, абсолютное сознание». Все остальные уровни иллюзорны и не существуют, и только это состояние сознания истинно для человека. Первым же уровнем ограничения mind является «трансперсональная область». В ней открывается содержание коллективного бессознательного, человек не осознает своей тождественности с Всеединым, хотя его личность не ограничена пределами отдельного организма. Дальше – экзистенциальный уровень – это такое состояние сознания, при котором индивид идентифицирует себя с «психосоматическим организмом, существующим в пространстве и времени, ибо это первый уровень, на котором происходит четкое разграничение между Я-другие, организм-среда» [2, с.34]. Следующий уровень – «Эго», где человек определяет себя как мыслящее существо, противопоставляя свое мыслящее «я» телу. Последний уровень – это уровень «Тени». Здесь происходит идентификация с обедненным иискаженным самоизображением – образом самого себя (то есть субъекта), при этом остальная часть его психических склонностей, тех, которые кажутся слишком болезненными, «дурными», «пагубными» или нежелательными, отчуждаются как содержание «Тени» [2, с. 35]. Характеризуя спектр сознания, К. Уилбер делает вывод: «...каждый уровень спектра характеризует области личности в порядке последовательного сужения идентификаций, начиная от универсума и до той его грани, которая представляет собой организм: от организма – до той его части, которая называется душой, от души до части ее – персоны» [2, с. 35]. Исходя из концепции спектра сознания, он различает два вида мистицизма. Первый – «малый» мистицизм коррелирует с трансперсональным уровнем, где происходит переживание архетипов коллективного бессознательного. На этом уровне верующий созерцает Бога как бы со стороны. Мистик такого рода называется «трансперсональным свидетелем». Второй – «истинный» мистицизм связан с непосредственным переживанием своей тождественности Богу, «mind», т.е. мистик не созерцает Бога со стороны, но сам становится им.

Близкими к трансперсональной психологии были идеи русского исследователя В. В. Налимова. Считая, что собственная точка зрения и подход трансперсональной психологии в целом совпадают, он утверждал, что человеческое познание многоаспектно и включает в себя как науку, философию, искусство, так и теологию, и мистический опыт. Особенность его взглядов – утверждение о необходимости воспроизведения «мистического опыта»: «совершенно недостаточно того, что делают этнографы, антропологи и религиоведы. Опыт прошлого должен быть заново пережит» [3, с. 46]. Это, в его трактовке, поможет достичь гармонии между двумя началами нашего сознания – рациональным и иррациональным. В целом, для достижения такой гармонии, философами-идеалистами сделано многое: обработано большое количество эмпирических данных о непосредственных переживаниях, характеризующих «мистический опыт», в полной мере разработана терминология, описано множество процессов, происходящих в сознании adeptов мистических течений. Однако, их противники, особенно материалисты, усматривают в этом подмену естественных и закономерных явлений, возникающих только при определенных условиях, многообразием терминологии, которая не столько что-либо объясняет, сколько еще больше уводит от действительных причин возникновения мистики.

Список литературы

1. Гроф С. Путешествие в поисках себя / С. Гроф. – М.: Институт трансперсональной психологии, Издательство Института Психотерапии, 2001. – 336 с.
2. Уилбер К. Вечная психология: Спектр сознания // Практика холотропного дыхания. Трансперсональная психотерапия. – М., 2001. – С. 32-47.
3. Налимов В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.

УДК 101.9

РАСКРЫТИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В РАБОТАХ Н. БЕРДЯЕВА

Белюрко Н.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nadegda-endn@mail.ru

Введение. Проблема изучения личности была актуальна всегда и в XXI веке эта тема актуальна, как никогда ранее. В статье рассматривается позиция русского философа Н. Бердяева в отношении проблемы личности человека, раскрываются основополагающие аспекты его концепции по данному вопросу.

Основная часть. Представитель русского экзистенциализма и персонализма Н. Бердяев писал, что проблема человека является «центральной для сознания нашей эпохи», называл человека величайшей загадкой,

но не «как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность» [2, с. 52].

Человек – основа основ этого мира, самый изучаемый и при этом малоизученный объект социально–гуманитарного знания. Многовариантность решений, непредсказуемость поведения усложняют изучение личности и делают затруднительным построение строгой системы, интегрирующей знания о человеке.

Человек может быть изучен как биологическое существо, однако подобным образом нельзя изучить личность, которая, во-первых, есть понятие динамическое, как пишет философ, поскольку она «разворачивается, развивается, обогащается», неизменна в изменении, едина в многообразии, во-вторых, является субъектом, а следовательно ее познание требует постижения «бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования». Философ обращает внимание на условия формирования личности, а именно на то, чтобы человек состоялся как личность, он изначально должен быть субъектом, обладающим способностью к самосозиданию [3, с. 122].

Особенностью учения Н. Бердяева является его утверждение, что именно сердце, а не сознание или интеллект, играет главную роль в познании человеком мира и Бога: «Сердце – есть центральный орган целостного человеческого существа».

В учении Бердяева о личности встречаются противоречивые утверждения, что объяснимо сложностью и противоречивостью самого объекта изучения, о котором философ, однако, говорит как о субъекте, который не может быть постигнут в полной мере, поскольку личность нельзя познавать как объект, как «часть мира». Н. Бердяев в своих работах отмечал противоречивость как одно из существенных свойств личности: изменения происходят в одном и том же субъекте, однако если изменение превращается в измену, это разрушает личность.

Проблемы противоречивости человеческой природы, как отмечает философ, с особой остротой раскрываются в произведениях Достоевского, Ницше, однако, наилучшим образом, по мнению Бердяева, двойственность человека удалось выразить Паскалю.

В работах Бердяева о человеческой личности можно выделить несколько основных аспектов:

1. Антропоцентрический принцип, характерный для экзистенциальной философии в целом.
2. Изучение проблемы личности как духовного начала в человеке.
3. Отношение к личности как к субъекту, выявление субъективно-индивидуальных основ творчества человека.

Н. Бердяев говорит о том, что человек может быть познаваем, как объект и изучается антропологическими науками, но и в этом случае возможно лишь частичное исследование отдельных сторон бытия человека, а «человек целостный в его глубине и его внутреннем существовании

неуловим». Философ также отмечает полярность человека, он и «низок и высок, ничтожен и велик». Действительно, изучая биографии известных людей, можно отметить, что великие поступки, гениальные творения может создать гений, которому ничто человеческое не чуждо и который способен в некоторых случаях на неблаговидные поступки. Это не касается всех гениев повально и не означает, что гениальность идет об руку с девиантным поведением, но говорит о том, что каждый человек – прежде всего человек и может ошибиться, вне зависимости от своего интеллектуального и духовного уровня развития.

По одному из ведущих вопросов антропологии, касающейся соотношения в личности биологического и социального, Бердяев придерживается следующей позиции: «человек представляет собой разрыв в природном мире, и он необъясним из природного мира», далее, развивая мысль, философ признает, что «человек принадлежит и природному миру, в нем весь состав природного мира, вплоть до процессов физико-химических» и отмечает, что в человеке присутствует элемент «превышающий природный мир». Бердяев отмечает как изменилась с течением времени философская мысль: древнегреческие философы данным элементом считали разум, представители схоластики были единодушны с определением греческой философии, в эпоху Просвещения философия «вульгаризировала его». Особую роль в отличии человека от других представителей природы, Бердяев отводит самосознанию: «Но всякий раз, когда человек совершил акт самосознания, он возвышал себя над природным миром». При этом философ акцентирует внимание на том, что человек осознает себя не только как природное существо, но и как духовное, при этом призывает не демонизировать прометеевское начало в человеке, видя в нем знак богоподобия [3, с. 84].

Свои размышления о личности и индивидууме Бердяев раскрывает в работах о проблемах человека: «О назначении человека», «Проблема человека», «Смысл творчества». Философ полагает, что если бы человек был «только индивидуумом, то он не возвышался бы над природным миром». Индивидуум, по мнению Бердяева, в первую очередь, относится к биологической категории, однако может рассматриваться и как социологическая категория и в этом качестве подчиняется обществу, является его частью, составляющей, атомом. Философ противопоставляет индивидуум личности, утверждая разность их природы, так как индивидуум является с его точки зрения, натуралистической категорией, а личность – самостоятельной, автономной, независимой, духовной категорией [2, с. 235].

Личность, по мнению философа, не должна всецело подчиняться обществу, должна отстаивать автономность, но не может покинуть общество, поскольку только в нем она способна реализоваться. Диалектическое взаимодействие в дилемме «личность – общество» проявляется в том, что общество абстрактно, личность в нем исчезает, но в

то же время человек есть создание Бога, а не общества, а потому реализует себя в обществе, но не зависит от него всецело [4, с. 298].

Бердяев много внимания уделяет общению личности, так как она не может вполне реализоваться, будучи замкнутой в себе, при этом считает общество абстракцией, в которой личность исчезает, так как происходит отчуждение человека от его собственной природы. Философ говорит о том, что от человека часто требуют отказаться от личности в обмен на «облегчение его жизни» и видит в этом трагизм жизни. Быть личностью – непростой труд, бремя, поскольку нужно подчиниться детерминации общества и природы, а потому ни один человек не может считаться сформировавшейся личностью.

Философ видит особую роль в реализации личности «в творческом акте человека», говорит о том, что для этого «должно произойти жертвенное расплывание самости, отделяющей человека от других людей, от мира и от Бога». Бердяев полагает, что путь для реализации человеческой личности лежит от бессознательного через сознание к сверхсознательному. Человеку свойственно быть недовольным собой, чувствовать себя неудовлетворенным и преодолевать себя «в наиболее значительных актах своей жизни» – именно так, через творческое самоопределение и зарождается Личность [1, с. 367].

Особенно важными для философии персонализма стали суждения Бердяева о взаимной обусловленности Бога и человека, роли свободы и творчества в высвобождении духовного от влияния материального, извечной борьбы добра со злом.

Заключение. Н. Бердяев изучает человека, индивидуума, личность с позиций экзистенциальной философии, делает акцент на особом статусе личности, видя одну из основных ее задач в самореализации, как осуществлении Божьего образа и подобия. Одна из лаконичных и очень точных фраз Н.Бердяева раскрывает суть отношения философа к проблеме личности: «Личность есть исключение, а не правило».

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / Н. А. Бердяев. – Москва: Канон+: ОИ «Реабилитация», 1999. – 463 с.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев.– Москва: Республика, 1993. – 384 с.
3. Бердяев Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев; сост., comment. А. С. Гришин; вступ. ст. К. Г. Исупов. – Москва: Высш. шк., 1993. – 366 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века; Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 541 с.

ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРАХ МОДЕРНА

Бойчук С.С., канд. филос. наук

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
overbaring@mail.ru

Введение. Глобализация отменяет традиционные классические представления о становлении личности, предлагая заменить самосознание индивида во всех областях с модели «паломника» на легковесную модель «туриста» (если воспользоваться столь удачными метафорами З. Баумана) [1]. Кроме того, глобализация затрагивает такую важную составляющую современного политического культа как идентификацию с большими и малыми воображаемыми общностями. В то же время глобальная одновременность неравного открывает истинную перспективу Другого как проблему и цель: «если каждый осознает Другого в себе самом и в своей собственной культуре, то возникают новые возможности понять Других вовне и развить мышление о них» [3, с. 228].

Цель данной работы заключается в попытке рассмотреть глобализационные вызовы, которые трансформируют антропологическую реальность, отрицая одни социокультурные модели и утверждая новые стандарты открытого мира, который можно не стесняясь называть неоколониальным и дискриминационным. Статья направлена на реконструкцию теоретически верного контекста понимания феномена глобализации и глобализационных вызовов в сфере культурной идентичности, преобразующих экзистенциальные основы современного человека.

Основная часть. Вопреки популярному и упрощенному взгляду на глобализацию следует рассматривать, прежде всего, в контексте проблемы детерриториализации, то есть как процесс, который характеризуется уменьшением значения социально-географического местонахождения в мировом потоке культурного опыта [2]. Данная идея подразумевает, что глобализация не уничтожает особенности локальных общностей, как это следует из тезиса о формировании однородного пространства, а просто культурный опыт различными способами отрывается от его традиционной укорененности в структурах локальной общности и привязанности к конкретному топосу замкнутого на себе маленького мира. Это означает, что в результате глобализации место в пространстве в значительно меньшей степени по сравнению с прошлыми эпохами определяет культурный опыт индивида, и последний все более освобождается от собственной судьбы и принадлежности к «земле и крови»

Кроме того, необходимо учитывать, что культурное содержание глобализации не исчерпывается только фактом простого, во многом,

искусственного и насильтственного распространения западного (или светского, потребительского, либерального) образа жизни. Нет, – говорит здравый смысл и разумный цинизм социального конструктивизма, понятого в качестве единственной эпистемологической парадигмы возможной в современности, – глобализация является более сложным «рассеиванием» всей совокупности институциональных свойств культурного модерна. Теоретическим основанием данной модели является концепция современности (*modernity*) Энтони Гидденса, согласно которой сущность данного момента в развитии человеческого общества заключается в следующем: несмотря на то, что модерн чрезвычайно противоречивый термин, прежде всего, он означает отвлечение (абстрагирование или даже освобождение) социально и культурно установленного порядка вещей от контекста локальных особенностей, и его институализацию и регуляцию через пространство и время [4].

Наиболее красноречивыми примерами такой институализации являются организация и управление социальной территорией (национальное государство) или практикой производства и потребления (индустриализация, капиталистическая экономика). Так же, эпоха модерна «институализирует и упорядочивает культурный опыт» (*modernity institutionalizes and regulates cultural practices*) [5], в том числе и тот, который связан с воображаемой принадлежностью к некоторой общности или месту.

Одним из видов такого институализированного и упорядоченного опыта является и так называемая «культурная идентичность», т.е. «индивидуальное и коллективное определение, основанное вокруг, как правило, политически окрашенных, различий (self and communal definitions based around specific, usually politically inflected, differentiations) таких, как пол, класс, религия, раса, этническая и национальная принадлежность» [5, с. 272]. Некоторые из этих отличительных признаков, бесспорно, существовали до торжества Модерна, другие же являются мыслимыми конструктами, возникшими исключительно в период модернизации, и не имеют смысловых референций вне организованного и институализированного и репрессивного пространства современной цивилизации.

Однако, главное содержание модерна определяется не столько сущностью этих категорий воображаемой принадлежности, а сколько в факте их институализации и регулирования. В современных обществах мы проживаем наши жизни в пределах структур, которые организовывают опыт существования в пределах хорошо охраняемых границ. «Мы «проживаем наш гендер, нашу сексуальность, нашу национальность, др. как общественно институализированные, дискурсивно организованные атрибуты и способы организации принадлежности к группам» [5, с. 273.].

Таким образом, то, что истеричным охранителям кажется хрупкой традицией, требующей мобилизации ради сохранения ментального кода и цивилизационной уникальности, выраженной в феноменах культурного самосознания и примордиальных ценностей, в действительности оказы-ва-

ется построенным в боевом порядке ригидными и агрессивными культурными идентичностями, институализированными Модерном. При этом данные идентичности подразумеваются, с одной стороны, материальное и психологическое благополучие человека, а, с другой, вполне определенный контекст политики. В частности, одна из основных форм культурной идентичности, национальная идентичность, которая выступает продуктом преднамеренного культурного строительства и поддерживается посредством государственных институтов социализации и установления норм посредством образовательной системы, средств массовой информации и т.д.).

Таким образом, понимание культурной идентичности предполагает признание наличия непреодолимой внутренней диалектической взаимозависимости, существующей между глобализационными процессами и институализированным созданием структур идентичности. Сущность данной концепции заключается в следующем фундаментальном тезисе: культурная идентичность не является легкой добычей глобализации, причина этого заключается в том, что идентичность – это не хрупкое социально-психологическое образование, но существенное измерение институализированной общественной жизни в эпоху Модерна. «Глобализация – это действительно глобализация модерна, а модерн – это предвестник идентичности» (globalization is really the globalization of modernity, and modernity is the harbinger of identity) [5, с. 271].

Список литературы

1. Бауман З. От паломника к туриstu / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133-154.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
3. Вульф Г. Антропология: История, культура, философия / Г. Вульф. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 280 с.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
5. Tomlinson J. Globalization and Cultural Identity /J. Tomlinson // The global transformations reader: an introduction to the globalization debate. – Cambridge, 2003. – Р. 269-277.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Викторов Д.А.

ГУ «Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко», г. Луганск, ЛНР

lugavd@mail.ru

Введение. Современный мир с невероятной скоростью развивается и видоизменяется прямо у нас на глазах, чему свидетельство взрывной научно-технический прогресс и общее ускорение протекания общественно-исторических процессов. Во всём этом в наши дни не последнюю, а часто и первостепенную, роль играет информация. В научной и публицистической литературе прижилось уже именование структур, владеющих информацией «четвёртой властью», что отмечают даже некоторые исследователи вопроса разделения властей в государстве, выделяя информационную власть в отдельную ветвь [1], что ещё раз подчёркивает важность информации.

Однако вопрос о самой сущности информации есть вопрос больше философский. Называть философию наукой или выделять в отдельную категорию – об этом ещё ходят споры, но очевидно, что у каждой науки есть свои философские основания. Они должны быть и у каждого подхода к любому отдельно взятому явлению. Необходима определённая онтологическая и гносеологическая база, чтобы обозначить своё отношение к какому-либо предмету и понять, каким образом следует его исследовать и постигать истину в нём.

И действительно, в последнее время, когда информация стала едва ли не важнейшим явлением в жизни человека, тема философского подхода к пониманию информации разразилась множеством мнений, часто противоречивых, местами даже абсурдных и недоказуемых. Данная же работа ставит своей целью определение и обоснование такого подхода к информации, который будет назван материалистическим. Будут проанализированы проблемы популярных подходов к информации, а также наиболее близкого к материалистическому – атрибутивного – понимания информации в современной философии, выделены их недостатки, предложено и обосновано новое определение понятия «информация».

Основная часть. Не имеет научной необходимости глубоко погружаться в сущность откровенно маргинальных взглядов, распространённых в публицистике, популярной эзотерической и религиозно-идеалистической литературе, а также в некоторых реакционных философских учениях современности, в которых информация связывается с якобы существующими биополями человека и будто бы создаваемыми ими эгрегорами, где она свободно передаётся между индивидами, включёнными в них [2]. Не будем же останавливаться на всех популярных заблуждениях, касающихся

этого вопроса, но отметим лишь кратко, что проблема подобного рода возврений заключается в полном разрыве логических цепочек, связывающих материю, сознание и информацию путём отделения информации от сознания, а следовательно, и от материи. Информация представляется в виде некой субстанции, существующей независимо ни от материи, ни от сознания и способной передаваться между обладателями сознания в отрыве от материального носителя.

Тема информации уже рассматривалась в современной философии, особенно с середины предыдущего века. Исследования данного вопроса привели мыслителей к нескольким подходам к сущности информации, среди которых самыми распространёнными являются атрибутивный и функциональный. Рассмотрим более подробно именно атрибутивный подход, являющийся в сравнении с функциональным более всеохватным.

Отечественным выразителем данного воззрения в современной философии явился К.К.Колин, определивший информацию в качестве объективного свойства реальности и неотъемлемого атрибута материи, который проявляется в неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов, то есть отдельной от сознания и его восприятия материи, существующей в качестве свойства последней. Исследователь утверждает, что все объекты обладают как материальными, так и нематериальными, то есть информационными, свойствами, а также называет информацию первопричиной движения материи и решающим фактором эволюции. К. К. Колин рассматривает информацию в физическом понимании, как нечто присущее материи объективно, а не в том качестве, в каком её принято понимать в широком смысле слова, не в качестве сведений, возникающих у нас в сознании. Сторонник атрибутивного подхода, однако, различает физическую и идеальную информацию и толкует именно о первой [3].

Предлагаемый в данной работе материалистический подход утверждает, что нам для познания сущности информации, необходимо взглянуть на неё через призму материализма и его главного тезиса: материя первична перед сознанием. Отталкиваясь от этого положения, мы идём дальше и ставим вопрос: что такое информация? Отвечаем: информация – это сведения, определённые данные о чём-либо. Но главный вопрос состоит в том, где их источник. Если сознание есть высший продукт материи, то сведения об окружающем мире оно будет черпать из последнего же, из его материальных объектов, в первую очередь, а далее также от материальных и идеальных носителей информации, то есть от вещей и других сознаний. Таким образом, получается, что информация первично является отражением объектов материального мира в сознании индивида. Можно предположить, что мы имеем дело с диалектическим законом отрицания отрицания, так как материя посредством сознания отрицает саму себя в нём, однако проявляется в форме своего отражения и образа в сознании – информации. Также мы можем сделать вывод, что

информация есть продукт сознания, который с ним неразрывно связан. Следовательно, информация попросту не может возникнуть там, где нет сознания. Идя далее, мы можем также предположить, что информация, так как она есть продукт сознания, а сознание есть продукт материи, может быть запечатлена на самой же материи в разных формах, но не может существовать в отрыве от неё или от сознания, которое само неразрывно с материей. Поэтому в сознании информация закрепляется на уровне памяти, а в материи непосредственно – многими другими способами. Но суть одинакова: без поверхности, на которой можно записать текст или без устройства, которое служило бы электронным носителем, информация может существовать только в наших сознаниях, которые сами связаны с нашими телами, и не более. В то же время и сознание является единственной субстанцией, которая может расшифровать запечатлённую непосредственно на материю информацию, ведь, не будь носителя сознания, могущего расшифровать определённый код, последний сам по себе не будет нести никаких данных.

Если мы принимаем тождественность понятий «информация» и «сведения», невозможно позволить себе помыслить, будто сведения об объекте заложены в нём самом, ведь при отсутствии сознания у него не может быть отражателя, на который они могут быть запечатлены и которым могут быть осмыслены. Информация не присуща материальному миру как таковому, а является именно отражением в сознании свойств объектов окружающего нас мира. Если же мы, вслед за К.К. Колиным будем утверждать о физической природе информации, о том, что она есть свойство материи, наряду с, положим, массой и другими, то необходим будет вопрос об измерении информации в каждом отдельно взятом материальном объекте, что не представляется возможным. Так как действительность, которая нас окружает, объективна, информация, как её отражение в сознании, объективна также. Предметам нашего мира присущи объективно наличные свойства, но информация, то есть осознанные нами сведения об этих свойствах, имеют возможность существовать только при наличии определённых «зеркал» – наших сознаний. До тех пор, пока не имеется рядом с материальным объектом мыслящего сознания, не являются информацией. Именно сознание индивида является тем инструментом, которое переводит объективно существующие качества той или иной вещи в разряд информации, обрабатывая и осознавая их. Именно в этом заключается разница материалистического видения данного вопроса – которое предполагается более логичным и последовательным, так как в нём не нарушается связь «материя-сознание-информация» – и взглядов сторонников атрибутивного подхода, считающих информацию не отражением свойств материи, а одним из её свойств, нарушая логику отражения сознанием объективной действительности.

Заключение. Основываясь на всех приведённых посылках и умозаключениях, предлагается использовать для понятия информации в философии

софии – а может быть, и в других областях человеческой деятельности – следующее определение: информация есть продукт сознания живого существа, представляющий собой отражение объективно существующих свойств материальных объектов, явлений и процессов действительности. Таким образом, будет лучше использовать понятие «информация» лишь в идеальном смысле, а той физической информации, которая была описана К. К. Колиным следует найти отдельное понятие, более соответствующее сущности описываемого им объекта, во избежание путаницы.

Таким образом, только понимая природу информации, в основе которой лежит отражение сознанием свойств объектов, явлений и процессов окружающего мира, мы можем снять с себя розовые очки заблуждения, прекратить верить шарлатанам и путаться в понятиях, начав изучать окружающий нас мир посредством использования личного опыта и достоверных носителей информации.

Список литературы

1. Средства массовой информации как четвертая ветвь власти / П. В. Ивлиев, Е. О. Ананьева // Закон и право.– 2021.– № 1.– С. 50-52.
2. Эгрегоры [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wiki-kob.ru/Эгрегор>.
3. Колин К. К. Сущность информации и философские основы информатики // Информационные технологии. 2005. – № 5. – С. 32-33.

УДК 615.849

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Виндилович Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vindilovich@list.ru

Введение. На сегодня феномен современной семьи является очень актуальным, так как становится проблемой глобального масштаба. Существенные изменения, которые происходят в ней – обращают на себя внимание исследователей разных социальных и гуманитарных наук таких как – социальная философия, экономика, политология, демография, статистика, психология, социология.

Современное общество имеет прямой интерес в благонадежной семье, которой под силу воспитать полноценного человека, гражданина и личность. Именно семья способствует адаптации ребенка в социуме, примером по созданию и воспроизведению семейной атмосферы.

Семья является индикатором и показателем общества в целом, показывая его интересы, потребности и указывая на критические моменты, необходимые для урегулирования и регламентации.

Основная часть. Функции семьи – это результаты жизнедеятельности миллионов семей, которые на уровне общества имеют общезначимые последствия и характеризуют роль семьи как социального института среди других институтов общества. Для них характерна уникальность, профиль и сопровождающие действия.

С учетом нынешнего времени есть проблемы, которые существенно влияют и искажают институт семьи. К ним можно отнести – андрогенизацию членов семьи, феминизм, проблемы гендера, изменение положения женщины в обществе активно изучаются многими науками, но феномен семьи очень редко выступает предметом социально-философского анализа в исследованиях современных российских и иностранных философов [1].

Стоит отметить, что процессы глобализации, урбанизации, информатизации общества и научно-технический прогресс имеют влияние на модернизацию ценностей семей. В контексте антропологического кризиса, кризиса человеческой духовности можно выделить показатели, которые мешают нормальному функционированию семьи:

- гламур как порождение как порождение либерально-гедонистической философии потребления;
- гендерные революции, которые стремятся к равноправию полов, но отрицают при этом естественно-обусловленные нормы поло-ролевого поведения;
- активизация гомосексуальных сообществ, легализация в некоторых странах однополых союзов и обеспечения их правами и привилегиями гетеросексуального брака, желание вознести гомосексуальность как вариант нормы, обеспечить толерантное или даже положительное отношение к этому явлению;
- алкоголизация и наркотизация общества;
- уход в виртуальную реальность, интернет-зависимость [2].

Анализ семьи в социально-философском контексте освещен в работах Андреевой Н. И., Андрушченко В. П., Верникова М. Н., Михальченко Н. И., Черныша А. М. и др.

Не смотря на наличие масштабных разработок и научных трудов, существует множество открытых вопросов связанных со сменой функций, форм и развитием института семьи в целом. Дальнейшего исследования требует ценностный аспект института семьи в современном обществе, способы укрепления ценностных основ современной семьи. Это обуславливает необходимость специального систематического исследования трансформации ценностных основ современной семьи в теоретическом пространстве социальной философии. Ведь ценности и ценностные ориентации имеют высокую стойкость и относительную изменчивость, будучи выражением меры динамики и открытости общества, его групп и индивидов в самоопределении и самореализации социальных субъектов в

кризисные периоды жизни. Ценностные ориентации выражают общее направления индивида на те или другие виды социальных ценностей, его отношения к ним. Ценности и ценностные ориентации имеют многоуровневый характер, существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно воспринимаются и переживаются как ценностные категории, нормы, цели и идеалы, которые через сознание и духовно эмоциональное состояние людей и социальных сообществ оказывают обратное влияние на все сферы человеческой жизни [3].

Изначально неверным суждением является то, что определение понятий «брак» и «семья», при котором одно из них берется как основа другого, и становится предикатом дефиниции. Социально-философское определение этих понятий должно включать следующие принципы:

1. Брак и семья тесно взаимосвязаны, но при этом совершенно самостоятельны, исторически и существенно разные явления;

2. Для социально-философского характера дефиниции необходимо, чтобы предмет определялся языком философских понятий.

В современном обществе доминирующей формой санкционирования брака остается право. Более многомерными отношениями является семья, как один из самых важных элементов социальной структуры общества и как объект исследования больше отвечает специфике социально-философского анализа.

Стоит отметить, что в отличие от функций семьи, функции брака почти не являются предметом исследований философов и анализируются, как правило, правоведами. Проанализировав работы которых, можно выделить следующие:

- функция социального контроля;
- функция учета, целью которой является статистический анализ, ведение демографической политики;
- функция защиты имущественных и других материальных интересов членов семьи (социальная защита, наследство и т.д.)

Система функций имеет исторический характер, ее содержание зависит от:

- исторической эпохи,
- географических
- этнографических особенностей,
- типа семьи,
- формы брака и т. д. [4].

Необходимо также отделять функции семьи по отношению к обществу и его социальным институтам и функции семьи к его отдельным членам.

Недопустимо делить функции семьи на главные и второстепенные. Все являются главными, однако необходимо различать те особые, которые отличают институт семьи от других. Поэтому выделяют специфические и

неспецифические функции семьи. Согласно А. Г. Харчеву, специфические функции семьи вытекают из сущности семьи и отражают ее особенности как социального явления, тогда как неспецифические функции – это те, к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособленной в определенных исторических обстоятельствах.

К специфическим функциям семьи относятся:

- 1) репродуктивная (воспроизведение детей);
- 2) экзистенциальная (содержание детей);
- 3) социализации (воспитание детей) [5].

Заключение. Несмотря на то, что характер связи между семьей и обществом может меняться в ходе истории, некоторые функции семьи являются неизменными. Рождение и социализация детей – необходимая социальная форма существования семьи, поэтому воспроизводство населения является существенной потребностью любого общества.

Список литературы

1. Антонов А. И. Социология семьи: учеб. для вузов/ А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 233 с.
2. Гурко Т. А. Актуальные проблемы семей России / Т. А. Гурко//Институт социологии РАН. – Москва, 2006. – Т. 1. – С. 13-22.
3. Ткачева В. А. Семья как социально-духовный институт общества // Материалы III междунар. научно-практ. конференции «Умение и нововведение-2007», София, 16-31 октября, 2007 г. – София, 2007. – Т. 6. – С. 60-63.
4. Дорно И. В. Современный брак: проблемы и гармония / И. В. Дорно// Педагогика. – Москва, 2011. – С. 27-31.
5. Мотриенко Ю.И. Трансформация понятия семьи в ходе общественной эволюции/ Ю.И. Мотриенко//Политика и общество. – Москва, 2011. – С. 22-26.

УДК 165 + 29

О ПОНЯТИИ «ПОСТСЕКУЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО»

Волошин В.В., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.voloshin@donnu.ru

С конца XX в. гуманитарии все чаще используют для характеристики современности понятия с префиксом «пост» (постсоциализм, постэкономическое общество, посткультура и т. д.), тем самым фиксируя новизну и уникальность социально-культурных сюжетов последних десятилетий. Но всегда ли такая терминология целесообразна и уместна? Рассмотрим ряд аспектов, которые затрудняют понимание смысла и значения понятия «постсекулярное общество» (далее – ПО), следовательно, усложняют его использование в рамках теории постсекулярного общества (далее – ТПО).

ПО – конструкт с неясным содержанием. Нет ответа на вопрос, есть ли у него однозначный референт. Под референтами понимаются реально существующие положения дел. Социальная реальность, соответственно, может быть понята как совокупность референтов обоснованных и достоверных высказываний – уже имеющих место или возможных. С другой стороны, концепт ПО можно рассматривать как «связывающее понятие», репрезентирующее «картину» или образ недалекого прошлого и настоящего. Такие понятия не обладают содержательной стабильностью, но имеют когнитивную ценность. Они служат своеобразными объяснительными ярлыками или «точками сборки».

Не совсем ясно, что конкретно в формате ТПО преодолевается, трансформируется, ограничивается (этого требует префикс «пост»), ведь исходное понятие – «секулярное» – не имеет общезначимой дефиниции. Требует уточнения, в какой предметно-проблемной программе постсекулярное интерпретировать. Социально-политической, антропологической, культурологической, лингво-символической, эпистемологической, религиоведческой? Или во всех программах одновременно? В таком случае, ТПО – это даже не теория, а научно-исследовательская программа. Однако это не так, хотя бы потому, что понятие ПО нет оснований идентифицировать как идеализированный объект, синтезирующий предельные характеристики реальных социальных процессов. Данное понятие не упрощает объяснения сути этих процессов и не способствует формулировке прогнозов.

Рассуждениям о ПО присуща фоновая понятийная неопределенность и метафоричность. Примеры: «секуляристское самонепонимание», «герменевтическое самоосмысление» (Ю. Хабермас), «буфферизированная идентичность» (Ч. Тейлор), «смерть смерти Бога» (Д. Капuto), «коррелятивная методология «постсекулярных святынищ» (М. Розатти), «секуляристская секулярность» (Х. Казанова). На какие либо реальные или идеализированные объекты эти понятия не указывают.

Любое понятие имеет когнитивный потенциал лишь в рамках теории. Нельзя не признать, что ТПО характеризуется наличием ряда оригинальных объединяющих идей, значительной информативностью, эвристикой. Но говорить о том, что теория ТПО состоялась, обладает полнотой, согласованностью, непротиворечивостью – преждевременно. Контуры этой теории очерчены западными мыслителями, но в контексте проблем исключительно западного общества; сумма основных утверждений (ядро теории) находится в стадии формирования. Создается впечатление, что и ныне здравствующие классики ТПО (во главе с Ю. Хабермасом) сами до конца не понимают, о чем рассуждают. И это нормальный процесс, характерный для становления научной теории. Однако этот процесс затянулся. «Контекст открытия» нивелировал «контекст обоснования».

Трудно дать однозначный ответ на вопросы: ПО существует или только формируется, каковы параметры этого общества? Перед нами тот случай, когда идеология (в ее понимании У. Куайном) доминирует над онтологией. У Куайна идеология охватывает отдельные идеи, касающиеся только некоторых объектов теории. Идеология не является неотъемлемой частью онтологии и не характеризует того, что (и как) существует с точки зрения теории. Она лишь характеризует выразимость отдельных свойств и отношений объектов онтологии, помогает понять, как видят эти свойства и отношения отдельные авторы.

К недостаткам ТПО можно отнести слабость эмпирического базиса и неверифицируемость исходных посылок, игнорирование принципа простоты, отсутствие конвенции на предмет языкового каркаса. Рассуждения нередко разворачиваются в форме абдукции с привлечением *ad hoc* гипотез, которые индуктивно не тестируются и дедуктивно не подкрепляются. Как следствие – узость области применения и минимум конкретных предложений.

В ТПО имеют место злоупотребления переходами от дескрипций к нормативным заключениям, что представляет собой нарушение принципа Юма. Из констатации того, что атеистически ориентированное и религиозное мировоззрение, а также научные сообщества и конфессиональные объединения равно легитимные, делается вывод, что они должны найти некий модус совместного существования во благо общества [1, с. 22]. В свою очередь, автономный прогресс секулярной науки опять же *должен* перестать противоречить религиозной вере. При этом обязательным является признание приоритета секулярных обоснований во время публичных дискуссий.

Хабермас констатирует, что модернизация общественного сознания изменяет как религиозные, так и светские менталитеты. Отсюда он выводит, что обе стороны могут по когнитивным причинам «всерьез воспринимать свой вклад в спорные публично обсуждаемые темы» [2, с. 106–107]. Еще два нормативных тезиса Хабермаса: 1) в условиях секуляризации общества религия должна отказаться от «притязания на всеобъемлющее формирование жизни»; 2) »секулярные граждане понимают свое несогласие с религиозными взглядами как разумно ожидаемое расхождение» [2, с. 134, 209]. То, что такое несогласие имеет место – очевидно. Но почему оно *должно* быть рациональным?

Хабермас разрабатывает стратегию границ и пограничных постов, где каждая сторона знает свои пределы и довольствуется тем, что у нее есть. Ни в коем случае не притязая на большее. Если каждая сторона будет строго следовать взятым на себя обязательствам, тогда искомый социальный мир будет установлен, а все конфликты будут решаться в процессе уважительных дискуссий, где каждая сторона готова пойти на уступки. Разумеется, эта «идиллия» контролируется демократическим государством.

Б. Трейнор разворачивает посыл Хабермаса: «Граждане должны проявлять разумность в смысле поддержания симметричных «ожиданий толерантности» друг от друга. Граждане, обладающие «христианским наследием» могут иметь «ожидания толерантности» со стороны своих сограждан-мусульман – ожидания, являющиеся столь же разумными и в том случае, когда речь идет о христианах в обществе с преобладающим мусульманским наследием» [3, с. 208–209].

Уместно поставить вопрос: «Мусульманин-мигрант из Ливии или Мали, оказавшийся в Марселе, *разумно* расходится во взглядах со своими секулярными соседями?» Французские генералы, написавшие в апреле 2021 г. письмо Э. Макрону, сомневаются в этом. Эти сомнения видятся обоснованными. Они подкреплены не декларативным теоретизированием, а историческим опытом последних десятилетий.

Логические нарушения имплицируют утопизм и декларативность общих выводов ТПО. Если допустить, что ТПО преследует не дескриптивную и объяснительную цель, а инструменталистско-прикладную, такая цель пока также не достигается. Понятия постсекулярное мышление, ПО, постсекулярная философия приемлемы в качестве основания языковых «строительных лесов», некой смысловой рамки. Но рамки семантически более четкой, pragматически и ситуационно очерченной.

Список литературы

1. Гусейнов А. А. К осмыслинию понятий «секулярное» и «постсекулярное общество» А. А. Гусейнов // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. – 2018. – № 1. – С. 22–23.
2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Юрген Хабермас; пер. с нем. М. Б. Скуратова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 336 с.
3. Трейнор Б. Теоретизируя на тему постсекулярного общества / Б. Трейнор; пер. с англ. под ред. А. Кыржелева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – Т. 30. – С. 178–212.

УДК 172.1

САМОСОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ НРАВСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Глушко Е.С., канд. экон. наук

АДИ ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Горловка, ДНР
ketkop@mail.ru

Введение. Проблема исследования профессионально значимых качеств личности является важной и значимой в настоящее время особенно на этапе становления и развития родившейся молодой Донецкой Народной Республики. Актуальность исследования обусловлена сложившейся

социально-экономической обстановкой, изменениями в системе образования, психическим и физическим здоровьем молодежи и другими факторами. На современном этапе экономического и социально-культурного развития республики важной задачей общества является формирование у подрастающего молодого поколения качеств, характеризующих толерантность и нравственные отношения к обществу, людям, самому себе, труду и т. д. От этого, в первую очередь, зависит успех и благополучие, как самого человека, так и всей страны.

Уровень духовности и нравственности нашей молодежи сегодня заметно понижается. Отсутствуют важные моральные принципы, появились асоциальные субкультурные молодёжные направления, которые притягивают школьников, студентов и приводят их к деградации умственной, интеллектуальной и духовной.

Проблемами нравственной деятельности личности занимались ряд ученых таких, как Д. А. Леонтьев, М. А. Бондаренко, А. Е. Воробьева и А. Б. Купрейченко и др. Они отмечают, что на сегодняшний день человеку предоставляются возможности для успешной самореализации во многих сферах, но одновременно предъявляются и более высокие требования к таким нравственным качествам личности, как ответственность, честность, инициативность, предприимчивость, самостоятельность, порядочность и т. д. Однако анализируя исследования вышеперечисленных ученых было замечено, что они мало уделяют внимания самосознанию в структуре нравственной деятельности человека.

Цель работы определить социальную ценность самосознания человека посредством анализа познавательной, оценочной и регулятивных функций, выполняемых им в процессе нравственной деятельности.

Основная часть. Системный подход к нравственной деятельности предполагает сочетание ценностно-содержательного и структурно-функционального анализа взаимодействия между составными элементами морального сознания и поведения как ее субъективной и объективной сторон. Нравственная активность личности выступает как целостная духовно-практическая деятельность, которая состоит из относительно самостоятельных актов – внутренних (целеполагания, мотивации, анализа ситуации, выбора средств, прогнозирования последствий, принятия решений) и внешних (в форме предметных действий, высказываний, выражительных движений), имеющих положительное или отрицательное моральное значение. Основным продуктом нравственной деятельности можно считать поступок – единство моральных побуждений и реальных действий, в которых объективируется отношение личности к другим и к себе [1].

Таким образом, моральное сознание – неотъемлемая субъективная сторона нравственной деятельности, хотя на разных этапах исторического и индивидуального развития человека степень ясности, полноты и глубины

ее осознания бывает различной. Отдельные моменты поступков, совершаемых под влиянием интуиции, привычки, аффекта и т. п., становятся «вторично неосознаваемыми». В целом же нравственная деятельность всегда более или менее осознанна, и вне системного анализа индивидуального морального сознания невозможно познать ее закономерности.

Между тем в этике и психологии далеко не в полной мере оценена плодотворность выделения предметного сознания (или мироисознания) и самосознания как равнонаправленных видов целостного сознания, выполняющих нетождественные функции. Сознание следует рассматривать как двуединую ориентацию субъекта в самом себе и окружающем мире. Обращенность к окружающему миру – основная, но не единственная функция сознания человека. Будучи «самостоятельным организмом», он в процессе фило- и онтогенеза все более отчетливо выделяет себя как «особого индивида» из ближайшей природной и социальной среды. Самосознание при этом выступает как идеальное отражение в сознании субъекта процесса его жизнедеятельности, как атрибутивный признак и особая сфера проявления сознания [2]. В этот момент очень важным является понимание того, в какой среде социального бытия находится исследуемый субъект. Общество должно контролировать процесс становления самосознания подрастающего поколения, особенно если это общество стремится построить новое морально-нравственное государство. Ведь именно такой целью задалась наша молодая Донецкая Народная Республика, не согласившись с навязанными идеалами украинских властей в 2014 году.

Сейчас важно обратить внимание на моральное сознание, которое обнаруживается в двух взаимообусловленных видах направленности. Ведущую роль в нравственной деятельности личности играет мироисознание, ориентированное на познание и оценку нравов, распространенных в данной среде. Без сознательного усвоения нравственного опыта общества невозможна адекватная самоориентация человека в мире этических ценностей, их успешная реализация в процессе общения с окружающими. Моральное мироисознание, обеспечивая нас информацией о нравственной жизни других лиц и групп, позволяет каждому совершать поступки с учетом их интересов и лишь благодаря этому самоопределяться в обществе.

Непосредственным объектом морального самосознания является субъект нравственной деятельности во всем многообразии ее проявлений. Генетически и функционально моральное самосознание и самооценка зависят от достижения человеком нравственной сущности окружающих. Осознание социальной макро- и микросреды в общей тенденции опережает становление морального самосознания личности, которое развивается через духовно-практическое отношение других людей к ней и ее отношение к ним. Постоянно сопоставляя себя с ними, индивид познает свою общественную природу и личную специфику. Вместе с тем сознательное отношение к окружающим необходимо предполагает выделение себя как

относительно автономного субъекта нравственной деятельности, способного оценить их сквозь призму собственных моральных критериев. Вне сознания, направленного на его реального носителя, понимание нравственной жизни других людей невозможно. Усвоение индивидом этических ценностей общества происходит посредством их избирательного присвоения, превращения в личные убеждения и требования к себе самому на основе осмысливания социального и собственного опыта [3]. Без преувеличения можно сказать, что моральное самосознание является одним из основных показателей социальной зрелости личности.

Заключение. Таким образом, общественная значимость морального самосознания определяется содержанием и действенностью критериев и побуждений, исходя из которых, личность оценивает и регулирует свою нравственную деятельность. Коллективистская направленность самосознания проявляется в обусловленной способности субъекта оптимально соотносить личное и общественное благо, исходя из приоритета последнего, в готовности добровольно подчинять ему нравственный выбор в конкретной ситуации. Об этом следует помнить современному обществу Донецкой Народной Республики особенно в условиях его формирования и становления государственности.

Список литературы

1. Леонтьев Д. А. Смысложизненные ориентации / Д. А. Леонтьев. – М., 2019. – 218 с.
2. Бондаренко М. А. Воспитание нравственных качеств / М. А. Бондаренко. – М.: Знание, 2016. – 186 с.
3. Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение разных социально-демографических групп молодежи / А. Е. Воробьева, А. Б. Куприченко // Психологический журнал. – 2018. – №5. – С. 33–39.

УДК 159.956

ЧЕЛОВЕК И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ИНТУИЦИЯ

Данакари Л.Р.¹, канд. филос. наук, доц., Ивентьев С.И.²

¹Волгоградский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет», г. Волгоград, РФ

²ООО «ДЭЛИЛ», г. Казань, РФ

liliya.danakari@yandex.ru, sergei-zsk@mail.ru

Введение. За всё существование человечества философская и научная мысли, казалось бы, проникли в сущность феномена «интуиция», который присутствует в нашей социальной реальности. При этом были выделены и раскрыты духовная интуиция, мистическая интуиция, нравственная (моральная) интуиция, интеллектуальная интуиция,

профессиональная интуиция, научная интуиция и другие виды [1, с. 156-161; 2, с. 220]. В настоящее время научное сообщество всё больше внимание уделяет духовной сущности (реальности) человека, под которой понимается его душа и дух. В связи с чем, актуальным становится вопрос о наличии интуиции у души и духа человека. Авторы отмечают, что душа и дух человека также обладают своей интуицией, которую именуют духовно-нравственной интуицией.

Основная часть. В настоящем исследовании под духовной сущностью или реальностью человека понимается душа и дух человека [1, с. 21-29], которые представляют трансцендентное и духовное начало человека. При этом следует отметить, что многими исследователями под ними мыслится сознание и подсознание человека.

Под духом человека подразумевается эманация (лат. emanatio – «истечение, распространение») Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [1, с. 21-29]. Современная наука духовность относит к внутренней, психической жизни человека, связанная с нею, а также к религии [2]. В монотеистических (авраамических) религиях – иудаизм, христианство и ислам – духовность напрямую увязывают с Богом, верой в Творца и миром Святого духа [13, с. 186-190]. При этом понятие «духовность» не мыслится без Бога, а также без души и духа человека [1, с. 21-29].

Под духовностью следует подразумевать Бога, Его характеристики, свойства и деятельность, человека как образ и творение Бога, природу и деятельность души и духа человека. «Нравственность – внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, которые исходят от религии» [3, с. 100-101]. Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику [12, с. 336-353]. «Интуиция (лат. intuitus – взгляд, вид) – рассматривание, видение, созерцание, а также (с древних времён) духовное видение, вроде вдохновения, понимание, приобретённое непосредственно» [10, с. 185]. Часто в философии понятие «созерцание» увязывают и отождествляют со словом «интуиция» [7].

Душа и дух человека обладают интеллектом, который задействован в духовно-интеллектуальной деятельности духовной сущности (начала) человека. Следовательно, им присуща и интеллектуальная интуиция, которая сверхрациональна [8, с. 3]. Поэтому нельзя считать, что интуиция обладает бессознательным и иррациональным характером. Интуиция обладает и рациональным, как указывалось ранее, и трансцендентным характером [11, с. 42-46].

В наш информационный век интуиция была отнесена к одному из видов информации [6, с. 237]. Способность души и духа человека к всеведению проявляется в виде вдохновения, озарения и созерцания, т.е. в

явлении интуиции, а также в так называемых пси-феноменах, к которым относят ясновидение, телепатию, биолокацию, пророчество и другие [5, с. 62-76]. Интуиция играет огромную роль в познании и творчестве [9, с. 251-256]. В связи с чем, в философии и науке выделяют интуитивное познание, которое имеет многомерный характер [4, с. 156-161]. В познании и в творческих актах участвует не только физический человек (материальный план), но и его духовная сущность (нефизический / духовный план), т.е. душа и дух.

На наш взгляд, под мистической интуицией следует подразумевать духовно-нравственную интуицию, в состав которой входят духовная и нравственная (моральная) интуиция человека [8, с. 6]. Духовно-нравственная интуиция – духовное видение и способность души и духа человека познавать суть любых явлений и вещей в духовном / нефизическем и материальном планах в их целостности. Душа человека часто отождествляется с нравом, т.е. свойством (характеристикой) души [6, с. 17]. В связи с чем, духовная интуиция невозможна без интуиции души, основанной на её нраве. В связи с чем, Н. А. Панова указывает, что интуиция носит трансцендентный характер и лежит в основе нравственности и морали, «в основе нравственности лежит духовный чувственный мир, а не природно-эмоциональный» [8, с. 4, 7, 16].

Концепт «духовно-нравственная интуиция», как духовность и нравственность, обладает сакральной семантикой. Следовательно, душа и дух человека – трансцендентное и духовное начало человека.

Заключение. В ходе исследования было установлено, что интуиция представляет собой одну из специфических способностей души и духа человека. К одной из способностей духовной личности человека (души и духа) относится духовно-нравственная интуиция, которая обладает сакральным и трансцендентным характером.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р. Национальная духовная культура и душа человека / Г. Р. Асадуллина, С. И. Ивентьев // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21.05.2020 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21–29.
2. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.
3. Гузенко С. С. Свобода совести, физическая культура и спорт / С. С. Гузенко // Здоровьесбережение как инновационный образования: сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции, Санкт-Петербург, 15.04.2020 г. – СПб.: ЧОУ ВО СПБУТУиЭ, 2020. – С. 100-108.
4. Данакари Л. Р. Интуитивное познание как специфический феномен философии: основания и особенности / Л. Р. Данакари // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 156-161.

5. Захаркин Д. Д. Виды интуиции и способы их диагностики / Д. Д. Захаркин // Психолог. – 2017. – № 1. – С. 62-76.
6. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека / С. И. Ивентьев. – Новосибирск: ООО «Агентство «Сибпринт», 2012. – 357 с.
7. Новая философская энциклопедия / В. С. Малахов [и др.]; отв. ред. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – Москва: ТОН – Остожье, 1998. – 544 с.
8. Панова Н. А. Роль интуиции в морали: дис. кандидат философских наук: 09.00.05 / Панова, Наталья Александровна – Воронеж, 2005. – 136 с.
9. Родина Е. Н. Роль интуиции в познании и творчестве / Е. Н. Родина, Е. Н. Чекушкина, Е. Г. Каменский // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 5 (44). – С. 251-256.
10. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский [и др.] – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 570 с.
11. Сидоров Г. Н. Информация и интуиция в науке с позиций рациональности и трансцендентности / Г. Н. Сидоров, О. Б. Шустова // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (23). – С. 42-46.
12. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты / О. В. Шкуран // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т.10. – № 2. –С. 336-353.
13. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса / С. П. Штумпф // Ярославский Педагогический Вестник. – 2014. – № 1. –Т. I (Гуманитарные науки). – С. 186–190.

УДК 161 : 130.2

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Даренская В.Н., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
vera_darenskaya@mail.ru

Традиционная культура является весьма специфическим предметом для исследования социальной философии, поскольку современная мысль в основном формирована философией Нового и Новейшего времени, в которой традиционная культура воспринималась как некий «пережиток», требующий своего скорейшего преодоления. Однако современные реалии заставляют посмотреть на традиционную культуру иначе. Современное общество, возникшее как преодоление традиционного обнаружило такие внутренние противоречия, которые приводят его к саморазрушению. В первую очередь, саморазрушительной оказалась та модель «независимого индивида», на которой оно изначально построено. Оказалось, что развитие человека по этой модели имеет свои имманентные пределы.

Модель «независимого индивида» изначально охватывает только сферу частной жизни, а в сфере социальных отношений «независимость»

всегда является очень относительной и даже вообще сомнительной – ведь в истории наблюдается только смена одних видов зависимости другими, и вопрос о том, когда было «независимости» больше – в традиционном обществе или современном – остается открытым. Если в традиционном обществе жизнедеятельность человека регулировалась очень жесткими общественными правилами, которые были «прозрачны» и всем понятны, то в современном обществе его жизнедеятельность регулируется ничуть не менее жесткими и эффективными методами манипуляции (экономической, информационной и психологической), которые, как правило, людям «не видны» и непонятны. И какое регулирование жестче – открытое и явное или же скрытое и неявное – это, скорее, дело вкуса. Современный человек предпочитает последнее, поскольку он к нему привык; но если бы человека традиционной цивилизации поместили в современное общество, он бы не воспринял это как «свободу», а воспринял бы как массу непонятных ему запретов, с одной стороны, и как огромную вседозволенность – с другой. Характерным примером является история Дерсу-Узала, для которого тот факт, что в городе воду нужно покупать, хотя ее можно набрать бесплатно, стал таким шоком, что он впал в депрессию, испугался современной цивилизации и вскоре погиб. С другой стороны, внезапное освобождение масс людей от жестких рамок традиционной цивилизации всегда приводит к появлению массы маргиналов, отрицающих всякие нормы вообще; они становятся движущей силой социального хаоса и исторических катастроф в виде революций и гражданских войн. Но даже и в том случае, когда разрушение традиционного общества проходит «гладко», оно приводит к обвальной моральной и духовной деградации общества.

Именно последний аспект и стал наиболее актуальным в наше время. «Выпадая» из структур традиционной цивилизации, человек если и не утрачивает полностью смысл жизни и моральные устои, то они становятся неустойчивыми и зависящими от случайных жизненных обстоятельств, а не от мировоззрения человека, которое также становится неустойчивым и аморфным. Традиционное мировоззрение, основанное на исповедании определенной религии и твердых нравственных правилах, унаследованных от предков вместе с яркими жизненными образцами поведения, было очень устойчиво и давало человеку такие опоры в жизни, которые делали его устойчивым перед любыми жизненными испытаниями. Эти опоры он свято хранил и защищал. После разрушения традиционного мировоззрения современная цивилизация пытается его заменить на мировоззрение якобы «научное», но на самом деле искусственно сконструированное из давно устаревших и мифологизированных обломков научных теорий, которые подогнаны под мировоззрение, с наукой вовсе не связанное (как правило, это антирелигиозное мировоззрение). В свою очередь, образцы поведения и моральные нормы в пост-традиционной цивилизации формируются случайными обстоятельствами и носят адаптивно-приспособленческий характер, то есть уже не имеют отношения к морали как таковой.

В целом «новый» человек пост-традиционной цивилизации – это, как правило, легко манипулируемый индивид с ограниченным жизненным опытом и примитивным мировоззрением, при этом, однако, мнящий себя «прогрессивным» и всезнающим. Главным практическим следствием этого является разрушение той социальной структуры, которая обеспечивала физическое воспроизведение социума – семьи. Все пост-традиционные общества – это общества вымирающие, совершенно независимо от уровня материальной жизни: общества «золотого миллиарда» вымирают с той же скоростью, как и общества «третьего мира», если последние уже стали достаточно «цивилизованными» (например, республики бывшего СССР). Разница лишь в том, что в бедных «цивилизованных» странах вымирание идет в чистом виде, поскольку не компенсируется наплывом мигрантов. Например, на Украине и в России вымирание коренного населения идет с одинаковой скоростью, но население России все равно растет за счет мигрантов, а население Украины стремительно сокращается.

Правители коллективного Запада, судя по их политике разрушения традиционной семьи и массового привлечения мигрантов, поставили своей целью радикальное сокращение коренного населения и замену его новыми пост-этническими общностями, лишенными культурных корней и поэтому легко манипулируемыми массами «потребительского общества». Русская цивилизация, наоборот, ставит своей задачей спасение коренных народов от вымирания на основе сохранения и возрождения традиционных ценностей, в первую очередь семьи. В одном из выступлений президента В.В. Путина прозвучал тезис о том, что современной «национальной идеей» в России является семья. Этот тезис, на первый взгляд, делает понятие национальной идеи слишком приземленной и упрощенной, однако на самом деле это не так, поскольку в данном тезисе слово «семья» обозначает не только определенный социальный институт, но является своего рода культурным символом, обозначающим все традиционные ценности и устои жизнеспособного общества в целом.

Исходя из такой базовой стратегии выживания и возрождения общества и государства современная социальная философия должна осмыслить новую принципиальную проблему: как возможно сочетание современного информационного высокотехнологичного социума с базовыми элементами и ценностями традиционной культуры, без которых невозможны выживание народа и жизнеспособность государства? Ответ на этот вопрос в первую очередь дает уже сама социальная практика. Она показывает, что люди, сохраняющие приверженность к традиционной культуре (семья, религиозность, трудовая этика, бытовая мораль и т.д.) оказываются и наиболее успешными в своих социальных практиках (в профессиональной, коммуникативной и др. сферах). Т.е. в современном обществе традиционные ценности делают человека жизнеспособнее, сильнее и успешнее, однако парадокс ситуации состоит в том, что само современное общество эти ценности не формирует и не поддерживает, а

наоборот, разрушает. Тем самым, они должны сформироваться у человека на какой-то другой основе, т.е. на основе «параллельного» существования и в «координатах» другой, традиционной цивилизации. Эти «координаты» можно создать только в семье, поскольку в обществе, т.е. в современной информационной и образовательной среде они почти отсутствуют.

Этим и определяется принцип «сосуществования» современной и традиционной культур и цивилизаций в современном социуме. В культуре мы имеем публичную сферу «постмодерна», т.е. всеобщего релятивизма, с одной стороны, и частную сферу личности, которая уже по своей природе такова, что не может быть релятивистской, но выстраивается на основании личностных ценностей. А эти последние всегда к тяготеют к образцам классической культуры и далее – к культуре традиционной, связанной с религиозной традицией. Те самым, в современном социуме складывается два «слоя» культуры – личностный, тяготеющий к традиционализму; и публичный – тяготеющий к релятивизму. Ныне человек живет в обоих культурных мирах одновременно. Но есть тип человека без внутренней личностной культуры, живущий только одними внушениями социума (это и есть «человек массы»), а с другой – есть также весьма распространенный в современном обществе тип человека, замкнутого в «своем мире».

УДК 1

К ВОПРОСУ О НОВОМ ОБРАЗЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Дунаев Р.А., канд. филос. наук, *Савотченко С.Е.* д-р физ.-мат. наук,

Перепелкин И.Н., канд. физ.-мат. наук

ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»,

г. Белгород, РФ

r_dunaev@bk.ru

В век информационных технологий, ставших уже почти обыденностью и очевидностью в современном образовании и науке, социально-гуманитарном знании, никуда не исчезли, а во многом, напротив, еще более явно заявили о себе многие проблемы человека. С той разницей, однако, что они живут теперь несколько иной жизнью и решаются в новом пространстве, ставшем для подавляющего большинства наших современников обыденной, тривиальной реальностью. Мы имеем в виду процессы, которые описываются и объясняются специалистами в таких категориях, как «сеть», «сетевое общество», «интернет-дискурс», «медиа технологии» и пр. Это говорит о том, что современная культура, окружающий миропорядок, да и мы сами обретаем иное лицо, вполне узнаваемое, но при этом, разумеется, «другое». Человека все больше касаются процессы

виртуализации жизни и свободы, а сам он становится носителем специфического типа мышления (*нет-мышления*). На наш взгляд, все это с неизбежностью предполагает определенную трансформацию базовой категории рациональности, которая, начиная с эпохи рождения новоевропейской науки, по праву полагалась основополагающей ценностью культуры.

В контексте сказанного мы обращаем внимание на неоднозначность тенденций, связанных с процессами виртуализации культуры, науки и образования. С одной стороны, интернет-дискурс дает широкие возможности для реализации коммуникативной свободы человека, повышая имиджевые возможности самореализации и самовыражения в виртуальных сетях. В известной мере это касается образовательного ресурса, потребление которого становится все более доступным и удобным делом (и по форме, и по диапазону предложений в данной сфере). Так, в частности, в свежих материалах выпуска одного из научно-методических журналов «Открытое и дистанционное образование» специалистами описан кросс-парадигмальный подход к развитию образования [4]. Нам это представляется достаточно интересным с точки зрения оптимизации образовательной системы и ее представленности в широком Интернет-дискурсе. При этом не менее интересно, что смешанное обучение в горизонтах его развития воспринимается актуальным трендом новой модели высшей школы, имеет хорошую перспективу развития в образовательном процессе современного тысячелетия.

М. С. Чванова, И. А. Киселева, описывая интернет-пространство в качестве площадки для интернет-социализации, аргументируют это тем, что «у обучаемых появляется стремление установления отношений с отдельным человеком или группой, а в дальнейшем – тесный контакт с возможностью перехода в реальное общение. Любая представленная функция так или иначе переплетается с другими функциями, которые могут видоизменять содержание друг друга» [5]. Пожалуй, данную рефлексию о двойственной природе сетей как сложного «персонажа» современной жизни, а шире – сетевой модели сегодняшнего и завтрашнего миропорядка нельзя не принимать во внимание. В существе своем, эту же мысль в русле философского анализа развивают белгородские ученые. Авторы пишут: «...мы рассматриваем ряд узловых аспектов сетевого феномена, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы, что позволит нам, во-первых, осмыслить основания для видения современного общества и культуры как «сетевых» и, во-вторых, разобраться, почему именно метафора сети была выбрана для репрезентации нового формирующегося мира и усиления его легитимности». То есть сегодня вполне правомерно говорить «о новом сетевом типе общества как о «нормальной» (Тоффлер), но «другой» модели мироустройства, социально организованного по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры. И далее:

правомерно говорить, что «сеть – это «и способ бытия человека, и способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие «сеть» обретает методологическое звучание вне связи с информационно-технологическими процессами» [2, с. 45].

Да, мы склонны согласиться, что, с одной стороны, сеть – это ячеисто структурированная данность, а с другой стороны, сеть – новая смысловая логика современного миропорядка. К этим подходам примыкает обобщающая трактовка сети как антропного феномена, в рамках которого дается достаточно емкое определение сети, которое в целом разделяется нами. Специфика сетевого общества как общества, в котором, по определению Н. Н. Шамардина, «по мере роста инновационного сегмента размываются границы и «демаркационные линии» между наукой и технологиями, обществом и культурой, пронизанных рациональным знанием. Строго говоря, сеть – «это новый образ мира и человека в нем, создавшего образ-сеть, новый сетевой мир и одновременно ставшего «заложником «сетей» [6, с. 4]. Однако есть и другая сторона вопроса. Она, по нашему мнению, не менее значима и затрагивает проблему ценности рациональности, знания и науки, поскольку, как мы уже отметили выше, эти феномены функционируют в особую историческую эпоху – в эпоху великой культурной трансформации и перехода мира в сетевые коммуникации и виртуализации жизни. Во многом именно по этой причине проблема аксиологии знания, гуманности научно-технического прогресса становится особо заметной. В широком философском прочтении она выливается в сложные вопросы об онтологических границах современного человечества. Тем самым мы подкрепляем свою позицию относительно того, что разум только тогда может рассматриваться в качестве фундамента рациональности и целостного способа освоения мира, когда он гармонично дополняется интуитивно-образным прозрением, «жизненным миром», «религиозным озарением», иначе говоря, всей субъективностью человека, и когда он сопровождается целевыми причинами в интересах познания, изучения природы и человека. Именно на это в своей этической концепции указывал великий немецкий классик И. Кант.

Сегодня в сложившейся гносеологической ситуации противоположностью линейному мышлению все активнее выступает другая модель – нелинейное мышление, которое даже категорию фундаментальности знания рассматривает как явление относительное, то есть в любых социальных системах видит человеческое творение и результат его усилий. На наш взгляд, ситуация напряженности, конфликтности между естественно-линейной и нелинейной моделями мышления связана с опасными перспективами современного человечества, апеллируя опять-таки к объективному характеру такого катастрофического развития. Новая социокультурная реальность стимулирует гносеологический интерес к данному конфликту, основные очаги которого разворачиваются по ряду направлений, в числе которых новое понимание социальной системы, социальности [1; с. 13].

Обобщая сказанное, мы приходим к заключению, во-первых, о важности создания нового образа рациональности (а, значит, знания и науки) в современной сетевой культуре, погружающейся в интернет-дискурс, в соответствие с новой все более виртуализирующейся реальностью. И, во-вторых, полагаем важность задачи формирования кардинально иных ориентиров научного знания на основе утверждения новой иерархии общечеловеческих ценностей и реальной гуманизации знания, науки. Можно сказать так: в общем движении человеческого познания и самопознания проблематика разумного использования наличного знания ныне живущим поколением меняет классическую гносеологическую ситуацию в направлении перехода к нелинейному мышлению.

Список литературы

1. Ефимов Е. Г. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования) / Е. Г. Ефимов. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. – 168 с.
2. Игнатов М. А. Понятие «сеть» в современной науке и философии / М. А. Игнатов // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. Т. 43. № 3, 2018. – Белгород, 2018. – С. 408 – 413.
3. Игнатов М. А. Сетевые феномены в культуре: философско-культурологическая интерпретация / М. А. Игнатов. Дис. Д 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. – Белгород, 2018. – 287 с.
4. Конопатов С., Старожук Е., Румянцев С. Развитие образования: кросс-парадигмальный подход / С. Конопатов, Е. Старожук, С. Румянцев // Открытое и дистанционное образование. 2019. № 1 (73). – URL:http://journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive&id=1824&article_id=40317 (дата обращения: 2 сентября 2021).
5. Чванова М., Киселева И. Социализирующие функции интернета в системе открытого образования / М. Чванова, И. Киселева // Открытое и дистанционное образование. 2019. № 1(73). С. 61–68. – URL: http://journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive&id=1824&article_id=40323 (дата обращения: 2 сентября 2021).
6. Шамардин Н. Н. Общество «знаний»: философско-методологический и научоведческий анализ / Н. Н. Шамардин. Дис. к.филос.н. 09.00.08 – Философия науки и техники. – Белгород, 2016. – 160 с.
7. Шенцева Е. А. Сетевой подход в контексте философского дискурса / Е. А. Шенцева // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 42–49.

УДК 165.72

КУЛЬТУРНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
n.iemelianova@donnu.ru

Известно, что под культурой понимается деятельность человека (главным образом, духовная) и ее результаты. Самосознание означает

осознание человеком самого себя как индивидуальности, то есть сознание собственного «Я». Осмысливая свое существование и взаимодействуя с объективным миром, субъект проходит путь становления личности. При этом самосознание и самопознание выступают двумя сторонами единого целого: невозможно познавать, не осознавая себя и собственной деятельности, и точно так же невозможно осознавать себя вне процесса познания. В свое время И. Кант, изучая эту взаимосвязь, сделал вывод о трансцендентальном единстве самосознания, которое, будучи априорным, предшествует познанию. В то же время, скрытая сущность объекта («вещь в себе») делает проблематичным само получение достоверного знания. Возможности разума ограничиваются познанием мира явлений, «вещей для нас». Тем не менее, история продолжает оставаться деятельностью человека, преследующего свои цели и непрерывно расширяющего границы познания.

Самосознание и самопознание не имеют строго заданных рамок, ибо времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Каждая эпоха по-своему уникальна; лучшие умы своего времени улавливали ее потребности и задачи, выражая их в разнообразных концепциях. Так, мыслители античности представляли проблемы своей эпохи в космоцентрических и антропоцентрических построениях; философы средневековья творили в рамках теоцентризма; титаны Возрождения исповедовали гуманизм; философы Нового времени актуализировали проблему научного познания мира. Эпоха постсовременности, сделавшая невиданный рывок в информационном освоении мира, сделала основной ценностью плюрализм. Таким образом, культурное самосознание постмодерна обрело новые смысловые значения и новые способы самовыражения.

Самосознание общества, как и самосознание человека, всегда включает в себя систему определенных социально-нравственных оценок. Культура постсовременности, бросающая вызов традиционным ценностям, строится на приоритете индивидуализма, который, впрочем, предполагает реальную возможность гибкой социализации. Философская рефлексия, свойственная мыслителям прежних эпох, уступает место «ослабленному» мышлению (Д. Ваттимо). Итальянский философ, известный теоретик постмодернизма, обращает внимание на окончательную смену ценностной парадигмы обычая на ценностную парадигму обмена. Дело в том, что для парадигмы обычая характерно соотнесение ценности объекта с его подлинной природой, а парадигма обмена основывается на признании релятивной природы ценностей и эскалации духа соперничества. Д. Ваттимо подчеркивает, что в опыте постмодернизма нет ничего оставшегося от Бытия как такового: «...есть только суматоха, оставшаяся от обломка послания и загадочные следы чего-то недолго существовавшего – следы, которые вместе составляют слабость нынешнего Бытия» [1]. Ослабленному бытию, освобожденному от героики прошлого, соответствует такое же ослабленное мышление. Происходит преодоление традиции, интерпретация

которой постоянно меняется. Поскольку любое истолкование содержит в себе неминуемое искажение, предпочтительным оказывается толерантно-ироническое отношение к истории и к бытию в целом.

Плюралистическое общество, принявшее за мировоззренческую основу «ослабленные» жизненные принципы, воспринимает рационалистические установки модерна как анахронизм. Человечеству приписывается неустойчивость и эклектичность, констатируется неубедительность нарративов прошлого. В то же время, по утверждению Ж.-Ф. Лиотара, постмодерн вовсе не является новой фазой развития; скорее, это оппозиционная форма модерна. Постсовременность понимается как переписывание некоторых черт современности, прежде всего – ее претензии на обоснование своей легитимности через проект эманципации всего человечества посредством науки и техники. Пытаясь преодолеть метафизическую традицию и отвергая примат целого, философ рассматривает постмодернистское состояние как переход от поисков всеобщего консенсуса к большому числу малых консенсусов в отношении локальных матааргументов.

Задачей философии, убежден Ж.-Ф. Лиотар, является преодоление «культурного имперализма», диктующего преимущество какого-либо жанра над всеми остальными. Иерархия дискурсов отвергается, а отсутствие общих принципов для разных жанров дискурса восполняется многообразием языковых игровых интерпретаций. Неслучайно Ж.-Ф. Лиотар настаивает на том, что поэтическое мышление является существенной чертой постмодернистской философии. Письмо разрушается, но сам текст не уничтожается, а воссоздается путем нового, прежде не существовавшего контекста. Заново прочитывая тексты прошлого и перерабатывая забытые смыслы, философия постмодерна использует мифологическое сознание. Узнавание и соответствующее переживание мифа как альтернативы реальности опровергают центристские модели бытия и вновь создают простор для бесчисленных истолкований.

Самосознание постмодерна идет по пути разложения контрастов между наукой и культурой. Отождествляя глобальный триумф науки с логическим результатом метафизического мышления, постмодернизм сознательно искажает язык технологии путем его преодоления. Предлагается модель культуры, основанная на конфликте несводимых друг к другу жанров дискурса. Любое предложение представляется уникальным событием, которое случается в собственном режиме. По Ж.-Ф. Лиотару, причинно-следственная связь предложений, когда одно из них объявляется предшествующим, а другое – последующим, достигается только через забвение ничто (*neant*), которое отделяет одно предложение от другого. Попытка связать их в рамках определенного жанра дискурса строится на забвении сущностной случайности предложения, невозможности ряда связанных между собой высказываний. В интеркультурном пространстве постмодерна, отмечает Ж.-Ф. Лиотар, реальность

дестабилизирована настолько, что дает материал уже не для опыта, но лишь для зондирования и экспериментирования [2, с. 310]. Подобное экспериментирование рассматривается как наиболее адекватный способ взаимоотношения с реальностью.

В свою очередь, Ж. Деррида выступает против онтологической традиции, пропитавшей науку, литературу и политику. Сокровенную мечту предшествующей философии он видит в надежде обрести один язык, который не нуждается в толкованиях. В этом автор обнаруживает тенденцию к закрытости философии: «Вытеснение письма угрожает присутствию (*présence*) и приводит к господству отсутствия (*absence*)...» [3, с. 5]. Стремясь создать текст, отмеченный бесконечностью и философской открытостью, Ж. Деррида ищет пространство, которое не только облекает любой философский текст, но и содержит за его пределами другой текст, который мы должны осознать без обращения к истории. С появлением такого текста философ связывает подлинную трансформацию культуры.

Как видим, культурное самосознание постсовременности содержит в себе и разрушительные, и созидательные интенции. Выражая нужды эпохи в смене парадигм, в ограничении языков и стилей, оно тем самым отказывается от волевых принципов, предпочитая им компромиссные решения. При всей своей парадоксальности постмодернное мышление создает возможности для проявления интеграции и толерантности.

Список литературы

1. Vattimo Q. Nihilism and Hermeneutics in Postmodern Culture. Translator's Introduction / Gianni Vattimo. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1985. – 190 s.
2. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос что такое постмодерн / Ж.-Ф. Лиотар: Пер. с франц. // Ad Marginem'93. Ежегодник. – Москва, 1994. – С. 303-323.
3. Деррида Ж. Трассирование и дифференция / Ж. Деррида: Пер. с франц. // Философская и социологическая мысль. – Москва, 1995. – № 5-6. – С. 4-14.

УДК 130.3

ОСМЫСЛЕННОЕ БЫТИЕ КАК АТАВИЗМ УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ

Ефременко А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alefblogs@ya.ru

«Если даже человек – мыслящее существо, то он все же далек от того, чтобы быть созданием, существование которого заключается в мышлении», – писал Освальд Шпенглер [1, с. 351]. Эта цитата знаменитого философа как нельзя кстати описывает положение дел в современной

социальной действительности – в науке, в образовании, в политике, в межличностных отношениях.

Образование, при всей своей, казалось бы, доступности, имеет первоцелью не воспитание личности, а обучение будущего «винтика» глобальной системы полезным прикладным компетенциям. Обучаемый индивид должен уметь считать, писать, читать, строгать и так далее, для того, чтобы прокормить себя и научиться воспроизводить продукты глобального и локального рынка. Также этот индивид должен научиться нехитрому и прогнозируемому алгоритму думания на базе заданных установок. Но, не даром в русском языке нет словосочетания «критически думать», есть словосочетаник – «критически мыслить». Потому что «думать» и «мыслить» – это не одно и то же. Думать – означает перебирать варианты предустановленных обществом вводных данных, даже создавая новые алгоритмы. Мыслить же – означает анализировать смыслы. Но какому управляющему нужны лишние вопросы? Такие предметы как, например, философия или логика, получают всё меньше и меньше часов в учебных планах учреждений высшего образования, а художественная литература, побуждающая к воспитанию внутренней этики, остаётся лишь в ознакомительном объёме, без детального анализа. Причем это общемировая тенденция. Современному обществу, фактически, запрещено рефлексировать над своими потребностями, они уже сформированы и запланированы с учётом необходимых экономических показателей [3, с. 37].

Наука же, безусловно, развивается в первую очередь там, где есть финансирование всех необходимых процессов. Соответственно, кто платит, тот и задаёт вектор движения. И вектор этот, прежде всего, направлен на возврат вложенного капитала с максимально возможной прибылью. Что стало меняться в системе мирового образования – это увеличение зависимости высших учебных и научных институтов от лидеров деловой системы, от крупных корпораций, которые напрямую или опосредовано через специальные фонды являются основными спонсорами образования и, соответственно, заказчиками вектора развития. Государство же теряет рычаги непосредственного влияния и «плывёт в том же коммерческом русле, если вообще в нём плывёт в ряде случаев» [4, с. 23].

Межличностные отношения выстраиваются через цифровую среду на песочном фундаменте бесконечно транслируемых шаблонов. Институт семьи в процессе воспитания постепенно отходит на второй план. В качестве духовной основы обществу предлагается стремление любыми возможными путями встроить личность в рамки заранее заданных параметров псевдоценостей, во главе которых стоит эфемерная успешность и замкнутый цикл потребления.

Таким образом, глобальная политическая система занята исключительно борьбой за ресурсную базу. При более тщательном рассмотрении в конфликтующих сторонах можно увидеть уже не государства, отста-

ивающие смыслы, а конкурирующие корпорации, мотивированные экономическими показателями. При этом в сложившихся условиях крайне важно сохранить живую духовную основу общественного бытия – мыслящую и гармонично развитую личность

Список литературы

1. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.
2. Chomsky N. Who Owns the Earth? / N. Chomsky // The New York Times. – 2013. – No. 3. – P. 25-27.
3. Бездуховная терпимость как унифицированный инструмент манипуляции – экзистенциальное самоубийство / А. А. Ефременко // Материалы V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (17-18 ноября 2020 г.). – Донецк: ГОУ ВПО “ДонНУ”, 2020. – С. 37.
4. Современное образование – тенденции мирового развития: доступность знания и ограниченность информационного сознания / А. А. Ефременко // Материалы международной научной конференции “Образование в современном мире: теория, методология, практика” (17 мая 2018 г.). – Донецк: ГОУПО “ДонПИ”, 2018. – С. 23.

УДК 130.1+141.2

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Камарали А.В., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

anna_kamarali@mail.ru

Национальная культура представляет собой универсальную форму самоидентификации народа. Она носит конкретно-исторический характер и выражает особенности воспроизведения и сохранения культурно-цивилизационных условий существования общности. Особенностью современных культурно-идентификационных процессов является характер и условия их протекания, что, в частности, получает выражение в способах трансляции культурного опыта. В структуре национальной культуры объективно выделяются два типа трансляции: а) традиционные, реально функционирующие самобытные формы; б) институты трансляции и закрепления культурного опыта, которые представлены в профессионально формируемой инфраструктуре культуры. В условиях информационного общества актуализация традиционных форм невозможна вне влияния информационных технологий и средств массовой коммуникации.

Одной из предпосылок глобализации явилась революция в области электронных коммуникаций, внедрения современных научных разработок и технологий во все сферы общественной жизни. Телекоммуникационные

и компьютерные технологии значительно усилили развертывание глобальных процессов и их влияние на культуру, демонстрируя многообразие и возможности национальных культур [1].

Воздействие информационной глобализации на национальную культуру принимает все более интернациональный характер. Это выражается в последовательном преобладании наднациональных потоков информации, потенциально способствующих «размыванию» идентичности национальной культуры.

Циркуляция информации в обществе с помощью информационных систем во многом детерминируют изменения в подсистемах национальной культуры. Именно благодаря компьютеризации образовалась всемирная компьютерная сеть Интернет, являющаяся, по сути, мировым интегрирующим феноменом. Сегодня можно с уверенностью говорить, что Интернет символически завершил процессы интеграции мирового сообщества, начавшиеся изобретением печатного станка Иоганном Гуттенбергом более 500 лет назад. Интернет открыл пользователю доступ к любым информационным ресурсам, независимо от его местонахождения, он формирует новое информационное пространство. Важной интеграционной чертой его является возможность создания различных виртуальных сообществ, которые могут объединять культурные группы со всей планеты.

Интернет объективно имеет также ряд негативных последствий влияния на национальную культуру. В виртуальном пространстве не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом. Вследствие этого формируется человек-кочевник, не принадлежащий ни к одной культурной группе, кроме какой-либо профессиональной корпорации. Если все человеческие отношения будут строиться по виртуальному типу, то сформируется «человек без свойств» как результат глобализации, доведенной до своего логического завершения.

А. Моль показал, что влияние средств массовой коммуникации вытесняет традиционную «гуманистическую» культуру «мозаичной» культуры. Отличие гуманистической культуры состоит в том, что первая была сформирована под воздействием рационально организованного процесса познания (через установившуюся систему образования). Вторая формируется под воздействием непрерывного, обильного и беспорядочного потока информации, распространяемого, главным образом, средствами массовой коммуникации. Мозаичный характер современной западной культуре придает соединение в ней случайных элементов культур разных народов и эпох, которые образуют в сознании субъектов своеобразные хранилища сообщений. Так, например, в европейских странах сильно сократилось количество демонстраций отечественного кино при одновременном возрастании трансляции американских фильмов. В результате исчезновению,

разрушению и «нивелировке» подвергается национально особенное, отличающее национальную культуру от других культур.

С. Хантингтон в этой связи обосновывает необходимость создания противовесов Западу на пути сохранения и развития национальной самобытности [2, с. 35]. Ряд стран пошли именно по этому пути. Так, Китай ввел цензуру на сетевые on-line игры в Интернет, считая, что они могут нанести ущерб единству страны. Во Франции принят ряд законодательных актов, защищающих национальную культуру от некультурной экспансии. Политика культурного протекционизма проводится и в Канаде. В этой стране установлены квоты на программы национального производства (на радио они составляют 35% эфирного времени), что позволяет канадской аудитории знакомиться с искусством отечественных музыкантов, поэтов и композиторов, а также укрепляет музыкальную индустрию Канады. Комиссия по радио, телевидению и телекоммуникациям пересмотрела определение канадского содержания кино- и телевизионной продукции. Регулирование коснулось трансляции программ национального производства: для телевидения это 60 % в промежутке с 18:00 до 24:00. Правительство Канады учредило налоговые скидки на кино- и видеопродукцию отечественного производства и утвердило программу налоговых скидок на услуги, связанные с кино- и видеопродукцией. Этот опыт показывает, что протекционистские меры способствуют расширению сферы присутствия образцов национальной культуры в медиапространстве. Тем не менее, подобные меры невозможно применить к зарубежным теле- и радиопрограммам, транслируемым на территории вышеназванных стран (например, спутниковое телевидение или Интернет).

Объективно в настоящее время имеются необходимые предпосылки для преодоления негативных тенденций информационной глобализации, что актуализирует работу по приобщению к образцам национальной культуры, расширению сферы их использования. Актуальным и практически значимым в данном контексте представляется формирование определенной «политики культурной безопасности страны». Такая политика должна быть направлена на поддержание преемственности в сфере трансляции ценностей национальной культуры. Ее приоритетом может стать распространение самобытных образцов, транслируемых в контексте достижений мировой культуры. Это будет способствовать укреплению своеобразного иммунитета против псевдокультурных артефактов глобального медиапространства, децентрализации профессиональной самобытной национальной культуры. Приоритетным и актуальным видится финансовая поддержка, поощрение спонсорства и меценатства, преференции для производителей культурной продукции высокого качества.

Таким образом, информационная глобализация представляет собой процесс, сочетающий в себе ряд противоречивых тенденций. Объективно он несет вызов национальным культурам. Вместе с тем, современные информационные технологии создают возможности для их развития.

Список литературы

1. Лазаревич А. А. Грядущее информационное общество / А. А. Лазаревич; – Минск: «Белорус. Наука», 2006. – 392 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – №1. – С. 33-48.

УДК 101.1

ТРАДИЦИЯ И МОДЕРН В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Клименко А.Б., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

a.klimenko@donnu.ru

Общественное развитие определяется возвышением культуры, созданием новых духовных ценностей. Однако, в то же время, культурный прогресс невозможен без сохранения определённых традиций. Традиция, обычно, направляется не на общественные отношения, а на формирование определённых духовных черт личности, нужных для успешной реализации этих отношений. Традиция формирует в человеке духовные черты как обобщённое отображение различных отношений настоящего, устанавливает способы реализации отношений, которые могут возникнуть в будущем.

Подчёркивая элементы преемственности в формировании традиций, нельзя игнорировать такую сторону закона преемственности как необходимость новаторства и обновления. Природа преемственности в единстве наследственности и новаторства, в диалектической связи старых и новых традиций. Традиции обязательно должны включать в себя новаторские элементы как высшую ступень своего развития. Закономерностью функционирования традиции в процессе развития общества является диалектическая связь с новаторством, как проявление взаимопроникающих связей самовоспроизведения и самоформирования в процессе социальной наследственности.

Одним из принципов саморазвития общества является внутренняя самоорганизация социальных явлений и процессов под воздействием внешней среды. Она способствует сохранению целостности и упорядоченности общественной системы. На этапе становления общество получает характеристики внутренней целостности и системности за счёт создания стабильной и устойчивой основы – традиции, которая обеспечивает первичный порядок потенциального развития. Сначала новая традиция презентируется как неоформленная совокупность разрозненных элементов инновации. Впоследствии происходит структурное оформление её содержания в виде способов и форм материальной и духовной

деятельности, которые подтвердили свою эффективность в ходе длительной практической апробации. Традиция во многом способствует интеграции общественного субъекта – её носителя, определяет нормативные модели членов социума и осуществляет императивный контроль в сфере общественных отношений.

На этапе устойчивого функционирования в обществе происходит стабильное воссоздание традиций, которые сложились в сбалансированном взаимодействии с возникающими инновациями, что приводит к достижению общественной системой более зрелых форм без утраты исходной конфигурации. На данном этапе при помощи традиции поддерживается долгосрочная регуляция и управление социальными процессами путём предоставления образцов институтов, организаций. На этапах трансформации обществ, эффективность действия предыдущих традиций частично утрачивается, но сохранённая в них позитивная устойчивая основа является источником новаторства, продуктивная деятельность на основании которого ведёт к установлению нового уровня развития общественной системы. В период трансформации основная функция традиции заключается в защите социума от полной дезорганизации и деструкции.

Таким образом, традиции являются формой сохранения и развития духовной культуры и средством ретрансляции и преемственности культуры. Её природа имеет диалектический характер, поскольку именно она проявляет прошлое в настоящем и будущем. В социальном развитии происходит постоянное столкновение двух противоположностей: традиций и новаторства как чередование таких типов деятельности как воспроизведение и производство, которые взаимно дополняют друг друга, создавая целое, которое отображает внутреннее противоречие стабильного и изменчивого состояний в процессе развития.

Список литературы

1. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации. – М.: Издательские решения, 2017. – 606 с.
3. Полонская И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 272 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ПАРОДИЙНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Комисова Е.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.komisova@donnu.ru

Религия – одно из самых великих духовных достижений человека. Определенно не самых лучших или худших, а именно великих, значимых. Обыденное мировоззрение древнего человека, его примитивность, замкнутость на удовлетворении фундаментальных, но всё-таки низших – физиологических – потребностей, стало дополняться другими видами мировоззрения благодаря религии.

Развитие человека в древние времена было неразрывно связано с формированием системы верований в некие недоказуемые сакральные силы. Сначала это были духи и души, зачем – боги. Человек, испытывая страх перед смертью и силами природы, стал «населять» мир фантастическими существами, делить его на несколько уровней: потусторонний и посюсторонний; мир «горний» и мир «дольний»; верхний мир (место обитания богов), средний мир (где живет человек) и «страна без возврата» (царство мертвых). Стали формироваться разнообразные мифопоэтические модели мира, в которых люди высказывали свои первые предположения о строении Вселенной, законах окружающего мира.

С появлением мифов также стало развиваться эстетическое мировосприятие, художественно-изобразительная и литературная деятельность. Наскальная живопись, как один из видов первобытного искусства, не отличалась разнообразием и сюжетностью. Наши предки умели писать портреты и рисовать животных еще во времена палеолита. На наскальных рисунках, которые сохранились в пещерах Ласко, Альтамире, Гобустанском заповеднике и других местах, изображены сцены из жизни пещерного человека. Что примечательно, как людей, так и животных, мы видим там в профиль, в силу того, что «художники» времен палеолита не знали закон перспективы и не умели рисовать анфас. Полноценные картины, скульптуры и литературные произведения человек начал создавать для того, чтобы прославить богов, украсить и увековечить мифы. К примеру, древнейшее клинописное литературное произведение, дошедшее до нас, – это вавилонский «Эпос о Гильгамеше». Он был написан на основе шумерских сказаний и повествует о царе, переживающем фантастические приключения в поисках бессмертия.

Каждый человек XXI века так или иначе связан с религией. Даже если мы возьмем в пример представителя науки, атеистически настроенного, живущего в современном мегаполисе, никогда не принимавшего

участия ни в каких религиозных обрядах и ни разу в жизни не посещавшего ни одно культовое сооружение, будь то церковь или мечеть, то обнаружим, что и этот человек регулярно соприкасается с элементами религиозного комплекса. Услышанный звон церковных колоколов, вера в приметы и талисманы, украшения, которые имеют глубокую религиозную природу, к примеру, красная нить на запястье или кулоны в виде креста, изучение в школе европейской Реформации и средневековой инквизиции, упоминания о религиозных праздниках в ленте новостей, фильмы, повествующие о деятельности тайных религиозных организаций – мир наполнен событиями и символами, связанными с сакральным миром, даже если сам человек этого не замечает.

Общество XXI века характеризуется доминантой научного мировоззрения. Религиозность современного человека, находящегося во власти техники и социальных сетей, имеет свои особенности. Главными являются секуляризация и активная деятельность нетрадиционных религиозных организаций, в том числе пародийных религий.

Секуляторами (от лат. *saecularis* – мирской, светский) в Европе изначально называли палачей, которые отсекали головы осужденным. Как общественно значимое явление секуляризация началась в сфере экономики в конце Средних веков. А в период Реформации она распространилась на другие области человеческой жизни, представляя собой не только изъятие у Церкви принадлежащих ей материальных ценностей (монастырей, земель), но и освобождение жизни социума от контроля духовенства, ослабление власти религии. Усиливаясь, секуляризация стала явлением, разграничающим мир на «светский» и «религиозный», фактором, формирующим современное общество и культуру на основе доминанты и автономии светской жизни, её независимости от религиозных институтов. Следствием этого стала пассивизация религиозной, культовой деятельности человека и повышение интереса к идее личной веры, постоянного присутствия Бога в душе, в природе, но не в церкви. «Верующий» и «воцерковленный» перестали быть синонимами. Человек как свободная личность в мире толерантности, антропоцентризма и гуманизма получает возможность критически оценивать любые проявления религии, выбирать собственную веру и её проявления. Вопрос веры приобретает особую интимность, камерность. Американский социолог П. Бергер называет секуляризацию «процессом модернизации», который характеризуется образованием свободных от религии территорий, где она, однако, не вымирает полностью, а становится «зонтиком над обществом» и «священной завесой» [1].

Пародийные, «ложные» религии – это сложное социальное явление, характерное, прежде всего, для Запада, которое стало развиваться с появлением кинематографа и интернета. Со своей абсурдной, юмористической культовой деятельностью, при помощи бурлеска, сатиры и сарказма

они выстраивают систему, высмеивающую традиционную религиозность. Несмотря на свой явный шутовской характер, пародийная религия ставит, прежде всего, не развлекательные цели. Это форма защиты прав атеистов и форма протеста. Так, создатель «Пастафарианства», или «Церкви Летающего макаронного монстра», молодой американский физик Бобби Хендерсон задумал создать свою, пародийную, религию в ответ на беспрецедентное решение департамента штата Канзас ввести в школах уроки о роли Бога в возникновении Вселенной. Британский религиовед Дж. Крайссайд отмечает, что хотя сам Хендерсон не относит себя к атеистам и только выступает против учения о «Разумном замысле», многие пастафариане используют образ Летающего Макаронного монстра как промежуточную ступень на пути к атеизму [2].

Название религии основано на игре слов и ассоциируется с растафарианством (нетрадиционным религиозным движением, основанном на Ямайке в 30-гг. прошлого века) и итальянским словом «паста». В 2006 г. Бобби Хендерсон издал «Евангелие Летающего Макаронного Монстра», основа которого – восемь пунктов «Лучше бы ты этого не делал», аналог десяти христианских заповедей. В них Бобби уверяет, что гораздо лучше тратить деньги не на постройку церквей или усыпальниц, а на борьбу с бедностью и излечение болезней, что людей нужно уважать вне зависимости от их пола, национальности и сексуальной ориентации, что верить можно не только в Летающего Макаронного Монстра, и его именем не следует оправдывать угнетение, уничтожение и порабощение других людей. В России последователей Пастафарианства насчитывается более 400 тыс. человек, а в 2016 г. в Нижнем Новгороде была открыта первая церковь Летающего Макаронного Монстра.

Таким образом, современный мир находится в состоянии своеобразного религиозного Ренессанса, который характеризуется секуляризацией, культивированием личной веры, появлением «ложных» религий, скрывающихся за своей пародийной формой серьёзные логические и аргументативные проблемы, с которыми сталкивается любая форма теизма.

Список литературы

1. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
2. Чеснова Е. Н. Феномен религиозной веры в контексте современного социокультурного развития / Е. Н. Чеснова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2012. – № 2. – С. 29–39.

ИСТОРИОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОНБАСС В ИСТОРИИ РОССИИ

Коновалов А.Г.¹, Коновалова И.В.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²МОУ «Школа № 69 г. Донецка», г. Донецк, ДНР

konovalov.1957@mail.ru

В условиях нарастающего глобального кризиса, прошлое серьезным образом корректирует настоящее. В период нестабильности и неопределенности страны ищут в прошлом форматы, при которых шло развитие и была стабильность. Для России это или формат Российской Империи, или СССР, для Восточной Европы это Австро-Венгерская Империя, для Турции – Османская Империя, для Польши и Прибалтики – Великое Княжество Литовское и т.д.

В анализе социальных систем именно генезис определяет особенности, параметры, смысловые образы, средства и цели функционирования системы.

Исторически так сложилось, что русское государство состояло из множества славянских племен: Кривичей, Древлян, Полян, Северян, Радимичей, а также греков, варягов, финно-угорских племен и т.д. Однако, уже к середине одиннадцатого века сложилась историческая общность, которую Митрополит Киевский Илларион в своем «Слове о законе и благодати» (1030-1050 гг.) обозначил привычным для нас словосочетанием «русский народ». Произошло это в эпоху князя Ярослава Мудрого, сына Равноапостольного князя Владимира, который в 988 г крестил Киевскую Русь. После крещения Руси, по Византийскому обряду, именно христианские основы были положены в основание строительства Русского государства, которое в послании Колоссянам сформировал Апостол Павел: «нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни раба... Перед Богом все равны», что применительно к государству обрело формулу – равенство всех этносов перед государством.

Каждое государство в своем становлении имеет некие узловые точки развития, которые в дальнейшем выступают скрепами каркаса «организованного в государство народа» (Г. Гегель). Для России, условно, этими узловыми точками развития были:

1. Крещение Руси.
2. Княжение Равноапостольного князя А. Невского.
3. «Куликово поле» князя Д. Донского.
4. Отечественная война 1812 г.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Трагические события Первой Мировой войны, распад СССР не привели к исчезновению России, а только изменили форму ее существ-

вования в условиях жесточайшего противостояния мировых держав. Появление СССР и современной России – это и некоторое поражение в глобальном противостоянии «Запада и Востока», но и «рождение» новых форм существования России, появление новых возможностей и перспектив в глобальном миропорядке. Это возможность вновь обратить свой взор на самих себя, на свой опыт решения сложнейших социально-политических, экономических, технологических, демографических проблем, осознание того, что Россия не просто государство, а отдельная Цивилизация, существующая более тысячи лет, что мы все наследники кн. Владимира, кн. А. Невского, кн. Д. Донского, А. Суворова и М. Кутузова, И. Сталина и Г. Жукова. Мы наследники Великой Победы! Любые геополитические изменения имеют свою «цену». Развал СССР – «цена», соизмеримая с потерями в Великой Отечественной войне, а русские, по словам Президента России В. Путина, «стали самым разъединенным народом». Но, как справедливо замечено в «Ветхом Завете», в книге Экклезиаста, «время разбрасывать камни и время собирать камни». Процесс восстановления, возрождения «исторической России» (В. Путин) уже начался. Первым вернулся в свою «историческую гавань» (В. Путин) Крым. По дороге домой уверенно идет Донбасс, возвращение Новороссии – только вопрос времени. Донбасс есть территория исторической России. В 1721 г. Григорий Капустин открывает «горюч-камень», уголь, в районе нынешнего Краснодона и Свердловска, а уже в 1722 г. по указу Петра Первого началось освоение края и как результат – появление Южно-горнорудного промышленного района России, который В. И. Ленин называл «сердцем России». Распад Российской империи в 1917 г привел к созданию в 1918 г. «Донецко-Криворожской Республики» в составе России, переворот в Киеве в 2014 г. – к созданию Донецкой и Луганской республик, которые определили своей целью возвращение в историческое пространство Русской цивилизации. «У нас, для нас, одна Родина – Россия» (А. В. Захарченко, первый Глава ДНР).

Созданная В. И. Лениным «Украина» по классово-политическим основаниям на территории исторической России после распада СССР взяла откровенно антироссийский курс уничтожения всего русского, от языка, веры, культуры, истории, создавая мифологизированную «страну» на деньги и при поддержке Запада.

Националистический госпереворот в Киеве в 2014 г. вынудил многонациональный Донбасс взять в руки оружие, чтобы защитить свое право быть самим собой, быть русскими, независимо от национальности, быть наследниками своих отцов – победителей, быть частью Русской цивилизации.

У нас, в нашей небольшой, по историческим меркам, истории сложились свои узловые точки в развитии своего государства:

- 1) 7 апреля 2014 г. – Провозглашение ДНР.

- 2) 12 апреля 2014 г. – оборона Славянска с И. Стрелковым.
- 3) 11 мая 2014 г. – Референдум о независимости от нацистской Украины, День Республики.
- 4) 4 ноября 2014 г. – выборы первого Главы Республики А. В. Захарченко.

Украина как анти-Россия не имеет никаких шансов на свое существование. Последний шанс, который давал В. Путин Украине через «Минские соглашения», открыто игнорируется. «Минск» в большей степени был в интересах Украины, как территориального образования, мы свой выбор сделали 11 мая 2014 г. на Референдуме. С появлением «Аллеи Ангелов», погибших детей Донбасса, дорога у нас одна – домой, в Россию.

УДК 008.2

ИДЕИ А.Д. САХАРОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Коротков Н.В., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
n_korotkov@mail.ru

Введение. Сохраняет актуальность проблема объективной оценки идейного наследия А. Д. Сахарова, в столетнюю годовщину со дня рождения остающегося знаменем для либеральной российской общественности и жупелом для патриотической. Вместе с тем, отход от односторонних оценок позволяет обнаружить в идеях академика основу для техносферной безопасности, в которой заинтересован каждый, безотносительно к своим политическим взглядам.

Основная часть. Всё более актуальной – на фоне роста алармистских настроений в современном, информационном, обществе (символом которых стала Гreta Тунберг) – становится позиция А. Д. Сахарова относительно научно-технического прогресса. Академик был убеждён, что остановить прогресс невозможно: возражая на точку зрения, что «лучше жить при лучине», чем подвергать себя и своих детей рискам, сопряжённым с развитием высоких технологий, в частности, ядерной энергетики, А. Д. Сахаров отмечал факт увеличения средней продолжительности жизни по мере НТП, заключая, что «в смысле человеческих жертв и человеческих страданий отказ от производства больших количеств энергии на душу населения – это тоже убийство. Только убийство другим способом» [6, с. 314]. Вопреки сложившемуся в последние годы имиджу Сахарова как борца против термоядерной угрозы, из его интервью перестроенных лет следует безальтернативность ядерной

энергетики – по крайней мере, на ближайшие десятилетия: «в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Во всяком случае на протяжении достаточно длительного времени, на которое мы можем делать технические прогнозы» [6, с. 314]. Другое дело, что академик ратовал за постепенное и полное замещение наземных АЭС подземными, позволяющее, как подтверждается и современными специалистами, минимизировать риски утечки и утилизации радиоактивных материалов вплоть до «обнуления» [3].

Более того, в ответ на широко обсуждавшуюся в американской прессе идею латать озоновые дыры с помощью воздушных шаров, наполненных озоном, А. Д. Сахаров глубокомысленно отметил, что «колossalное количество озона образуется при высотных ядерных взрывах» [6, с. 327], чем ужаснулся журналиста, попросившего академика впредь не высказывать эту идею. Отметим, к слову, то обстоятельство, что в ответ на упрёки в работе над ядерным проектом и в создании водородной бомбы, А. Д. Сахаров неизменно отмечал, что, несмотря на существенную эволюцию, которую претерпели с тех пор его взгляды, он по-прежнему убеждён, что лишь появление у СССР собственного ядерного оружия смогло предотвратить третью мировую войну [7, с. 300].

Кроме того, А. Д. Сахаров неоднократно подчёркивал неэффективность принудительных запретов научных исследований, в том числе в сфере ядерной энергетики, настаивая при этом на обязательной открытости этих работ для общественности, и в этом смысле его можно назвать сторонником «социальной оценки техники» как направления в философии науки и техники, отстаивающего право социального контроля над новыми научными разработками уже на их старте, а не только «задним числом», как зачастую это бывает сейчас, когда негативные последствия тех или иных технологий уже сложно (или невозможно) отменить.

Интересно, что А. Д. Сахаров, которому, кроме прочего, принадлежит и ряд работ по космологии, неизменно обращал внимание общественности на необходимость дальнейшего развития программы по поиску сигналов внеземных цивилизаций. Причём, в его оптимистической вере в то, что полученная от инопланетян информация «может оказать революционизирующее воздействие на все стороны человеческой жизни» [8, с. 83] просматривается явная параллель с идеей «Великого кольца» из «Туманности Андромеды» И. А. Ефремова: роднит двух великих учёных убеждённость в том, что высокоразвитые (космические) цивилизации по определению должны быть миролюбивыми – иначе они просто не стали бы космическими, то есть уничтожили бы себя ещё до выхода в дальний космос. Разительным контрастом здесь звучит предостережение Стивена Хокинга, сделанное выдающимся британским учёным в 2016 году, незадолго до смерти: «Однажды земляне получат сигнал с похожей планеты, и нам не стоит торопиться с ответом. Встреча с развитой

цивилизацией будет похожа на встречу Христофора Колумба с коренными американцами, которая для последних закончилась не очень хорошо» [2].

Вполне в парадигме ефремовской модели будущего, в которой развитие земной цивилизации синхронизировано с биогеохимическими циклами [5, с. 20-21], и тезис А. Д. Сахарова о том, что для выживания земной цивилизации необходимо выйти в «стационарный режим» существования: «на воспроизводимых ресурсах, не нарушая среды обитания» [6, с. 326]. Колонизация других миров, по убеждению академика, не должна означать прекращения жизни на Земле; иначе говоря, в космос надо лететь не от нехватки, а от избытка, не спасаясь бегством с разорённой планеты, а «оживляя мёртвые миры» (по формулировке «отца русского космизма» Н. Ф. Фёдорова), воспроизводя на них успешный опыт по (вос)созданию биосферы. Опять же, о необходимости колонизации космоса именно как бегства от нерешённых проблем (перенаселения, эпидемий, угрозы падения астероида и климатических изменений) вместо попыток их разрешения, в 2017 году говорил всё тот же С. Хокинг [1], создавая этим рассуждением смысловую рифму к своему предыдущему размышлению: действительно, если в качестве главной причины космической экспансии принимается завоевание жизненного пространства (из-за неспособности рационально распорядиться уже имеющейся планетой), то тогда не стоит ждать милостей от пришельцев!.. Разительный контраст между подходами к проблемам изучения и освоения космоса С. Хокингом и А. Д. Сахаровым заставляет задуматься о социологии знания, т.е. об обусловленности выводов учёных бэкграундом их истории и культуры.

Заключение. Как видно из вышеизложенного, безотносительно к своим конкретным социально-философским взглядам, А. Д. Сахаров был человеком русской культуры (таковым может быть и русофоб, более того, как обстоятельно показал ещё В. В. Кожинов, русским особенно свойственно национальное самоуничижение [4]), и это накладывало свою специфику на его отношение к социально-философским проблемам.

Список литературы

1. Авельсинк Н. Стивен Хокинг: «Колонизация других планет поможет людям выжить». – Текст: электронный. – URL: <https://hightech.fm/2017/05/23/colonization> (дата обращения: 23.09.2021).
2. Голованов Г. Хокинг: «Встреча с инопланетянами может плохо для нас закончиться». – Текст: электронный. – URL: <https://hightech.fm/2016/09/23/hocking-aliens> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Камнев Е. Н. Подземные атомные станции: альтернатива отказу от атомной энергетики / Е. Н. Камнев, Е. А. Котенко, В. Ф. Дороднов ... [и др.] // Горный журнал. – 2011. – № 8. – С. 4-8.
4. Кожинов В. В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. – М.: «ЧАРЛИ», 1997. – 528 с.
5. Коротков Н. В. Наше постчеловеческое будущее: перспективы и альтернатива // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – №3. – С. 15-22.

6. Сахаров А. Д. Жить на Земле, и жить долго / А. Д. Сахаров. Тревога и надежда: Интер-Версо; Москва, 1991. – С. 312 – 334.
7. Сахаров А. Д. Кем станет новорожденный? / А. Д. Сахаров. Тревога и надежда: Интер-Версо; Москва, 1991. – С. 298 – 303.
8. Сахаров А. Д. Мир через полвека/ А. Д. Сахаров. Тревога и надежда: Интер-Версо; Москва, 1991. – С. 73 – 85.

УДК 615.849

ОТ ИНДИВИДА К ЛИЧНОСТИ

Красова И.Е., Андреева Т.А., д-р филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
krasova.irisha@mail.ru

Введение. В социальной философии и психологии проблема соотношения личности и индивида является одной из самых спорных и сложных. До сих пор нет единой устоявшейся научной позиции о понимании сущности личности. Тому подтверждением является то обстоятельство, что в психологии существует множество порой противоречивых концепций, которые по-разному объясняют механизм формирования личности и ее структуру. Решение данной проблемы, по-видимому, представляется задачей нелегкой, поскольку психологическая наука сейчас находится в кризисном состоянии, а ее развитие, как науки, без исследований в смежных областях знаний, является затруднительным. Между тем, в научной литературе понятия «индивиду» и «личность» используются повсеместно, при этом, каждому из этих понятий придается строго определенное значение.

Основная часть. Понятие индивид во многом является абстрактным и обезличенным. Под индивидом понимается абстрактный представитель человеческого вида, определенный член общества. Индивид – это участник безликой толпы, один из немногих. Лишь одно объединяет индивидов – это принадлежность к человеческому роду. Г. Ф. Панасенко [3] отмечает, что с учетом абстрактности данного термина, в реальности индивиды не встречаются.

К. И. Ашхамахов [1], исследуя соотношений понятий «личность» и «индивиду», отмечает логический парадокс, поскольку, по его мнению, индивид не имеет никакого отношения к личности, а личность формируется в течение всего времени своего развития и не может быть охарактеризована абстрактно. Тем самым, возникает вопрос о необходимости введения понятия «индивиду». Этот вопрос крайне важен, поскольку и личность, и индивид характеризуют одно и то же биологическое существо – человека. Любой человек рождается с набором специфических качеств и психических свойств. Абсолютно одинаковых

людей не бывает. Следовательно, низводить человека до уровня индивида, т.е. безликого представителя биологического вида, логически глупо и неверно. Достаточно указать на его видовую принадлежность – человек разумный. Между тем, понятие «индивиду» широко используется в социально-гуманитарных науках. Очевидно, это делается с иной целью – выделить человеческую индивидуальность из массы подобных ему людей, но не придавая значения психическим и иным различиям. Вот и получается, что индивид – это человек толпы, некий обезличенный, усредненный и типизированный элемент человеческого общества.

Индивид – это представитель толпы. Толпу, как психологический феномен исследовали с научной точки зрения. В психологии масс особенно заметно влияние работ Г. Лебона. По мнению Г. Лебона толпа способна растворить в себе любое проявление индивидуальности. Несмотря на столь разных характер составляющих толпу людей, толпа приобретает одно качество, которое мгновенно стирает индивидуальные различия. Г. Лебон назвал это коллективной душой. В силу данного феномена каждый представитель толпы перестает осознавать себя индивидом, а начинает думать и чувствовать так, как бы в отдельности никогда не стал бы думать и чувствовать [2, с. 298]. Происходит подмена ценностей и идеалов, что для философа, как человека творческой натуры, означает утрату духовности. Ведь творчество, независимо от его вида и характера, всегда индивидуально и не может мгновенно утратить свою уникальность. Следовательно, уже в силу данного рассуждения, философ и толпа – вещи не совместные.

Свойство толпы трансформировать и стирать индивидуальное начало было подмечено еще древними греками. Именно грекам мы обязаны появлением слова «демагог». Ценители слова греки умели ловко манипулировать толпой.

Интересно, что в философии понятие личности и индивида иногда сводили вместе. В подтверждении данной мысли приведем определение личности, сформулированное немецким философом И. Гартманом: «под личностью мы понимаем человеческий индивид, поскольку он предстает соединенным с другими такими же человеческими индивидами и узнает об их манере обращения, высказываниях, воле и стремлениях, встречается с их мыслями, взглядами, суждениями и занимает какую-то позицию по отношению к их претензиям, настроениям и ценностям» [4, с. 224].

Иными словами, индивид становится личности (переходит от индивида к личности) в процессе социального взаимодействия. Поведенческие реакции человека на его окружение и среду общения поднимают его на иной уровень – превращая из безликого индивида в неповторимую личность. Тем самым, переход человека от индивида к личности становится возможным в случае приобретения им и развития социальных (коммуникативных) навыков. Данная позиция соответствует когнитивной теории личности Ж. Пиаже, согласно которой личность пред-

ставляет собой результат процесса адаптации к социальной среде, состоящий в том, что ребенок, достигнув определенного уровня развития, становится способным к сотрудничеству с другими людьми благодаря разделению и координации своей точки зрения и точек зрения других людей.

Итак, вопрос о переходе индивида к личности представляет собой краеугольный вопрос философии. Очевидно, что понятие «личность» обладает большим набором качеств и свойств, обладает большей степенью сложности. Любой человека можно назвать индивидом, совершившим не зная его. Любой новорожденный является индивидом, поскольку еще не обладает ярко выраженным психическими и социальными навыками и качествами. Но если узнать человека поближе, он превращается из абстрактного индивида в личность. Также и ребенок с приобретением жизненного опыта в процессе своей деятельности приобретает черты личности. В этой связи следует согласиться с представителями советской психологической школы о том, что личность – это результат развития человека в процессе его деятельности.

Представляет интерес понимание личности в гуманистической теории (Роджерс и Маслоу). В представлении психологов-гуманистов личность – это единое, уникальное организованное целое. Личность – это внутренний мир человеческого «Я» как результат самореализации и саморазвития. Личность – это то, что отличает одного человека от другого не набором его социального опыта или знаний, а богатством внутреннего мира, зачастую не понятого и осознанного самим человеком. Тем самым, личность отождествляется с неким набором индивидуальных признаков, при этом, подчеркивается, что представление о личности формируются в процессе социального взаимодействия. Вне общества человек не может стать полноценной личностью. Тому примеры – эффект «человека-маугли». Воспитанный в среде животных, такие люди так и не могут до конца приспособиться к человеческому обществу или вовсе отторгают его. Тем самым, личность – это результат воспитания, воздействия на ребенка родителей и других людей, с которыми общается ребенок с момента своего рождения. Со временем число социальных связей усложняется, следовательно, и совокупный эффект воздействия на внутреннее «Я» возрастает многократно.

Заключение. Итак, в заключении отметим, что индивид и личность характеризуют человеческую индивидуальность с разных сторон. В первом случае мы имеем обезличенную и абстрактную модель человека, как представителя вида, с другой стороны – разностороннюю, обладающую набором сложным биологических, социальных и психических свойств и вовлеченную в процесс социального общения и деятельности индивидуальность. Если индивид – понятие статичное, то личность проявляется в динамике своего развития и социального взаимодействия.

Список литературы

1. Ашхамахов К. И. Коллапс смысла понятий «Индивид», «Индивидуальность» и «Личность» в философии и психологии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2009. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaps-smysla-ponyatiy-individ-individualnost-i-lichnost-v-filosofii-i-psihologii> (дата обращения: 08.08.2021).
2. Лебон Г. Психология народов и масс // Психология народов. – СПб.: Макет, 1995. Кн. 1. – С. 298.
3. Панасенко Г. В. Философское понятие личности // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – №6. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-ponyatie-lichnosti/viewer> (дата обращения: 08.08.2021).
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1999. – 998 с.

УДК 316.722 (470+571)

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кривуля Р.Е.

ГОУ ВО «Луганский государственный университет», г. Луганск, ЛНР
ya.suitepc@yandex.ru

Современный мир, в культурологическом аспекте, меняется очень быстро. Данный темп напрямую навязан политическими противостояниями цивилизаций различных государств. Идет борьба за господство культурной идентичности отдельного народа над другими. Из-за этого все вопросы мировой культуры цивилизаций теперь напрямую зависят от политического института. На сегодняшний день отделить одно от другого не представляется возможным.

Западный мир политическими решениями заставил свою нацию выбрать путь разрушения основ своей культуры, своей цивилизации. Говоря о западном мире, мы имеем в виду Америку и Европу. Именно в таком порядке следует рассматривать западный мир так как, на сегодняшний день, именно в Америке начинается процесс культурного распада, который заканчивается в Европе. Под процессом разрушения основ своей культуры, своей цивилизации мы подразумеваем формирование всевозможных народных течений и движений, связанных с искаженной толерантностью и другими факторами регресса цивилизации, которые подразумевают изменение общего устоявшегося культурного кода нации на сегментные ячейки общества. Эти ячейки представляет либеральный индивид, разорвавший все социальные связи и обязательства, и выступающий в качестве носителя единственного интереса – своего частнособственнического.

Западный культурный мир сам себя ввёл в эти рамки, так как именно образовательная политика «либеральной педагогики» взрастила поколение граждан свободных от культурных традиций своей нации, что позволило

им сформировать индивидуальные взгляды на культуру своего народа. В западном культурном мире наступила эпоха смуты. В такие темные времена человечеству всегда нужен маяк. Среди мировых культур данным маяком выступает Россия. Хотя для западного мира русский народ, по критериям нового либерализма, является носителем «не того» менталитета, «не той» традиции, «не той» веры [1, с. 779], но, тем не менее, русская культура всегда была интригующим образом чужой цивилизации. Ведь для того чтобы понять образ, мало всматриваться в него как в таковой. Нужно еще мыслить особый отвлеченный привесок, чтобы понять смысл и назначение этого образа [2, с. 39]. Именно познавая «Русский образ» как культурный код, в современном мире, западная цивилизация всегда может реабилитировать свою культуру. Ведь культурный образ России формируется непосредственно как «ковчег» самобытных культур, базируясь на идеях взаимоуважения народов, которые не противопоставляют себя друг другу, а вырабатывают совместную культурную сферу жизнедеятельности в единой государственной системе. Именно такой подход к культурному формированию страны является маяком и ориентиром для других цивилизаций, так как даже во время «толерантного» преобразования общества, показывает, как можно сохранить цивилизацию её наследие и достояние.

Но, тем не менее, негативное политическое влияние Запада очень велико на современный образ России, по средствам внешнего влияния и попытки внедрить либеральную педагогику в социально-культурную систему страны. В такой ситуации сохранение своей культуры, своего культурного кода выходит на первый план. Такие программы как «Русский реактор» [3], «Русская идея» [4], «Русская доктрина» [5], направлены на оборонительную стратегию для сохранения духовно-нравственного и культурного достояния России. В силу агрессивного западного отношения и дискриминации любой возможной контактной группы это единственный выход для того чтобы сохранить свою культуру.

В этом ключе все подобные программы направлены на то чтобы российские социальные институты ставили перед собой цель сформировать культурно-нравственного, духовного человека, который сможет себя идентифицировать как гражданина великого государства для сохранения и продолжения русского многокультурного кода.

Так же отечественные ученые предлагают рассматривать процесс идентификации россиянина с точки зрения моральных основ государства. С этой точки зрения мораль рассматривается как быстрый, автоматический процесс, который сформировался в ходе развития государства. Все сформированные моральные устои действуют догматично, что приводит к жесткому восприятию со стороны граждан, поэтому так важно базировать любую политику на культурно-историческом прошлом государства. Данный аспект вызывает у граждан чувство гордости за отчество, они чувствуют родство с государством и принимают выдвинутые правила и

нормы с большей готовностью, так как видят в этом толику своего вклада в развитие страны. Данная концепция идентичности направлена на установление социокультурного подхода, который охватывает все элементы индивидуальности, включая внутренние конфликты эго с включенностью человека в культурный аспект государства. Данный подход отражает смысл морального развития гражданина на стыке индивидуальности и культуры. В результате идентичность представляет собой целостную картину, которую человек показывает, как самому себе, так и внешнему миру.

В современной России модель связи культурного суждения с моральными действиями человека реализовалась на основе модели когнитивного развития и данный фактор приводит к тому, что происходит активное развитие нравственного мышления человека как члена общества. Эта последовательность приводит к тому, что гражданин на моральном уровне сосредоточивает свое внимание на том, чтобы следовать букве закона, тем самым идентифицируя себя с государством, в котором живет. Данный образ мышления приводит к тому, что гражданин начинает отрицать раннее существующие культурные различия с той или иной национальной культурой внутри одного государства. Поэтому культурно-исторические и моральные факторы идентичности россиян выступают посредником между национальными культурами и альтернативными стилями (образами) жизни. Именно данный подход может быть выбран западным миром для решения культурного кризиса их цивилизаций.

Таким образом, реализация данных программ в Российской Федерации позволяет создать благоприятные условия для формирования моральных компетенций гражданина, которые базируются на справедливости, честности позволяют выстроить взаимозависимость с социальной гармонией и ролью культурной социализации в обществе. А для западного мира реализованная концепция культурного развития России может выступить пособием к спасению своего национального наследия.

Список литературы

1. Панарин А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин / сост., предисл. В. Н. Расторгуев; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
2. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / А. Ф. Лосев / сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
3. Проханов А. А. Русский реактор. Новый запуск («Коллекция Изборского клуба») / А. А. Проханов. – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2017. – 288 с.
4. Гидиринский В. И. Русская идея как философско-исторический и религиозный феномен / В. И. Гидиринский. С. Глазьев, В. Аверьянов, М. Делягин, Л. Ивашов, И. Охлабыстин. – М.: изд. ПСТГУ, 2010. – 168 с.
5. Платонов О. А. Русская доктрина. / О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Лустин Ю.М., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
lustin56@mail.ru

Социальный опыт личности является фундаментальным понятием научного знания и конституирует интегральность человеческой деятельности как единство знаний, навыков, чувств, воли в монолитности всего многообразия их цивилизационных репрезентаций.

К социализированным проблемам опыта человека обращались Аристотель, Платон, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Дж. Локк, Г. Лейбниц, И. Кант, Д. Дидро, К. Маркс, Ф. Энгельс, Н.А. Бердяев, П. Сорокин, Л. Н. Толстой, Г. Плеханов, М. А. Холодная, В. А. Янкова и др.

В своей многоаспектной деятельности личность всегда «опытно определена» в силулогико-гносеологической взаимосвязи с различными свойствами природы, общества и культуры. Результат такого взаимодействия редуцирован типологическим влиянием на человека пространственно-временной событийности. В контексте этого влияния индивид проявляет субъективированную устойчивость в персонализированном проявлении своих свойств, онтологическая и гносеологическая целостность которых в обобщенном виде концентрируется в его индивидном опыте. Ретроспективное формирование и совершенствование опыта личности зависит от многих условий, факторов и ситуаций, которые детерминируют развитие соответствующего уровня его достижимости и отражаются в критериях квалитативной осуществимости (преемственность, устойчивость, оптимальность, безошибочность, комплексность, перспективность) [3].

Социальный опыт любого уровня подразумевает наличие разносторонних связей и отношений между элементами структуры личности. Как отмечают В. И. Кравцов и О. Н. Григорьева, «формирующийся социальный опыт проявляется через качества и свойства личности, составляющие индивидуальность, уникальность конкретного человека на каждом возрастном этапе его развития» [2, с. 59].

Объективная закономерность социального опыта личности континуальна по существенному проявлению и содержательной оформленности в виде концептуального соотношения в нем познавательных моментов типологического сходства, повторяемости и подобия с различными свойствами (качествами) социальных явлений, процессов, процедур (С. С. Кудинов, Т. Е. Малхасян, Н. В. Якса).

Понятие «рефлексия» происходит от латинского *reflexio* («отражение», «обращенность назад»). Важно отметить, что префикс *re* – опре-

деляет «оборачиваемость» действия, его многократную повторяемость. В свою очередь, в переводе с английского дефиниция *flexion* означает изогнутость, искривление, изгибание в направлении иного (М. В. Думинская, Г. В. Ожиганова, И. Н. Семенов, Е. А. Топольская). В дискурсе деятельностного подхода методологический акцент этимологического смысла понятия «рефлексия» констатирует его основные черты: повторяемость, воссоздание, обращенность действия, диалектическая гибкость, принципиальная интенциональность «от себя к себе». На эти особенности рефлексии указывал Г. В. Ф. Гегель: «Ибо опосредствование есть не что иное, как равенство себе самому, находящееся в движении, или оно есть рефлексия в себя же, момент для-себя-сущего «я», чистая негативность, или, низведенное до чистой абстракции, оно есть *простое становление*»[1, с. 16].

Типологическая рефлексия – это конструктивная способность человеческого разума в концептуальном осознании и осмыслении индивидуального многообразия познавательных образов, способствующих целенаправленной практической деятельности. Ее онтогносеологическая направленность субъектологически мотивирована и потенциально ориентирована на обнаружение способности личности иметь в своем внутреннем мире тот или иной познавательный образ, реальную мысле форму деятельностиного самоосуществления. Как следствие, типологическая рефлексия обращает модусы человеческого познания в фактуальность особой данности: интеллектуально определять гносеологическое содержание психики, сознания, мышления человека в типоопределенные формы их практической реализации.

В контексте диалектического подхода, отличительной чертой рефлексивной деятельности психики, сознания и мышления человека, является типовая способность личности обращаться к существенным элементам своего внутреннего мира и тем самым являться содержательной противоположностью к себе (В. Е. Сезeman, А. Г. Спиркин). Стало быть, любой осознанный акт рефлексированного мыследействия с помощью интеллектуального потенциала человека типодан в границах операциональной итерации – ретроспективно возвращаться к основам своего первоначального состояния. Одновременно с этим возникает познавательно-прогностическая проекция дальнейшего личностного развития, которая определена противоречивой интенцией типологического сходства, тождества и различия свойств субъекта социальности.

Типологическая рефлексия детерминирована двумя основными сторонами своего гносеологического обнаружения: с одной стороны, она направлена на образ действия субъекта отражения, творчески реализуемый в реалиях практики его бытии. С другой стороны, она интегрирует в себе интенциональный ракурс познавательной активности, направленный на смысловую предметность объекта, с которым внутренний мир человека феноменологически соотносится. Синтез двух сторон типологической

рефлексии фокусируется в социальном опыте личности, поскольку рефлексивность мыслительной практики индивида постоянно возвращает процесс типологического познания в относительно исходное положение, чем определяет его неадекватность и обеспечивает противоречивый переход на обновленный уровень качественного развития.

Таким образом, типологическая рефлексия является одним из способов познания, который раскрывает подлинный смысл личностного существования. Она не есть какое-то совершенство, абсолютизированное в качестве некой из вне данной субстанции. Динамика воссоздающей способности типологической рефлексии детерминирована постоянным разрешением противоречий объективной и субъективной реальности, сопряженность которых отражает извечное стремление субъекта социальности к истинному постижению цивилизационной содержательности своего Бытия.

Познавательный модус типологической рефлексии обеспечивает переход от воспринятого образа социальной реальности к мыслеобразу практической деятельности общественного индивида. Уникальная особенность типологической рефлексии состоит в отражательной способности *иметь* обращенность к себе и тем самым *быть* противополагаемой себе самой в сложносоподчиненной структуре типологических свойств социализированной личности. Типология гносеологического самоосуществления сходства, тождества и различия свойств фокусируется в социальном опыте деятельности творческого человека.

Деятельностная парадигма рефлексивного самоосуществления неповторимого человеческого «Я» обнаруживает свою уникальность в гносеологическом поле отражательной итерации созидающей личности: «образ реальности – образ конкретной деятельности – мыслеформа практического действия – реальная практика – социальный опыт», чем обеспечивает витализацию типоопределенного существования индивида в информационном социуме.

Список литературы

1. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. – М: Наука (Серия «Памятники философской мысли»), 2000. – 494 с.
2. Кравцов В. И., Социальный опыт личности как философско-педагогический феномен / В. И. Кравцов, О. Н. Григорьева // Вестник ОГУ, 2013. – № 5 (154). – С. 57–61.
3. Finlay L. Reflecting on ‘Reflective practice’ // PBPL CETL. – 2008. – Paper 52. – 27 с..

МОБИЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ, КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Малькова М. А., канд. пед. наук, доц.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
miel78@mail.ru

Солидарность является важной предпосылкой гармоничного развития общества и определяющим условием его стабильности. Исследование этого феномена приобретает особое значение во времена социальных потрясений, поскольку восстановление нормального функционирования социума требует использования всех форм и средств солидаризации для сплочения общества в процессе решения глобальных задач, стоящих перед ним в этот период. Солидарность – один из широко используемых и вместе с тем аморфных понятий, соединяющий многочисленные научные интерпретации с обычной трактовкой. Близкими к понятию солидарность, есть такие понятия, как гармония, единство, консолидация, консенсус, поддержка, сплоченность, единодушие, согласие, взаимодействие и т. д.

Солидарность для социально-философской теории достаточно устойчивое понятие. Изучение идеи солидарности в социологическом ее толковании насчитывает около двух столетий. Однако, несмотря на популярность данного понятия в разные времена, история его изучения имеет достаточно тернистый путь. Как отмечает А. Б. Гофман [2], сосуществование и смешение различных трактовок этого понятия приобретало хронический характер, в результате социальная мысль постоянно колебалась, можно сказать, металась между представлением о социальной солидарности как о религиозной добродетели, моральном долге, политическим лозунгом, элементом государственной политики, социальных и благотворительных движений, с одной стороны. А с другой – это понятие зародилось и начало использоваться в социологии в связи с классовым единством рабочих на фоне развертывания социальных движений против буржуазии в XIX в.

Солидарность – это рациональный выбор, «договор», предусматривающий взаимную ответственность субъекта и сообщества. Эгоистичный по своей сути человек проявляет солидарное поведение, делегируя часть своих суверенных прав группе, сообществу в обмен на уверенность в том, что сообщество возьмет на себя определенную ответственность за индивидов, составляющих ее [5]. В тоталитарных обществах традиционно солидарность достигалась преимущественно за счет насилия и элемента. Эффективный путь формирования социальной солидарности должен базироваться на разделении труда, общих идеях, нравственных

правилах, ритуалах и общих чувствах, а также на взаимодействии индивидов. При этом социальная солидарность понимается как целостность и единство в результате совместных идей, общих чувств, культурных ценностей, моральных норм, предусматривает помочь, поддержку и сотрудничество, закрепленные в сознании личности. Из классических и современных концепций социальной солидарности ближайшей к такому пониманию является концепция диалогической формы солидарности Ю. Хабермаса, в которой социальная солидарность рассматривается, как итог консенсуса между гражданами, достигается при помощи социального диалога.

Согласно Дж. Александеру [1] основаниями солидарности в современном обществе могут выступать только осознанные рефлексивные стремления людей к, как можно, более справедливому обществу. Советская школа по изучению этого понятия, а затем и постсоветская, преимущественно сосредоточили свое внимание на рассмотрении солидарности как механизма интеграции и механизма «социальной революции». Анализ современных социально-философских исследований постсоветского пространства показывает, что сегодня трактовка понятия солидарности ближе к его пониманию не Э. Дюркгеймом, а скорее К. Марксом. Об этом свидетельствуют многочисленные современные исследования солидаризации в разных группах, сообществах, коллективах и т.д. При этом анализ солидарности преимущественно перемещается из общетеоретического рассмотрения феномена (что было характерно для прошлых веков) к его чисто предметному рассмотрению – социальные движения, трудовые, этнические, корпоративные отношения и т.д. Так, современные российские исследователи проблемы солидаризации отмечают, что «предпосылки солидарного сознания и коллективного солидарного поведения имеют двойное происхождение. Они уходят корнями в социально структурированные формы человеческого взаимодействия, но одновременно являются следствием восприятия личностью своего социального пространства. Чем более жесткими являются социальные структуры, чем меньше свободы они предоставляют для саморегуляции личности, тем выше их детерминирующих эффект» [5, с. 12].

Во время обоснования методологических основ исследования солидаризации рабочих, В. А. Ядов и его коллеги обращаются к Н. Луману, отмечая, что потребность солидаризации преимущественно испытывают слабо защищенные слои населения, которые пытаются сохранить то, что имеют. Таким образом, акцентируется классовый характер солидаризации в обществе. Кроме того исследователи ссылаются на теорию А. Маслоу, отмечая, что защитная мотивация «Я» сильнее мотивации достижения.

Современные глобализационные, модернизационные процессы демонстрируют потерю важности территориальных, классовых детерминант при формировании и реализации социальных процессов в современном обществе. Так, У. Бек отмечает, что сегодня происходит творческое саморазрушение целой эпохи – индустриального общества. И эти про-

цессы рефлексивной модернизации разрушают такие традиционные для индустриального общества социальные параметры, как классовые структуры и классовое сознание, гендерные, семейные роли и т.д. Происходит тотальная индивидуализация жизни, становление рефлексирующего субъекта [3].

Современный человек получает возможность выбирать направление своего движения в широком спектре возможностей. Сам выбирать социальную группу, субкультуру, с которой он себя идентифицирует. У. Бек сравнивает поиск идентичности в современном мире с конструктором «Лего», отмечая, что сегодня определение идентичности характеризуется заменой логики «или-или» на логику «включенной дифференциации» – «и то, и другое» и имеет фрагментальный характер. [3, с. 6-7].

Современная солидарность теряет территориальную, классовую ангажированность, перестает воспроизводить постоянную общность интересов, ценностей и перестает быть прерогативой классового, группового сознания.

Мобильность является основной характеристикой современного общества, соответственно и солидарность приняла мобильный (подвижный) характер. Данное утверждение подчеркивает, что такая солидарность в отличие от солидарности территориальной, присуща только относительно небольшим группам, каждый из членов которой не имеет обязательств перед другими и имеет довольно слабые связи с ее членами. Очерчивая специфику современной солидаризации, А. Ф. Филиппов отмечает, что «новая солидарность» – это «ситуативный феномен», который появляется в организации определенных социальных событий [4].

Таким образом, чтобы изучить феномен современной солидарности, нужно отказаться от традиционных территориальных, государственных границ солидарности. Исследование феномена «новой» солидарности связывается сегодня с понятиями мобильности и социальной событийности. Такое понимание дает возможность исследования солидаризации людей, не связанных определенной территорией, например пользователей сети Интернет, и объяснить современный феномен «действия на расстоянии», который наблюдается в информационно-коммуникационном пространстве. В целом платформа сети Интернет сегодня один из новейших факторов формирования и реализации современного солидаризационного процесса.

Список литературы

1. Александер Дж. Ч. Мораль как культурная система: О солидарности гражданской и негражданской / Дж. Александр // Социологический ежегодник, 2011: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; кафедра общей социологии НИУ-ВШЭ; ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – М., 2011. – Ч. 2. – С. 180–185.
2. Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты / А.Б. Гофман. – М. : Новый Хронограф, 2015. – 496 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
4. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая / А. Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 3. – С. 4–20.
5. Реутов Е. В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования). // Социологическая наука и социальная практика, 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 111–125.

УДК 1(071)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Миргородский А.А., канд. филос. наук., доц.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР

Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. Во второй половине XIX – начале XX века в России на основе философии позитивизма интенсивно развиваются два позитивистских направления правовой мысли: юридический и социологический. Видным представителем юридического позитивизма был философ, правовед, социолог Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912). Его перу принадлежат «Учебник русского гражданского права» (1894), «Общая теория права» (1910–1912) и др.

Основная часть. Согласно взглядам Г. Ф. Шершеневича, государство зарождается в целях обеспечения внешней безопасности, а уже затем государственная власть начинает осуществлять внутреннее управление. Со временем выделяется особая группа норм, выполнение которых гарантируется принуждением. В дальнейшем государство не только поддерживает имеющиеся, но и устанавливает новые нормы. Но государство, установив нормы, само обязано их соблюдать, что необходимо для стабильности политического режима. В классическом юридическом позитивизме понятие правового государства либо отвергается, либо объясняется через требование самоограничения государства им же созданным «позитивным правом».

Этой точки зрения придерживался и Г.Ф. Шершеневич. Он отмечал следующие пути формирования правового государства: 1) для устранения произвола необходимо установление норм объективного права, которые определяют пределы, свободы каждого, в том числе и государственной организации; 2) если личная инициатива требует простора, то государству достаточно ограничиться охраной субъективных прав; 3) чтобы новый порядок не нарушился самими органами власти, необходимо строго определить полномочия последних, разделив законодательную, исполни-

тельную и судебную власти. Единственный источник права – государство. Право – это произведение государства и его функция. В данном случае речь идет об отождествлении права и закона. По мнению Г.Ф. Шершеневича, понятие права включает в себя только положительное, действующее право. Он выделял основные его черты: 1) право предполагает должное поведение лица; 2) право всегда связано с государственной властью; 3) право обладает принудительным характером. Из этих черт права он и выводил его определение. Право есть норма должного поведения человека, неисполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов. После длительного господства позитивизма в России происходит возрождение интереса к естественному праву. В значительной степени это было продиктовано потребностью в формировании идеологической базы либерализма и борьбой с абсолютизмом.

При этом позитивисты считали, что такое расширение происходит главным образом за счет нравственности, так как право часто приписывает себе то, что на самом деле создается и поддерживается моралью. Вот почему вопрос о соотношении права и нравственности издавна занимает внимание и философов и юристов. Именно в ограничении права от нравственности представители школы юридического позитивизма видели истинный путь к выявлению сущности права.

Г. Ф. Шершеневич говорит, что слово право «получило в жизни столь широкое и неточное применение, что редкие люди, употребляя его, имеют в уме одно и то же представление. А между тем это основное понятие для всей юридической науки» [5]. С возникновением позитивизма появилась возможность внести некоторую ясность в вопрос о понятии права. Именно представители философии юридического позитивизма, решительно отделив право от морали, внесли огромный вклад в развитие науки о праве. Они в XIX веке определили предмет правоведения и ограничили его анализом юридических норм. На процесс формирования философии позитивизма в России непосредственное влияние оказала западноевропейская философия. В своих теоретических поисках идеологи различных социальных сил России пореформенного периода часто опирались на европейский позитивизм (О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер).

Однако уже в конце XIX – начале XX века позитивистская методология и основанные на ней философско-правовые идеи начинают испытывать кризис. Наряду с этим назревает потребность восстановить богатый запас естественно-правовых идей отечественных мыслителей, имеющим своим методологическим источником классическую немецкую философию. Теория позитивного права противопоставлена теории естественного права [4].

Заключение. Таким образом, право, в соответствии с концепцией юридического позитивизма, есть результат только правотворческой

функции государства, независимой от экономических и классовых отношений, позитивное право – это право, установленное государством.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Восхождения к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2012. – С. 74-92.
2. Валицкий А. Философия права русского либерализма / А. Валицкий. – М.: Мысль, 2012. – 567 с.
3. История философии права // Под ред. Д. А. Керимова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 403-410.
4. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Серия «Мир культуры, истории и философии» / П. И. Новгородцев. – СПб. : Изд. «Лань» Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2000. – 352 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: В 3 т. Т. 1. – СПб., 2005. – С. 59.

УДК 141.131:005.521

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В «ПОЛИТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет»,
г. Киров, РФ
aemikhailov@yandex.ru

Эвристические модели с некоторым прогностическим потенциалом были представлены в ряде философских сочинений Платона и Аристотеля. В процессе конструирования модели государства с наилучшим строем закладывались теоретико-методологические основы социального предвидения и прогнозирования. [2, с. 136; 3. с. 71].

В социальном проектировании Аристотель, как и Платон, следовал необходимости различия осуществимого и неосуществимого. Однако, он старался не переходить некоторую границу входе более подробного рассмотрения вопросов при конструировании проекта наилучшего государственного устройства, Аристотель полагал, что детали будущего становятся очевидными лишь по мере формирования конкретных обстоятельств. Он критично относился к устанавливаемой Платоном гармонии числовых соотношений, лежащих в основе происходящих со временем изменений. Оспаривая ссылку Платона на время, как главную причину изменений, а также некоторые из указанных в платоновских диалогах конкретные причины смены видов государственного устройства. Аристотель указывал на факт множественности причин такого рода преобразований, что выводило прогнозисту за рамки однозначной линейной детерминации.

Аристотель следовалteleologическому подходу, трактуя природу того или иного объекта как состояние, которое завершает его развитие. Он полагал, что у государства есть свои соответствующие его природе задачи, наилучшее выполнение которых делает государство величайшим из всех возможных. Аристотель сомневался в осуществимости проекта Платона, основой которого было положение: «у друзей все общее». Согласно Аристотелю, государство по своей природе не может иметь такую степень единства. То, что Платон считал высшим благом для государств, согласно Аристотелю является для них губительным. Государство, по Аристотелю, – нечто более самодовлеющее, нежели семья, а та – нежели отдельный человек. Но самодовлеющее состояние государства, объединяющего множество в одно целое, будет утрачено, если его единство будет таким как в семье или в отдельном человеке. Поэтому Аристотель заключает: «если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая» [1, с. 405]. Вытекающий из аристотелевских рассуждений вывод о том, что самодовление государства может быть разрушено чрезмерным единством, можно рассматривать как свидетельство антитоталитаристской направленности его проекта.

Но Аристотель в этом вопросе следовал диалектике, видя угрозу для существования государства и в ослаблении его целостности. Например, такая угроза появляется при демократии, когда в число граждан привлекается, возможно, большее количество людей и расширяются возможности для получения прав гражданства лицами, которые ранее таких прав не имели. В этом случае для поддержания единства он предлагал создавать новые общности и объединять граждан на основе общих ценностей. Он писал: «следует вводить новые филы и фратрии, притом увеличить их число; с другой стороны, следует частные святыни объединить в небольшое количество святынь общих и вообще придумать так хитро, чтобы все граждане как можно скорее перемешались между собой, а прежние соединения распались» [1, с. 577].

Аристотель, отдавая дань остроумию, тонкости и новизне рассуждений Сократа, представленных в сочинении Платона, тем не менее, сомневался в их правильности. Количество населения в пять тысяч человек, которое Платон указывал как оптимальное для государства, он считал неприемлемым, полагая, что для обеспечения пропитанием такого количества ничего не делающих людей, да сверх того во много раз большей толпы женщин и прислуги, потребуется территория огромных размеров. Рассматривая вопросы о численности граждан и о размере территории, Аристотель критерием их оптимальности для государства считал самодовление, заключающееся в том, чтобы ни в чем не было недостатка. Согласно Аристотелю, для всего существует известная мера, поэтому в государстве должно быть достаточное для устройства «благой жизни на началах политического общения» количество населения, а размеры территории должны обеспечить возможность этому населению

жить, «наслаждаясь свободой и вместе с тем воздержно» [1, с. 598-599]. Таким образом, Аристотель в своем исследовании акцент смещает с количественных характеристик на возможности государства наилучшим образом осуществить стоящие перед ним задачи и описание наиболее предпочтительного образа жизни для его населения.

Совершенное самодовлеющее существование государства, состоящее в «счастливой и прекрасной жизни» его граждан, может быть достигнуто лишь при наличии ряда условий, которые и рассматривает Аристотель. Он обсуждает наиболее существенные моменты в вопросах о собственности и об имущественном достатке, как и каким образом, следует ими пользоваться; о географическом расположении территории государства и как она должна быть распределена; об обеспечении безопасности; о социальной структуре; о местоположении города и его обустройстве. Однако Аристотель устанавливал для себя некоторый предел детализации при обсуждении таких вопросов, полагая, что подробности нетрудно придумать, но труднее реализовать. «Слова – результат благих пожеланий, их осуществление – дело удачи» – говорил он. Реализация совершеннейшего государственного устройства должна быть достаточно гибкой с учетом зависимости осуществления социального проекта от тех или иных предпосылок, поскольку «зачастую не бывает никаких препятствий к тому, чтобы некоторые государства вместо другого, более предпочтительного самого по себе устройства пользовались иным, но для него более полезным устройством» [1, с. 510]. Но среди предварительно выявленных желательных условий становления наилучшего государственного строя не должно быть ни одного неисполнимого.

Поскольку государство есть общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни, то для Аристотеля было важно определить не только подход к установлению количественной меры гражданского населения, но и свойства которыми оно должно обладать. Государству, стремящемуся к достойному устроению, нужно иметь и достойных граждан. Какими бы хорошими ни были законы в государстве, но им могут не повиноваться. Мало установить хорошие законы, нужно чтобы они исполнялись. Состояние, когда в обществе исполняются существующие в нем законы, Аристотель называет благозаконием. Один из его видов предполагает повиновение имеющимся законам, даже если они плохо составлены, а другой – повиновение прекрасно составленным законам, которые могут быть либо наилучшими из возможных лишь для данных государств, либо наилучшими в собственном смысле слова. Организация наилучшего государственного строя должна каждому человеку дать возможность для благодеяния и счастливой жизни.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984, – 405 с.

2. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
3. Михайлов А. Е. Социальное проектирование в философии Платона. Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 71-73.

УДК 304.5

КАК МОЖНО ОБЪЕДИНИТЬ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ В НАПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Некрасов С.Н., д-р филос. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»,

г. Екатеринбург, РФ

Nekrasov-ural@yandex.ru

Как и вокруг чего можно объединить людей, а нас интересуют в первую очередь наши соотечественники, утратившие общую идею и советские ценности? Как объединить людей страны, которая распалась на 15 территорий, которые стали суверенными странами и которые в свою очередь уже 30 лет стремятся распасться на еще более мелкие осколки? Как объединить людей, которым философы и политики, партийные чиновники и депутаты твердят 30 лет одно и то же: главные идеи идут от ума, главные идеи исходят от главных умов, а значит, сколько этих умов, столько и главных идей, столько и проектов переустройства постсоветского пространства, которое вдруг стало для народа ничьим.

Как объединить россиян и людей, сгруппированных в партии и политические группы, если они принципиально не хотят объединяться, а избирательное законодательство запрещает им вступать в предвыборные блоки и можно сливаться на съездах – «Справедливая Россия» слилась с двумя партиями и поменяла название. Можно, не сливаясь, присоединяться без изменения названия – к КПРФ присоединились 62 объединения, но она так и осталась строчкой в избирательном бюллетене.

На выборах 2003 г. участвовали 23 российские партии, а на выборах в сентябре 2021 г. было 14 партий. Каждая из партий призывала голосовать только за нее и против всех остальных как в песне для фильма «О, спорт, ты – мир»: «выбери меня, птица счастья завтрашнего дня». Подобные песни, как и политические призывы можно назвать песнями-заклинаниями. Видимо, в позднем советском обществе царили настроения бессилия и желания, чтобы всё изменилось в лучшую сторону само собой. Оно и изменилось, но не в лучшую сторону. Предвыборные дебаты 2021 г. – не путь объединения, но путь к раздору и противоборству в обществе.

Складывается впечатление, что на телевизионных дебатах собираются умники, каждый приходит со своим проектом и договариваться они не собираются, поскольку исходят из ума своих партий, но не из практики общества в целом. Ф. Бэкон и К. Маркс обобщили в своих трудах только то, что видно каждому вокруг себя. Это видно каждому неангажированному эксплуататорам трудящемуся. Дело в том, что на практике каждый крестьянин, мастеровой, а еще лучше пролетарий, когда он превращает «А» в «Б», видит, ощущает процессы, и функции предметов, тем самым ощущает общее, существенное, и закономерное в вещах, ибо всё это в процессах и функциях вещей обнаруживается.

Каждый трудовой коллектив имеет за счет кооперации не только существенную прибавку в физическом воздействии на вещи, но и психическую прибавку в познании: три человека, работающих вместе, уже при мануфактурном производстве делают больше булавок, чем двадцать тружеников, работающих по отдельности. Такой рабочий ощущает одновременно в пространстве то, что индивид в принципе ощущать не может. И он ощущает во времени то, что превосходит способности индивида.

Известно, что отдельные люди умирают, а коллективы остаются. Но если уничтожить коллективы, то и совокупные отдельные люди перестают быть членами коллектива, совокупными работниками. Так при либеральной западнической перестройке СССР осуществлялся подрыв духа колlettivизма на промышленных предприятиях и первичных трудовых коллективах. Шло насаждение духа индивидуализма и эгоизма, и после завершения перестройки в рамках разрушительных антинародных реформ шло сокращение численности коллективов.

Под маркой оптимизации либеральные реформы обескровливали коллективы совершенно также как происходило их перепрофилирование в советское время под соусом конверсии. В результате вместо многотысячных коллективов с крепкими партийной и профсоюзной организациями складывались группы сдельщиков-временщиков. В высшей школе и научных организациях реорганизация разрушала коллективы сложившихся кафедр, факультетов и вузов, а их слияние и переименование вымывало лучшие кадры, не желавшие приспособливаться к западнизации систем науки и образования в ходе внедрения бакалавриата и магистратуры вместо специалитета, разрушения аспирантуры как научной формы подготовки кадров высшей квалификации. Почему лучшие кадры советской цивилизации как цивилизации высшего исторического и человеческого уровня не могли вписаться в спиральное скольжение вниз последних 30 лет? Потому, что они поняли, что превращаются в обычных атомизированных индивидов-обывателей, утрачивают когнитивные способности, коллективные социальные чувства. Бесконечное во времени может быть ощущаемым только при бесконечном продолжении жизни человечества, а это возможно только при коммунизме, при коммунистической перспективе

развития общества. Точка зрения коллектива и общего выше точки зрения уникального человеческого «Я».

В сущности, Ф. Бэкон и К. Маркс в своей теории познания своим подходом к пониманию коллективного рабочего преодолели глобальное вранье, существовавшее в классовом обществе веками и тысячелетиями. У советских людей был шанс вырваться из сетей глобального вранья, навязанного в 1935 г. и вошедшего в учебники философии, логики, психологии и педагогики, перейти на позиции теории познания, которые стихийно признает каждый рабочий и каждый трудовой коллектив и перестать глобально врать. А что произошло в 1935 г. сразу после убийства С. М. Кирова? Тогда уже в СССР, а не только в мире в XX в. махистскую, эмпириокритицистскую точку зрения Аристотеля-Маха-Рубинштейна выдали за марксистскую и правильную точку зрения. В предисловии к «Основам психологии» С. Л. Рубинштейн в 1935 г. предупредил, что его книга рекомендована для всех вузов Наркоматом просвещения и что лично И. В. Сталин эти «основы» одобрил.

Мнение автора «Основ психологии» совпало с мнением Аристотеля в трактате «О душе», считавшего, что «ощущаемые вещи единичны и внешние» [1, с. 406], совпало с мнением Фомы Аквинского, считавшего, что «ощущение познает лишь единичное..., сущность не может быть созерцаема» [2, с. 834-835], совпало с мнением махиста-эмпириокритика П. Дюгема, будто бы «наши ощущения открывают только внешнее и поверхностное» [3, с. 330]. В результате в нашей стране указания сверху стали считаться обязательной истиной.

Газета «Завтра» в статье А. А. Проханова «Лживотворящее древо» по существу давно поставила такой диагноз: «Никогда на Руси не лгали так, как сегодня. Лгут все и везде, по всякому поводу, огромно и мелко, корыстно и бессмысленно. Лгут министр и околоточный, правозащитник и проститутка, каждая молекула воздуха, каждая птичка на голове памятника-новодела. Кажется, всех нас накрыла тень огромного, лживотворящего древа» [4]. Вранье или по-новому фейки и фейк-ньюс, вся постправда стали нетерпимыми в том числе и для самих лгунов. С ним надо начать решительную войну. А с чего надо начинать? Начинать надо с преодоления глобального вранья, которое питает все прочие виды вранья. Начинать – с объединения тех людей, которые уже сегодня готовы выступить против лживых основ объяснения мироздания. Это означает, что в России должны появиться центры борьбы против глобального вранья. Вруны и жулики, преступники и террористы объединяются. Пора и честным людям объединяться. Тут нужны философы. Нужна философская платформа объединения.

Список литературы

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. –Т. 1, М.: «Мысль», 1976. – 549 с.

2. Антология мировой философии в 4 т. – Москва: Мысль, 1969-1972. Философия древности и средневековья. Ч. 2. – 1969. – 361 с.
3. Цитировано по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин В. И. ПСС.М.: ГИПЛ, 1963. т. 18. – 620 с.
4. Газета «Завтра». – № 47. – 16 ноября 2004 г.

УДК 130.2

СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ МИФА

Прокопенко Д.С., Шелюто В.М., проф.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
ki_monov@mail.ru

Современные реалии информационного общества формируют острую необходимость в понимании основных принципов социализации и культурной преемственности, что в свою очередь придает особое значение мифу, как культурной единице. Миф – своего рода фундаментальная ценность любой культуры. Миф не только формирует культуру, являясь ее истоком, но и содержит в себе основные ценности данной культуры. Такая взаимосвязь позволяет определить как морально-ценостные ориентиры рассматриваемой культурной парадигмы, так и ее основные институты. Даный факт делает миф историчным, даже при условии, что его основной сюжет может быть вымыслом. Начала общественного и личностного бытия раскрываются в мифе, что дает нам ключи для понимания современной культуры, ее корней и ее возможных перспектив. Следовательно, совершенно необходимы исследования роли и сущности мифа в современной культуре. Особое внимание следует уделить мифологическому сознанию современного человека, а также мифологизации общественного бытия.

На ранних этапах становления той или иной культуры, говорить о цивилизации нельзя, в силу недостаточности культурного фундамента. Общество, способное к устойчивому и продолжительному существованию, образуется за счет непрерывного и неизбежного влияния определенных систем взглядов, способных сдерживать бурный поток разнообразных мнений и желаний, характерный для любого социума. Имея в наличии огромное число индивидуальных позиций каждого члена, общество обращается к собственным базовым принципам и убеждениям ради регулирования своих разногласий.

Миф является одной из самых ранних форм мировоззрения. Именно миф раскрывает перед индивидом процесс возникновения и становления мира в его текущем виде. В социальном плане миф обеспечивает сплоченность народов в масштабах целых государств, заменяя собой

межплеменную конкуренцию, доказавшую свою малоэффективность перед крупными сообществами, объединёнными культурно. Также мифология раскрывает перед человеком пусты и метафоричную, но правдоподобную картину мира, определяющую духовно-нравственные ориентиры не только отдельного человека, но и всего социума в целом.

Господство мифологии в рамках культуры послужило крепким фундаментом становления цивилизации. Миф достаточно универсален, чтобы заменить собой любую форму мировоззрения, что позволяет ему оставаться актуальным и по сей день. Являясь в своей сути истоком современной философии, науки и религии, мифология несет в себе социализирующую функцию, сохраняя, преумножая и транслируя культурный код поколение за поколением. Мифологическое сознание – это та форма мироощущения, к которой человек легко может прийти, разочаровавшись в любой другой форме мировоззрения.

Миф в своей структуре имеет два уровня: понятийный и образный. Сочетание рациональных понятийных структур и чувственных образных представлений дает мифологии невероятный простор для самореализации в рамках культуры. Такая универсальность, в рамках социализации индивида, представляется как наиболее приемлемая альтернатива, удовлетворяющая основные когнитивные потребности человека. Это позволяет мифу сохранять свою актуальность на протяжении веков, оставаясь при этом живым отражением культуры.

Задача мифа в культуре – дать индивиду прочный морально-нравственный и мировоззренческий фундамент в рамках процесса социализации. Господство мифологии на протяжении длительного времени во многих культурах только подчеркивает эффективность мифа. Будучи живой единицей культуры, миф позволяет сделать бытие актуальным, но при этом придать ему вечность и неизменность. С этой точки зрения, мифология позволяет преодолевать, например, страх страданий и неизбежной смерти.

Современный мир в своем разнообразии отражает множество форм мировоззрения, и мифология среди них все так же остается актуальной. Миф, как культурная единица, присутствует практически во всех областях культурного пространства современности. Миф скрепляет восприятие действительности в целостную картину, придавая завершенность как религии и идеологии, так и науке с искусством.

Список литературы

1. Голосовкер Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
2. Культурология. ХХ век. Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. – 446 с.
3. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
4. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 448 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.

6. Осаченко Ю. С. Введение в философию мифа / Ю. С. Осаченко, Л. В. Дмитриева. – М.: Интерпракс, 1994. – 173 с.
7. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
8. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 448 с.

УДК 101.9

ЛИЧНОСТНОЕ САМОРАЗВИТИЕ КАК ПУТЬ САМОПОЗНАНИЯ И САМОСОЗИДАНИЯ

Романова А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
anna.romanova1810@gmail.com

Вопрос личностного развития в современном научном знании является достаточно актуальным, и различные его аспекты были рассмотрены многими авторами – представителями как философского знания, так и психологии, педагогики, социологии, истории и других наук. При этом постоянно сохраняется потребность в научных работах, которые систематизируют проблемы, связанные с динамикой личностного бытия в глобальном социокультурном контексте.

Общетеоретическая философская база вопроса личности и ее развития раскрывается в трудах Г. А. Антипова и Д. А. Михайлова, С. А. Арутюнова и С. И. Рыжковой, В. С. Барулина, З. Баумана, А. П. Валицкой, Э. В. Гиругова, В. Д. Губина, Н. Д. Короткова, С. Э. Крапивенского, А. И. Матвеевой, К. С. Пигрова, А. Н. Чумакова, Т. М. Ярошевского и др.

В философских работах, посвященных проблеме саморазвития личности часто фигурирует понятие «самосозидание». Как пишет в своем исследовании С. Я. Подопригора, самосозидание – это общая индивидуальная стратегию личностного развития, в то время как самовоспитание и самореализация – это особенные индивидуальные стратегии. Самосозидание, самовоспитание и самореализация являются инструментами культурной идентификации личности [1, с. 16].

В методологическом аспекте философия личностного саморазвития характеризуется двумя подходами – культурно-историческим и субъектно-деятельностным. В контексте культурно-исторического подхода к личности (который также можно назвать экзистенциально-гуманистическим), основанного на идеи развития как естественного процесса раскрытия личностных характеристик и способностей, понятия саморазвития, самоактуализации и личностного роста рассматриваются как полностью синонимичные.

Для субъектно-деятельностного подхода к личности, основанного на идеи ведущей роли воспитания и образования, такое отождествление не

характерно. В контексте этого подхода саморазвитие описывается как сознательная деятельность человека, направленная на максимально полную реализацию себя как личности, как форма жизнетворчества человека, культивирования собственной уникальности путем расширения творческих возможностей [2, с. 82]. Саморазвитие в этом случае трактуется как форма развития, двигателем которого осознанно выступает сам субъект. М. А. Щукина дает следующее определение саморазвитию: «качественное, необратимое, направленное изменение личности, осуществляемое под управлением самой личности как субъекта развития» [3, с. 7]. При этом М.А. Щукина подчеркивает, что префикс «-само» предполагает не просто тот факт, что процесс развития относится к себе, к собственной личности, но также и то, что он происходит сознательно, при сознательном управлении со стороны личности. Такой подход нельзя абсолютизировать, поскольку в саморазвитии присутствуют бессознательные элементы, поскольку на практике зачастую человек не ставит перед собой задачу «личностного роста» или «саморазвития», а приходит к развитию и трансформации своей личности через обучение, приобретение новых навыков, рефлексию, мировоззренческие трансформации и т.д.

Личностное саморазвитие всегда включает в себя самопознание. В марксизме самопознание – это условие принятия ответственности за собственное развитие. Самопознание – это изучение личностью своих духовных и физических особенностей, которое начинается в раннем детстве и продолжается в течение всей жизни. Ценность самопознания была осознана еще мыслителями Древнего Востока (Буддой, Лао-Цзи, Конфуцием) и античными мыслителями (Сократом, Платоном, Аристотелем и др.). Согласно К. Роджерсу, самопознание является условием личностного роста. Н.А. Бердяев писал: «...моя личность не есть готовая реальность, я создаю ее, создаю тогда, когда познаю себя, я есть, прежде всего, – акт» [4, с. 263]. Утверждение о единстве развития и познания является справедливым и в отношении к категории личностного саморазвития. Саморазвитие всегда предполагает самопознание, которое осуществляется на трех уровнях – физическом, социальном и личностном. На физическом уровне личностное самопознание направлено на познание своей телесности и своих физических возможностей. На социальном уровне самопознание – это познание себя как субъекта социальных отношений, культурных норм и ценностей. На личностном, наиболее глубоком уровне самопознания оно предстает как свобода, творчество, поиск путей самоактуализации и реализации своего внутреннего потенциала. К практическому аспекту самопознания относятся самонаблюдение, самоанализ, самопонимание, самопринятие, самоуправление (саморегуляция), а также самовыявление и самосовершенствование. Самовыявление – это понятие, сформулированное В. Дильтеем и обозначающее в его философском учении основную форму саморазвития личности, когда она как бы «обнаруживает себя» во внешнем мире. Схожим содержанием

обладает понятие «открытие своего «Я»», сформулированное в философии А. Шпрангера.

Самосовершенствование – это целенаправленная деятельность личности по систематическому формированию и развитию у себя положительных качества и устранению отрицательных. Слово «самосовершенствование» восходит к греческому корню *telos* – «верх», «полнота», «цель». В целом, самосовершенствование в контексте нашего исследования является синонимом саморазвития. В различных культурах в различные исторические эпохи подходы к самосовершенствованию имели свои отличительные особенности. Так, в буддизме самосовершенствование заключается в борьбе со страстями и привязанностями и практике восьмеричного пути. В христианстве самосовершенствование означает степень приближенности к Богу как высшему совершенству. Зачастую самосовершенствование понимается как процесс развития неких положительных моральных, волевых и других качеств. При этом в индивидуальной трактовке у совершенствования (или у саморазвития) может быть и обратная сторона. Так, самосовершенствоваться можно и в навыках манипуляции, и в любой деструктивной деятельности.

Таким образом, саморазвитие личности – это процесс становления, развития и совершенствования качеств, свойств и функций личности, относящихся к физическому, социальному и духовному аспектам ее бытия под влиянием биологического и социокультурного факторов. Категория саморазвития личности тесно связана с такими категориями как «самосознание», «самопознание», «самость», «личностный рост», «самопонимание», «самосовершенствование», «самосозидание», «самовыявление», «открытие своего «Я»» и др.

Список литературы

1. Подопригора С. Я. «Индивидуальная стратегия самосозидания как способ культурной идентификации»: диссертация... доктора философских наук: 24.00.11; 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2003. – 355 с.
2. Фризен М. А. Феномен «саморазвития» в проблемном поле современной психологии / М. А. Фризен // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 75-85.
3. Щукина М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения / М. А. Щукина // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 7-22.
4. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991. – 445 с.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СИНТЕЗА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Рочняк Е.В., доц.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
lero1981@yandex.ru

Наиболее яркой характерной чертой современной науки является безусловно синтез знаний, всплеск интереса к которому произошел в 70-х годах XX века. В свое время академик Б. М. Кедров[2] различал три основных вида синтеза научного знания: 1) синтез в рамках одной научной дисциплины (например, ботаники); 2) синтез в пределах ряда дисциплин, но входящих в состав одного итого же обширного комплекса наук, одной широкой отрасли естествознания, обществоведения, технических наук и др; 3) синтез, выходящий за пределы любого одного из таких комплексов, объединяющий знания нескольких, иногда даже многих отраслей, которые существенно отличаются по своей предметной характеристики. Теперь эти виды чаще всего называют внутридисциплинарным, междисциплинарным и межотраслевым синтезом. И если раньше синтетические процессы преимущественно не выходили за рамки небольшой группы наук или даже отдельной дисциплины, то в течение последних десятилетий все чаще соединяют совершенно разные области знания. В этом состоит одна из существенных особенностей современного этапа развития научного знания.

Внутридисциплинарный синтез был хорошо известен классической науке прошлых эпох. К простейшим его формам относится любое обобщение эмпирических данных, добытых путем наблюдения или эксперимента (даже еще не на теоретическом уровне). На высших стадиях он осуществляется в форме построения научных концепций или даже теорий (тем самым приобретая концептуальный или теоретический характер) и открытия законов определенной области знаний, которая изучает конкретную, ограниченную сферу действительности или отдельный ее аспект. Примерами внутридисциплинарного синтеза являются клеточная теория и теория эволюции видов в биологии, открытие закона сохранения и преобразования энергии в физике, периодический закон элементов в химии и т.д. Ветвление каждой из этих наук в процессе углубления их специализации вызвало объективную потребность в выработке конкретных форм их внутреннего единения и целостности. Поэтому внутридисциплинарный синтез и сейчас остается важным средством сохранение и восстановление единства научного знания.

Междисциплинарный синтез, по определению А. М. Орехова, представляет собой «соединение, слияние различных типов дисциплинарного знания, главной целью которого является достижение эффективного научного результата» [3, с. 92], т.е. увеличение «коэффициента

полезного действия» ученого при уменьшении трудовых и временных затрат. Важной особенностью междисциплинарного синтеза является то, что происходит среди дисциплин, входящих в единый комплекс наук, например, социо-гуманитарные, технические или естественные науки. Примерами междисциплинарного синтеза являются исследования в рамках таких наук как нейробиология, биохимия, социолингвистика.

Последние несколько лет в российском академическом сообществе наряду с термином «междисциплинарность» активно используются понятия «трансдисциплинарность», «интердисциплинарность», «кроссдисциплинарность», «мультидисциплинарность», которые являются не синонимами, а частными случаями междисциплинарного синтеза. Рассмотрим данные понятия подробнее.

Понятие «трансдисциплинарность» пожалуй, является наиболее широким среди указанного выше ряда. Многие исследователи считают, что если «междисциплинарность» – это важнейшая характеристика науки на переходе от «классической» ее стадии к «неклассической», то «трансдисциплинарность» – это атрибут постнеклассической науки, имеющей дело со сложными, саморазвивающимися системами. Л. П. Киященко рассматривает «трансдисциплинарность» прежде всего как «современный тип производства научного знания, который представляет собой гибрид фундаментальных исследований, ориентированных на познание истины, и исследований, направленных на получение полезного эффекта. Трансдисциплинарность размещена в интервале между истиной и пользой, образуя тем самым антитетически составленную проблематичность, разрешение которой происходит «здесь и сейчас». При этом смещаются локусы производства знаний за рамки и границы научных дисциплин и социальных институтов» [3, с. 24].

«Интердисциплинарность» подразумевает заимствование отдельных идей, теорий и методов из других наук для решения конкретной научной проблемы внутри одной дисциплины. Х. Х. Джейкобс трактует интердисциплинарность как «поле знания и подход к курсу обучения, которые сознательно применяют методологию и язык более чем одной дисциплины для изучения центральной темы, вопроса, проблемы, события или опыта» [4, с. 8]. А по Н. Моти, интердисциплинарность – это сочетание в одно целое компонентов двух или более дисциплин с целью нахождения нового знания[6]. Иначе говоря, интердисциплинарные подходы направлены на решение задач, характеризующихся сложностью и широкомасштабностью, однако находящихся в рамках одной дисциплины.

«Кроссдисциплинарность», по мнению Л. Р. Мииф, представляет собой обозрение одной дисциплины через призму другой, например история математики [5]. Примером кроссдисциплинарности может быть также рассмотрение и объяснение предмета изучения одной дисциплины с точки зрения и через понятия другой, например, биоэтика, изучающая моральные проблемы, связанные с достижениями биомедицины и генетики.

«Мультидисциплинарность» подразумевает изучение одной проблемы представителями различных дисциплин независимо друг от друга, без конструирования общего универсального знания. Согласно Е. Н. Князевой, полидисциплинарность – это «неинтегративная смесь дисциплин, в которой каждая дисциплина сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, не видоизменяя и не дополняя их, подвергаясь воздействию со стороны других дисциплин.» [1, с. 193]. Здесь правомернее говорить о междисциплинарном взаимодействии, а не синтезе, т.к. границы дисциплин сохраняются.

Межотраслевой синтез базируется на теоретической интеграции отдельных ветвей научного знания (технического, математического, естественного, социогуманитарного) и представляет собой наивысший, самый кардинальный и сложный вид синтеза знаний. В качестве примеров межотраслевого синтеза можно назвать такие науки как бионика, кибернетика, синергетика, общая теория систем, экология. По своей природе глубокосинтетические, такие отрасли несут, бесспорно, особенно мощный зарядэвристичности в познании мира, поскольку созданные ими познавательные средства весьма высокого уровня всеобщности пригодны для решения самых различных научных проблем.

Исследования, базирующиеся на синтезе научных знаний, являются интегративными, продуктивными и креативными в современном научном дискурсе. По многочисленным прогнозам именно специалисты в междисциплинарных и межотраслевых областях будут наиболее востребованными и высокооплачиваемыми.

Список литературы

1. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные исследования в гуманитарных науках / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного Педагогического университета. – 2011. – № 10.– С. 193-201
2. Науки в их взаимосвязи: История. Теория. Практика / Б. М. Кедров, В. Л. Рабинович, А. П. Огурцов и др.; отв. ред. Б. М. Кедров. –М.: Наука, 1988. – 285 с.
3. Орехов А. М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования / А. М. Орехов // Социум и власть. – 2018. – №3 (71). – С. 91-97.
4. Jacobs H. Interdisciplinary Curriculum: Design and Implementation. Alexandria / H. Jacobs. – VA: Association for Supervision and Curriculum Development, 1989. – P. 8.
5. Meeth L.R. Interdisciplinary Studies: Integration of Knowledge and Experience. / L. R. Meeth– Change, 1978. – Vol. 10. –P. 6–9.
6. Moti N. Ten Cheers for Interdisciplinarity / N. Moti // Social Science Journal 34. – 1997. – № 2. – P. 201 – 216.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Самохина А.А., Половинкина И.С.,

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
anastasiasamohina25@gmail.com

Введение. Ответственность – категория, совмещающая философские предпосылки и правовые следствия. Это понятие рассматривается в постоянной динамике, изменении и трансформации во времени. Это, в том числе, позволяет рассуждать о смысле внутренних социальных процессов современного общества и каждой отдельной личности.

Основная часть. Э. Левинас отмечал, что: «Ответственность переносит центр тяжести отдельного бытия за его пределы». И далее: «становясь ответственным, я нахожу свою высшую реальность» [2]. По Э. Левинасу ответственность – первичная, изначальная форма социальности. Ответственность глубоко субъективна. Но это субъективность социального существа. Точка, из которой возникает ответственность и есть «я». «Быть Я значит избавиться от возможности уклониться от ответственности» [2]. Э. Левинас считает, что высшим назначением человека является его ответственность.

Термин «ответственность» тесно коррелирует с философской трактовкой свободы. Парадокс человеческой социальной жизни заключается в необходимости соблюдать персональные ограничения ради всеобщего блага – свободы каждой отдельной личности. Человек, нарушающий это правило, вынужден нести моральную, а в некоторых случаях – правовую ответственность.

Свобода порождает ответственность личности за принятое решение и поступки перед обществом и самим собой. Свобода и ответственность – две стороны созидательного толка. Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу.

С начала 20-х годов XXI века общество пересматривает стандартный подход к определению ответственности, ставя во главу угла самоответственность. Проблема самоответственности подробно рассматривается в религиозной философии. С. Л. Франк связывает свободу, ответственность и творчество человека с его жизненным внутренним опытом, понимаемым как «опыт общения с людьми», «нравственный опыт», «религиозный опыт», «эстетический опыт», «опыт общения с Богом». Соотношение свободы и ответственности он рассматривает сквозь призму греха: грех – это недолжное, это то, от чего мы обязаны воздерживаться и при совершении чего мы осознаем нашу вину [3]. С точки зрения С. Л. Франка, грех, свобода и ответственность – это одна проблема.

В этой трактовке свобода представляет собой выбор между добром и злом. Выбор цели и средств ее достижения – творчество. Оно предполагает предъявление определенных требований к его результатам, то есть творчество по природе ответственно. Если человек не творец, то он не свободен, а ответственность за действия стремится возложить на других людей.

Следовательно, центральная проблема определения конкретных рамок личной ответственности перед собой и другими – чрезмерная свобода современного человека. Возможность создавать и управлять, модифицировать и совершенствовать любую из сфер жизни накладывает на человека необходимость резкого вовлечения в социальный процесс, а значит – вырывает его из отчужденного состояния. Отчужденность при этом свойственна отечественному человеку. Ряд историко-культурных событий, длительные политические преобразования привели к нестабильности экономико-правовой системы. В результате понимание цепочки «действие – следствие» не до конца сформировано у взрослого поколения, и неполнценно формируется у молодежи.

Главная проблема ответственности в современном мире, который характеризуется мультисистемностью, состоит в том, что человек выступает агентом тех или иных социальных институтов и принимает решения исходя из логики их развития (аутопозиса), а не из интересов совместно живущих людей. В связи с этим необходимо исследование интегративных механизмов, соединяющих людей в общество и достижение баланса между множеством видов ответственности, определяемых институтами и «большой ответственностью» перед человечеством, обществом и природой.

Личность несет ответственность за каждое свое осмысленное действие. Она свободна изъявить свою волю и выбор по отношению к внешнему объекту, посчитав свою ответственность с личными убеждениями. На основе свободы воли личность утверждается, занимает свое собственное место в картине мира.

Ответственность выступает не как некая абстракция, она имеет конкретные формы бытия. Она тесно связана с самосознанием и уровнем культуры социального субъекта. В данном контексте уместно рассмотреть правовую ответственность как часть самосознания индивида.

Человек, неся ответственность перед законом и социальную ответственность реализует главное этическое правило: относись к другим так, как хочешь, чтобы другие относились к тебе. Это и обуславливает необходимость самоограничения, а значит – доказывает важность фиксации ответственности за конкретные проступки.

Степень личной свободы становится тем выше, чем больше и чем дальше человек делает то, что ему хочется [1, с. 74]. Отсутствие правового контроля ведет к хаосу.

В нравственной ответственности лидируют факторы совести и долга; в психологической – факторы стыда, переживания по поводу невы-

полненного обязательства. В правовой – возраст человека, его психическое состояние.

Выводы. Ответственность как философско-правовая категория фиксирует зрелость свободы человека в выборе ценностей, целей, средств и способов их достижения, в понимании последствий действий (или бездействий) не только для других людей, но и для себя. Подлинная свобода имеет границы: она ответственна. Когда человек хочет быть уверен в справедливости своего желания, действия, поступка, он руководствуется ответственностью. Эта философско-правовая категория дает возможность ориентироваться в системе других видов социальной ответственности, то есть выявить, с одной стороны, общее, а с другой, – определить ее особенности как социальной ответственности специфического вида. Признание ответственности за собственные поступки, не игнорирование следствий своих действий на порядок упрощает человеческую жизнь. Понимание принципа работы этого механизма позволяет совершенствовать социальность.

Список литературы

1. Краснослободцева Н. К. Феномен свободы в контексте проблем современного человека / Н. К. Краснослободцева, В. Н. Влазнев // Журнал «Право и общество», секция «Социально-экономические явления и процессы». – Т. 11. – 2014. – С. 72-76.
2. Логинова А. А. Философия ответственности // Онлайн-журнал «Pandia», раздел «Философия». – URL: <https://pandia.ru/text/80/070/33114.php> (Дата обращения: 27.09.2021).
3. Философия права: учебник для магистров / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 364 с.

УДК 140.8

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Севостьянов Д.А., д-р филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет»,
г. Новосибирск, РФ
dimasev@ngs.ru

Государственное строительство в России отличает особая специфика, которая соответствует имперскому характеру российской государственности. Философский подход к пониманию государственности в нашей стране существенно отличается от того, что можно наблюдать в других странах мира, поскольку русский опыт строительства континентальной империи существенно отличается от известного опыта строительства национальных государств или колониальных империй.

Этот подход основан на русском национальном характере. Ошибочно было бы сводить эту (исторически формировавшуюся) специфику к характеру православного мировоззрения, как это практически постоянно делалось в дореволюционной русской культуре. Здесь, вернее сказать, действует обратная зависимость: не православие определяет особенности характера, а как раз характер народа определял и определяет особенности русского православия, сравнительно с другими течениями христианства. Иначе пришлось бы признать, что заимствованная Русью от Византии ветвь христианства сформировалась неведомым образом сама собой и приобрела свои особенности из ниоткуда, притом что в Византии эта же вера причине породила совершенно иной набор ценностей.

Становление русского национального характера происходило под влиянием множества факторов, на базе большой совокупности географических, политических и социально-экономических условий [3]. Однако, для нас представляют интерес не причины, а результаты. После нескольких не слишком удачных попыток государственного строительства, с момента возвышения Москвы, в русском государстве возобладал и установился более или менее постоянный порядок отношений с другими странами и народами. И важнейшее нравственное установление в данном порядке можно сформулировать так: «все люди – люди».

Это на первый взгляд само собой разумеющееся, даже тавтологическое высказывание отнюдь не выглядит таким, если обратиться к практике государственного строительства, войн и межнациональных отношений, наблюдавшихся у других народов. Примеров можно привести множество.

Так, например, считали ли японские военные, осуществлявшие Нанкинскую резню, истребляемых ими китайцев такими же людьми, как они сами? Считали ли англосаксонские поселенцыaborигенов Тасмании, истребленных буквально до последнего человека, людьми, этически равными себе? Считали ли те же завоеватели-англосаксы американских индейцев людьми? Вопрос, скажем так, риторический.

Россия вела множество войн, и не все эти войны были оборонительными. Но в любой такой войне противная сторона, как правило, расчеловечиванию не подвергалась. Субъекты, относящиеся к стану противников, пусть иного языка, иной культуры и иной веры – все равно оставались в представлении русских людьми, и никем иным. И если какая-либо территория, вместе с населяющим ее народом, присоединялась к России – все представители вновь обретенного населения становились в ряд со всеми другими русскими подданными и ничем, по существу, в дальнейшем не отличались от них. Мало того: выходцам из нетитульных национальностей вполне позволялось входить в состав правящих элит – и не только на «бывшей своей» территории, но и на общегосударственном уровне. Тому может быть приведено множество примеров.

Разумеется, принцип равноправия всех народов, населяющих Российскую империю, соблюдался не всегда. Но общий вектор данной политики был в целом таков, и именно на нем базировалось потом так в итоге и не завершившееся формирование такой наднациональной общности, как «советский народ» (хотя и декларировалось, что национальный вопрос в СССР решен полностью) [2]. Во всяком случае, если бы такой подход изначально не соответствовал ценностям, присущим русскому национальному характеру, подобная попытка была бы обречена на провал еще в самом начале. В то же время национальная политика, проводившаяся в советский период истории, зачастую подпитывала местный национализм в национальных республиках, что имело наблюдаемые ныне последствия. Однако и эта политика, пока она проводилась, все же соответствовала представлениям о том, что «все люди – люди» и никто расчеловечиваться не должен. И этот подход фактически унаследован новой российской государственностью.

В связи с данным отношением к народам, населяющим Россию, возникали дискуссии, как же следует именовать население нашей страны – «русскими» или «россиянами». Слово «россияне» зачастую называют искусственным, награждают его всякими нелестными эпитетами, исходя из антипатии к Б. Н. Ельцину и его окружению, которые считались ответственными за то, что русских перестали называть русскими [1]. Но возникает вопрос: как иначе называть жителей нашей страны, исходя из того, что страна эта многонациональна, а неравенство по национальному признаку не является приемлемым? Можно ли зачислять в «русские», например, татар, якутов или ненцев, и согласятся ли они на это сами?

В качестве еще одной иллюстрации обсуждаемой черты русского национального характера вспомним отношения, которые (взаимно) продемонстрировали применительно друг к другу народы СССР и Германии во время Великой Отечественной войны. Для немца, входившего в состав гитлеровской армии, житель завоеванной (оккупированной) территории СССР был прежде всего недочеловеком, низшим существом, подлежащим порабощению или уничтожению, по отношению к которому дозволялись всевозможные кровавые безобразия. Но для солдат и офицеров РККА представители населения завоеванной вражеской территории были и оставались людьми («все люди – люди»). Разумеется, те, кто осуществлял против наших соотечественников геноцид, подлежали справедливому возмездию. Но даже и они рассматривались прежде всего как люди, пусть и совершившие преступление – именно как люди, несущие всю полноту ответственности за свои деяния. Никакие попытки «мести» по отношению к немецкому населению не допускались, а если и бывали подобные precedents, то они пресекались быстро и жестко.

Примечательно, что после распада СССР в образовавшихся национальных республиках можно наблюдать поспешный отказ от тех нрав-

ственных принципов, на которых веками осуществлялось российское государственное строительство. Иначе говоря, для новообразованного национального самосознания в этих государствах уже «не все люди – люди»; «люди» – только «свои», а часто – еще и те, кто громче всех кричат, что они «свои» (стоит вспомнить небезызвестного Михаила Саакашвили, публично заявлявшего, что он – украинец). Отсюда и позорный институт «неграждан» в Прибалтике, и исход русского населения из государств Средней Азии, и тот националистический шабаш, который можно наблюдать на Украине. Имперский подход, присущий русскому самосознанию, представлял собой гораздо более высокую форму межэтнических и межнациональных отношений, чем то, что можно было в тот же период наблюдать и в Европе, и в Америке. Попытки же строить на руинах империи обособленные национальные государства привели в этом отношении в основном к деградации, к шагу назад, а нередко и к возврату в родоплеменную архаику.

Список литературы

1. Васильев А. Д. Игры в слова: россияне вместо русских / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25. – С. 35-43.
2. Завьялова М. Н. Теоретические подходы к исследованию межнациональных отношений в России (исторический аспект) / М. Н. Завьялова // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 5. – С. 334-340.
3. Хомяков В. И. Парадигмы русского национального характера / В. И. Хомяков, О. В. Винская // Вестник ОмГУ. – 2012. – № 3 (65). – С. 224-226.

УДК 331.101

РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергиенко Н.Л., д-р филос. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,

г. Краснодар, РФ

kaf.spirp@mail.ru

Изучение российского человеческого капитала стоит на пересечении многих наук и областей, и имеет теоретический интерес и практический смысл. Рассматривая человеческий капитал необходимо затронуть некоторые его показатели. Говоря о вкладе человеческого капитала в будущее, нельзя не отметить динамику агрегированной производительности, роли человеческого капитала в рост производительности труда. В этом ключе уместно предположить некоторый демографический прогноз и понимание за счет каких групп это может произойти. Человеческий капитал – это трудно измеримая категория. Человеческие активы представляет собой

совокупность коллективных знаний сотрудников, их умений, способностей [1]. По мнению ряда ученых, в научном мире присутствует смешивание понятий человеческого и интеллектуального капитала, из-за отсутствия комплексного изучения вопроса [2]. В следствии этого, в рамках данной статьи хотелось бы акцентировать внимание на проблемах и перспективах человеческого капитала, обозначить некоторые особенности измерения и учета.

Говоря о человеческом капитале, мы понимаем, что человеческий капитал это в первую очередь производительность работника. Вне зависимости от того, как мы оцениваем человеческий капитал нас интересует источники его накопления. Это могут быть: корпоративная политика, связанная с инвестированием в человеческий капитал со стороны работодателей; поведение работника, который связан с совершенствованием собственного человеческого капитала; человеческий капитал мигрантов, поскольку доля мигрантов на рынке труда сегодня велика и без учета ее нет смысла рассматривать этот вопрос.

Следует заметить, что на сегодняшний день российский человеческий капитал не так производителен, как хотелось, можно наблюдать, что качество рабочей силы не дает ощутимый вклад в рост производства. Качество рабочей силы – это результата взаимодействие спроса на человеческий капитал и предложения. Почему человеческий капитал не так производителен, как хотелось бы? Ответ лежит в изменении спроса и предложений. Надо отметить, что ускорение роста производительности труда за счет человеческого капитала в ближайшие два-три десятилетия не произойдет. Жизненный цикл знаний и навыков работника связаны с тем, как работник обновляет свой человеческий капитал на протяжении жизни. Современные системы образования предъявляют все время новые требования к подготовке специалистов, которые должны обладать определенным комплексом компетенций [3]. А, квалификационные требования к работникам таковы, что должны соответствовать профессиональным стандартам, которые в свою очередь обязательны для работодателя [4, с. 195]. Хорошая образовательная база, но отсутствие у российского работника желания непрерывного образования оказывается на достаточно быстрой деградации человечества капитал, что является существенной проблемой.

Данная проблема связана с неполноценным использованием человеческого капитала в российской экономике, и лежат и на стороне спроса и на стороне предложений. Если же говорить о спросе, то можно отметить отсутствие критической массы спроса на людей категории «знания». Известно, что расширение спроса на квалифицированный труд определяется рождение новых предприятий, а также увеличения занятости на старых существующих, но технологически сложных и инновационных видов деятельности. Какие компании должны стремится увеличивать человеческий капитал? Компании, которые занимаются инновацией и которые

конкурируют на международном рынке, где конкуренция наиболее острая. Компании и того и другого типа в российской экономике мало.

В России, в процесс переобучения вовлечены достаточно небольшое количество компаний. И, если и происходит обучение, то в большей степени оно ориентировано на квалифицированных работников занятых на крупных предприятиях, на работников обладающих высшим образованием и молодежь. Это имеет прямое отношение к тезису о том, что человеческий капитал не восполняется в те периоды жизненного цикла работника, когда он особенно важен. То есть те, кто в наибольшей степени нуждаются переобучении – люди предпенсионного возраста, люди у которых человеческий капитал уже во многом устарел – не имеют доступа к нему или имеют сложности с доступом. Наконец, низкий технологический уровень производства, слабая конкурентность и высокая мобильность работников, текучесть рабочей силы снижают стимулы к инвестированию переобучения. Таким образом можно резюмировать, что общий уровень человеческого капитала в России оказывается ниже оптимального, ниже того который нужен, и ниже того, который мог бы быть, учитывая определенные возможности страны.

Какие возможны перспективы в России в ближайшие 10-15 лет? Ситуация такова, что население стареет, демографическая волна будет находиться на спаде, и это означает что прогнозы не обещают роста занятости. Возможно заметное сокращение молодежных групп, что автоматически означает что хорошо образованная часть населения 30-35 лет будет уменьшаться. И в этом смысле, отрицательный эффект будет еще выше. Увеличение численности старших возрастных групп, также будет оказывать негативное влияние на производительность. Ожидается общее сокращение работников и количество фонда рабочего времени, усиление зависимости от миграции и связанного с этим человеческого капитала.

Нельзя не обойти внимание уровень человеческого капитала мигранта. Современный рынок труда мигрантов официально составляет от 10 процентов и больше совокупного предложения труда. Их квалификация неизбежно влияет на производительность. Многие мигранты не обладают высокой квалификацией, но те, у кого она высокая, не всегда могут или практически не используют ее. Решение этой проблемы состоит не только в том, что необходимо думать о повышении квалификации, требуется переобучение мигрантов. Также решение проблемы может состоять в том, чтобы проводить должным образом миграционную политику. Имеет смысл задуматься об обучении таких работников на рабочем месте, задуматься о стимулирование миграции квалифицированных мигрантов. Это направление, которое активно используются другими странами.

Подводя итог, следует отметить, что проблема человеческого капитала далеко выходит за рамки качества работников. Это не только вопросы экономики; это положение страны и отдельных ее отраслей по отношению к технологической границе. Инновации предполагают

квалификацию работника, что в свою очередь связано с усилением конкуренции, а конкуренция обеспечивает сигналы для работодателей по подбору работника с высокими знаниями и навыками тем самым обеспечивая сигналы для работников почему надо учиться. Это определяет диверсификацией экономики в пользу товаров и услуг с большей добавленной стоимостью, диверсификация предполагает широкий спрос на работников разного профиля и в первую очередь на работников с высоким уровнем квалификации, усиление интеграции в глобальной цепочке добавленной стоимости. Ограничения, препятствующие росту российского человеческого капитала, ведут к неизбежному спаду не только в экономике, но и образовании, культуре, социологии и других областях.

Список литературы

1. Хронова И. А. Особенностей формирования интеллектуального капитала в организациях / И. А. Хронова, Ю. Р. Шевцов // European science of the future: Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, Смоленск, 27 января 2020 года. – Смоленск: МНИЦ «Наукосфера», 2020. – С. 55–66.
2. Белкин В. Н. Интеллектуальный и человеческий капитал предприятия / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова // Челябинский гуманитарий. – 2010. – №. 4 (13). – С. 6-11.
3. Чунихина Т. Н. Формирование межкультурной коммуникации в контексте современных образовательных технологий / Т. Н. Чунихина // Современные социальные процессы в контексте глобализации: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Краснодар, 14 мая 2021 года. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2021. – С. 235-238.
4. Хронова И. А. Проблемы применения профессиональных стандартов в Российской Федерации / И. А. Хронова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11(120). – С. 190-197. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.120.11.190-197.

УДК 130.2

РИЗОМАТИЧЕСКОЕ И КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Серостанова О.Б., канд. филос. наук

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
им. М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
lgaki_serostanova@mail.ru

Введение. Социокультурное пространство в настоящий момент связано с трансформацией культуротворческих потенций человека и изменением в процессе осознания этого мира, во многом ставшим зависимым от виртуальных инструментов. Обращаясь к анализу феномена клиповости и ризомности возможно выявить особенности процесса замещения символического, на котором строится традиционная коммуникация между людьми, визуальной информацией.

Основная часть. Символическое может рассматриваться в качестве организующего начала социокультурных коммуникаций, что не применимо по отношению к визуальной информации. Символы способны не только аккумулировать социокультурные достижения человечества, но и способствуют взаимообмену ценностями и идеями в процессе коммуникации. Одним из результатов данного процесса становится унификация культурного кода, которая была бы доступна для большинства. Символ, как важный компонент сознания, отвечает за выражение, изображение и значение.

Вопрос о том, что происходит в области мысли человека в условиях информационной реальности, продуцирует и вопрос о конструкции коммуникации и сущности «пост-человека».

Стоит отметить, что клиповость связана с ризомностью. Клиповость предполагает восприятие мира как случайный набор фрагментов или фреймов. Фрейм становится единицей образа человека и ложится в основание представления человека об окружающем мире. Фреймы формируются в процессе восприятия человеком мира и накапливаются в памяти человека. Вместе с тем, мыслительные способности человека позволяют осуществлять культуротворческую деятельность, которая также связана с мыслительными образами. Мыслительные репрезентации выступают механизмом, запускающим деятельность человека по воспроизведству знаково-символической реальности. Фрагментация же культуры приводит к тому, что сущность субъекта рассматривается не как целостность, а как разрозненные модальности.

Ризомность понимается в качестве нового типа нелинейных антиерархических связей. Ризоматическое мышление предполагает индивидуальную сосредоточенность на мысли, в отсутствии которой исходный материал распадается на клипы [2]. В рамках культуры постпостмодерна формируется новый тип личности с ризомным мышлением, воспринимающий мир как коллаж, состоящий из симуляков. Следствием процесса симуляции и деструкции становится декларация сомнений в легитимности преобладающей знаково-символической системы, выступающей основанием социокультурных коммуникаций.

В условиях превалирования культуры постмодерна человеку объявляется «символическая смерть» [1, с. 201]. Современное виртуальное пространство является сосредоточением процесса смыслогенеза, приводящее к трансформации культурной среды субъекта.

Американский футуролог М. Пренски, исследуя современного потребителя информации, предложил использовать применительно к нему понятие «digital natives» – «цифровыеaborигены». Он определяет их как носителей нового языка цифры, компьютеров, видеоигр и интернета [5, с. 1]. Однако, существуют и «digital immigrants» – «цифровые иммигранты», которые были рождены до цифровой эпохи. Цифровой акцент между этими поколениями проявляется на уровне восприятия информации и

подходом к ее использованию. Разница между ними продуцирует разрыв в сфере медиапотребления. Так, цифровые аборигены привыкли получать информацию быстро, предпочитая графику тексту, мгновенное удовлетворение потребности и частым вознаграждениям. С цифровыми иммигрантами все наоборот. В будущем М. Пренски прогнозирует появление «*human digital*» – «цифрового человека», способного преодолеть разрыв между цифровыми аборигенами и цифровыми иммигрантами.

Д. Харауэй утверждает, что современное общество переживает кардинальные трансформации, связанные с переходом к информатике господства, предполагающей замещение репрезентации симуляцией, от реального к виртуальному, от физиологии к коммуникационной инженерии и т. п. [4]. На смену натуралистической кодировке, свойственной многим культурам, приходит виртуальный социокультурный код, который во многом становится репрезентативен благодаря массмедиа. Речь, по мнению исследователя, идет о киборганической семиологии, которая связана с совершенно новыми представлениями о привычных для человека вещах. Это отражается и на процессах мышления человека, так как визуальная информация порождает больше вопросов в плане смыслогенеза, нежели ответов на них. В непрерывном потоке информации говорить о возможности освоить объемную книгу со сложными описаниями и витиеватым языком достаточно трудно. Именно поэтому происходит замещение образов мемами.

Мемы – не только веселые картинки, шутливые фразы и различные удобные дополнительные символы – некие экзотические, но иногда необходимые опции. Проблематика мема гораздо шире, а значение – весомее. Не случайно исследователь мемов Р. Докинз назвал его шутливо «эгоистичный ген», тем самым уподобив его элементу онтогенеза, филогенеза и культурогенеза человека и человечества [3]. Распространение мемов путем репликации позволяет сформировать мемофонд человеческой культуры.

Медиатизация общества запустила принцип относительности любого знания, провоцируя вызов ассоциативному мышлению человека. Кризис книжной культуры непосредственно отражается на характере человеческой коммуникации, которой свойственно превалирование аудиовизуального кода.

Заключение. Итак, стоит отметить, что с появлением ризомного и клипового мышления, потребность человека в глубоком познании и анализе стала отпадать сама по себе. Интеллект, порожденный бесчисленным количеством клипов, требует сжатия той визуальной информации, которая поступает в мозг. Образы, символы замещаются фреймами, клипами и мемами. Однако между клиповостью и ризомностью существует отличие. Если первое загоняет человеческое сознание в рамки «согласия – не согласия», то второе – запускает процесс клонирования симуляков, сосуществующих наряду с принятием или не принятием бытия идей и вещей, порождающую нелинейность их взаимосвязи.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 389 с.
2. Мамардашвили М. К. Символ и сознание [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – СПб. : Изд-во АЗБУКА, 2011. – Режим доступа: <https://mamardashvili.com/ru/work/published-by-others/simvol-i-soznanie1> (дата обращения 11.09.2021 г.).
3. Попов Д. В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры / Д. В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – №3 (62). – С. 66-71.
4. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х гг. [Электронный ресурс] / Д. Харауэй. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – Режим доступа: https://www.academia.edu/38881584/Донна_Харауэй (дата обращения 11.09.2021 г.).
5. Prensky M. Digital natives, digital immigrants [Электронный ресурс] / M. Prensky. – Horizon. – 2001. – № 9 (5). – Режим доступа: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения 11.09.2021 г.).

УДК 316.342.5.

АНТИНОМИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Тимоющук А.С., д-р. филос. наук

ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России», г. Владимир, РФ
human@vui.vladinfo.ru

Введение. Високосный год 2020 станет мемориальной вехой XXI века как год ускоренной цифровизации; когда пользователи провели в совокупности миллиарды часов онлайн, а социальные сети приобрели порядка миллиарда пользователей, охватив, тем самым более половины человечества.

Основная часть. Месяцы пандемии COVID-19 стали реперными точками развития и использования электронных технологий, сыгравших кардинальную роль в образовании. Одним из важных результатов в период сложной эпидемиологической обстановки стало динамичное овладение и использование руководителями, профессорско-преподавательским составом, студентами и курсантами образовательных организаций необходимых знаний и умений в программном обеспечении при дистанционном обучении, проведении онлайн мероприятий и групповых обсуждений по применению электронной информационно-образовательной среды.

Реализация образовательной программы в новых санитарно-технологических условиях не могла пройти стороной и образовательные учреждения ФСИН России, где курсанты до сих пор в усиленном режиме навёрстывают огневую, физическую подготовку, дисциплины, имеющие

ограниченный доступ, т.е. всё то, что не могло быть переведено на ДОТ. По рекомендации кураторов отдельные курсанты посещали частные тиры и фитнес центры для поддержания формы. Ведь итоговые тесты по физической подготовке и огневой никто не отменял. Однако сидячий образ жизни и питание полуфабрикатами способствовали, в целом, снижению показателей в челночном беге, подтягиванию и КСУ

Неоднозначность ситуации COVID-19 заключается в повышении управляемости процессами. Бесперебойность, надёжность, – это тема № 1 современного общества и ФСИН не может быть в стороне от этой глобальной повестки дня. Пятое царство напомнило нам о том, что неопределенность встроена в бытие мира, её источниками служит не только свобода людей, но и сама природа. Коронавирус продемонстрировал необходимость расширения онлайн-режима, который предоставляет широкие возможности для управленицев. Пандемия ускорила развитие электронных платежей, телемедицины, дистанционного образования. Всё эти электронные инструменты уменьшают степень неопределенности, т.к. увеличивают адаптивность процессов.

В число компетенций современных субъектов образовательного процесса педагога неизбежно входят медиа компетенции, включающие базовые навыки работы в онлайне. Их можно разделить на следующие направления: инструментальные, коммуникативные, прокторинговые.

Инструментальные компетенции – это динамические способности по овладению необходимым программным обеспечением. Цифровая среда обучения сегодня разнообразна, созданы десятки платформ для онлайн обучения. В России наиболее известны Moodle, Google class, Учи.ру, СЭДО.

Один из главных результатов пандемии-2020 заключается в том, что дистанционный труд обучил нас веб-занятиям, познакомил или сделал более продвинутыми в использовании технологий облачного хранилища, проведении онлайн мероприятий и групповых обсуждений, использовании электронной среды. Вслед за флагманом пандемии, программой Zoom, пришедшей на смену Skype, увеличили свою аудиторию сервисы видеоконференций Tuesconf и Microsoft Teams. Пока шло обсуждение о необходимости создания надёжной платформы для обучения в РФ, Республика Беларусь реализовала такой платформу на базе старейшего сервера в СНГ basnet.by.

С одной стороны, нагрузка на всех участников процесса возросла. До COVID-19 мы столько не читали, не писали и не получали заданий в реальном времени. Оффлайн обучение – более щадящее по сравнению в дистанционным. Большие объёмы информации передаются через личный опыт преподавателя в живой, непосредственной форме. Удалённое обучение требовательно к личной вовлечённости, возрастает нагрузка на глаза, на нервную систему.

Не будем забывать, что не все обучающиеся, в свою очередь, были готовы к удалённой работе. Приобретение современной оргтехники (десктоп, ноутбук, планшет) может обеспечить далеко не каждая российская семья. Поэтому основная нагрузка легла на смартфоны, которые имеют не все полноценные функции для онлайн обучения и пользование которыми в ведомственных вузах ранее пресекалось. В вузах ФСИН много обучающихся из регионов, из сельской местности, где неустойчиво передаётся радиосигнал сети. Все эти особенности перехода на ДОТ следует учитывать в работе.

Массовое образование при всех его недостатках ценно именно коллективной формой взаимодействия. Конкуренция между обучающимися за полноценное участие в образовательной сессии также является мотивирующим фактором социализации. Коллективная форма является важным инструментом социальной компетенции. ДОТ развивает мягкий навык кооперации. При этом удалённое обучение подразумевает большую долю самодисциплины, самоорганизации, самоконтроля, открытости, проявления технологических и когнитивных компетенций.

Обучающиеся, которые не демонстрируют открытости, вовлечённости в дистанционный процесс, считаются немотивированными для такого рода деятельности. Вместе с тем, проблемы с мотивацией демонстрирует, прежде всего, преподаватель, который не желает приобретать цифровые навыки: читать лекцию у экрана, разрабатывать интересные задания, комментировать ответы, вовлекать в процесс обучения. Несомненно, формальный подход «закачать массив данных для обучающихся» вызовет только пониженнную обратную связь.

Несомненно, образовательная организация действует в рамках доступных финансовых и людских ресурсов. В условиях ускоренной цифровизации не всегда удается наладить обучение цифровым технологиям преподавательского состава, хотя в этом нуждаются специалисты предпенсионного и пенсионного возраста. Невозможно соревноваться с поколением, родившимся в соц. сетях, однако старшее поколение имеет тоже что-то ценное, поэтому если они хотят изменяться, то они смогут интегрироваться. Почтенные лета – не помеха, если преподаватель желает развиваться; а требование саморазвития просто обязательно, если мы хотим учить других. Преподаватель – это та самая профессия, где нельзя сказать «Я не буду учиться». И, вместе с тем, возрастные преподаватели могут обладать уникальными знаниями и компетенциями, поэтому им нужны помощники для налаживания электронной образовательной среды.

ГЕОФИЛОСОФИЯ ЕВРАЗИЙЦЕВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Целик Т.В., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

tzelik@meta.ua

Современные вызовы и угрозы, стоящие перед человечеством, как никогда ранее демонстрируют ограниченность технократического и утилитаристского подходов к решению острых цивилизационных противоречий, geopolитического противостояния, политического и экономического дисбаланса в мире. Не менее ограниченными оказались и декларируемые либеральные ценности, долгое время преподносившиеся, как единственно возможные в глобализирующемся мире. Их продвижение упирается в проблему наличия традиционных культур и национально-культурного многообразия мира, где агрессивное распространение и насаждение этих «ценностей» извне в последние десятилетия приводило к разрушению целых государств и регионов. Декларируемая теория «конца истории» Ф. Фукуямы продемонстрировала свою несостоятельность.

Неоспоримо, что философия вырабатывает не просто универсальные теории, охватывающие в том числе социальную реальность, но и моделирует будущее. Именно благодаря проективной функции философии создавалась современная социальная реальность, где рационально-просвещенные социальные теории, реализованные в системе европейского права, определили характер западной цивилизации с индивидуализмом частного предпринимательства и абсолютизацией свободы. К сожалению, сегодня они превращаются в свои антиподы – либертарианскую и анархистскую / антиглобалистскую идеологии или произвол психопатических индивидов, расстреляющих своих сограждан в учебных заведениях и общественных местах.

Другие современные цивилизации так же имеют свои философско-мировоззренческие и религиозно-этические основания. Из глубины тысячетелей простирается традиционализм конфуцианства и буддизма, которые определили две цивилизационные модели в Азии, консервировав общества Китая, Индии и их соседей на всю длительность современной писаной истории, где даже современные модернизационные процессы и информационное общество остаются по большей части механическим заимствованием, мало что изменяя, по сути, в жизни миллионов рядовых жителей этих региональных гигантов. Не менее наглядно проектность складывающейся цивилизационной системы явил ислам, определив жизнь народов Ближнего Востока, Центральной Азии и севера Африки. Процесс разрушения светских государств в этих регионах в результате цветных революций или длительных внешних вмешательств в политическую жизнь

отдельных стран продемонстрировал глубину укоренённости исламской традиции, особенно через архаизацию форм социальных отношений, а иногда даже через возврат к элементам средневекового уклада жизни (как, например, в Афганистане под властью талибов).

Конфронтация и войны сопровождали человечество на протяжении всей его истории, но «столкновение цивилизаций», как его диагностирует С. Хантингтон, в современном мире может иметь катастрофические тяжелые последствия, особенно в условиях, когда международные институты показывают ограниченность своих возможностей в преодолении кризисных ситуаций глобального характера.

В этой связи, нам думается, что стоит рассмотреть опыт сложившейся русской цивилизации, во-первых, исторически объединившей перечисленные выше цивилизационные типы, в силу того, что на огромной территории части Евразии сначала в границах Российской империи, позже – СССР и современной Российской Федерации, проживали и проживают народы, тяготеющие к указанным цивилизационным типам. Во-вторых, будучи частью христианской макроцивилизации, Россия создала собственный проект, опираясь сначала на восточно-православный вариант христианства, став историческим продолжателем византийско-славянской субцивилизации, а далее – Восточнославянско-православную (российскую, в терминологии Ю. В. Павленко), выстраивая многонациональное государство на разных исторических этапах и в разных его формах соответственно. В-третьих, Россия не только географически находится между Востоком и Западом, но и исторически вынуждена была искать ответ о собственной идентичности в течение почти трехсот лет, что наиболее рельефно отразилось в интеллектуальных дискуссиях, начиная со славянофильства и западничества 30-40-х годов XIX века, когда в русской культуре оформились две линии, задающие смысловое поле этого самоопределения до сих пор (последние 30 лет спор ведут российские приверженцы либерализма и государственники). Самостоятельным интеллектуальным явлением в этой смысловой пространстве стала работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», а в начале XX века в дискуссию включились создатели теории евразийства: Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, и разделявшие их идеи или сотрудничавшие с ними в разное время Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов и др.

Основной тезис для евразийской историософии – это критика западного варианта развития русского государства и культуры. Даже к западному славянству они относились весьма сдержанно, считая, что коренные народы Евразии, в том числе угро-финские и тюркские, ближе русским в силу общности истории, их объединившей. Пафос данной идеологической позиции, выраженной поэтической строкой А. Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы», – подчеркивает и географическую обращенность к востоку, и исторический контекст в понимании становления института государства.

И хотя Н. С. Трубецкой обосновывал преемственность русской государственности не от Киевской Руси, а от Монгольской империи, нам думается, что этот конструкт ученый использовал также в определенном метафорическом смысле, чтобы подчеркнуть принципиальное ценностное различие с западной цивилизацией. Основой критики Запада у евразийцев выступал в первую очередь меркантилизм, сегодня переросший в потребительское общество, а мещанство, как его понимала русская интеллигенция рубежа ХХ-ХХ вв., стало современным обывателем-потребителем, не способным на высокие идеи и поступки.

По мнению евразийцев общей чертой народов, объединенных в русском государстве, является вера в высшее начало мира, что закреплено в их концепте «идеократии», предложенном П. Н. Савицким, и пониманием, как служение высшим идеям, в соответствии с которыми, человек выстраивает свой жизненный мир. Зная сегодня трагизм судеб большинства теоретиков евразийства, становится понятным, что и сами они были способны на поступок, способны следовать высоким духовным идеалам и своим убеждениям. Показательно, что Н. А. Бердяев называл евразийство скорее эмоциональным явлением, чем интеллектуальным, реакцией на катастрофу революции, гражданской войны и вынужденной эмиграции его создателей.

В их понимании идеальное государство – это федеративное евразийское государство в границах СССР, но с примыкающей Монголией. Современный экономический разворот Российской Федерации на Восток, озвучиваемые высшими должностными лицами государства в последнее время планы нового освоения Сибири, постройки новых городов-миллионников в определенной степени реализуют, как нам кажется, идею евразийцев о сопротивлении Западу в содружестве с азиатскими народами. Не случайно П. Н. Савицкого называют не только экономистом, но и первым русским геополитиком, рассматривавшим Евразию как «срединную землю», где русский народ воспринимает пространство как континент [1].

Главная же идея евразийцев, по нашему мнению, это понимание личности, благодаря чему они обосновывают главную антитезу Западу в целом и западной философии как ее основе. Н. С. Трубецкой считал, что, провозгласив идею личности, западная цивилизация в то же время не смогла обрести именно личность. А его собственное понимание личности – это целостность и единство соборного сознания, общее согласие, единогласие с другими людьми. Возможно, это не только теоретические рассуждения, но и личная убежденность, вынесенная из практики жизни русского государства, ставшего цивилизацией, объединившей многонациональный состав очень разных народов, но существующих в одном географическом пространстве в согласии и взаимопроникновении. Возможно, это также влияние идеи всеединства Вл. Соловьева, ставшей определяющей в среде евразийцев.

Вот именно этот проект преобразования человека, живущего в гармонии и согласии с другими людьми, хотелось бы реализовать в сегодняшнем мире постправды и постмодерна, сохраняя гуманистические устремления евразийцев и их веру в высшие нравственные идеалы как основы человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории. Русские среди народов Евразии. Основы geopolитики России / П. Н. Савицкий // Классика geopolитики, XX век: Сборник (Сост. К. Королев). – Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 665-700.

УДК 124.4:159.954

ТВОРЧЕСТВО КАК ПАТТЕРН ДЕТСКОЙ ИГРЫ: РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ЕСЛИ БЫ...»

Шатохина Н.П., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донбасская академия строительства и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
shatohina-85@mail.ru

Вероятно, что нигде ситуация выбора путей реализации замысла из множества возможных, не проявляется так ярко, как в творческом акте. Многоальтернативность творческих идей, творческих воплощений, как потенциальных возможностей, гнездится в сознании автора, но выбирает он только одну из них. Воплощение замысла оформляется в нечто материальное, и это таинство выбора напоминает таинство зарождения новой жизни, когда из всех возможных наборов генов отца и матери, природа выбирает именно такой уникальный вариант.

О свободе выбора, как о многовероятностной альтернативе начали говорить не так давно, да и то с появлением теории синергетики. Среди философов, работающих в этом направлении, можно выделить: В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, В. В. Василькову, Е. Н. Князеву и С. П. Курдюмова, К. Майнцера, Г. Николиса, Н. В. Поддубного, И. Р. Пригожина, Е. Я. Режабека, Г. Хакена, В. И. Штанько, Э. Г. Юдина, А. И. Яковleva. Каждый из них по-своему рассматривает проблему свободы выбора, тогда как требуется некий обобщающий теоретический вывод, освещдающий узловые моменты данной проблемы.

Феномен творческой активности, поиска творческой свободы в выражении идеи, сродни детской игре. В ней ребенок из элементов окружающей его реальности создает свое, уникальное именно детскостью и непосредственностью. Причем, в ситуации игры активно включается механизм «если бы». «Если бы» – это условие, правила игры, по которым

разворачивается основной сюжет. От него можно отклониться, его можно строго придерживаться, главное, что он существует, обговоренный или обдуманный заранее. Если бы я был космонавтом или если бы работал продавцом в магазине – думает ребенок, и отталкиваясь от исходного пункта, затевает свою игру. Нечто подобное происходит и в творчестве. Книга, картина, кино, чертеж – создаются с допущением «если бы», они проецируют на себя настоящую жизнь. На явление «если бы» в творчестве обратил внимание еще К.С. Станиславский, наблюдая за актерами, входящими в роль. Он пришел к такому выводу: «Я понял, что творчество начинается с того момента, когда в душе и воображении артиста появляется магическое творческое «если бы». Пока существует реальная действительность, реальная правда, которой, естественно, не может не верить человек, творчество еще не начиналось» [4, с. 315]. Верно, что допущение, предварительная задача или образец будущего произведения, воплощения, предмета – необходим и идейно обусловлен в творчестве. По сути, как и в игре, в созидательном акте невозможно обойтись без условия, того самого плана, от которого можно отклоняться, быть может, даже полностью отступать, но нельзя начать сам процесс. Неизменность явления «если бы» в творческом акте приводит к размышлению о вариативности идейного содержания и невозможности достижения полной свободы при реализации замысла.

Воображаемая правда созданных самим автором обстоятельств заставляет его погрузиться в предполагаемую атмосферу, как будто все, что рисуется в сознании, а затем уже при воплощении идеи, существует по-настоящему. Чем больше автор проникается своим сценарием, тем больше он верит в реальность вымышенного, и скорее приближается к завершению своего замысла. Поверив мнимым условиям, автор начинает творить и иногда эта вера превышает веру в действительность.

Для того, чтобы всерьез поверить в то, что создано только воображением, нужно обладать непосредственностью ребенка, его детской наивностью и безграничной верой в фантазию. Вот почему выше нами было приведено сравнение творчества и детской игры. Ну, а кроме того, как считает А. М. Новиков: «...духовный мир игрока несет в себе наряду с личностной психологией и общественную психологию, выражая в игре в том числе общественные идеи, общественные настроения, проблемы, потребности и идеалы, но опять же через призму личностного выражения. И в этом смысле деятельность игрока сродни деятельности художника, художественной деятельности» [2, с. 18]. Достаточно оснований для того, чтобы провести параллели между игровой и созидательной деятельностью.

Созидание переносит автора из одной плоскости бытия в другую, где как в фокусе изменены ощущения времени и пространства. Каждое явление воспринимается по-иному, и теперь важна уже не правда происходящего, а мое личностное отношение к происходящему. Автор предполагает «а если бы было так», и в этот момент начинается

творческий процесс, задействуются внутренние побудительные силы, намечается дальнейшая линия действий.

Мудрецы разных эпох неоднократно указывали, что вся жизнь человека – игра, поскольку в каждый момент земного бытия мы примеряем роли, надеваем маски и играем то, что нам предписано обстоятельствами. Ф. Ницше вообще ставил человека-играющего, человека-дитя, на высшую ступень духовно-эволюционного развития [1]. Творчество в этом роде – не исключение. Мало того, в творчестве ярчайшим образом и пропускают элементы игры, поскольку ни в каком другом виде человеческой деятельности так ярко не проявляется сила воображения и непосредственность убеждения в реальности задуманного. Так, явление «если бы», повсеместно предваряющее творческий процесс, свидетельствует об условности творческой свободы, точно так же, как и свободы от чего бы то ни было вообще.

Как в игре ребенок не стремится в первую очередь добиться какого-либо результата, показать себя с лучшей стороны и вообще получить какую-то социальную оценку, так и в творчестве для автора важен сам процесс созидания, а уже потом его следствия и мнения о нем. Творчество есть игра в одиночку, тут, как уже было подчеркнуто выше, действует принцип самости. Поэтому все рамки и ограничения, запрещающие произвол, накладывает сам творец, по сути своим собственным разумом ограничивая свою творческую свободу. Если игра – явление в большей степени коллективное, то творчество индивидуально, в нем только один игрок, действующий по своим правилам.

В игре ребенок копирует реальную действительность, привнося в нее элементы своей фантазии. Е. А. Репринцева указывает на тот факт, что: «Для игры также свойственно создавать внутри реальной действительности другую – мнимую, воображаемую, виртуальную, иными словами – иной мир внутри другого» [3, с. 23]. Невзирая на то, что условия предстоящей творческой задачи выбирает сам автор (опуская роль влияния подсознания на выбор), он все же не может обойтись без параметров выполнения будущих действий. Отступать от плана на первом этапе невозможно, иначе сама реализация замысла просто останется в идейной потенции. Если, исходя из данных факторов, невозможно говорить о творческой свободе при воплощении идеи, то следует ли искать ее в процессе воображения, на этапе выбора конкретного «если бы» из всех возможных?

Таким образом, в творчестве, где автор понимает, что создает ненастоящее бытие, он, тем не менее, тоже творит свой особый виртуальный мир, предлагая свою «игру» другим, будущим оценщикам его произведения. Так на более высоком уровне духовного и социального бытия творчество отражает собой процесс постижения мира, точно так же, как это происходит в детской игре и способствует этому феномен условно-допустимого «если бы...».

Список литературы

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах / Ф. Ницше; [пер. с нем. В. М. Бакусева и др.]. – М.: Культурная революция, 2012. – 416 с. – (Полное собрание сочинений).
2. Новиков А. М. Методология игровой деятельности / А. М. Новиков. – М.: Издательство «Эгвесь», 2006. – 48 с.
3. Репринцева Е. А. Педагогика игры: Теория. История. Практика / Е. А. Репринцева. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-т, 2005. – 421 с.
4. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве / К. С. Станиславский. – М.: Искусство, 1980. – 430 с.

УДК 329.1.6

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ТВОРЧЕСТВА

Шелухин Ю.Н., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

Актуальность проблемы. Возможность творчества в этом мире свидетельство его недостаточности, несовершенства. Творческая личность изменяет мир и изменяется сама. Человек творит свою личность и в творчестве выражает свою личность. Актуализация спектра проблем связанных с формированием творческих способностей таланта и гениальности – это насущное требование нашего времени.

Анализ предшествующих исследований. Творчество рассматривается в системе различных гуманитарных наук. В многочисленных работах акцент, в основном, делается на констатацию фактов и их описание. Но, как показывает практика, для методологии исследования важны не только факты, но и процесс их формирования, особенно, если речь идет о философии творчества. Таланты движут прогресс, гении – творят революции.

Целью исследования является осмыслиения творческой личности, ее таланта и гениальности в контексте современного уровня научных знаний.

Основное содержание работы. Личность – это сущность конкретного человека. Личность может быть: «исторической», «творческой», «гениальной» и «преступной». Но, главное, личность едина в своих рационально-социальных и культурных свойствах и многообразна в их проявлениях. Личность есть квинтэссенция человека.

Активное, творческое начало человека и личности обычно связывается с их способностями. Актуализируя свои способности, личность вынуждена регулировать свои потребности, в том числе и ограничивать их. В этом – философский смысл взаимодействия способностей и потребностей в человеке и личности – это субстанция творчества.

Творчество – это формирование нового на основе предшествующего, настоящего и будущего. Гениальный ум всегда стремится «объять необъя-

тное» через постижение будущего. Гений ставит великие цели, а великие цели рождают великих людей. Творчество – это «скок», «интуитивный всплеск», «озарение», «открытие», «интеллектуальный прорыв».

Великий русский философ Н. Бердяев полагал: «Возможность совершать творческий акт, обнаруживать изменения и новизну, связана с несовершенством. Это парадокс.» [1, с. 241].

Человек осознает свою смертность, свое несовершенство и трагизм бытия. Это – экзистенциальная проблема, которую личность решает по-разному, в том числе – творчески. Творчество – это философский ответ личности на несовершенство человеческой природы.

Это объясняет то, почему высокоорганизованные животные не способны к творчеству. Потому, что они «совершены», имея в виду их генетическую, инстинктивную программу жизни. Личность же – это выход за рамки такой программы. Личность – социокультурна и экзистенциальна.

В структуре творческих способностей выделяют: задатки (одаренность), талант, выдающиеся способности и гениальность.

Многие из будущих гениев, в детстве были обычными детьми. Например, датский сказочник Ганс Кристиан Андерсен, русские писатели Лев Толстой и Антон Чехов, в юном возрасте ничем не выделялись. Великого микробиолога Луи Пастера учитель химии называл посредственностью. Преподаватель Альберта Эйнштейна говорил, что из этого мальчика никогда ничего путного не выйдет.

Приведенные примеры общеизвестны. Философы, в данном случае подчеркивают, что всякое положительное качество в превосходной степени может перейти в отрицательное, а всякое отрицательное – стать положительным. Гениальный ум может перейти в безумие, а безумие восприниматься как гениальность. Философская диалектика учит о связи противоречивого. Не стоит забывать, что даже в религиозных текстах гениальных пророков упоминали как блаженных и воздавали им должное и величественное.

Некоторые исследователи гениальных людей, обращают внимание на то, что рождение талантов связано с возрастными показателями родителей. Раньше в интеллигентных семьях женились в более зрелом возрасте, а ныне эта тенденция изменилась. Кроме того, существенное влияние на появление на свет будущего гения имеет возраст отца и матери. Это можно проиллюстрировать следующей таблице.

Таблица

	Возраст отца	Возраст матери
Достоевский	32	21
Пушкин	31	24
Л. Толстой	33	38
Чехов	36	25

Продолжение таблицы

Вернадский	42	32
Петр 1	43	19
Герцен	45	17
С. Прокофьев	45	36
Чайковский	45	47
Салтыков-Щедрин	52	26
Бородин	59	24
Г.К. Жуков	55	40
Потемкин	67	37

Гении люди необычные, у них часто повышенна нервная чувствительность, их поведение может быть странным, невразумительным. Американские ученые провели исследования великих людей и пришли к следующему: из 78 выбранных самых великих людей в истории человечества, 37 % имели острые душевные заболевания, 83 % были психопатами, 10 % были психопатами легкой степени и лишь 7 % были нормальными людьми [2 с. 155-156, с. 158].

Талант формируется в процессе онтогенеза, трудовой деятельности, общения, воспитания и самовоспитания человека. Если бы талант передавался только генетическим путём, тогда никакие эксперименты со слепоглухими и другими «неодаренными» людьми, по формированию у них способностей к творчеству, получению высшего образования, развитию музыкальных качеств – ни к чему бы, ни привели. Даже у тех, у кого не был развит музыкальный слух, талантливые педагоги путем напряженного труда и занятий, специальных программ, формировали у таких индивидов высокие музыкальные способности.

Творческое мышление – это эйдос, мысленно видимое. Эйдетическое мышление можно проиллюстрировать так: когда сильный шахматист играет «в слепую», он не смотрит на шахматную доску и фигуры, но «видит» все это в уме.

Выходы. Резюмируя вышесказанное, можно сказать так: творчество не поддается всецело формально-логическому осмыслению. Творчество – это интеллектуальный нерв личности в познании, понимании и изменении природы и общества. Актуализация мира и есть его творение личностью.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
2. По ту сторону стереотипов и поведения: психология общения / А. В. Тимченко, В. Б. Шапаль. – Харьков: Прапор, 1997. – 654 с.

ФРАКТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОПРИРОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шишикина Е.А., д-р соц. наук, доц.

Астраханский филиал ОЧУ ВО «Международный юридический институт»,
г. Астрахань, РФ
cosmos717@mail.ru

Фрактальность как свойство нелинейных динамических систем открыла возможность выявления аналогий и общих закономерностей между природной и социальной реальностью. Идея обобщения фрактальных и социоприродных характеристик исходит из попыток проникновения в саму сущность феномена фрактала и его информационных структур. Смысловое содержание фрактала заключается в его самоподобии – совокупности структурных элементов, подобных самой системе, которую они образуют, то есть отдельный фрагмент содержит информацию обо всём фрактале. Причудливость образа, скрытый математический порядок, последовательность элементов конструкции, чередование порядка и беспорядка в природных фрактах формируют не только объект эстетического восприятия и философские смыслы понятия «красота». Фрактал представляет собой *argumentum ad oculus* (наглядное доказательство – лат.) присутствия функциональных закономерностей. Сложнейшая структура и динамика составляющих его элементов раскрывают новые возможности для описания физических процессов, в результате чего фракталы становятся методологической ценностью в познании изменений, происходящих в неупорядоченных средах.

Пайтген Х.-О. и Рихтер П. Х. отождествляют фрактал с ощущением прекрасного, возникающего под влиянием гармонии порядка и беспорядка в объектах природы – тучах, деревьях, горных грядах или кристаллах снега. Их очертания представляются динамикой, застывшей в физических формах с неким характерным чередованием порядка и беспорядка. В них видится внутренняя связь, позволяющая перебросить мост между рациональным научным познанием и эмоциональной эстетической привлекательностью. Эти два способа познания мира, сближаясь в своём осмысливании природы, приводят науку и эстетику к пониманию того, что именно теряется в технических объектах по сравнению с природными: роскошь некоторой нерегулярности, беспорядка и непредсказуемости. Понимание этого придаёт человеческое лицо технологиям, от которых всё больше зависит наше выживание [3]. Тем самым, фрактал обнаруживает себя как новая возможность для понимания феноменов искусственной жизни, генетических алгоритмов, нейронных сетей, искусственного интеллекта и иные явлений современного бытия. Использование фрактальных смыслов

в сочетании с классическими представлениями о сущности природного и социального миров открывает захватывающие воображение перспективы. Так, фрактальные модели в геоморфологии позволяют не только описывать всё многообразие «неправильных» структур, но и понимать их как компонент эволюционных алгоритмов на определённых этапах становления [2].

Общество как структурный элемент всей социоприродной системы с неизбежностью проецируется на фрактальную модель, обретающую статус некоего универсального трафарета для познания целого, состоящего из множества подсистем (общностей), выступающих его структурным и функциональным подобием. Регулятивность и взаимоподобие явлений, которые существуют в природе и обществе, раскрывают суть универсальных законов. Естественные законы и законы общественного развития отражают движение, которое обусловлено не столько сознательной общественной деятельностью, сколько включённостью общества в процессы эволюции природы, планеты, космоса, и указывающее на иную, не связанную с общественным сознанием природу социально-исторических изменений. Согласно В. Вундту, среди многообразных законов прогресса и развития, которые выставила историческая наука, именно те законы, которые относятся к определённым формам общественной жизни и которые именно в этом смысле являются одновременно социальными законами, имеют сравнительно самую большую ценность, поскольку они наиболее соответствуют задаче упорядочить многообразие опыта надлежащей логической схемой, дающей возможность познать причинные условия последовательности [1, с. 145]. Узнать законы – это значит узнать единообразие отношений между явлениями. Отсюда следует, что порядок отношения различных групп явлений к законам должен зависеть от постоянства, замеченного в единообразных отношениях этих групп [4, с. 23].

Отношения между элементами внутри системы – наиболее важная особенность фрактала, поскольку эти отношения определяются взаимодействием противоположных сил, скрепляющих элементы и обеспечивающих целостность системы. Эти свойства, наиболее выявляемые в условиях визуализации фрактала, дают информацию об общих структурных и функциональных закономерностях природы и общества, расширяя, тем самым, границы возможного моделирования и прогнозирования социальных и природных перспектив. Визуальность сама по себе есть не только функция органов чувств, обеспечивающих восприятие изображения. Латинская мудрость говорит: «*Esse – percipi* – Быть, значит быть в восприятии». Созерцание на уровне философского сосредоточения, использование внебиологического зрения открывают новые горизонты для манипуляций объектом: его увеличения, отдаления, приближения (подобно тому, как это делает камера фотоаппарата), осмыслиения и проникновения в его тончайшие микромолекулярные миры. Расширение образа, мысленное и визуальное экспериментирование с ним позволяют усматривать связи и

отношения между структурами, составляющими его, или, напротив, сжимать в точку целую галактику, видя среду, в которую она погружена. Fortisimaginationgeneratcasum (сильное воображение порождает событие – лат.). Так раскрывается пространство для получения тайной, нераскрытоей информации, её новых смыслов, возможностей интерпретирования, выведения общих и специфических закономерностей. Предметом созерцания могут выступать как бесконечное множество творений природы и их необъяснимая, на первый взгляд, абстрактность, видимая в различных масштабах пространства (объекты глубокого космоса, рисунки коры дерева, складки гор, замысловатые ледяные сюжеты на оконном стекле), так и рукотворные шифры (полотна живописи, скульптура, архитектура, изображения, созданные при помощи компьютерной графики, связи и отношения больших и малых социальных систем).

Изучение изменений, происходящих в природе и обществе, требует учитывать, что фрактал представляет собой не только статичную, но и динамичную геометрическую конструкцию, что позволяет адаптировать её к осмыслинию природных и социальных алгоритмов, по существу являющихся аналогами универсальных космических закономерностей, раскрывающих свойства подвижной системы и привлекающих к использованию понятия «хаос».

Таким образом, фрактальное измерение как методологический элемент изучения природы, общества и их информационных структур не следует рассматривать лишь как результат моды. Широчайшая вариативность фрактальных форм естественного и виртуального происхождения выступает основой для выведения общих закономерностей, применимых для получения разнообразной информации о жизни природной и жизни социальной.

Список литературы

1. Вундт В. Социальные законы / Философия истории: Антология. – М.: «Аспект-Пресс». 1995. – 254 с.
2. Леонов М. А. Судьба синергетики / М.А.Леонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scilance.com/library/book/2521> (Дата обращения – 15.01.2021).
3. Пайтген Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов / Х.-О. Пайтген, П. Х. Ритхер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Pajt.html> (Дата обр. – 12. 01.21).
4. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Минск: Современный литератор. 1999. – 236 с.

СМЫСЛ СВОБОДЫ В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ярошевская А.В.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
radistkakett00@mail.ru

Ведение. Современные реалии, касающиеся состояния перманентной войны, к сожалению, стали стойкой приметой нашего века. Мы по-прежнему ищем ответы на извечные вопросы бытия, касающиеся пребывания человека в мире, полном катастрофических событий и «пограничных ситуаций», задумываемся о непременном признаке существования человека в мире – свободе.

В этой связи закономерным является обращение к философии экзистенциализма, в центре которой – проблема бытия человека в целом и свобода человека в частности. В свою очередь, взаимосвязь и взаимопроникновение философии экзистенциализма и философии Ф. М. Достоевского предоставляет уникальную возможность для более глубокого анализа мировоззренческих концепций великого русского мыслителя и дает возможность не только определить истоки многих экзистенциальных теорий, но и переосмыслить современную социокультурную ситуацию.

Цель данной статьи – проанализировать смысл свободы в «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского.

Основная часть. Как уже отмечалось ранее, свобода является важнейшей категорией в экзистенциализме, так как ее значение для полноценного «бытия-в-мире» и подлинного существования человека неоспоримо. Значимость свободы в философской системе Ф. М. Достоевского наиболее полно отражается в «Легенде о великом инквизиторе».

Впервые проблему свободы в легенде исследовали представители русской религиозно-идеалистической философии. Анализируя противоположное отношение к свободе Христа и Его собеседника, мыслители обращали внимание на аллегорический образ инквизитора как воплощение «государственности», которая ущемляет и отвергает свободу человека, лишает его права выбора. Такое попрание свободы проявлялось в различных формах «обожествления» государства: во времена инквизиции, и в позитивизме, и в любой системе «поклонившейся кесарю и мечу его», в социализме, который отверг, как и инквизиция, свободу человека взамен всеобщей смысли и равноправия «человеческого стада».

Н. А. Бердяев видел смыслообразующее значение экзистенциала свободы в легенде, отмечал, что дух великого инквизитора по-прежнему жив там, «где есть опека над людьми, соединённая с презрением к людям

<...>, где счастье предпочитается свободе, <...> где человеколюбие восстаёт против боголюбия <...>, где утверждают, что истина не нужна для счастья людей» [1, с. 136].

Дилемма, сформулированная В. В. Розановым в статье «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» заключается в противопоставлении свободного выбора и «хлебов земных». Понижение психического уровня в человеке, утрата свободной воли, человеческого «я» – вот цена, которую придется заплатить за дьяволовы искушения. По мнению В. В. Розанова, легенда Ивана Карамазова – антиутопия, страшный вариант «окончательного устройства судеб человека <...> исходящего из глубочайшего проникновения в психический строй человека» [3, с. 112].

Что может предложить инквизитор Иисусу взамен Его учения? Старик уверен, что рано или поздно человечество отвернется от религии, от «пищи духовной», потому что «боль не согретых членов и голодного желудка заглушит искру божественного в человеческой душе». «Накорми, и люди пойдут за тобой», – говорит инквизитор. Зачем нужна голодным данная Богом свобода? Ведь кончится тем, что они принесут ее «к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Достаточно было Иисусу поддаться искушениям Дьявола, превратить «камни в хлеба», и люди последовали бы за ним.

Человек по своей слабости не способен следовать учению Христа и обречен. Но «нам дороги и слабые», и те, кто грешен. И вот этим людям (а их большинство) великий инквизитор предлагает свою правду, свое «ученье», свое понимание свободы: «Мы дадим им тихое, смиренное счастье слабосильных существ, какими они и созданы», «мы разрешим им грех», дадим прощение, а значит, покой [2, с. 291]. Тогда счастливы будут все; и только они, служители церкви, – все понимающие и знающие истину хранители тайны, – будут несчастны. Пусть не будет истинного чуда, но будет хлеб; пусть не будет воскрешения, но будет покой при жизни, «ибо если бы и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они». И здесь, под искушением завладеть судьбами человеческими с помощью «хлеба насущного», «разумеется один страшный, но <...> мощный исход из исторических противоречий: это – понижение психического уровня в человеке», то есть полного лишения его свободы. Инквизитор уверен: если в людскую природу внести изменения, упростить ее «до ясности кротких желаний», понудить личность «в меру знать, в меру чувствовать, в меру желать», то это будет лучший способ «удовлетворить <...> наконец, и успокоить» человека» [3, с.120]. Только тогда можно навсегда победить страдания, сделать человека по настоящему счастливым без всякой религии. Подобную модель «устройства» человеческого счастья мы уже встречали в произведениях Ф.М. Достоевского. Достаточно вспомнить Шигалева из романа «Бесы» и его программу мироустройства, где необходимо передать судьбы всего человечества в руки мудрого правителя

(правителей), воспитывать стадность и раболепие в людях, которые неминуемо примут власть и правоту избранных и позволят с их молчаливого согласия арестовать и казнить даже самого Христа!

Непревзойденное выражение любви и свободы – Христос, совершивший подвиг самопожертвования. Однако готов ли человек следовать за Учителем, способен ли противостоять материальному. Не легче ли пожертвовать свободой и приобрести взамен земного блага? К этому призывает инквизитор, называя свободой покорность. Его свобода равна рабскому повиновению, стиранию личности, ассилияции с толпой.

Заключение. Таким образом, проблема свободы в «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского является одной из наиболее важных и имеет смыслообразующее значение.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Великий Инквизитор / Н. А. Бердяев // Антихрист: антология / авт.-сост. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 135–163.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. – Т. 9. – С. 5–570.
3. Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария / В. Розанов // Мысли о литературе: сборник / сост., вступ. ст., коммент., указ. имен А. Н. Николюкина. – М.: Современник, 1989. – С. 41–158.

Философия на линии фронта

УДК 316.483

В ТЕНИ ПАРАДИГМЫ ДЕСТРУКТИВНОЕ КОНСТРУКТИВНО

Альмухаметов Р.Ш.

ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства

Сибирского отделения Российской академии наук»,

г. Новосибирск, РФ

r-almuhametov-89@mail.ru

Введение. Контент современных СМИ все чаще шокирует общественность известиями об актах человеческой агрессии и жестокости как в межгосударственных отношениях (санкции, теракты, локальные войны), так и во взаимодействиях рядовых граждан на уровне «лицом к лицу» (травля в школе, враждебность в офисе, массовое убийство сограждан).

Основная часть. В обобщенном виде агрессивное поведение предполагает проявление враждебности в физической активности животных или человеческих субъектов, ориентацию на подавление других живых существ, разрушение неодушевленных предметов. Однако, такие качества в поведении как настойчивость, напористость, энергичность также характеризуются как агрессивные, но конструктивные и жизнеутверждающие, обеспечивающие эффективную адаптацию и воспроизведение [4, с. 123].

В этом контексте исчерпывающие рассуждения представлены русским философом И. А. Ильиным (1883–1954). Действие, по его мнению, не является ни злым, ни добрым, это внешнее проявление внутренних позывов душевно-духовного мира человека, истинного местонахождения добра и зла. Поэтому одно и то же действие может иметь разную религиозно-нравственную ценность: непредосудительное заставление (понуждение) и случаи предосудительного заставления (принуждения), циничного угнетения [3, с 14–19].

В связи с чем сущность деструктивного агрессивного поведения чаще всего характеризуется недружелюбностью действия или бездействия, воспрепятствованию осуществлению намерений других субъектов.

Таким образом, дуализм последствий человеческой агрессии, неоднозначность истоков феномена требует как концептуального, методологического, философского осмысления, так и проработки прикладных аспектов в рамках социологии, антропологии, психологии.

Цель данной работы автор видит в построении как можно более полного, ретроспективного и мультипараидигмального концепта деструктивной агрессии с объяснительным потенциалом общих предпосылок, ключевых элементов и механизмов воспроизведения.

Так, для катастрофических войн прошедшего XX в. и кровавых событий дней сегодняшнего XXI в. эпохальными стали идеи, сформулированные на рубеже XVII–XVIII вв. Т. Гоббсом (1588–1679) и Ж. Ж. Руссо (1712–1778) относительно истоков воинственности людей, а также последовавшие в XIX в. гипотезы и обоснования Ч. Дарвина (1809–1882) о роли отбора в эволюции жизни [2, с. 20-211].

На рубеже XX-XXI вв. подробная и многообразная совокупность определений человеческой агрессии с акцентом на те или иные грани проблемы, выявленные в ходе экспериментальной работы, представлена отечественными западными учеными (Л. Берковиц, С. Ениколов, Ф. Зимбардо, А. Назаретян и др.), активно проводившими систематические антропологические и социально-психологические исследования.

Во-первых, научные изыскания концентрировались вокруг вопроса, что считать актом свершения агрессии: наличие замысла навредить или попытки его реализовать, или последствия в форме ущерба, и стоит ли учитывать интерпретации жертвы, агрессора, оценки окружения (табл. 1).

Таблица 1
Социально-психологическая модель структуры агрессивного поведения

Предпосылки→Замысел (намерения)→		Содержание действия→	Результат (последствия)		
Личностно-мотивационный		Культурный аспект	Личностно-мотивационный		Культурный аспект
Агрессора	Интерпретация жертв (ы)	Оценка третьих лиц	Агрессора	Интерпретация жертв (ы)	Оценка третьих лиц
Эмоциональный					
Враждебный					
Инструментальный			Ущерб физический или материальный, Вред моральный или символический		

Во-вторых, ученых всегда интересовали факторы деструктивной, антисоциальной агрессии, провоцирующие жестокость в социальной, экономической, политической повседневности людей.

Детально, философски и одновременно социологически, рассмотреть истоки, отвечающие за агрессию в жизнедеятельности человека, позволяет концептуальная матрица стратегий теоретизирования (табл. 2), образуемая дилеммами: способа познания (номинальный – реальный) и природы социальной реальности (материальная – идеальная) [1, с. 89-97].

Таблица 2
Концептуальное объяснение истоков и содержания агрессии

Каузальное (Э. Дюркгейм)	Диалектическое(К. Маркс)	Функциональное (Т. Парсонс)	Целевое(М. Вебер)
Структура			
Факт вызывает Агрессию	Агрессия следствие конфликта между X и Y	Агрессия способствует равновесию системы S	Агрессия из-за мировоззрения X
ЭМПИРИЗМ			
<i>Латентные структуры детерминанты действий</i>		→Апогей МОДЕРНА? (Начало ХХв.)	
СУБСТАНЦИОНАЛИЗМ		<i>Субъект учитывает обстоятельства и опыт</i>	
МОДЕРН (Новое время XVI-XXвв.) ...→		РАЦИОНАЛИЗМ	
		Мотивация СУБЪЕКТИВИЗМ	

Таким образом, агрессия, как деструктивные социальные действия человека (групп, коллективов, сообществ), обуславливается доступными для фиксации материальными условиями среды, технологическими изменениями, отношениями в контексте формальной и неформальной социальной структуры институтов (системы статусов, ролей, норм, интересов), а также является отражением процессов субъективного интерпретирования смыслов событий, конструирования действий в соответствии с логикой глубинных социокультурных (традиционных, ментальных) кодов.

Однако, в последние 30 лет история международных отношений в изобилии демонстрирует примеры господства парадигмы «права сильного» во взаимодействиях государств как политических макросубъектов. Сущность данного концепта отражает гегемония в идентификации конструктивного и деструктивного, исходя из частной, индивидуальной картины мира. Согласованная, компромиссная, подкрепленная обширными знаниями и мудростью оценка фактов, противоречий и действий в такой системе координат неуместна.

Опасность такой нормативности в том, что социальные связи на межличностном и личностно-групповом уровне начинают выстраиваться по аналогии. Субъективной, часто ограниченной, ущербной и человеконенавистнической интерпретации ценностей другого, одногруппника или сослуживца, дегуманизированного образа территориального сообщества или нации становится достаточно для вынесения вердикта – «недостойны», «враги»...

Тезисы подготовлены по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», №121040100280-1

Список литературы

1. Джонсон Т. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства / Т. Джонсон, К. Данекер, К. Эшуорт // Альманах THESIS. – 1993. – № 1. – С. 83-105.
2. Дугин А. Г. *Politica Aeterna. Политический платонизм и «Черное Просвещение»* / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2021. – 563 с.
3. Ильин И. А. *Грядущая Россия* / И. А. Ильин. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. – 608 с.
4. Назаретян А. П. *Антрапология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии* / А. П. Назаретян. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Артюхов М.Н.

ГПОУ СПО «Донецкий техникум промышленной автоматики», г. Донецк, ДНР
art-73@inbox.ru

Введение. Любая война порождает всплеск пропаганды и дегуманизации врага, то есть лишение человека его человеческой сущности, чтобы в последующем оправдать насилие. Этот процесс стал естественным для любого вооруженного столкновения. Особенно это актуально для конфликтов, которые имеют внутреннюю, гражданскую составляющую. Вопрос только в том, насколько «обесчеловечивание» поддерживается властью и обществом, так как чем глубже и дальше все это происходит, тем сложнее и болезненнее становится выход из конфликта.

Дегуманизация не является изобретением современного мира. Сравнение врага, например, со зверем существует с давних времен. Это вызывало страх и ответную агрессию, которая мобилизовала силы племени (общества) на защиту своего существования. Средневековые крестоносцы убивали неверных, потому что считали их совсем полноценными людьми, так как они, по их мнению, не знали настоящего Бога. Нечто подобное испытывали колонизаторы Америки и Африки, уничтожая коренное население. Дегуманизация использовалась в пропаганде в течение всего двадцатого столетия.

Основная часть. События на Украине 2014 года, когда социальный протест на «евромайдане» перешел в вооруженное столкновение, показали, как процесс дегуманизации может привести к настоящей ненависти одной части народа к другой, имеющей противоположную точку зрения. В процессе вооруженного конфликта на Донбассе противоборствующие стороны стали активно использовать разнообразные уничижительные слова по отношению к противнику. Если раньше это было только на бытовом уровне, то с начала боевых действий появились публикации в социальных сетях [1], на страницах электронных информационных изданий, даже в официальных СМИ [6]. Все эти материалы, разжигающие ненависть по национальному и культурному признаку. Авторами таких публикаций являлись не только маргинальные группы, но также политики, чиновники, общественные деятели и журналисты.

Изучая содержание публикаций украинских СМИ, возникает ощущение, что некоторые из них (намеренно или бессознательно) формируют в сознании гражданина Украины убежденность в том, что те, кто не поддерживают идеи революции достоинства, являются невежественными и бескультурными людьми. Такую категорию населения преподносят в

выпусках новостей и эфирах ток-шоу как деклассированный элемент не способный понять прогрессивность цивилизованного европейского выбора участников майдана [2]. При этом приглашенные на программу гости или даже ведущие могут позволить себе в эфире употребление уничижительных выражений («ваты», «колорады», «домбасята» и т.д.) [4] по отношению к жителям Донбасса.

Действительно, западные и восточные регионы бывшей Украины всегда были антагонистами. В первую очередь это выражалось в разных взглядах на историю, идеологию и геополитический вектор развития страны. На бытовом уровне существовали уничижительные слова (выражения), которыми жители восточной и западной Украины называли друг друга. Все это было в мирном русле и никогда не появлялось в СМИ или в публичных высказываниях. Однако с начала событий 2014 года в украинском информационном пространстве разворачивается кампания по «расчеловечиванию» всех противников т.н. «революции достоинства», и то, что было на бытовом уровне, стало «общественным достоянием» [5]. Более того, для обозначения людей, не согласных с новой политикой государства, придумали специальные термины, например, сравнивали их с насекомыми или животными.

Вооруженный конфликт в Донбассе сделал украинцев более озлобленными. Использование терминов «террористы» и «российские наемники» [6] по отношению к жителям Донбасса, как минимум, снижает чувство сострадания к своим же соотечественникам, оказавшимся по разным причинам на другой стороне конфликта. Иными словами, происходит дегуманизация противоположной стороны, и подвергаются сомнению любые попытки вести с ней какой-либо диалог. Более того, человек, не поддерживающий данную политику, тем не менее, через СМИ постепенно подвергается внушению и в итоге начинает думать соответствующим образом.

Столкнувшись с масштабной информационной войной, многие украинские СМИ теряют необходимую критичность в освещении ситуации [3]. В результате украинскому обществу все сложнее отличить достоверную информацию от разного рода фальсификаций, что еще больше способствует недоверию с обеих сторон и подпитывает ощущение невозможности разрешения конфликта.

Заключение. Таким образом, дегуманизацию следует рассматривать как один из методов информационной войны, направленный на подавление чувства гуманности у одной части населения по отношению к другой, и формирование права на их крайнее притеснение. Учитывая, что дегуманизация жителей Донбасса активно поддерживается украинской властью и обществом, то мирное урегулирование конфликта на Донбассе становится весьма затруднительной задачей, что в свою очередь подталкивает население народных республик Донбасса на полную (де-юре и де-факто) интеграцию с Российской Федерацией.

Список литературы

1. Карп'як Олег. Вата с укропом: язык политических мемов [Электронный ресурс]. – URL:
https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words(дата обращения 08.08.2021)
2. Луканов Юрий. За что мне любить Донбасян ? [Электронный ресурс]. – URL:
<https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2004/12/23/4384239/> (дата обращения 08.08.2021)
3. Степов аОлена. Донбасс после войны должен исчезнуть[Электронный ресурс]. – URL:<https://news.obozrevatel.com/society/donbasyane-tak-i-ne-poniali-vse-russkoe-bratskoe-obyichnoe-russkoe-bdskoe.htm>(дата обращения 08.08.2021)
4. Советник Авакова потребовал насильно украинизировать «вату» Донбасса [Электронный ресурс]. – URL:<https://lenta.ru/news/2016/12/20/kiva/> (дата обращения 08.08.2021)
5. Колорадыvs Укропы. Какие слова подарили Украине Майдан и война. [Электронный ресурс]. – URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/3374179-kolorady-vs-ukropy-kakye-slova-podaryly-ukrayne-maidan-y-voina>(дата обращения 08.08.2021)
6. Хроника АТО // Факты. – 2016. № 8 (008) 4-6 апреля. – С. 2.

УДК 03.23.55

ИСТОКИ ФЕНОМЕНА МАССОВОГО ГЕРОИЗМА СОВЕТСКОГО НАРОДА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Беспалов А.К.

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
bak2404@bk.ru

Введение. Героизм – объективно существующий на протяжении всей истории цивилизационного развития общества феномен, являющий собой предельно положительное социальное поведение человека в экстремальных ситуациях, заключающееся в готовности человека жертвовать индивидуальными ценностями во имя интересов социума. В основе данного феномена общественного бытия лежит фундаментальное противоречие между социальным и индивидуальными началами диалектической природы человеческого социума [3, с. 13]. Человек – прежде всего социальное существо, личностное становление и развитие которого обусловлено включенностью в систему социальных связей. В условиях экстремальных ситуаций, с которыми необратимо сталкивается социум в процессе своего исторического развития, от его членов требуется проявление экстремального, предельного социального поведения, как необходимого условия для возможности сохранения данного общества. Данное крайнее социальное поведение индивида заключает в себе готовность принесения любых личных ценностей в жертву, ради сохранения своего общества. В таком

предельном социальном, экстраординарном поведении, являющимся «диалектически полным отрицанием индивидуального самим индивидом» [3, с. 14], раскрывается феномен героизма, являющий собой подвиг, акт самопожертвования – добровольную и бескорыстную готовность индивида рисковать и жертвовать собственной жизнью во имя социальных ценностей.

Основная часть. Великая Отечественная война породила бесчисленные примеры подвигов советских граждан в ходе четырех лет борьбы с захватчиками, которые вошли в историю, как **феномен массового героизма** [1, 3].

Само понятие «массовый геройзм» кажется противоречивым, если учитывать, что под героизмом мы понимаем предельно-социальное, экстраординарное, а, следовательно, редко проявляющееся в объективной реальности, поведение индивида в экстремальных ситуациях. Тем не менее, очевидным фактом является то, что время Великой Отечественной войны стало периодом героической борьбы, который полон примеров массового геройзма советского народа. За время ВОВ 506 экипажей самолетов совершили огненные тараны, 100 человек повторили подвиг Сусанина, 1206 человек подорвали себя и солдат противника гранатами, вызывали на себя огонь артиллерии [2, с. 141] – это лишь малая часть известных примеров геройзма, который демонстрировали советские люди с первых дней войны на полях сражений. Такое проявление всеобщего, коллективного самопожертвования до сих пор остается неразгаданным, непонятным феноменом для многих исследователей [6, с. 258].

Истоки феномена массового геройзма во время Великой Отечественной войны уходят корнями в прошлое. История русского государства – это череда постоянных войн и конфликтов, частота и неизбежность которых делали требование готовности к экстремальному социальному поведению постоянным условием общественного воспроизведения [3, с. 16]. Данная специфика не могла не сказаться на особенностях организации общества, его менталитете и развитии. В ходе многочисленных военных конфликтов, существенное число из которых составляли оборонительные и освободительные войны – войны за отчество, складывался стержень традиционной для России модели геройического поведения. В постоянной череде вооруженных конфликтов формировался дух русского человека, как воина-защитника, особенности которого максимально располагали к героическому поведению. В социуме, которое регулярно оказывается перед вопросом дальнейшего существования, над фундаментальными ценностями которого регулярно нависают угрозы, требующие для борьбы с ними приложение сверхусилий, предпосылки геройического в общественном сознании становятся относительно массовым явлением [3, с. 18], поскольку объективные условия выживания общества не допускают распространения массового индивидуализма.

Феномен геройзма, который в классическом понимании является пределом социальной сущности человека, исключением из правил, в

русской истории стал ключевой вехой социально-политического развития и отличительной чертой русского менталитета. «Со времен Петра понятие героизма все же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обруслено, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось мало-вразумительное для европейца словосочетание «массовый геройзм», то есть, что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом» [5, с. 84].

Огромное значение в зарождении феномена массового геройзма Великой Отечественной войны сыграла система общественных отношений, сформированных в Советском Союзе, основанная на приоритете общих, социальных интересов над индивидуальными. В обществе, которое создавалось в СССР, были значительно нивелированы социальные противоречия, и можно говорить о существенной степени его морально-психологического единства относительно базовых ценностей социалистической идеи [9, с. 223]. Единство вооруженных сил и народа СССР, морально политическое единение общества, дружба народов [4, с. 8] послужили важнейшим источником массового геройзма.

Советский человек был человеком нового типа. К 1941 году в СССР выросло целое поколение молодых людей, родившихся и выросших при советской власти. Мировоззрение данного поколения сформировалось на основе революционных преобразований: молодые люди получили советское образование, воспитание, фундаментом которых лежали коммунистическая идеология, советский патриотизм, приоритет социальных ценностей, в том числе и установка готовности к самопожертвованию – «и в труде, и в бою» [7, 231]. Система воспитания для них строилась в духе героических традиций революции и гражданской войны, разного народа символах и идеях жертвенности во имя светлого будущего. Молодые люди были всецело преданы не просто национальному Отечеству, но Отечеству социалистическому, не разделяя в сознании эти два понятия [8, 95].

Заключение. Таким образом, смертельная опасность, нависшая над страной с началом войны, привела в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали государство и народ от гибели. Произошел подъем морально-патриотических народных сил, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей родины. Ценностные установки социалистического строя не противоречили данным традиционным механизмам, а наоборот, гармонично накладывались на них, значительно укрепляя и усиливая героический потенциал советского народа, обуславливая его конкретную специфику. Характер Великой Отечественной войны, которая являлась для СССР оборонительной и справедливой, был очевиден для подавляющего большинства представителей советского народа, что также существенно способствовало зарождению феномена массового геройзма.

Список литературы

1. Бурляй А. А. Массовый героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны / А. А. Бурляй. – Москва: Изд-во «Знание», 1970. – 32 с.
2. Гаврин А. П. Героизм и мужество советских воинов в годы Великой Отечественной войны / А. П. Гаврин. // Быть достойным поколения победителей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Победа в ВОВ – важнейший фактор воспитания гражданской позиции и патриотизма подрастающего поколения» (19 февраля 2010 г.). – СПб, 2010. – С. 140 – 153.
3. Горский В. В. Подвиг как социальный феномен оборонительных и освободительных войн // Ключевые чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны. Том 1: Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. – Москва, 2013. – С. 12 – 19.
4. Кулешов И. М. Массовый героизм советских воинов и его истоки / И. М. Кулешов. – Ленинград: О-во «Знание» РСФСР, 1976. – 16 с.
5. Несторов Ф. Связь времен / Ф. Несторов. – Москва: Издательство «Молодая гвардия», 1980. – 238 с.
6. Ореховская Н. А. Массовый героизм в Великой Отечественной войне как феномен массового сознания многонационального советского народа / Н. А. Ореховская // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки: журнал Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина: научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля. – Тамбов, 2011. -№. 4 (96). – С. 256 – 261.
7. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.
8. Сенявская Е. С. 1941-1945. Фронтовое поколение / Е. С. Сенявская. – Москва: Историко-психологическое исследование. РАН ИРА, 1995. – 218 с.
9. Сенявский А. С. Феномен массового героизма в период Великой Отечественной войны и роль идеологии и пропаганды в его формировании // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6-7 июня 2013 г.). – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 230 – 237.

УДК 336.2

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АФГАНИСТАНЕ В 2021 ГОДУ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ США ПРОТИВ РОССИИ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР
darenskiy1972@rambler.ru

Государственный переворот в Афганистане в августе 2021 года стал неожиданностью для мирового сообщества даже при том, что о выводе американских войск из страны было заявлено задолго до его начала, и поэтому можно было ожидать радикальных перемен внутри страны после

ухода интервентов. Но даже несмотря на это, приход к власти движения «Талибан»¹, и тем более настолько быстро – фактически еще до выхода из страны военных контингентов США и других стран – вызвал вполне закономерный шок в мире и в самом Афганистане. До настоящего времени ведутся оживленные споры экспертов о том, почему это произошло. Как правило, эксперты ссылаются на ряд объективных предпосылок, среди которых называют нежелание афганской армии воевать против талибов, слабую поддержку правительства страны населением и т.д.

Тем не менее, остается открытым главный вопрос: насколько такое развитие событий «вписывается» в глобальную стратегию США? Тезис о том, что американцы якобы «позорно бежали» из Афганистана, возможно, и полезен с точки зрения информационной борьбы, однако с научной точки зрения, как минимум, требует серьезных обоснований. Вывод войск из другой страны – это не обязательно «бегство», но может быть хорошо просчитанным стратегическим ходом, причины и мотивы которого могут быть не понятными для непосвященных в сложности международных отношений и уже изначально засекреченными, а официальные заявления американских политиков на эту тему на самом деле лишь выполняют функцию информационного «прикрытия». Но ведь понятно, что уровень стратегического планирования и разведки у США является очень высоким, возможно, вообще лучшим в мире благодаря колоссальным ресурсам этой страны. Поэтому неосновательно предположение о том, что американцы якобы «просчитались», «не предполагали» и т.д. Но даже если и были допущены какие-то просчеты в деталях, в любом случае, вывод войск был основан на долгосрочной стратегии и планах на будущее.

В чем состоят эта стратегия и планы США, мы не можем знать непосредственно, поскольку такие планы всегда являются секретными и о них невозможно узнать из открытых источников. Однако существует достаточно устойчивая и постоянно повторяющаяся в разных ситуациях общая логика геополитических действий США и коллективного Запада в целом, исходя из которой можно «просчитать» мотивы их конкретных действий в новых событиях. В частности, это можно сделать и по отношению к событиям в Афганистане в августе 2021 года. Для этого следует оценить неизбежные последствия захвата власти «Талибаном» и посмотреть на них с точки зрения классического вопроса *qui prodest?*

Главное неизбежное последствие захвата власти «Талибаном» – это создание в центре Азии мощного плацдарма исламского фундаментализма, который по самой своей природе является экспансионистским движением, стремящимся расширяться в сопредельные страны. В противном случае само это движение теряет сам смысл своего существования и теряет постоянный приток добровольцев и наемников, а главное – финансовую поддержку других исламских государств. Тем самым, Афганистан под властью талибов – это в первую очередь не проблема Афганистана, а

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

проблема всех окружающих его стран, которые неизбежно подвергнутся экспансии радикалов по различным каналам воздействия – от создания сети подпольных террористических групп до прямого вмешательства в их внутренние дела. Наиболее уязвимыми для такого воздействия являются страны – бывшие советские республики Средней Азии. Кроме того, талибы могут занять враждебную позицию к Ирану и Китаю – геополитическим противникам США, усиливая здесь ситуацию напряженности, которая также очень выгодна США. Однако это уже второстепенное последствие.

Главным же «бонусом» для США является радикализация ислама в Средней Азии и проникновение этого влияния на территорию России через многомиллионный поток мигрантов. Фактически Россия получает на юге – в своем «подбрюшье» – источник постоянной опасности и деструктивного влияния. Эта опасность не обязательно должна перерастать в «горячую» стадию войны – достаточно и социального влияния через поток мигрантов, который уже стал мощным фактором демографической динамики России. С каждым годом наплыв мигрантов растет, возвращаясь на родину они не собираются, а в России создают свою субкультуру и компактные районы проживания. Кроме того, они уже вышли из социальной ниши рабочих и все активнее проникают в другие профессиональные сферы, в том числе, и в администрацию. Распространение идей радикального исламизма через этих людей очень удобно в силу относительной закрытости их сообществ, а также в силу их агрессивной настроенности по отношению к местному населению. Желая стать «хозяевами» в России, они нуждаются не только в исламе как «бытовой религии», но и в радикальной идеологии, которая бы обосновывала их право на завоевание нового жизненного пространства.

Единственное, чего до настоящего времени еще не хватало для системного распространения такой идеологии – это единого независимого центра в виде отдельной страны, в которой радикалы могли бы получать подготовку и финансирование. Именно для этой цели идеально подходит Афганистан. Все это идеально вписывается в стратегию геополитической войны США против России. (В данном случае более удачным является термин геополитическая, а не гибридная война – поскольку последний акцентирует инструментальный аспект разнообразия средств воздействия на противника, а первый указывает на глобальный смысл этих действий).

Вместе с тем возникает два естественных вопроса: 1) как США могут использовать в геополитических целях своих радикальных идеологических противников? 2) неужели США потратили зря огромные финансовые средства на содержание своих войск в Афганистане?

Первый вопрос сразу снимается, если учсть старый американский принцип «это мерзавец, но это наш мерзавец» и их общую стратегию везде воевать «чужими руками». Ближайшей аналогией «Талибану» является создание американскими спецслужбами Аль-Кайды¹ и ИГИЛ², которые

¹Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

²Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

официально являются «врагами» США, но реально их действия абсолютно выгодны для американской глобальной стратегии. Если первая стала основой для мифа о «международном» терроризме, который обосновывает глобальную американскую экспансию, то второе стало инструментом для попытки свержения законного правительства в Сирии и установления там проамериканского марионеточного режима, что не удалось сделать только благодаря помощи России сирийскому народу. При этом США всячески изображали из себя врагов ИГИЛ, однако не вели с ним реальной борьбы, а союзники США из арабского мира финансировали эту организацию. При желании США могли бы уничтожить и ИГИЛ, и «Талибан» за несколько дней, однако не делают это именно по вышеуказанной причине.

США вовсе не потратили зря огромные финансовые средства на содержание своих войск в Афганистане – а вложили их в долгосрочную перспективу. Содержание войск там обходилось не дороже, чем в любом другом месте (американская армия по самой своей структуре является оккупационной – основная ее часть всегда находится за пределами США). Войска понесли самые минимальные потери, поскольку находились на закрытых базах, зато они получили опыт оккупации больших территорий с враждебным населением. Они создали развитую военную инфраструктуру и большие запасы вооружения, которые теперь получили талибы. Все это было сделано по заранее продуманному стратегическому плану. В данном случае мы имеем пример стратегии «непрямых действий» и войны чужими руками – разрушение противника изнутри путем внедрения в его регионе враждебных сил. Россия теперь получила опасное южное направление, с которого будет идти разрушительное воздействие – в первую очередь, путем внедрения радикалов на ее территорию и территории соседей.

УДК 130.2 : 004

СТИГМАТИЗАЦИЯ И ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРОЦИДА РУСССКИХ НА УКРАИНЕ

Ищенко Н.С., канд. филос. наук

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР
niofterna@gmail.com

Введение. Культоцид представляет собой уничтожение культуры противника без уничтожения его живой силы. Культоцид является одной из форм гибридной войны, которая продолжается в Донбассе с 2014 года. В гибридную войну вовлечены не только непосредственные участники военных действий, Донбасс и Украина, но и Российская Федерация, а также западный мир как источники цивилизационной парадигмы для воюющих сторон.

Основная часть. Современная украинская власть и общество стремятся к уничтожению цивилизационной идентичности русских Украины и замены ее идентичностью европейской. Стратегиями культуроцида русских на Украине являются стигматизация и дегуманизация носителей культуры, которые используются как прием информационной войны, направленный на легитимацию насилия в обществе. Стигматизация заключается в приписывании группе некоторого признака-стигмы, лишающего ее представителей полноценности и социального статуса. Крайняя степень стигматизации – дегуманизация, когда носитель стигмы лишается статуса человеческого существа. На следующем этапе происходит одобрение любых репрессий против этой группы: дискриминации в законодательном порядке, лишения прав, культуроцида и геноцида. Этот процесс реализуется на Украине в отношении ее русских граждан, стигматизирующим признаком выступает русский язык и/или принадлежность к русской культуре, фаза геноцида реализуется в Донбассе, а на Украине происходит культуроцид русских.

Русские Украины в течение всего периода независимости и вплоть до 2014 года не осознавали себя как отдельную этнокультурную общность. Подобное самосознание имело место только в Крыму, на территории же современной Украины и Донбасса украинское самосознание вместе со стигматизацией русских навязывалось в результате государственной политики так называемой мягкой украинизации. Так, запрет русского языка в сфере образования и публичной сфере подавался как следствие естественного процесса отмирания русского языка в границах Украины как неконкурентоспособного. Людей убеждали не отдавать детей в русские школы и в русские классы, поскольку высшее образование в некоторых сферах уже перешло, а в других скоро перейдет исключительно на украинский, и ребенок не сможет учиться дальше. Подобная стратегия имела место в русскоязычных регионах страны, но русский язык большинством его носителей на Украине не воспринимался как стигматизирующий признак вплоть до 2014 года. Русские в этот период чаще всего выделялись и маркировались как советские люди, «совки», то есть по идеологическому признаку.

Под стигмой в психологии понимается любой недостаток или его знак, который оказывает негативное воздействие на социальное приятие затронутого им индивида [2, с. 40]. В социальной психологии рассматривают стигматизацию социальных групп по некоторому признаку. Наличие этого признака – стигмы – «лишает человека статуса полноценного, становится источником предубеждений, дискриминации, социальной изоляции стигматизированных, вызывает снижение самооценки и чувство подавленности, формирует негативную социальную идентичность и затрудняет психосоциальную адаптацию» [4, с. 45]. Сегодня на Украине, в Прибалтике, в Грузии стигматизирующим признаком является русский язык и/или принадлежность к русской культуре.

В современной социальной психологии рассматривают шесть типов стигматизации, среди которых центральное место занимают враждебное отношение и негативная установка на пассивность [4, с. 47–48]. Враждебное отношение представляет собой конвенциональную негативную установку по отношению к социальной группе, положение которой воспринимается как благополучное, а представители которой – как сильные и способные причинить вред. Негативная установка на пассивность – это также конвенциональная установка неприязни, нетерпимости, неуважения, возникающая в отношении неблагополучной социальной группы, причем это неблагополучие связано с пассивностью ее представителей. Негативная установка на пассивность проявляется по отношению к слабым, неудачникам, неуверенным в себе людям, которые опустились, не борются с обстоятельствами, не хотят менять свое положение. Восприятие некоторой группы как слабых и неудачников может соответствовать действительности, но чаще является социальным конструктом, продуктом общественного сознания. Стигматизация некоторой группы населения, выделенной по наличию стигматизирующего признака, развивается как на основе сложившейся групповой идентичности, так и в результате искусственного конструирования этой группы в пространстве коммуникации. Целью стигматизации определенной группы является ее дегуманизация, позволяющая легитимизировать насилие против этой группы. Одним из приемов дегуманизации коллективного субъекта является применение терминов-антагонистов. Для дегуманизации могут использоваться религиофолизмы и этнофолизмы, репрезентующие оппонента как носителя чужой религии или человека другой национальности соответственно [1]. Одним из приемов дегуманизации русских Украины в социальных сетях и Интернете является использование ярлыков-этнофолизмов.

Дегуманизация подразумевает представление политических оппонентов как существ, лишенных человеческих начал, и таким образом оправдывает практически любые действия по отношению к ним [3]. В настоящее время на Украине политика стигматизации русских находится в активной фазе. Русские Украины выделяются в пространстве коммуникаций как носители русского языка, советского менталитета и с 2018 года, после создания ПЦУ как прихожане РПЦ. Стигматизация этой социальной группы является основой государственной политики, и поддерживается среди прочего различными негосударственными общественными организациями. Конкретные стратегии стигматизации и дегуманизации на примере общественных организаций Studena и Интерньюз – Украина были рассмотрены автором в работах «Легитимация насилия против русских Украины в рамках флешмоба – я не боюсь сказать: мировоззренческий аспект» (2020) (в соавторстве с Н. Ю. Пахмутовой), а также «Образ Другого как структурная характеристика культурной границы (на примере Украины и Донбасса)» (2021) и «Проблемы изучения русской бесписьменной

культуры в постсоветских республиках» (2020) (в соавторстве с Е. А. Заславской).

Заключение. Проведенный в этих работах анализ показывает, что сохранение русской цивилизационной идентичности для русских Украины и других постсоветских государств чрезвычайно затруднено. Среди индивидуальных стратегий можно назвать переезд в Россию – страну своей культуры, однако массовая эвакуация не представляется возможной. Среди коллективных стратегий реализуемы две: полная утрата идентичности при неизменности политического вектора или борьба русских за свою культуру в странах их проживания. Во втором случае возможно сохранение русской культуры со своей спецификой, обусловленной ситуацией фронтира, вовлечением в культурную периферию инокультурных элементов и созданием локальных вариантов русской культуры.

Список литературы

1. Калашникова А. А. Этноязыковые конфликты: «язык ненависти» как средство идеологической борьбы [Электронный ресурс] / А. А. Калашникова, А. В. Резникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8 (62). – С. 154-156.
2. Киселев М. Ю. Страх и стигма: о социально-психологических механизмах стигматизации больных СПИДом и жертв радиационных катастроф / М. Ю. Киселев // Психологический журнал. – 1999. – №4. – С. 40–47.
3. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике / Е. В. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 6. – С. 121–128.
4. Смирнова Ю. С. Типы стигматизирующих установок / Ю. С. Смирнова // Философия и социальные науки. 2010. – №3. – С. 45–49.

УДК 1:316.3:141.7

МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Коновалов А.Г.¹, Коновалова И.В.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
МОУ «Школа № 69 г. Донецка», г. Донецк, ДНР
konovalov.1957@mail.ru

После десятилетий относительной стабильности человечество входит в системный кризис, который вызовет социально-политические и экономические потрясения большинства стран. Гамлетовский вопрос «быть или не быть» затронет многие страны, как периферийные, так и некогда успешные и стабильные, такие как Китай, США, Европа, Россия.

Сегодня пережить период турбулентности и хаоса смогут те страны и цивилизации, которые наряду с экономико-политическими, технологи-

ческими достижениями смогут предложить либо своей стране, либо миру такие идеи, которые в новых исторических условиях формируют новые смыслы и образ будущего, объединяющие и мобилизующие людей во имя этих целей. Идея превосходства и доминирования в мире, европоцентризм и новые ценности Запада сегодня отторгаются всеми не западными цивилизациями и никак не могут претендовать на роль «маяка» в будущем море разрушающегося миропорядка.

Идеи Конфуция по возвращению Китаю «места под небом», что определяло и определяет всю историю и политику Китая более двух тысяч лет имеют ценность только для них самих, но не могут стать ценностью для других культур.

Остается Россия, которая по меткому замечанию Мануэла Баррозу, есть цивилизация, притворяющаяся страной. Страна, которая вместила в себя разные народы, религии, культуры, мирно живущие сотни лет. Страна, где проживают более ста народов, исповедующие более десяти религий, с огромными территориями, с разным климатом, от жаркого до очень холодного, где существуют огромные расстояния между центром и окраинами при небольшой плотности населения на большей части ее территории. Страна с тысячелетней историей, богатейшей культурой, с огромными запасами природных ресурсов, от нефти и газа до редкоземельных элементов.

Распад Советского Союза породил у Запада иллюзии, что теперь, после многовекового противостояния России и Запада, новый миропорядок будет строиться на обломках России, против России и за счет России (З. Бжезинский). Но как это уже бывало в истории, Россия не исчезла, изменив форму своего существования, она обрела новые возможности и новые перспективы в глобальном миропорядке. Несмотря на все потери и сложности от распада СССР, основное и самое важное Россия сохранила – это лежащие в основании цивилизации ценности,обретенные с Крещением Руси: от фундаментального значения семьи в жизни человека и общества, до равенства всех этносов, культур перед Российским государством.

Понятие «ментальная война» ввел в публичное пространство советник Министра Обороны России С. К. Шойгу Андрей Ильницкий, для обозначения суперсовременных технологий, позволяющих без «горячей фазы» боевых действий лишать противника суверенитета и иметь полный контроль над страной во всех сферах через комплекс мер, направленных на сознание и самосознание, и позволяющих перекодировать цивилизационные основы государства.»Ментальная война» включает в себя всю совокупность средств воздействия – идеологию, социальные технологии, психологические компоненты, различные уровни и этапы воздействия на мировоззренческие установки личности и общества, от «оперативного» (3-5 лет), разрушающего существующий образ жизни, от морали до отношения к власти, стране, истории, до «стратегического» (10-15 лет) с изменением самосознания через изменения системы образования, воспи-

тания, подмены смысловых кодов, переписывание истории и разрушение традиционных, базовых ценностей, от семьи до религии. Современный мир находится в стадии «тектонических сдвигов» (В. В. Путин), идет процесс формирования многополярного мира с мегарегионами, новых политических объединений и технологических возможностей. Однополярный мир доминирования Запада, господства транснациональных корпораций и военно-политической мощи США уходит в прошлое.

Формируется новый миропорядок вокруг Китая, Индии и России. В европейской истории существуют две основные модели развития: движение вовне своих территориальных образований (Запад) и во внутрь, освоение своих территорий, сложившихся в ходе исторического развития (Россия). Движение «вовне» с использованием военного компонента ограничено наличием таких средств разрушения, которые делают любую войну бессмысленной, с «неприемлемыми потерями». Остаются возможности «ментальной войны», что Запад и предпринимает против своих противников. Общий замысел того, что хочет Запад, мы находим в книге директора – распорядителя «Давосского Форума» К. Швабе в соавторстве с Т. Маллере «Время обнуления» (2020 г.) («BreatReset»). «Обнуление» всей человеческой цивилизации, существовавшей до последнего времени с его собственностью, семьей, церковью, государством, с человеком, имеющим свое «Я», род, племя, отчество и т.д. «Обезличивание» всего, включая человека, «обнуление» того, что формировало цивилизацию нынешнего типа и о чем хорошо написал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Выступая на «Давосском Форуме» (2021 г.) в формате видеоконференции, Президент России В.В. Путин сформулировал позицию России относительно грядущего миропорядка, предложив собственный проект развития мира, кардинально отличающийся от западного, – развитие человека в новых условиях. Для России это:

1. Сбережение народа, повышение качества жизни и благосостояния граждан.
2. Государственный суверенитет.
3. Охрана окружающей среды.
4. Укрепление традиционных ценностей и поддержка семьи.
5. Поддержание стратегической стабильности в мире.
6. Поддержка армии и флота, ВПК страны.
7. Развитие экономики на основе новых технологий.
8. Формирование образа будущего на основе развития науки, образования и воспитания.
9. Восстановление «исторической России» (В. В. Путин).
10. Возвращение соотечественников в Россию.
11. Поддержка гуманистических идей «Русского мира».
12. Освоение и заселение Сибири и Дальнего Востока, развитие транспортных магистралей в Арктике.

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛИДЕРСТВА: ГЕРОЙ И ВОИН

Корнилов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kornihovd@gmail.com

Введение. Античная философская мысль является важным этапом становления философского осмыслиения проблем лидерства и управления, сохраняющих свою актуальность во все периоды развития общества. Античная модель лидерства носит выраженный политический характер. Это обусловлено полисной организацией жизни античных греков и особенностями рабовладельческой демократии. В выборных процедурах принимало участие меньшинство населения (такого права не было у женщин, несовершеннолетних детей, рабов и иностранцев), но при этом такой строй принципиально отличался от восточных деспотий. Для жителя античного полиса главным путем реализации своего лидерского потенциала было владение риторикой (что проявлялось, в частности, в умение выступать на народных собраниях), а также почитание полисных богов (религия в античной Греции была делом гражданским) и военная доблесть.

Основная часть. Значительное влияние на античную модель лидерства оказала мифология, особенно – мифы о героях-воинах. Античный лидер воплощал в себе черты божества, героя-воина. Связь с мифологией ослабевала по мере удаления античной цивилизации от архаики и развития критического мышления, основанного на выявлении причинно-следственных связей, но общие черты античной модели лидерства все же определялись именно мифологическими воззрениями.

Изначально героями в Древней Греции называли мифологических персонажей – военных предводителей, обитавших на Олимпе. Затем так стали именовать реальных воинов, которые отличались особым мужеством и воинской доблестью. Античный герой был человеком, который мог вдохновить других людей на победу, вызывал всеобщее уважение, принимал на себя ответственность в сложных ситуациях. Постепенно нормы и ценности, приписываемые героям, стали общим эталоном, на который ориентировались все жители древнегреческого полиса. Это привело к появлению феномена коллективного героизма, выражавшегося в спартанской военной формуле «Вместе победить или вместе умереть!». Ярким примером коллективного героизма, не раз получившим художественную интерпретацию в живописи и кинематографе, стал бой в ущелье Фермопилы в 480 г. до н.э. трехсот спартанских воинов под руководство царя Леонида.

В целом, лидерство в Античности отождествлялось с государственным управлением. По мнению Гераклита, власть должна принадлежать

лучшим членам общества, которые предпочитают вечную славу всему преходящему [1, с. 24]. Основатель философии атомизма Демокрит критиковал мифы и стремился показать причинно-следственную обусловленность бытия, в том числе и бытия общественного. Боги провозглашаются им простой совокупностью огненных атомов, а героем может быть не только воин-правитель, но и философ.

Сократ, с именем которого связан поворотный момент в истории развития античной философии, говорил о преобладающем значении разумного начала в человеке. Это начало проявляется и в общественном устройстве, во главе которого должен стоять лидер (правитель), обладающий такими качествами как образованность, мудрость и честность. Взгляды Сократа на проблему лидерства, как и взгляды других античных мыслителей, были обусловлены тем, что в античном мире не было четкой дифференциации между сферами социума, политики и этики.

Ученик Сократа, Платон в своих взглядах на проблему лидерства во многом продолжил развивать идеи своего учителя. Платон, фактически, положил начало теориям лидерства и управления. Мыслитель обосновывал естественное неравенство людей и считал, что каждый человек в идеальном государстве должен занимать место, соответствующее его природе от рождения. Его знаменитое учение об идеальном государстве, обосновывает наличие в нем трех классов – философов, воинов (стражей), а также земледельцев и ремесленников. Лидеры – это философы, которые, по сути, являются лучшими представителями стражей, обученными диалектике («искусству рассуждать») и обладающими необходимыми нравственными и интеллектуальными качествами (развитой памятью, стремлением к познанию и справедливости, утонченностью, мужеством и великодушием). Правители-философы в своем правлении ориентированы на три главных ценности – истину, справедливость и благо (причем их личное благо совпадает с благом общественным). Платон подчеркивал жертвенный аспект лидерства – правитель должен ставить общественные интересы выше своих личных интересов [4, с. 348].

Аристотель в своем учении о государстве и о формах правления также описывал идеальную модель лидерства [2, с. 4]. У Аристотеля лидер (правитель) так же, как и у Платона, должен обладать определенным набором характеристик – благостью, мужеством, человеколюбием, способностями к предвидению и к принятию решений, мудростью, опытом, справедливостью, умом и рассудительностью. В модели лидерства Аристотеля более выражен практический аспект. Философ разделял в сущности правителя мастерство (*poieisis*) и практическое поведение (*praxis*). Практическое поведение представляет собой более высокий уровень лидерства, чем мастерство, поскольку именно оно ведет правителя к реализации его целей. Также он акцентировал внимание на том, что в лидере должны гармонично сочетаться характер и поведенческая компонента. Мудрость позволяет правителю правильно рассуждать о конкретных вопросах,

добродетельность обеспечивает честное и справедливое отношение к другим гражданам, благость позволяет принимать оптимальные решения. Среди самих лидеров Аристотель выделял отдельных представителей, которых называл «великими людьми». «Великий человек», согласно Аристотелю, должен быть сдержан, правдив, рассудителен, не обсуждать других людей, совершать благие поступки, а также должен ориентироваться на знания и истину [2, с. 129–133]. В «Никомаховой этике» Аристотель писал о государственных мужах: «Поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда само совершение этих поступков имеет известное качество – во-первых, оно сознательно, во-вторых, избрано преднамеренно и ради самого поступка и, в-третьих, оно уверенно и устойчиво» [1, с. 83].

Заключение. Таким образом, лидерство в Античности отождествлялось с государственным управлением, предполагавшим лидерство в военных походах, доблесть и мужество, сочетавшиеся с мудростью и высокими нравственными и интеллектуальными качествами. Лидер античного периода был одновременно носителем черт Божества и Героя-Воина. У Платона лидеры – это философы, которые, являются лучшими представителями стражей, обученными диалектике и обладающими необходимыми для управления нравственными и интеллектуальными качествами. Аристотель выделял в сущности правителя два главных аспекта – мастерство и практическое поведение. Практическое поведение мыслитель считал более важным, поскольку именно оно ведет правителя к реализации его целей – как военных, так и политических. Помимо лидерства как проявления героических черт отдельных личностей в Античности был широко распространен идеал коллективного героизма, проявлявшийся, прежде всего, во время военных походов.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53–293.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: Рипол Классик, 2016. – 528 с.
3. Асмус В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 2005. – 400 с.
4. Платон. Государство / Платон; [пер. с греч.А. Н. Егунов]. – СПб.: Наука, 2005. – 576 с.

ВОЕВАНИЕ КАК УПРАЖНЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ

Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР

a.k-l@mail.ru

Введение. Духовные упражнения, по Пьеру Адо, это «практика, нацеленная на то, чтобы совершенно изменить бытие» [1, с. 12]. Духовное упражнение – это не только внутреннее делание (борьба с помыслами и т.д.), но и внешние проявления духовного делания. Духовным упражнением может быть чтение текстов (философских, религиозных и т.д.), написание научных статей, поход в горы и т.д. Всякое делание, которое в горизонт своего развертывания включает философское умозрение (например, созерцание заката в горах, или созерцание теоретических построений при написании философского трактата), может считаться упражнением в философии.

Основная часть. При таком понимании духовных упражнений как упражнений в философии к ним можно отнести и такое делание, как «воевание», если употребить старорусское слово. При воевании, т.е. при занятии войной, будь то служба рядовым по контракту, командование взводом (ротой, батальоном и т.д.) или просто нахождение человека посреди театра боевых действий в качестве журналиста, военкора или даже простого наблюдателя, может возникнуть потребность в умозрении, которое можно определить как философствование. Война как ситуация предельного экзистенциального напряжения естественным образом делает запрос на философскую рефлексию.

Причастность к войне со стороны философии может выражаться также в деятельном духовном соучастии воеванию. Так, например, Н.А. Бердяев писал о своих статьях времен Первой Мировой войны, в которых он развивал свою экзистенциальную философию войны, что в этих статьях он жил вместе с войной и писал в живом трепетании события» [2, с. 6]. В этом смысле бердяевское умозрение о войне также представляет собой упражнение в философии, поскольку оно, применяя выражение Адо, представляло собой духовную практику, нацеленную на изменение бытия. С этой точки зрения оказывается совершенно несостоятельным взгляд на военные статьи Бердяева (как и других философов эпохи русского религиозно-философского Ренессанса: В. В. Розанова, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова и др.) как на обыкновенную публицистику, которая выпадает из жанра философских текстов. В пример можно привести также статьи военных (а также и послевоенных) лет И. А. Ильина, П. А. Флоренского и других русских философов. Тексты этих мыслителей можно понимать как форму переживания войны, соучастия в воевании.

Практика соучастия в войне предполагает не только непосредственное (физическое) участие в военных действиях, но и деятельное участие на интеллектуальном и нравственном уровнях. Причем эти уровни могут сочетаться.

Так, физический уровень и нравственный сочетаются у П. А. Флоренского, который отправляется на фронт как санитар и вместе с тем как полковой священник на поезде Черниговского дворянства. Деятельное соучастие в войне отражено в его дневнике, который философ вел во время своего служения на поезде. Здесь же можно привести пример Ф. А. Степуна, отношение которого к войне окажется не таким однозначным, как его обыкновенно представляют, если внимательно читать его «Письма прапорщика-артиллериста».

Сочетание нравственного и интеллектуального уровней соучастия мы видим на примере Н. А. Бердяева, который откликается на событие войны целой автоматной очередью статей и не прекращает свою рефлексию относительно войны даже после ее окончания. Очевидно, что бердяевские военные и послевоенные тексты являются формой его соучастия в войне, своеобразным переживанием войны, упражнениями в философии. Бердяев один из тех русских мыслителей, которые во время Мировой войны открывает второй, философский фронт.

Не смотря на то что экзистенциальное измерение войны как духовное упражнение раскрыто русскими философами, современная философия войны совершенно упускает этот момент и центрируется на теории войны (теории малых и новых войн, теории справедливых войн, сетевые и сетецентристические войны и т.д.). В результате современная философия войны, упустившая из поля зрения войну как экзистенциал, теряет свою принадлежность к собственно философии и приближается, скорее, к политике и к теории военного дела.

Сегодня возникает запрос на подлинную философию войны, которая раскрывала бы экзистенциальное измерение войны, ее природу и смысл. Современные теории войны не рассматривают вопрос о «смысле войны», считая его устаревшим, и занимаются вместо этого классификациями войн и идеалистическим построениями о том, какими должны быть войны, чтобы международное право их считало легитимными. Современная «философия войны», таким образом, превратилась в служанку вполне конкретных военно-политических блоков. В этом смысле русская философия войны открывает перспективы не только для теоретических исследований, но и для конкретных духовных практик.

Воевание как упражнение в философии раскрывает для человека инаковость бытия. Как пишет В. Ю. Даренский, философские упражнения призваны «раскрыть человеку Иное в символическом смысле – т.е. неизбывную инаковость самого бытия» [3, с. 285]. Очевидно, что война, если к ее реальности подходить с философской оптикой, может раскрыть для человека эту инаковость бытия.

Прежде всего, война раскрывает для созерцающего ее горизонт смерти. На это обращает внимание, например, С. Н. Булгаков, который пишет в статье 1915 года «Война и русское самосознание», что война приносит человеку духовное воскрешение, поскольку заставляет его предстоять смерти и соответственно воспринимать мир по-иному, с точки зрения вечности: «...Пусть странно, – пишет философ, – а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над міром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. ... Смерть старателльно изгонялась из мещанского обихода. ... У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услыхать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами» [4, с. 23]. Таким образом, воевание как философское упражнение смыкается с другим, важнейшим упражнением в философии, а именно созерцанием смерти. По сути дела, любая степень и форма соучастия в войне, если оно пронизано философской оптикой, т.е. если оно действительно является собой философское упражнение, включает в себя умозрение о смерти.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти (Откр. 3:2). Любой, кому приходилось быть на войне, испытать бытие-в-войне, скажет, что более всего человек в это время испытывает жажду сна. Поэтому философская практика воевания утверждает духовное бодрствование. Утверждает же эта практика, прежде всего, «близкое к смерти», и парадоксальным образом самым близким к ней оказывается жизнь. Опросы и прочие свидетельства доказывают, что люди, пережившие войну, считают военное время своей жизни самым живым, самым подлинным. Это экзистенциальное измерение войны в полной мере раскрывается при помощи философского созерцания войны, которое, с другой стороны, само по себе истребляется войной как актом.

Заключение. Чтобы сообразовать свою философскую речь с самой философией, философ, который избрал заниматься войной, должен прикоснуться к войне как практису. Это может быть военная служба, военная журналистика, даже созерцание войны на уровне наблюдателя на месте (т.е. философу войны не обязательно становиться комбатантом). Сегодня идет война с террористами Сирии, все еще идет война более близкая нам со всех точек зрения (как с географической т. з., так и с т. з. моральной географии) с украинским карателями в Донбассе. Философ, который занимается войной (т.е. именно философией войны, а не теорией военного дела и не историей философии войны), не имеет права обойти стороной войны, которые разворачиваются вокруг него. Иначе его философская речь расходится с его философским практисом, а значит, его слово – это слово лишь о философии, но никак не философское слово, связанное с жизненным опытом.

Список литературы

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. При участии В. А. Воробьева. – М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: «Мысль», 1990. – 208 с.
3. Даренский В. Ю. Философия как экзистенциальное усилие / В. Ю. Даренский // Донецкие Чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.) – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – 372 с.
4. Булгаков С. Война и русское самосознание / С. Булгаков. – М.: «Мысль», 1915. – С. 23.

УДК 355.01

А. А. КЕРСНОВКИЙ О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Лищенко И.Ю., Ионов Б.В.

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
conf@donvoku.com

Русская философия войны разнообразна, однако характерной ее чертой является то, что сама война для русских философов была не абстрактной теоретической темой, но экзистенциалом. Как пишет современный исследователь русской военной философии А. Ю. Коробов-Латынцев, отечественные мыслители осмысливали войну как онтологический феномен, дали метафизику и этику войны, и при этом сама война как элемент реальности была экзистенциально близка им: русские мыслители не бежали от войны, не чурались ее, и при необходимости вставали на путь войны, смело, честно, стойко и мужественно перенося все тяготы и трудности военной жизни, переживая в своем сердце все нравственные противоречия войны [2, с. 352]

В этом контексте следует отдельно упомянуть Антона Антоновича Керсновского, отечественного специалиста по военной истории и теории, автора многих статей, посвященных военному делу, истории и философии войны, многотомного труда «История русской армии» и фундаментального труда «Философия войны».

Керсновский родился в Одессе в 1905 году. В 1919 году отец его был арестован одесским ЧК, а будущий теоретик войны идет воевать на стороне белой армии. Отца Керсновского вскоре освобождают, и всей семьей они на французском крейсере «Мирабо» отплывают из Одессы в Румынию. Однако дальнейшая жизнь Керновского будет навсегда связана с Белым движением, как и жизнь многих других русских эмигрантов, которые считали, что они за границами России продолжают свою борьбу против большевиков.

Керсновский в эмиграции становится специалистом по военному делу. Он пишет статьи, которые постепенно начинают цениться не только в среде русских эмигрантов, но и среди европейских ученых и публицистов. С конца 1932 года «Царский вестник» стал публиковать в сокращённом варианте «Философию войны» Керсновского (книга выйдет позже с дополнениями – в 1939 году). А с 1933 года по 1938 год в Белграде выходил его основной труд «История Русской Армии» в четырёх томах (переиздан в России, в частности, издательством «Голос» в 1992–1994 годах). Двухтомное «Военное дело» так и осталось в рукописи, а от «Русской стратегии в образцах», «Крушении германской военной доктрины в 1914 году», «Синтетическом очерке современных компаний» и ряда других трудов, к сожалению, остались только косвенные и отрывочные упоминания.

Керсновский не только теоретизировал о войне, но и принимал реальное участие в военных действиях. Так, он успел повоевать и в белом армии, а затем видел и европейские поля сражений. Незадолго до немецкого вторжения во Францию Керсновский был призван во французскую армию. Вскоре пришло сообщение о его гибели под Доммартеном, однако оно оказалось ошибочным, Керсновский получил только тяжёлое ранение.

Однако окончания войны военный философ так и не дождался. Антон Антонович Керсновский скончался 24 июня 1944 года от обострения застарелого, ещё с Гражданской войны, туберкулёза. Был похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Поскольку Керсновский был не просто теоретиком войны, ее историком, но и философом войны, который видел реальность войны, постольку он мог трезво рассуждать о природе войны. Опыт гражданской войны и мировой войны Керсновский использовал для выработки своей собственной историко-философской оптики на природу войны.

Книга «Философия войны» представляет собой полное собрание и осмысление его идей насчет войны. В этой книге Керсновский рассматривает войну со многих сторон: духовно-нравственной, морально-правовой, политической, собственно военном.

В своем главном труде «Философия войны» Керсновский очень грамотно пишет и объясняет все спорные моменты, касающиеся природы войны. Как пример можно привести саму войну и христианскую мораль. Шестая заповедь гласит: «Не убей». Керсновский говорит следующее: «Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять Своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю – не мир пришел Я принести, но меч...». «Когда же услышите о войнах и смятениях – не ужасайтесь, ибо сему надлежит быть прежде» [1, с. 30]. Еще Керсновский трактует ветхий завет, как, своего рода первый воинский устав, говоря следующее: « В то время избранный народ шел своим походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собою как бы армию – и

десять заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную Землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось» [1, с. 30].

В своей книге излагает понятие «Справедливая война»: «Единственным критерием суждения о степени справедливости войны есть степень выгоды её для государства» [1, с. 33]. Применяя критерий высшего порядка – критерий духовной ценности, мы можем разделить все веденные человеком войны на три категории:

Первая – войны, которые ведутся в защиту высших, духовных ценностей, – войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и с Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917–1922 гг. с белой стороны, по мнению Керсновского, относятся к этой категории.

Вторая – и наиболее распространенная – войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мероприятия для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку – и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны – это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать – авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805–1807 гг., поход в 1849 г. на венгров, экспедиции французов в Мексику при Наполеоне III.

В конечном итоге Керсновский приходит к следующему выводу: «Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной – мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества. Все остальное – уже излишества, а излишества пагубны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное – и просто человеческое – достоинство побежденного» [1, с. 37].

Список литературы

1. Керсновский А. А. Философия войны / А. А. Керсновский. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 208 с.
2. Коробов-Латынцев А. Ю. Русские философы на войне / А. Ю. Коробов-Латынцев // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 5: Социально-политические, исторические и философские науки / под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 352 – 354.

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК СУДЬБИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ ХХІ ВЕКА

Музя Д.Е., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d.muzya@donnu.ru

Введение. В прошлом году на «Донецких чтениях – 2020» мною был представлен доклад на тему: «Война в эпоху постмодерна: между панлогицизмом и абсурдом». В ходе его обсуждения получила своё подтверждение гипотеза о том, что актуальная мировая история сегодня с очевидностью вышла на ристалище битвы «цивилизационных антагонистов». Разумеется, не знающих и не предполагающих никаких конвенций в области ценностного фундирования совместного со-существования. На глобальном, транс-региональном и региональном уровнях.

Пример Афганистана тут весьма красноречив!

Причем, вопреки всем гуманитарным «пророчествам», включая идеи небезызвестного Г. С. Померанца. Так, некогда на фоне палестинско-израильского конфликта он вещал: «Одним из источников (проблемы «глобального террора» – Д. М.) к мирному решению останется, впрочем, сама эта вероятность – вероятность общей катастрофы, а не победы одной стороны ближневосточного конфликта» [1, с. 187]. При этом характер недавнего конфликта более-менее четко артикулирован и едва ли совместим с фантазиями этого ученого [2]. Тем более, в створе имеющихся допущений о «споре цивилизаций» и «диалоге культур», где Россия и русская цивилизация перманентно «вынесены за скобки»…

Основная часть. Развивая эту тему, далее хотелось бы предложить интерпретацию текущей ситуации в мирополитических делах с позиций цивилизационного подхода, который, между тем, со времен Хантингтона претерпел существенные изменения.

Цель работы – выявить содержательные характеристики межцивилизационной конфликтности, с прицелом на обнаружение константных / вариативных валентностей в данном вопросе.

Речь идет о неизбывном «ценностном конфликте», который помимо сферы власти, правах и свободах, программируемых гражданским обществом [3, с. 125–129], развертывается в «духовной сфере».

Согласно нашей гипотезе именно он, помимо конфликта «веры» и «знания», есть конфликт между цивилизациями в области оснований воспроизведения как биологического, так и социального вида *homosapiens*.

Конечно, далее можно опереться на представление С. Г. Киселева о том, что «основной инстинкт цивилизаций» срабатывает в рамках работы «механизма» взаимодействия цивилизаций, где конфликтность объявлена

константой. Разумеется, на фоне «устремлений» к завоеванию, покорению и подчинению цивилизации-оппонента [4, с. 36 – 39]. Но думается мы не продвинемся по пути понимания природы современных войн, если обойти вниманием макросоциологическую фокусировку.

Она, между прочим, заключается в фиксации ценностных преференций актуально существующих цивилизаций. Причем, не только культурируемых внутри обществ и государств, вовлеченных в становление той или иной цивилизационной системы, но часто экстраполируемых вовне в виде «универсалов» исторического развития.

Так, считается, что западной цивилизации присущи:

1) динамизм и ориентация на новизну; 2) утверждение достоинства и уважение к личности; 3) установка на автономию личности; 4) индивидуализм; 5) рационализм и практицизм; 6) идеалы свободы, равенства и братства; 7) уважение к частной собственности; 8) предпочтение демократии всем другим формам власти [5, с. 217].

Тем не менее, какой эффект привития этих (пусть не всех) ценностей странам и народам Азии, в частности, Афганистану на протяжении 20 лет, мы убедились воочию.

Но поскольку цивилизационные различия России и Запада наглядно проявились в холодной войне [6, с. 206], то можно предположить, что такая же пропасть разделяет США и КНР, как лидеров западной и синской цивилизаций. И это обстоятельство по-прежнему делает мир взрывоопасным и непредсказуемым.

Однако при рассмотрении природы межцивилизационных войн ключевой представляется проблема ценностей, на которую в своё время пристальное внимание обратил британско-американский психолог и антрополог Грегори Бейтсон.

В целом ряде своих работ он настаивал на следующем: 1) цивилизации живут и развиваются на идеях (ценностях) самых разных степеней общности. К примеру, на «Золотом правиле», «Талионе», «Справедливости», «Здравом смысле изобилия», «выживании сильнейшего» и т.д.; 2) идеи, которыми «заражена» и методично воспроизводит себя западная цивилизация, таковы:

- a) мы против окружающей среды;*
- b) мы против других людей;*
- c) значащая единица – индивидуум (индивидуальная компания, индивидуальная нация);*
- d) мы можем в одностороннем порядке контролировать окружающую среду и должны стремиться к такому контролю;*
- e) границы среды обитания могут бесконечно расширяться;*
- f) здравый смысл заключается в экономическом детерминизме;*
- g) технология даст нам всё [7, с. 458].*

В таком случае спрашивается: что может дать коллективный Запад остальной части человечества, если этот ценностный ряд явно узок и примитивен?

Заключение. Ответ на этот вопрос недавно дан мною в работах [8-9]. В частности, во-первых, показано, что русская и иные традиционные цивилизации обязаны обойтись без аксиологических «подарков» Запада, поскольку последние являются деструктивными по отношению к природе и обществу. «Великая либеральная революция» в духе Троцкого – это путь в никуда. Во-вторых, определено ценное ядро русской культуры и цивилизации, которое, по моему мнению складывается из Русской идеи как идеи «примирения» всех племен и языков (Ф.М. Достоевский). Точнее: сегодня наша «всемирная отзывчивость» должна сыграть решающую роль в деле стабилизации мирового порядка, поскольку ценность Правды-Справедливости (А. С. Панарин) едва ли имеет аксиологическую альтернативу. Равно как ценность самого мира, такого хрупкого в XXI веке!

Список литературы

1. Померанц Г. С. Заметки о глобальном терроре // Г. С. Померанц Дороги духа и зигзаги истории. 2-е изд. – СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – С. 183-187.
2. Палестино-израильский конфликт // Режим доступа: <https://iz.ru/tag/palestino-izrailevskii-konflikt> (дата обращения: 10.09.2021 г.).
3. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учеб. пособие / А. Г. Здравомыслов. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 317 с.
4. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и geopolитические вызовы России / С. Г. Киселев. – М.: Издательство «Известия», 2002. – 368 с.
5. Жириновский В. В. Социология мировых цивилизаций: Учебное пособие для студентов вузов / В. В. Жириновский, В. И. Добреньков, Н. А. Васецкий. – М.: Академический проект, 2014. – 608 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Россия и Запад: Парадигмы цивилизаций: 2-е изд. / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Академический проект, 2013. – 232 с.
7. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
8. Муза Д. Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния / Д. Е. Муза. – М.: Канон+ РОИ «Реабилитация», 2020. – 288 с.
9. Муза Д. Е. «С кем посоветоваться о первоценностях?»: историко-философские и культурологические исследования / Д. Е. Муза. – Донецк: ДОНПРИНТ; Москва: Издатель Воровьев А. В., 2021. – 220 с.

УДК 335: 05

«ИСКУССТВО ВОЙНЫ» СУНЬ-ЦЫ И ИДЕОЛОГЕМА «НЕБЕЗОПАСНОГО ПОЛОЖЕНИЯ»

Олендарь Н.Е.

ГУК «Донецкая Республикаанская библиотека для молодежи», г. Донецк, ДНР
nikita-olendar@yandex.ru

Введение. Трактат «Искусство войны» китайского философа и стратега Сунь-Цзы по праву считается самым древним военно-теорети-

ческим текстом, не утратившим своей актуальности по сей день. В работе, также именуемой как «Сунь-цзы о военном искусстве», «Законы войны Учителя Суня» представлены 13 глав, которые, согласно общезвестному преданию, писались стратегом «... для князя Холюя, на службе у которого он находился» [1, с. 36]. Трактат сложен диалектически, где хитрость и обман граничат с мужеством и боевым напором: «Сунь-Цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника, на втором месте сокрушить это государство» [1, с. 61], а «... диалектика верности и обмана, силы и слабости, воинственности и миролюбия стала одной из основных методологем традиционной китайской культуры» [3, с. 670].

Основная часть. Предметом исследования в настоящей статье взята идеологема «небезопасного положения». О значении топоса войны в экзистенциальном плане в отечественной литературе уже писали применительно в русской философии войны [3] однако мы применим эту оптику к китайской философии войны. Итак, идеологема «небезопасного положения» внушала древнекитайским полководцам бросать своих солдат в условия крайние, безвыходные ситуации. Заинтересованность в подобном вычленении вызвана вопросом о том, насколько уместно при всей хитроумности Сунь-Цзы, при извлечении максимальной пользы из действий по отношению к противнику пренебрежение жизнями собственного войска.

Речь идёт о тезисах следующего характера: «Бросай своих солдат в такое место, откуда нет выхода, и тогда они умрут, но не побегут. Если же они будут готовы идти на смерть, как не добиться победы. И воины и прочие люди в таком положении напрягают все свои силы. Когда солдаты подвергаются смертельной опасности, они ничего не боятся; когда у них нет выхода, они держатся крепко; когда они заходят в глубь неприятельской земли, их ничто не удерживает; когда ничего поделать нельзя, они дерутся» [1, с. 156]. В своих жёстких указаниях мыслитель высекает следующее: «...Когда люди поставлены в положение, из которого нет выхода, они храбры, как Чжуань и Цао Куй...Вот когда солдаты в своей храбости все как один, это и будет настоящеe искусство управления войском» [1, с. 157], «Поэтому когда искусный полководец как бы ведет свое войско за руку, ведет как будто это один человек, это значит, что создалось положение, из которого нет выхода» [1, с. 159].

Доведение до предельного состояния (смертельной опасности) – это тоже своего рода расчётливость – упование на психическое устройство солдата: «Ведя войско, следует ставить его в такие условия, как если бы забравшись на высоту, убрали лестницу...Собрав всю армию, нужно бросить её в опасность; это и есть дело полководца» [1, с. 159]. И кульминационное: «Только после того, как солдат бросят на место гибели, они будут существовать; только после того, как их ввергнут в место

смерти, они будут жить; только после того, как они попадут в беду, они смогут решить исход боя» [1, с. 163].

Заключение. Исходя из вышеперечисленного, можно заключить, что орудуя идеологемой «небезопасного положения», направляя солдат на гибель, автор древнего трактата об искусстве войны видит в этом концентрирование духа, мобилизацию всех внутренних резервов. Оказавшись в точке экстремума, у воинов не остаётся варианта кроме как сражаться и выиграть, а значит, выжить. Вкрапление идеологемы «небезопасного положения» ещё раз подтверждает диалектическую силу трактата, где даже рискованные, с первого взгляда кровавые и жестокие «указки» ведут к эффективному бою, к победе, к минимизации потерь – войско будет храбро и легко ведомо своим полководцем (все как один).

Список литературы

1. Искусство войны. – М.: Издательство Центрополиграф, 2016. – 332 с.
2. Коробов-Латынцев А. Ю. Экзистенциал войны в русской философии / А. Ю. Коробов-Латынцев // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 3 (20). – С. 41–46.
3. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М., Мысль, – 2010, т. III, Н – С. 670.

УДК 355.01

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В СССР

Паркин Д.А., Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос. наук
ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
batmanoo7@yandex.ru

Введение. Война сопровождала человечество на протяжении большей части его исторического пути. В связи с этим в каждый определённый период истории создавались концепции, которые оправдывали моральную допустимость войн. Эти концепции менялись время от времени, но суть их оставалась одной. Сейчас их принято называть теорией справедливой войны. На Западе она получила новый толчок развития в 60-е годы XX ст. и продолжает использоваться до сих пор. У иностранных философов и до этого был большой опыт в работе с ней – теория совершенствовалась и изменялась в зависимости от обстановки напротяжении столетий. Но было ли что-либо подобное у России XX в.?

Основная часть. В первой половине прошлого века этой темой занимались такие философы, как Н. А. Бердяев и И. А. Ильин, а также военные теоретики А. К. Баивов, Н. Н. Головин и др. Однако вследствие

взятия власти большевиками и последующей Гражданской войны они покинули территорию уже Советской России. Как раз вопрос о теории справедливой войны в Советском Союзе и подлежит рассмотрению. Какая у неё была форма и содержание (и была ли она вообще) в государстве, которое своей целью ставило привести человека в мир равных возможностей, в мир без войн?

Если рассматривать философию в СССР, то следует в первую очередь подвергнуть анализу учение, которое послужило фундаментом для появления страны рабочих. Марксизм-ленинизм и его теоретики являются первичной точкой для того, чтобы понять на каких принципах государство строилось, и какую политику оно проводило.

Так, в Советском Союзе война не была априори негативным феноменом. Её рассматривали, как одно из сложных и противоречивых явлений социальной жизни, которое на протяжении всего существования классового общества то замедляло, то ускоряло ход его развития. Тем не менее, война не считалась чем-то вечным, что всегда сопровождало человека. Было время, когда войн не было, настанет время, когда войн не станет.

Ленин и Сталин учат, что война есть продолжение насильственными средствами политики того или иного класса. Но что если война ведётся прогрессивным классом против реакционного, т.е. войн угнетенных против угнетающего? В своём произведении Ленин писал: «Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» в этом смысле войну» [1]. Однако это не зависит от того, кто первый напал. Если угнетаемое, зависимое, неполноправное государство объявит войну держав, что её грабит и эксплуатирует, то для нападавших эта война была бы «справедливой», «оборонительной». Но если, условно, завтра США объявит войну Китаю, то эта война не будет справедливой не для одной из сторон.

Ленин и Сталин учат, что войны бывают справедливые и несправедливые, войны, ведущие к установлению гнета и войны, сбрасывающие его. Товарищ Сталин выдал классическую формулировку ленинско-сталинской классификации войн для той эпохи: «война бывает двух родов : а) война справедливая, незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попытку его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо накануне, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и б) война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов» [2, с. 161].

Как и классики западной теории справедливой войны, Ленин и Сталин указывают, что из-за изменений политической обстановки (как внутренней, так и внешней) справедливая война может стать несправедливой, и, наоборот, несправедливая – справедливой.

Следовательно, несправедливыми войнами являются, во-первых, войны, ведущиеся буржуазией против пролетариата, против коммунисти-

ческого движения; во-вторых, войны буржуазии против зависимых стран, которые борются за свою национальную свободу. И, наконец, в-третьих, войны буржуазных стран между собой за рынки сбыта и сферы применения капитала. В противовес к ним, войны справедливые – это войны пролетариата против буржуазии (прогрессивные), освободительные войны.

Большевики никогда не были пацифистами. Они являлись противниками войн грабительских, захватнических. Выступали против насилия над пролетарием. Но большевики являются принципиальными сторонниками насилия революционных классов и прогрессивных общественных сил по отношению к реакционным классам и их политическим учреждениям ибо «без насилия по отношению к насильнику, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников». Таким образом, марксизм-ленинизм выступает за справедливость и законность войн угнетенных против угнетателей, и осуждает войны эксплуататоров против эксплуатируемых.

Заключение. Советский Союз, также как и Запад, оперировал таким понятием как «справедливая война». Но в отличие от теории справедливой войны, концепция коммунистов была проще и не давала пространства к маневрированию при использовании её в разных конфликтах. Там, где западные философы составляли принципы «права на войну», «право в войне» и др., у нас определение «справедливости» войны было кратким и ясным. Причины такой разности в структуре теории справедливой войны разных стран (если считать, что у Союза она была) лежат в политике, проводимой этими самыми государствами. Позиция СССР в вопросе войны всегда основывалась на ленинских принципах. Советский Союз всегда открыто заявлял цели войн, которые он вынужден был вести: они носили освободительные характер. Агрессивный же характер политики эксплуатирующих стран вынудил их создать философскую концепцию, благодаря которой можно было бы обмануть людей и заставить их идти жертвовать своими жизнями за чужие интересы. Можно сказать, что наше государство в XX ст. создало свою, отечественную теорию справедливой войны, описание которой является задачей будущих исследований.

Список литературы

1. Ленин В. И. Социализм и война. [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/26-6/26-61.htm>. (дата обращения: 20.09.2021.)
2. Сталин И. История ВКП(б). Краткий курс. – М.: ОГИЗ «Госполитиздат», 1945. – 212 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВОЙСКАХ В УСЛОВИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Слесаренко В.И.

ГОУ ВПО «Горловский государственный педагогический институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
vologay_111@mail.ru

Введение. Изменения, произошедшие в Донбассе за последние 7 лет, конфликт с неонацистской украинской хунтой, формирование народными республиками Донбасса собственной независимой государственности, а также процесс перехода ополчения сначала в Вооруженные силы, а затем в Народную Милицию, заставили по-новому взглянуть на проблему воспитания в войсках. Война, развязанная Украиной против народа Донбасса, с самого начала была войной гибридной, в ходе которой были задействованы не только непосредственно вооруженные силы, но также информационные, психологические, экономический рычаги давления, поэтому вопрос о воспитательной работе с военнослужащими, каждый из которых является и объектом, и субъектом идущей гибридной войны, представляется невероятно важным.

Основная часть. В научной литературе проблема воспитательной работы в войсках представлена недостаточно. Как правило, большинство публикаций проходит по исторической тематике, рассматривая воспитательную работу в исторической ретроспективе. Трудов, которые были бы посвящены непосредственной практической работы в современных войсках очень мало, не говоря уже о таких работах, в которых рассматривались бы особенности воспитательной работы с военнослужащими-контрактниками в Донецкой Народной Республике. Этим фактом определяется актуальность предложенной темы.

Недостаточная представленность заявленной темы в научной литературе ставит вопрос о полевой работе: опросах, индивидуальных интервью и т.д. Лишь обладая достаточным эмпирическим материалом и проделав качественный анализ его, можно делать заключения об особенностях воспитательной работы в войсках Донецкой Народной Республике. Однако предварительно имеет смысл сделать некоторые общеметодологические замечания по предложенной нами теме.

Прежде всего, это касается грамотного анализа научной литературы, затрагивающей темы, смежные нашей. Эту литературу можно разить на следующие блоки. Во-первых, это литература, посвященная проблематике новых войн как таковых, и прежде всего гибридных и информационных, поскольку характерной особенностью конфликта на Донбассе (Донбасской войны) является именно то, что это война гибридная, информационная, и

даже можно сказать, используя термин С. Хантингтона, «война по линии разлома», тем более что подобный термин уже употребляется исследователями в отношении войны на Донбасс [1, с. 143]. Поскольку вооруженные силы Донецкой Народной Республике зародились и развиваются в обстоятельствах войны и иного состояния они просто еще не знали, то характер идущей войны не может не оказаться на войсках и на их внутренней обстановке, а соответственно и на таком частном элементе организации войск, как воспитательная работа. Поэтому считаем нужным в отдельную группу выделить литературу, посвященную информационным и гибридным войнам [3, с. 175], тем более что в некоторых трудах по этой теме напрямую или косвенно затрагивается момент воспитательной работы с военнослужащими.

Вторая группа – это труды, в которых рассматривается воспитательная работа в войсках во всем ее многообразии, от индивидуальной воспитательной работы с военнослужащими в войсках Национальной Гвардии до особенностей организации воспитательной работы в многонациональных воинских коллективах внутренних войск МВД. Как правило, эти работы посвящены каким-либо конкретным аспектам воспитательной работы. Так, например, в статье В. Г. Майсурадзе А. П. Ковалева рассматриваются особенности воспитательной работы в контексте межнациональных отношений в войсках. Авторы предлагают свой анализ происходящего во внутренних войсках МВД РФ на рубеже XX–XXI вв., и в результате делают практические выводы относительно того, на какие принципы должны опираться офицеры структур по работе с личным составом, приступая к разработке плана воспитательной работы [4, с. 68] (эти выводы актуальны и в нашей ситуации, поскольку Донбасс – территория позднего заселения, и на его территории проживает множество национальностей, так что можно с уверенностью заявить, что в войска Донецкой Народной Республики – это многонациональный воинский коллектив).

В статье Семенихина С. С. и Блохина В. А. затрагивается вопрос о необходимости постоянного совершенствования общественного воспитания, «преодоления застойных, стихийно сложившихся форм» на примере войск Национальной Гвардии [5, с. 153]. Статья Ковалева А. Ю., и Суханова Н. Г. также рассматривает организацию воспитательной работы в войсках Национальной Гвардии, но только в контексте влияния на нее СМИ, у которых, как пишут авторы, также имеется свой социально-педагогический потенциал [2, с. 164].

Заключение. Как видим, все эти статьи рассматривают воспитательную работу в Вооруженных Силах Российской Федерации. Применительно в ситуации в Донбассе (Донецкой и Луганской Народных Республик) подобная проблематика, увы, не рассматривается вовсе, чем определяется и новизна нашего исследования, и актуальность, поскольку серьезное изучение влияния воспитательной работы на мотивацию

военнослужащих-контрактников в Донецкой Народной Республике будет предполагать итог в виде практических рекомендаций для замполитов, которые ведут воспитательную работу в войсках.

Ценность результатов подобного исследования, которые к тому же были бы оформлены в виде методического пособия или практических рекомендаций, очевидна для всякого человека, который понимает суть гибридной войны, ведущейся сегодня против России и Русского мира в целом. В подобных войнах побеждают не только при помощи технических достижений и суммарной огневой мощи, – побеждает тот, кто способен не только отстоять свою интерпретацию действительности, но и навязать ее противнику. На это и направлен весь комплекс воспитательных мер, которые осуществляются в войсках замполитами. В гибридных войнах, чем дольше они делятся и чем сложнее они становятся (а исторический опыт показывает, что новые войны делятся все дольше и дольше, а трансформируются почти перманентно), необходимо все большее и большее укрепление морального духа в войсках. Как достичь такого результата – вопрос будущих исследований, методологические основания для которых должны опираться на опыт отечественной философии войны и военной педагогики.

Список литературы

1. Ионов Б. В. Войны по линиям разломов / Б. В. Ионов // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 143 – 146.
2. Ковалев А. Ю., Суханова Н. Г. Социально-педагогический потенциал СМИ в организации воспитательной работы с личным составом войск Национальной Гвардии Российской Федерации // Современные тенденции развития гуманитарных и социально-экономических наук. Сборник трудов Международной научно-практической конференции (с очным участием) в 2-х ч. – М., 2019. – С. 263 – 270.
3. Коробов-Латынцев А. Ю., Ионов Б. В. «Побеждать уже побежденного»: о возникновении информационной войны // Донецкие Чтения 2019: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.) – Т. 5: Философские и психологические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Издательство ДонНУ, 2019. – 403 с.
4. Масурайдзе В. Г., Ковалев А. П. Особенности организации воспитательной работы в многонациональных воинских коллективах внутренних войск МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. – № 1 (7). – С. 66 – 68.
5. Семенихин С. С., Блохин В. А. Индивидуальная воспитательная работа с военнослужащими в войсках Национальной Гвардии Российской Федерации // Новая наука: современное состояние и пути развития. – М., 2016. – № 12-3. – С. 152-155.

**КАК ОСТАНОВИТЬ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ
РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА:
ОТВЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)**

Трухан А.В., канд. филос. наук, доц.

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Ростов-на-Дону, РФ
axiomata.maxima@mail.ru

Введение. Глобальный процесс расчеловечивания человека неотвратимо обретает статус фундаментальной философской проблемы современности. Сам феномен расчеловечивания становится предметом обсуждения в разных сферах публичного дискурса. В публицистике – это «процесс вымывания и умирания человеческого в человеке»; в социальной инженерии – технологии трансформации общественного сознания; в политике – технологии *дегуманизации* противника с целью легитимации в общественном сознании антигуманных форм борьбы за власть.

Основная часть. В *философском дискурсе* термин «расчеловечивание человека» имеет широкий концептуальный спектр значений: от марксистского «*отчуждения человека от своей сущности*» до «*утраты человеком образа и подобия Божия*» в христианском миропонимании. В целом, общая оценка в дискурсе общественных наук феномена расчеловечивания человека может быть определена как *явление фундаментального антропологического кризиса человеческой цивилизации*. Точнее – кризиса Западной цивилизации, установившей свою мировую гегемонию, предложив человечеству универсальный проект Просвещения в рамках гуманистического мировоззрения. Сегодня совершенно определенно можно сказать, что современный кризис расчеловечивания человека имеет своей прямой предпосылкой кризис европейского гуманизма. Поэтому выход из кризиса расчеловечивания есть поиск альтернативных гуманизму путей развития человечества.

Причинная связь между гуманизмом и расчеловечиванием была обнаружена в русской религиозной философии уже в XIX веке. Однако со всей очевидностью она являет себя в современности. Европейский гуманизм разился о парадоксальность человеческой души. Вышедший же из гуманизма европейский рационализм не может признаться в своей несостоятельности раскрыть тайну человека. Он направляет полученный в ходе научно-технического развития инструментарий на взламывание человеческой души и перестраивания ее «инженерами человеческих душ» на собственный вкус. Возникающая при этом проблема, что делать со свободой воли человека, просто игнорируется. Специфика современного

этапа расчеловечивания состоит именно в том, что свобода воли человека перестала быть проблемой для проектировщиков социальных преобразований в условиях глобальных проблем. Именно этот процесс социальных преобразований, игнорирующий постановку проблемы свободы воли, мы называем технократическим расчеловечиванием человека. При этом термин «технократия» (букв. – власть техники) мы используем в широком смысле – в значении иерархической инверсии смысловых (терминальных) и инструментальных ценностей, при котором ценности научно-технического прогресса подчиняют себе смысло-жизненные ценности человека.

Эта технократическая инверсия ценностей гуманизма в русской религиозной философии была определена понятием «религия человекобожия». Она была выявлена и изобличена, прежде всего, Ф. М. Достоевским [1, с. 54; 4, с. 14]. Им же была поставлена и решена проблема расчеловечивания человека. Достоевский вскрывает тайну европейской души. Он показывает, что поклонение объективному знанию «дважды два четыре» обусловлено выгодами, которые оно несет человечеству. Вера европейского человека в собственное могущество на основании достижений науки заменила веру в Бога. Истина «дважды два четыре» была поставлена выше истины Божественного откровения из утилитарных соображений. При этом наука, возникающая как инструментальная ценность (органон) в реализации христианских смыслов, превратилась в самостоятельную смысловую ценность, подчиняющая себе ход исторического развития и определяющая собой смысл человеческой жизни. Свобода совести человека, купленная дорогой ценой Богочеловека на Кресте, продана за материальные блага технократической цивилизации. Это отречение европейского человека от христианских ценностей и лежит в основании антропологического кризиса расчеловечивания.

Современность характеризуется переходом от индустриального общества к информационному. Технократическая инверсия ценностей переходит на новый уровень. Теперь уже наука из смысловой ценности перемещается на уровень инструментальной, оставляя свое место информационным технологиям. В концептуальных манифестах трансгуманизма технологии улучшения природы человека провозглашаются главной смысловой ценностью и целью научно-технического прогресса. Эти манифесты становятся «библией» политических элит и инженеров человеческих душ. Расчеловечивание человека открыто провозглашается конечной целью совершенного в новоевропейской философии технократического переворота. Трансгуманизм объявляется подлинной целью гуманизма, обещая «цифровое бессмертие».

Однако, зачем человеку такое бессмертие, за которое он расплачивается смыслом своей жизни? Этот смысл не имеет количественного измерения, он определяется качеством свободного выбора человека. Слишком тревожно звучат сегодня предупреждения о «цифровом концлагере» [5] и «взломанном человеке» [6], которые возвращают нас к эсхатологи-

ческой традиции русской религиозной философии. Актуализация этого наследия на решении заявленной проблемы позволяет нам сделать два вывода. *Во-первых*, – существует лишь одна-единственная альтернатива расчеловечиванию человека – возвращение на путь Богочеловека. *Во-вторых*, – пройти по этому пути в современных условиях может только русский человек, потому что только у него есть необходимый для этого духовный ресурс. Только в русской душе воспроизводится главная смысловая ценность идеала Богочеловечка – *русская любовь к страданию*.

«Я думаю, – пишет Достоевский, – самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этую жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» [2, т. 1., с. 80].

Заключение. Вера Ф. М. Достоевского в Россию и русскую душу, которая сможет противопоставить «общезначимой истине» и «принудительному добру» европейской цивилизации свою любовь к страданию, выступает для нас путеводителем в условиях личного выбора между «дважды два – четыре» и собственно человеческим. Сегодня, когда главные социально-политические институты России (государство и церковь) в условиях установления господства в общественном сознании дискурса глобальной пандемии преклонили свои колена перед подменой «дважды два – четыре» на «дважды два – пять», остается один только ресурс сопротивления расчеловечиванию – личный нравственный выбор каждого человека между ложью и страданием.

Список литературы

1. Н. Бердяев о русской философии / Сост., вступ. Ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова. – Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991. – 288 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. / Ф. М. Достоевский; вступ. Ст. И. Волгина, comment. В. Рака, А. Архиповой, Г. Галаган, и др. – М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. – 186 с.
3. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 2. – М.: Издательство «Правда», 1982. – С. 400-504.
4. Иустин Попович, преподобный. Достоевский о Европе и славянстве. – М.-СПб.: Сретенский монастырь, 2002. – 288 с.
5. Катасонов В. Ю. Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь. – М.: Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018. – 424 с.
6. Шнуренко И. Человек взломанный. – М.: Наше завтра, 2021. – 456 с.

УДК 94 (571.1)

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИДЕОЛОГЕМЫ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» В СОВРЕМЕННОМ «РУССКОМ МИРЕ»
(РФ, ДНР, ЛНР, ПМР)**

Шульга Д.П., канд. ист. наук.

Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск, РФ
shulga-dp@ranepa.ru

Введение. Идеологема «Москва – третий Рим», зачастую приписываемая старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею или московскому митрополиту Зосиме, в современности находится в двойственном положении. С одной стороны, нельзя сказать, что она полностью забыта и стала исключительно предметом историографических исследований. В России существует с 2015 г Царьград ТВ, «первый русский консервативный информационно-аналитический телеканал» [3]. С другой – большая часть русскоязычного населения имеет весьма примерные сведения о Восточной Римской империи (Византии) и не воспринимает Россию её наследницей. В рамках настоящего исследования мы попытаемся указать возможные перспективы идеологемы «Москва – Третий Рим».

Основная часть. Идеология, лежащая на стыке философии и политики, разумеется, с научной точки зрения всегда может быть опровергнута. Тезис «Москва – третий Рим» имеет, впрочем, под собой целый ряд оснований. Общеизвестно, что, начиная с Владимира Святого, между Ромейской державой и Русью заключались династические браки (не менее известно родство Владимира Мономаха с элитой Восточной Римской империи, хотя надо признать, что его дед Константин был скорее «консортом», чем представителем устоявшейся династии).

Поворотным моментом стало падение Константинополя в 1453 г., с последующим браком представительницы Палеологов с Великим князем Московским Иваном III. «Статусная» женитьба, очевидно, стала одним из обоснований отказа Руси подчиняться «царю беззаконному», т.е. хану Большой Орды. В дальнейшем потомки Софии Палеолог правили Россией до 1598 г. Шапка Мономаха (при всей легендарности её связи с одноименным императором или его внуком – русским князем) оставалась важнейшей регалией российской монархии до 1721 г., и после этого играла в коронации определённую роль.

С точки зрения легитимной преемственности в том виде, в котором её себе представляли люди позднего Средневековья, Филофей, именовавший Василия III потомком Константина Великого и Иван IV, сопоставлявший себя с Октавианом Августом [2], мыслили логично. Василий и Иван – потомки Палеологов, те – законная династия «Нового Рима», откуда инсигнии были перенесены из «Вечного города». Подобная

последовательность и ныне не выглядит противоречивой, особенно если учитывать тот факт, что длительные династии «от отца к сыну» правили в эпоху как принципата, так и домината не очень часто. Исходя из всего вышесказанного, мы будем считать идеологему «Москва – третий Рим» достаточно обоснованной, хотя и не научной в строгом смысле слова. Если сравнивать её с воззрениями, согласно которым Россия имеет в своем развитии родство с кочевыми империями Евразии, «римская версия» определённо имеет больше доводов в свою пользу.

Есть ли перспектива развития у данной формулы (при всей её указанной выше устойчивости) в наше время? С одной стороны, двуглавый орёл¹ получил широкое распространение в ходе т.н. «Русской весны». Ныне он является центральным элементом герба Донецкой Народной Республики (причём в деталях он отличается от того, что используется в РФ). В январе 2021 г. в Крыму было объявлено об идеи создания «сообщества византийских городов». Постоянный представитель республики при президенте РФ Георгий Мурадов заявил в интервью ТАСС: «Сейчас мы устанавливаем связи с зарубежными городами, история которых связана с Византией. В Крыму таких городов много, сохранились и действуют средневековые христианские храмы, учёные многие годы исследуют руины византийских крепостей. Эта тема представляет интерес для широчайшего круга людей – это туризм, наука, образование, культурные связи². Таким образом, усиление влияния «Русского мира» на постсоветском пространстве побудило и некоторый дополнительный интерес к Восточной Римской империи.

С другой стороны, уровень знаний среднестатистического жителя РФ, ПМР, ДНР и ЛНР о Византии остаётся низким в силу того, что материалов по этому государству в учебниках для школ, средне-специальных учебных заведений и вузов³ очень мало. Формат тезисов мало способствует подробному анализу учебной литературы, мы приведём один пример. В учебнике В. В. Артёмова, рекомендованном Федеральным государственным учреждением «Федеральный институт развития образования» истории Восточной Римской империи посвящен всего один весьма лапидарный параграф [1, С. 67–69]. И даже на исторических факультетах зачастую Ромейская держава не удостаивается отдельного курса лекций (исключения составляют те учебные заведения, где есть предметы, связанные с историей Церкви, как, например, ПСТГУ или РХГА).

Заключение. На взгляд автора, перспективы у идеологемы «Москва – третий Рим» в РФ, ДНР, ЛНР и ПМР могут быть весьма многообе-

¹Символ, хотя и не сводимый к византийской геральдике, но для Восточной Европы имеющий зачастую ромейские корни

² Полный материал доступен по адресу: <https://tass.ru/obschestvo/10529575>

³ В рамках учебных программ, не предполагающих углубленного изучения истории, так как мы говорим не о сообществе специалистов, а о гражданах, занятых в иных сферах, « рядовых гражданах».

щающими в том случае, если помимо «второго» в ней будет активно представлен и «первый» Рим. Как говорилось в начале нашей работы, сейчас идея зачастую соотносится с консервативной процерковной идеологией.

Между тем, Рим породил, например, весьма созвучное современным социалистам движение Гракхов, которое весьма активно изучалось в СССР, при полном, однако, отрицании преемственности от античности к русскому государству (из-за влияния другой идеологии, ровно также находящейся на стыке политики и философии).

Думается, что русскоязычное общество преодолело в основном «чаадаевщину» с её огульным отрицанием всего византийского и полным непониманием, что античность с её философией в том виде, в каком она известна нам сейчас, не дошла бы до современности без Восточной Римской империи. Однако оставшееся с советских времён недостаточное внимание к Константинополю в образовании сохраняется.

Как ни парадоксально, произошедший из-за признания «ПЦУ» Константинопольским патриархом разрыв Москвы с Фанаром может постепенно ослабить ограничивающие ассоциации Византии исключительно с православием, превратив идеологему «Москва – третий Рим» в широкую парадигму, охватывающую образование и иные сферы жизни общества. Это позволило бы повысить уровень осведомлённости населения РФ, ДНР, ЛНР и ПМР в т.ч. с античным наследием, сформировав, вместе с тем, более объективную и полную картину развития Восточной Европы и Средиземноморья. Тем самым была бы, в частности, ослаблена база для «неязыческих» псевдославянских движений и сект, которые, как мы знаем, нередко становятся основой для нацистских формирований.

Список литературы

1. Артемов В. В. История: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков. – 15-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 448 с.
2. Данилов Е.С. Римская империя Октавиана Августа в посланиях Ивана Грозного // Человек в пространстве культуры: межкультурные отношения и динамика национального развития: материалы 3-ей Международной научной конференции, посвященной основателю университета П. Г. Демидову и 1000-летию основания г. Ярославля / В. В. Томашов (отв. ред.). – Ярославль, 2010. – С. 85–90.
3. Поворознюк С. «Может, встать на табуретку и приладить петлю?» Lenta.ru, 14.9.2015. [<https://lenta.ru/articles/2015/09/14/grymovgrad/>]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.2.015.3:159.953.2-043.86-056.36

РАЗВИТИЕ ОБРАЗНОЙ ПАМЯТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ОЗНАКОМЛЕНИЮ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ

Алексеева М.С., Гончарюк Д.Д.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР
dashka150397@gmail.com

Введение. Последние годы появилась тенденция ухудшения памяти у детей старшего дошкольного возраста. Данная проблема наблюдается как у детей с нормативным развитием, так и у детей с различными нарушениями. Категория детей с задержкой психического развития также имеет представленную проблему, причем особенно выражено.

В отечественной и зарубежной психологии и педагогике вопросы развития образной памяти у детей старшего дошкольного возраста и, в частности, развитие образной памяти у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития отражены в работах Р. Айзмана, Н. Л. Белопольской, Н. Ю. Боряковой, Д. Р. Булгаковой, Л. С. Выготского, Н. А. Деревянкиной, О. В. Заширинской, В. В. Кисовой, Н. В. Колосовой, Л. В. Кузнецовой, В. В. Лебединского, В. И. Лубовского, С. Л. Рубинштейна [1; 2; 4].

Образную память можно представить, как запоминание, сохранение и воспроизведение образов предметов, явлений, которые ранее были восприняты. К образной памяти относится зрительная, слуховая, осязательная и обонятельная. Большую часть всей поступающей информации мы воспринимает зрительно, поэтому зрительная память является у большинства людей ведущей. Следом за ней по распространенности выступает слуховая, затем уже осязательная и обонятельная. При развитии какого-то одного вида памяти неизбежно будет происходить совершенствование всех остальных [3].

Н. В. Колосова утверждает, что элементы образной памяти начинают складываться в возрасте 4–5 лет. Поэтому проблема развития образной памяти у старших дошкольников является актуальной на сегодняшний день [5].

Основная часть. В дошкольном возрасте ведущим видом памяти является образная. Её развитие и перестройка связаны с изменениями, происходящими в разных сферах психической жизни ребёнка, и прежде всего в познавательных процессах – восприятии и мышлении.

Память детей с задержкой психического развития отличается своеобразием, при этом выраженность дефекта зависит от генеза задержки психического развития.

Мнестическая деятельность детей с задержкой психического развития характеризуется сниженной активностью в поиске по приобретению различных мнемотехник, неумением применять потенциально имеющиеся у них приемы, например, группировка материала по каким-либо признакам в качестве эффективного приема для запоминания [7].

В дошкольном возрасте доминирует непроизвольное запоминание. Это проявляется в том, что дошкольник не ставит цель запомнить, процесс запоминания происходит без его волевых усилий. Качество запоминания зависит от вида деятельности и от характера участия ребенка в этой деятельности. Лучше всего запоминаются яркие образы, которые произвели сильное впечатление, вызвало сильные эмоции.

Память старших дошкольников с задержкой психического развития отличается некоторым своеобразием: зрительная (образная) память страдает в меньшей степени, чем слухоречевая и смысловая; низкий объем кратковременной и оперативной слухоречевой памяти ведет к утере большей части воспринимаемого материала; уровень развития даже элементарных форм смысловой (логической) памяти у детей низок; смысловая (логическая) память страдает в значительной степени и требует большего коррекционного вмешательства [2].

На основании рассмотренных особенностей образной памяти можно сделать вывод, что ее коррекция должна быть включена в образовательный процесс. Наиболее эффективное развитие будет осуществляться на коррекционных занятиях.

Развитию образной памяти способствуют упражнения, которые представлены в игровой форме. У дошкольников игра является ведущим видом деятельности. В процессе игры у детей появляется мотивация включаться в деятельность и, соответственно, улучшается запоминание материала. Кроме того, в форме игры педагог может научить ребенка приемам запоминания [6].

Использование вариативных методов оказывает более эффективное влияние, нежели использование какого-то одного постоянного метода. Пирамида Бонвела доказывает это утверждение. Воздействие на различные анализаторы способствует повышению мнестической деятельности ребёнка.

На занятиях по ознакомлению с окружающим миром образная память будет развиваться лучше всего. В ходе занятия целесообразно подключать словесные, наглядные и практические методы работы, чтобы активизировать различные анализаторы и запоминание было эффективным.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что образная память детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития имеет определенные отличия от памяти детей с нормативным развитием. Для развития памяти целесообразно проводить коррекционные занятия, в которые будут включены игры и упражнения, направленные на стимулирование образной памяти. Наиболее эффективно образная память развивается на занятиях по ознакомлению с окружающим миром. На

подобных занятиях соединяются словесные, наглядные и практические методы, что позволяет наиболее эффективно воздействовать на анализаторы и усиливать запоминание.

Список литературы

1. Айзман Р. Память и внимание – компоненты психического здоровья / Вестник Новосибирского государственного педагогического университета / Р. Айзман. – Новосибирск: Наука, 2002. – № 19. – 79 с.
2. Борякова Н. Ю. Психологические особенности дошкольников с задержкой психического развития / Н. Ю. Борякова // Воспитание и обучение детей с нарушениями в развитии. – 2004. – № 1. – С. 10.
3. Борякова Н. Ю. Развитие мнестических процессов у детей с задержкой психического развития в структуре коррекционной работы / Н. Ю. Борякова, Т. И. Дубровина, О. С. Орлова // Специальное образование. – 2013. – № 2. – С. 5 – 11.
4. Выготский Л. С. Память и ее развитие в детском возрасте. Психология памяти / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. – М.: ЧеРо, 1998. – 625 с.
5. Колосова Н. В. Развитие памяти у детей с ЗПР старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] / Н.В. Колосова. – Электронный журнал «РОНО». Режим доступа https://sites.google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-zurnala/vypusk-23-maj-2014/innovacii-metodika-i-praktika/razvitie-pamati-u-detej-s-zpr-starshego-doskolnogo-vozrasta
6. Морозова И. А. Ознакомление с окружающим миром: конспекты занятий для работы с детьми 5-6 лет с ЗПР / И. А. Морозова, М. А. Пушкирова. – М.: Мозаика-Синтез, 2006. – 160 с.
7. Теплова И. С. Методическая разработка «Формирование познавательной активности у дошкольников с ЗПР на занятиях по окружающему миру» / И. С. Теплова // Вопросы дошкольной педагогики. – 2015. – №1. – С. 37-46.

УДК 159.9

СОДЕРЖАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Ангелина Э.А.¹, канд. филос. наук, доц., Буркалъ Е.Н.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР,

²Республиканская клиническая психоневрологическая
больница – медико-психологический центр (РКПБ-МПЦ), г. Донецк, ДНР,
adjon@yandex.ru

Актуальность исследования. Проблема жизненных стратегий личности, их специфика в юношеском возрасте, представления о будущем, содержание и механизмы формирования жизненных стратегий личности мало разработаны на сегодняшний день. Актуальность заявленной проблемы состоит в том, что юноши еще не имеют жизненного опыта в преодолении возникающих проблем и разрешении противоречий.

Изучению построения будущей жизни личности посвящен ряд работ зарубежных и отечественных ученых. Авторы рассматривают процесс

формирования будущего как жизненную стратегию (К. А. Абульханова-Славская) [1], как проблему жизненного пути (С. Л. Рубинштейн) [4], как концепцию жизненных стилей (А. Адлер) [2], как формирование временной перспективы (Ф. Зимбардо) [3].

Возрастной аспект проблемы формирования жизненных стратегий получил разработку в работах О. Е. Байтингер, Л. И. Божович, Л. А. Регуш, Д. И. Фельдштейна, Э. Эриксона, где говорится об особенностях личностных новообразований подросткового возраста, которые влияют на формирование и содержание жизненных стратегий.

Формирование жизненных стратегий связывают с подготовкой юношества к построению успешной жизни: развитие способности выбирать конструктивные стратегии жизненного пути, умения преодолевать жизненные проблемы и т.д.

В своем исследовании мы предлагаем следующее определение понятия «жизненная стратегия» личности.

Жизненная стратегия – это осознанное планирование и построение личностью своей жизни в ходе формирования своего будущего на основе представлений о своем прошлом, настоящем и будущем.

Цель исследования являлось раскрытие психологического содержания жизненных стратегий личности в юношеском возрасте.

Объектом исследования выступили жизненные стратегии личности в юношеском возрасте. Предметом – содержание жизненных стратегий личности в юношеском возрасте.

В исследовании применялись следующие методы и методики тест смыслоличиных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник САТ Э. Шострома, тест «Способность к прогнозированию» Л.А. Регуш, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо. Для статистической обработки и анализа данных использовались описательная статистика, критерий Манна-Уитни, коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Выборку исследования составили студенты ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Общая численность выборочной совокупности составила 60 человек. Условно выборка была разделена на 2 группы: 1 группа численностью 30 человек – студенты в возрасте от 17 до 18 лет (ранний юношеский возраст), 2 группа численностью 30 человек – студенты в возрасте от 22 до 24 лет (поздний юношеский возраст).

На основании проведенного исследования и при анализе его результатов мы пришли к следующим **выводам**.

Респонденты в большей степени ориентированы в будущее, чем на настоящее и результат жизни. Показатель по шкале *Локус контроля Я* ($p \leq 0,01$) у испытуемых позднего юношеского возраста статистически значимо выше, чем у испытуемых раннего юношеского возраста.

Испытуемые обладают средним уровнем самоактуализации, они ориентированы только на будущее, их цели не связаны с текущей деятельностью, а прошлый опыт мало влияет на поведение. Показатели по

шкале *Спонтанность* ($p \leq 0,01$) у испытуемых раннего юношеского возраста статистически значимо выше, чем у испытуемых позднего юношеского возраста.

Для респондентов характерны гибкость, аналитичность, перспективность мышления. Показатели по шкале *Осознанность* ($p \leq 0,01$) у испытуемых позднего юношеского возраста статистически значимо выше, чем у испытуемых раннего юношеского возраста.

Для испытуемых раннего периода юношества характерно гедонистическое отношение ко времени и жизни. Они ориентированы на удовольствие, волнение, наслаждение в настоящем. Для позднего периода юношества в большей степени характерны: общая ориентация на будущее, наличие целей и планов на будущее. Поведение испытуемых позднего юношества в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям будущего. Значимые различия по шкалам *Гедонистическое настоящее (ГН)* ($p \leq 0,01$) и *Ориентация на будущее (ОБ)* ($p \leq 0,01$) можно объяснить динамикой развития личности в пределах юношеского возрастного периода.

Чем выше у испытуемых развито умение формулировать и ставить цели, чем больше испытуемые воспринимают процесс своей жизни как интересный, наполненный смыслом, чем больше респонденты думают о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, тем больше они ориентированы на будущее ($p \leq 0,01$).

Чем меньше опрошенные удовлетворены пройденным отрезком жизни, ее продуктивностью, чем меньше они верят в свои силы контролировать события собственной жизни. Чем хуже опрошенные осознают собственную жизнь (цели в жизни, результативность, процесс жизни), тем в большей степени они ориентированы на удовольствие, наслаждение в настоящем, тем выше отсутствие заботы о будущих последствиях или жертв в пользу будущих наград ($p \leq 0,01$).

Чем больше респонденты ориентированы во времени, рассматривают его в единстве прошлого, настоящего и будущего, тем выше их ориентация на будущее ($p \leq 0,05$). Чем меньше они руководствуются собственными целями, убеждениями, установками и принципами, чем ниже у испытуемых развит уровень самоуважения, тем выше их стремление к удовольствию и наслаждению в настоящем ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$).

Чем выше у опрошенных развита способность к прогнозированию, тем более позитивно они оценивают свое прошлое, принимают его ($p \leq 0,01$). И наоборот, чем ниже у них развиты прогностические способности, тем выше стремление испытуемых к удовольствию и наслаждению в настоящем, тем больше они убеждены в том, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять индивидуальными действиями ($p \leq 0,01$).

Результаты данного исследования могут быть применены в консультативной практике юношества в аспекте выстраивания ими конструктивных жизненных стратегий. Проведенное нами исследование способствует более глубокому пониманию специфики планирования собственного жизненного пути молодых людей юношеского возраста. Также результаты данного исследования наметили пути для более детального анализа психологических механизмов, которые влияют на формирование и содержание жизненных стратегий юношества.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина. – Санкт-Петербург: Алтейя, 2001. – 299 с.
2. Адлер А. Понять природу человека / А. Адлер; пер. Е. А. Цыпина. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. – 256 с.
3. Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени / Ф. Зимбардо, Дж. Байд. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 352 с.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 508 с.

УДК 159.92

ЛИЧНОСТНОЕ САМОРАЗВИТИЕ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ

Андрienко Е.В., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

elen_a_andrienko8@mail.ru

Вся история человечества является, по сути, историей саморазвития. В различных концепциях саморазвитие трактуется по-разному: как духовное очищение и самосовершенствование (мистико-религиозный подход); как реализация личностью себя в социальной активности; как познание и интеллектуальное развитие; как физическое и психологическое самосовершенствование и раскрытие в себе определенных способностей и т.п. Весьма часто личностное саморазвитие отождествляется с понятием личностного роста. Так или иначе, в основе всех существующих подходов к саморазвитию и личностному росту лежит идея самореализации внутреннего потенциала личности.

Психологические аспекты развития личности активно разрабатывались представителями психоанализа: З. Фрейдом, К.-Г. Юнгом, Э. Фроммом, К. Хорни и др. В своих исследованиях они столкнулись с противоречием вследствие редукции духовных основ личности к подсознательным влечениям, за что и подверглись критике со стороны М. Шелера, Л. С. Франка и др. Современные исследования психологической

стороны человека представлены работами российских исследователей: А. А. Алексеева и Л. А. Громовой, Б. Г. Ананьева, Н. П. Бехтеревой, Б. В. Зейгарник, М. С. Кагана, И. С. Коня, Е. Е. Малковой, а также работами зарубежных авторов: А. Адлера, Г. Ю. Айзенка, Р. Берна, У. Джеймса, Г. Оллпорта, К. Роджерса, Э. Эриксона и др.

Развитие в широком понимании – это универсальное свойство материи и сознания изменяться, переходя из одного состояния в другое, более совершенное, сложное и высокоорганизованное. Саморазвитие личности можно определить как «становление специфически человеческих высших психических функций в процессе жизнедеятельности человека под влиянием двух факторов – среды и наследственности» [1, с. 371].

Развитие личности является процессом ее деятельности в социокультурной среде. В этом процессе можно выделить три фазы: 1) фазу адаптации, на которой личность усваивает культурные ценности, мировоззренческие ориентиры и нормы социальной среды; 2) фаза индивидуализации, которая связана с поиском баланса между тенденциями к автономизации и необходимостью приспособления к данной среде; 3) фаза интеграции, которая определяется «... противоречиями между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и различиями в сообществе и потребностью сообщества принять, принять и возвращать только те его особенности, которые способствуют его развитию и развитию индивида как личности» [1, с. 372]. Если противоречия между личностью и средой не устранены, происходит или изоляция личности от социокультурной среды, или личностная деградация. Эта закономерность ярко демонстрирует, насколько важен социальный и культурный контекст для развития личности.

Личностный рост – это понятие, сформировавшееся в психологии благодаря работам К. Роджерса и А. Маслоу. Личностный рост – это совокупность гармоничности и развитости таких показателей как отношение личности к себе (своему «Я»), к социальному окружению и к миру в целом [2, с. 8].

Существуют четыре основных подхода к интерпретации понятия личностного роста, в зависимости от того, рассматривают ли приверженцы того или иного подхода сущность личности как изначально конструктивную, благую, способную к саморазвитию, или же как имеющую тенденцию к саморазрушению и хаосу. Суть этих четырех подходов заключается в следующем:

- Личностный рост основан на помощи в самоактуализации личности, природа которой изначально благая и гармоничная (К. Роджерс, А. Маслоу);
- Личностный рост основан на поддержке и направлении личности в выборе путей саморазвития (В. Франкл, Дж. Бюджентал);
- Личностный рост заключается в коррекции личностного саморазвития в процессе обучения и воспитания (этот подход представлен

бихевиористами, а также многими представителями советской педагогики и психологии, отчасти в философии И. Канта как воспитание в себе лучшего «Я» и борьбе с недостатками);

- Личностный рост как исправление врожденных или приобретенных дефектов личности (представлен работами З. Фрейда и его последователей, а также авторами, принадлежащими к различным направлениям религиозной философии и психологии).

Понятие личностного роста часто используется в прикладной психологии, при проведении тренингов и курсов, направленных на проработку тех или иных личностных проблем. Кроме того, это понятие часто эксплуатируют представители парапсихологии (например, в сайентологии, Трансферинге реальности, системе ДЭИР, нейрографике и др.). При этом понятие личностного роста часто отождествляется с личностным саморазвитием, хотя саморазвитие по своему содержанию является более широкой категорией, включающей как осознанные, так и иррациональные компоненты.

Следует отметить, что в контексте культурно-исторического подхода к личности (который также можно назвать экзистенциально-гуманистическим), основанного на идее развития как естественного процесса раскрытия личностных характеристик и способностей, понятия саморазвития, самоактуализации и личностного роста рассматриваются как полностью синонимичные.

Для субъектно-деятельностного подхода к личности, основанного на идее ведущей роли воспитания и образования в ее развитии, такое отождествление не характерно. В контексте этого подхода саморазвитие описывается как сознательная деятельность человека, направленная на возможно полную реализацию себя как личности, как форма жизнетворчества человека, культивирования собственной уникальности путем расширения творческих возможностей [3, с. 82]. Саморазвитие в этом случае трактуется как форма развития, двигателем которого осознанно выступает сам субъект.

Таким образом, саморазвитие личности – это процесс становления, развития и совершенствования качеств, свойств и функций личности, относящихся к физическому, социальному и духовному аспектам ее бытия под влиянием биологического и социокультурного, а также внешнего и внутреннего факторов. Интерпретации особенностей личностного роста (представленные в работах психоаналитиков, бихевиористов, представителей экзистенциализма и гуманистического подхода к личности) зависят от позиции авторов относительно изначального характера природы личности (благой и гармоничной, или же хаотической и деструктивной). Хотя в психологической литературе, представляющей культурно-исторический подход к феномену личности, понятие личностного роста часто отождествляют с саморазвитием личности, последнее является более

широким понятием, включающим в себя как сознательные, так и бессознательные элементы.

Список литературы

1. Глоссарий современного образования / Под. ред. Е. Ю. Усик. – Харьков: Издательство НУА, 2007. – 524 с.
2. Щукина М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения / М. А. Щукина // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 7–22.
3. Фризен М. А. Феномен «саморазвития» в проблемном поле современной психологии / М. А. Фризен // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 75–85.

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИНФАНТИЛИЗМА

Андрюшкова Н.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
andruchkova@rambler.ru

Исследование феноменологии инфантилизма составляет важную проблему когнитивно-поведенческих наук. Анализ многочисленных научных работ свидетельствует о сложности указанной категории как на уровне общеметодологического анализа, так и на уровне поиска его эмпирических коррелятов.

До середины XIX века понятия «инфантанизм» не существовало. Его объединяли с эндокринопатиями и различными физическими и психическими отклонениями. В течении достаточно длительного периода проблемой инфантилизма занимались в основном представители медицинских специальностей. Процесс выделения психологического рассмотрения инфантилизма из этого круга был долгим.

Инфантилизм рассматривали и как расстройство процесса инволюции детского развития (Л. С. Выготский), и как форму нарушения интеллектуальной деятельности в рамках задержанного темпа психического развития (В. Гурьева; Г. Сухарева) [4]. Другие ученые рассматривали инфантилизм как дизонтогенетические формы интеллектуальной недостаточности, вызванные конституционно-генетическими, токсико-инфекционными воздействиями в начале жизни ребенка, а также интоксикацией организма (В. Ковалев). Некоторые ученые инфантилизм представляют как особенность физического и социопсихологического развития подростка (А. Личко), где рассматривается его связь с акцентуациями характера и психопатиями [5].

Инфантилизм представляют и как отставание социального взросление молодежи от биологического взросления (П. Павленок,) и как характеристику личности (А. Петровский, М. Ярошевский,), и как замедленное развитие организма, и как задержку нравственного и социального созревания личности (К. Платонов) [6].

Между тем, инфантилизм раскрывается, в основном, в пределах клинико-патологического описания. Крайне скучно представлены научные данные по социально-психологическим аспектам инфантилизма.

Понятие «инфантилизм» – отставание в развитии, которое характеризуется сохранением у человека физических или психических черт детского возраста [2]. В переносном смысле – инфантильность характеризуется как проявление детского подхода в разных жизненных сферах, неумение принимать осознанные решения и нежелание брать ответственность на себя. Анализ имеющихся исследований позволил выявить, что инфантилизм состоит из трех структурных компонентов. К таким компонентам мы относим психический, социальный и соматический, как следствие существования в единстве трех уровней системы жизнедеятельности человека: психологическом, социальном, биологическом.

Факторы возникновения инфантильного поведения условно можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние включают в себя внутриличностные конфликты, неудовлетворенность собой, физические поражения, неумение соотносить свои поступки с реальной ситуацией. К внешним факторам следует отнести: влияние окружения, несерьезное отношение родителей к ребенку, патологическое внушение; чрезмерный контроль, что ограничивает подростка в свободе; авторитарный стиль воспитания; чрезмерную защиту и опеку в отношении ребенка.

М. Буянов выделяет причины инфантильности. Одной из них является слишком ласкательное, инфантилизирующее воспитание, создание «оранжерейных» условий [2].

Ю. Давыдов приводит причины возникновения массового явления инфантилизма. Одна из них – это развитие индустриального общества, в котором стало необязательно много работать для обеспечения своей жизни всем самым необходимым. Достижение достатка, по мнению ученого, освобождает людей от разной работы, а свободное время, появляющееся вследствие этого, они занимают отдыхом [3]. Это, в том числе, способствует появлению и развитию контркультуры, которая является результатом незрелости молодежи.

Представители семейной системной психотерапии. Палаццоли, Д. Чеккини, Д. Хейли, С. Минухин, рассматривали инфантильность как фактор дефицита, нарушения в параметрах семейной системы. Семья, по их мнению, является единым, взаимосвязанным биологическим и психологическим организмом, нарушения в которой оказывают разрушительное воздействие не только на личность, но и на всю семью.

К факторам, которые формируют инфантильность личности относят: несерьезное отношение родителей в детстве; принятие решений, решение задач, проблем подростка за него; чрезмерный контроль, что ограничивает подростка в свободе; патологическое слияние семьи, когда потребности, желания, взгляды ее членов – общие. Ребенок, вырастающий в патологически слитой семье, эмоционально и физически привязан к родным, не способен принимать собственные решения, делать самостоятельные шаги, не осознает чего он хочет и как этого достичь, всегда ожидает поддержки, одобрения семьи, следовательно – становится зависимым [1].

Выше сказанное дает основания утверждать, что инфантильное поведение может формироваться в результате имеющегося дефицита семейной системы. В случаях неправильного распределения ролей, авторитарного и попустительского стиля воспитания в семье, достижения мира любой ценой, чрезмерной размытости внутренних границ и жесткости внешних, дефицита или ригидности семейных правил, устойчивых способов поведения независимо от их целесообразности и сознательном подражании авторитету.

Мы рассмотрели различные научные позиции по проблеме инфантилизма. Обобщая их, можно представить инфантилизм следующим образом: инфантилизм – очень глубокое понятие, которое трудно ограничить рамками одной науки, ему присущ широкий диапазон: имеется в виду медицина, психиатрия, психология, социология, педагогика и другие научные отрасли. Изучение данного феномена идет по пути рассмотрения различных факторов в процессе его формирования. Выделяются и рассматриваются в качестве отдельных составляющих экзогенно-органические факторы, конституциональные особенности, неблагоприятные социально-психологические условия. Среди последних наибольшую распространенность имеют неправильное воспитание.

Список литературы

1. Александрова А. С. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у беззаботной молодежи / А. С. Александрова. – Москва: Наука, 2006. – 250 с.
2. Буянов М. И. Беседы о детской психиатрии: Кн. для учителя / М. И. Буянов. – Москва: Просвещение, 1986. – 208 с.
3. Давыдов Ю. Н. Социология контркультуры Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь / Ю. Н. Давыдов. – Москва: Наука, 1980. – 264 с.
4. Буторин Г. Г. Синдромы невропатии и психического инфантилизма в структуре психических расстройств детского возраста / Г. Г. Буторин, Л. А. Бенько // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 60. – С. 108-119.
5. Грачев В. В. Биopsихосоциальный подход к проблеме психического инфантилизма у подростков / В. В. Грачев, Л. А. Попова, С. Н. Ениколов // Сибирский психологический журнал. – 2012. – № 43. – С. 30-38.
6. Сабельникова Е. В. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация / Е. В. Сабельникова, Н. Л. Хмелева // Образование и наука. – 2016. – № 3 (132). – С. 89-105.

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Баши Ю.М.

ГОУ «Бендерский медицинский колледж», г. Бендеры, ПМР
irichaok@mail.ru

Введение. На сегодняшний день проблема социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является актуальной и нуждается в эффективных мероприятиях для её разрешения. Особенno остро она проявляется при поступлении в учебное заведение.

Основная часть. По итогам социально-психологических исследований выявлено, что у воспитанников детского дома часто проявляются проблемы в эмоционально-волевой сфере, которые влекут за собой нарушения социального взаимодействия и заниженную целеустремленность [1]. Также выявляются: сниженная самооценка, возникает пристрастное отношение к сверстникам и взрослым. Мысление и поведение может иметь ситуационный характер, возникает склонность к импульсивным поступкам. Если своевременно не откорректировать эти личностные особенности, то они могут усиливаться в будущем, проявляясь такими моментами как:

- отсутствие умения планировать своё будущее;
- сниженная значимость образования;
- нарушенные коммуникативные навыки;
- пренебрежение социальными нормами;
- в ситуациях конфликта, могут проявлять не оправданную агрессивность;
- отсутствие сознательного желания сохранности личного здоровья;
- искаженное мировосприятие, сниженный уровень знаний о жизни в обществе;
- наблюдается недостаточная степень психологической гибкости при попадании в новые жизненные условия [2].

Все эти проявления личности, могут иметь негативные последствия в более взрослой жизни.

Задачи и мероприятия социально – психологической помощи в ГОУ «Бендерский медицинский колледж» направленны на комплексную поддержку основных стадий формирования общих и профессиональных компетенций детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Работа социального педагога и психолога направлена на социально-педагогическое сопровождение обучающихся. Она подразумевает координацию работы других специалистов в процессе регулирования проблем

обучающихся, повышению роста самостоятельности; участие в разработке и реализации плана его сопровождения, помощи в организации условий для приобретения профессиональных знаний. Для этого в колледже своевременно и качественно проводится диагностика по выявлению личностных особенностей, а также отслеживаются неблагоприятные проявления еще на ранних этапах пребывания в учреждении, осуществляются коррекционные групповые и индивидуальные мероприятия, способствующие устойчивому снижению дезадаптационных факторов у студентов. Особый акцент делается на реализацию здоровьесберегающих технологий.

Здоровье и физическое развитие современной студенческой молодежи рассматривается как один из индикаторов качества их подготовки, уровня социальной и творческой активности, как экономический продукт, повышающий конкурентоспособность выпускника на рынке труда [3]. Формирование здоровьесберегающей компетентности студентов медицинского колледжа основывается на следующих моментах:

- освоение знаний, приобретение навыков по вопросам здоровья и способам его укрепления, принципам ЗОЖ в рамках освоения учебных дисциплин и профессиональных модулей;

- повседневное функционирование каждого студента в условиях, созданных на сохранение, укрепление здоровья, которые формируются или должны формироваться в каждой основной образовательной программе;

- личное участие в оздоровительных и профилактических мероприятиях.

Модель формирования здоровьесберегающей компетенции у студентов медицинского колледжа предполагает:

- рассматривать «здоровье» как ключевую ценность;
- само здоровье рассматривается как проявление уровня культуры личности;
- учитывать нормативно-правовые основы разработки модели формирования здоровьесберегающей среды в колледже с учетом индивидуального подхода к студентам.

Основными критериями работы с обучающимися при реализации модели являются:

- добровольное и массовое участие в предлагаемых формах и видах здоровьесукрепления;
- дифференцированность сфер деятельности и общения в пространстве свободного времени;
- индивидуальность подходов к определению интересов студентов с учетом уровня их потребностей и ценностно-нравственной сферы;

Заключение. Личностные и ситуационные детерминанты поведения обучающихся в Государственном образовательном учреждении «Бендерский медицинский колледж» корректируются комплексом организационных, управлеченческих, обучающих условий, которые направленны на

формирование, сохранение и укрепление физического, психического и социального здоровья всех категорий студентов. Данные условия реализуются в совокупности с медико-физиологическими и психолого-педагогическими методами сопровождения образовательного процесса, а также профилактических мероприятий факторов «риска».

Список литературы

1. Ажнина О. В. Психологические особенности профессионального самоопределения воспитанников учреждений социально-педагогической поддержки. – Москва, 2006. – 180 с.
2. Бобылева И. А. Социальная адаптация выпускников интернатных учреждений. – М., 2007. – 176 с.
3. Малютина Т. В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский Научный Вестник. 2014. №2. – С. 132.
4. Прихожан А. М., Толстых Н. И. Психология сиротства. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2005. – 400 с.
5. Сидорова Л. К. Организация и содержание работы с детьми сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. – М.: 2004. – 112 с.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Барьяхтар О.Ф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Oksana-neverland@mail.ru

Введение. Представление о преодолении человеком трудных жизненных ситуаций приобретает в современной психологической науке особое значение. Трудная жизненная ситуация меняет привычный ход жизни, влияет на изменение жизненно важных ценностей и потребностей человека, в следствие чего, возникает необходимость реконструкции отношения к себе, к прошлому, настоящему и будущему. Масштабные социокультурные и экономические изменения становятся основными источниками нестабильности, с одной стороны, открывая неограниченные возможности для эффективного функционирования личности, с другой порождают ситуации неопределенности, ожидания в ближайшем будущем только негативных событий, требующих немедленной активизации личностных ресурсов.

Основная часть. В трудных жизненных ситуациях происходит изменение субъективного самоощущения, человек испытывает чувство потерянности, уход в себя, жизненная активность снижается, происходят регressive изменения физического состояния, изменяется субъективное чувство течения времени. Переживая кризис, человек не всегда имеет

возможность обратиться за помощью к психологу. Он самостоятельно пытается преодолеть трудную ситуацию, справиться с ней, избежать эмоциональных нарушений, используя собственные психологические резервы. Умение справляться с трудными жизненными ситуациями, применяя личностные ресурсы помогает сохранить психологическое здоровье и эффективно прожить этот этап с минимальными эмоциональными и другими потерями [1].

Понимая жизненную ситуацию как объективное пространство для проявления субъективного, совокупность жизненных обстоятельств конкретной личности, ученые Т. Д. Василенко, Ф. Т. Василюк, Е. Ю. Коржова, предложили классификацию трудных жизненных ситуаций: по интенсивности, степени потери или угрозы, длительности (хронические, краткосрочные), степени управляемости событиями (контролируемые, неконтролируемые), уровнем влияния; по основным типам в соответствии с особенностями ситуаций: стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Значение некоторых из этих понятий опирается на психофизиологические возможности организма. Так, в напряженной ситуации организм человека актуализирует свои психические и физиологические ресурсы, тогда как в экстремальных ситуациях, когда речь идет об угрозе жизни и здоровью человека, организм работает на пределе своих возможностей, сложность и опасность ситуации превышает энергетические возможности привычных реакций. Согласно исследованиям, Ф. Т. Василюка, тип критической ситуации определяется препятствием в жизнедеятельности субъекта – состоянием «невозможности» как своеобразным блоком, это приводит к неспособности субъекта самостоятельно справиться с трудными условиями жизнедеятельности [2]. Критическая ситуация имеет для личности как положительные, так и отрицательные последствия. Трудная ситуация нередко связана с сугубо психологическими характеристиками, значительным различием между «хочу» и «могу» в жизнедеятельности человека, и приводит к возникновению устойчивых негативных эмоций, отказу от жизненной стратегии достижения успеха и стабилизации жизненной стратегии избегания неудач. В таком случае для лица, находящегося в критической ситуации, характерно накопление нерешенных проблем, чувство бессилия, безнадежности, беспомощности, «тутика». В то же время кризисная ситуация – это возможность изменений, перехода на высшую ступень личностного развития, приобретения уверенности в себе путем успешного преодоления трудностей и осуществления шагов на пути к самосовершенствованию. Методологический анализ жизненной ситуации содержит три уровня: 1) жизненная ситуация как условие жизни человека; 2) ситуация как этап жизненного пути личности; 3) формирование отношения личности к ситуации. Психологическую ситуацию можно определить, как совокупность внешних условий и их субъективной интерпретации, которые побуждают человека к поиску стратегии для преодоления проблемной ситуации. Такая активность детерминирована

предыдущим опытом достижения успеха и преодоления неудач, определяется требованиями актуальной ситуации и личностными ресурсами. В современной психологической науке исследование вопросов о возможности человека развивать психологические способности в трудных жизненных ситуациях и тем самым лично развиваться даже при неблагоприятных обстоятельствах жизни связаны с изучением стрессоустойчивости и жизнестойкости (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Р. М. Грановская, А. Н. Фоминова).

Основными способами реагирования на трудную жизненную ситуацию являются: *автоматическое реагирование* – включение защитных механизмов психики, самодеструктивное поведение; *сознательное реагирование* – актуализация психологического потенциала и личностных ресурсов. К личностным ресурсам можно отнести формирование чувства личной ответственности, жизнестойкости как способности противостоять трудностям, изучение собственных психофизиологических возможностей, открытие нового смысла жизни; ориентация на обобщенную прогрессивную модель личностного изменения и роста; создание прогрессивных жизненных установок. Алгоритм повышения психологического адаптационного потенциала и личностных ресурсов: 1) осознание наличия и содержания трудной ситуации как реальной проблемы; 2) решимость личности к изменениям; 3. отказ от борьбы с теми аспектами трудной ситуации, которые изменить невозможно, и переориентация внимания на трансформацию негатива ситуации в конструктивные изменения путем собственных усилий [3].

Заключение. Рекомендации по использованию личностного ресурса в преодолении трудных жизненных ситуаций: переживая трудную жизненную ситуацию, не стоит самоизолироваться, социальная поддержка является мощным ресурсом преодоления ситуации; следует проанализировать собственное субъективное отношение к тому, что случилось, с целью минимизации искажений в восприятии действительности; необходимо быть внимательным к своим переживаниям, позволять проявляться чувствам – отчаяния, печали; максимально глубоко переживать травмирующую эмоцию, однако после чувства эмоционального облегчения не «застревать» в негативных мыслях; заниматься повседневными делами, но отложив важные решения; не терять чувства перспективы жизни, стараться найти новые цели и смысл жизни, очертить пути их достижения; стоит занять активную жизненную позицию, включиться в другие аспекты жизни; следить за своим здоровьем, необходимы хорошее питание и отдых, нормированность рабочего дня.

Преодолевая трудную жизненную ситуацию и найдя новый смысл жизни, человек не только избавляется от негативных эмоциональных переживаний, но также открывает новые возможности для самореализации и новые перспективы жизни. Приобретенный опыт дает понимание того, что тяжелые жизненные обстоятельства не только избавляют от чего-то и

несут боль, но и открывают духовные ценности, помогают пересмотреть свою жизнь и найти новый ее смысл.

Список литературы

1. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 200 с.
3. Кожевникова Е. Ю. Психологические ресурсы в преодолении трудных жизненных ситуаций / Е. Ю. Кожевникова // Психология XXI века: Тез. международной науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. – СПб., 2002. – С. 106-108

УДК 159.928

САМООЦЕНКА УЧАЩИХСЯ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Безродный В.И., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bezrodny@rambler.ru

Введение. Как показывает анализ литературы при достаточно высокой степени изученности проблемы связи самооценки с различным уровнем верbalьной и невербальной креативности не изучены полностью [1,3,4].

Исследование проводилось на базе школ Донецка. В исследовании приняли участие учащиеся 10-х классов, возраст 15 – 16 лет. Количество испытуемых 68 человек. Испытуемые были разделены на две группы с высоким и низким уровнем вербальной и невербальной креативности.

С целью проведения исследования использованы следующие методики: тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А. Н. Воронина, взрослый вариант), тест невербальной креативности Торренса (проективная методика), методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн [2,5].

Основная часть. В зависимости от уровня вербальной креативности учащихся были получены следующие результаты по методике исследования самооценки, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Результаты методики исследования самооценки у учащихся
с различным уровнем вербальной креативности

Параметры	Группы		Вероятность ошибки $p \leq$
	Высокий уровень вербальной креативности $x \pm m$	Низкий уровень вербальной креативности $x \pm m$	
Самооценка	$75,1 \pm 1,9$	$58,8 \pm 2$	0,001

Анализируя данные, приведенные в таблице 1, необходимо отметить, что существуют различия в показателях самооценки у учащихся с различным уровнем вербальной креативности. Значимость различий была проверена с помощью t -критерия Стьюдента ($p \leq 0,001$). Следовательно, можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях уровня самооценки у школьников с высоким и низким уровнем вербальной креативности.

Таким образом, можно утверждать, что уровень самооценки у учащихся с высоким уровнем вербальной креативности значительно выше, чем у учащихся с низким уровнем креативности.

В зависимости от уровня невербальной креативности учащихся были получены следующие результаты по методике исследования самооценки, приведенные в табл. 2:

Таблица 2

Результаты методики исследования самооценки у учащихся
с различным уровнем невербальной креативности

Параметры	Группы		Вероятность ошибки $p \leq$
	Высокий уровень невербальной креативности $x \pm m$	Низкий уровень невербальной креативности $x \pm m$	
Самооценка	$71,6 \pm 2,4$	$63,4 \pm 2,3$	0,05

Анализируя данные, приведенные в таблице 2, необходимо отметить, что существуют различия в показателях самооценки у учащихся с различным уровнем невербальной креативности. Значимость различий была проверена с помощью t -критерия Стьюдента ($p \leq 0,05$). Следовательно, можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях уровня самооценки у школьников с высоким и низким уровнем невербальной креативности.

Таким образом, можно утверждать, что уровень самооценки у учащихся с высоким уровнем невербальной креативности значительно выше, чем у учащихся с низким уровнем невербальной креативности.

Если учитывать то, что выявлены различия в показателях самооценки у учащихся с различным уровнем именно невербальной креативности, можно предположить, что школьники с высоким уровнем невербальной креативности могут на высоком уровне выражать свои неординарные мысли через оригинальные художественные образы. Можно отметить, что такие учащиеся с большой уверенностью использовали нестандартные образы, чтобы передать сквозь их призму свои чувства и переживания. Старшеклассники с высоким уровнем самооценки уверены в своих способностях, обладают внутренней свободой, проявляют интерес ко всему новому и необычному, инициативны, и при этом успешно приспосабливаются к требованиям своего окружения, сохраняя личную независимость суждений и действий.

Как показывают результаты теста невербальной креативности Торренса, работы школьников с высоким уровнем самооценки характе-

ризуются высоким уровнем разработанности, то есть рисунки содержат в себе большое количество разнообразных элементов. Также рисунки этих учащихся имеют высокие показатели гибкости и оригинальности творческого мышления. В свою очередь учащиеся с низким уровнем самооценки продемонстрировали недостаточно высокий уровень гибкости и оригинальности при выполнении данного теста; рисунки этих учеников не были уникальными. Эти учащиеся при выполнении заданий использовали небольшое количество различных элементов, их рисунки имеют низкий уровень разработанности. Также эти школьники в большей степени пользовались шаблонами при создании новых художественных образов.

Заключение. На основании проведенных методик можно сделать вывод о наличии существенных различий в показателях самооценки у учащихся с различным уровнем верbalной и неверbalной креативности. Значимость различий была проверена с помощью t-критерия Стьюдента ($p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$).

Список литературы

1. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. – М., 2002. – 77 с.
2. Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. – СПб.: Изд-во «Речь», 2000. – 440 с.
3. Куршина Л. Ю. Одаренность: современные тенденции определения понятия // Актуальные вопросы современной психологии: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар: Новация, 2017. – С. 57-61. – URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/237/11686/> (дата обращения: 11.10.2019).
4. Ларионова Л. И. Личностные особенности одаренных детей с разным уровнем интеллекта. Одаренность: методы выявления и пути развития // Сборник статей, докладов и материалов Всероссийской конференции, 28 сентября 2017 года, г. Москва. Часть I. Ответственные редакторы Д. Б. Богоявленская, В. К. Балтян, С. 187-191.
5. Туник Е. Е. Тест Е. Торренса диагностика креативности: методическое руководство. – СПб, 2002 – 192 с.

УДК 316.6

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Брешковская К.Ю., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Тульский педагогический университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
karine_br@mail.ru

Введение. Достижение успеха, признания, развитие организаторских способностей и лидерской целеустремленности в условиях развития современного общества актуализировали проблему лидерства и развития лидерских качеств.

Анализа научной литературы по проблеме исследования позволил рассмотреть понятие «лидер» как человека, который научился

контролировать, и направлять самого себя для выполнения поставленных перед собой целей и задач и выделить основные свойства личности лидера. К ним относят: коммуникативность; эмоциональную привлекательность; креативность; компетентность, организаторские способности; интеллект; авторитет; активность; социально-психологическая привлекательность.

Основное содержание. Развитие лидерских качеств и социальной активности ребенка, по мнению ученых (М.С. Балунов, Н.В. Белякова, Т.Е. Вежевич, А.Г. Залевская, И.В. Дрыгина, Э.Е. Лукьянчиков, О.Н. Капиренкова и др.) необходимо начинать уже в младшем школьном возрасте, что обусловлено их отношением к окружающим, включенностью в различные виды деятельности.

Именно в этот период развиваются такие черты личности младшего школьника как инициативность, дисциплинированность, целеустремленность. Формируются нравственные представления и ценностные ориентации, которые определяют поведение человека в различных ситуациях его жизнедеятельности.

Развитие лидерских качеств в среде младших школьников – процесс, который не происходит сам по себе. Его можно и нужно организовывать. Этот процесс возможен при условии единства обучения и воспитания, где сами обучающиеся являются активными участниками данного процесса. Для социального развития личности каждого ребёнка и формирования нравственных отношений в коллективе сверстников младшим школьникам необходимо приобретать умение способности быть организатором деятельности, приобретение детьми лидерского опыта и опыта подчинения.

На этом этапе развития происходят изменения, касающиеся межличностных отношений детей друг к другу: возникают коллективные связи; происходит формирование общественного мнения; растет требовательность друг к другу; зарождается взаимное оценивание и происходит усвоение нравственных требований, предъявляемых не только учителями, но и товарищами, появляются новые потребности.

Становится очевидно, что понятие лидерства тесно связано с коллективом. Лидер всегда рассматривается как элемент групповой структуры и входит в систему отношений данной структуры. На этапе обучения в младшей школе основными задачами педагога и родителей является помочь в приобретении индивидуального опыта ребенком в межличностных взаимоотношениях и опыта самовыражения и самореализации для совершенствования своих организаторских и управленческих способностей в целях завоевания признания среди сверстников, родителей и учителей, то есть происходит развитие лидерского потенциала личности.

На основании анализа психолого-педагогической литературы было выявлено, что ребенка-лидера можно охарактеризовать по следующим критериям:

- принадлежность к группе;

- положение ребенка в классе (лидер уважаем, пользуется авторитетом и имеет высокий статус);
- нормы и ценностные ориентации лидера и группы;
- способность лидера влиять на группу (поведение и сознание членов группы);
- источник выдвижения лидера в группу (система личных взаимоотношений, в которой лидер и проявляется) [2].

Для реализации лидерства у обучающихся данного возраста необходимым является обеспечение эффективных психолого-педагогических условий, обусловленных двойственной природой лидерства. С одной стороны – это потребность детского коллектива в лидере, а, с другой – учет индивидуальных особенностей ребёнка (склонности, тип темперамента, мотивация и др.). В противном случае нарушаются все компоненты, составляющие систему лидерства.

В то же время роль лидера в деятельности обучающиеся младших классов принимают как правило всей группой, что выражается в их неспособности реально и объективно оценить свои возможности и способности, что приводит их к неудачи в выполнении роли лидера. Школьнику важно иметь позитивное представление о себе, так как от этого зависит, насколько успешно он сможет адаптироваться к различным ситуациям и иметь позитивный настрой в целом. Следовательно, если у ребенка сформирована положительная самооценка, то у него будет гораздо больше шансов стать лидером. Поэтому учителю необходимо становиться инициатором, организатором и наблюдателем всего образовательного процесса и создавать ситуацию успеха. Для эффективного развития лидерских качеств у школьников необходимо взаимодействие учителя и родителей.

Работа воспитателя, ориентированная на развитие лидерских качеств у обучающихся, может осуществляться в нескольких направлениях:

- учитывать индивидуально-личностные особенности каждого ребенка;
- формировать благоприятный психологический климат в классе;
- создавать обстановку сотрудничества, соревнования и содействия;
- поощрять инициативу и самостоятельность;
- использовать варианты и элементы методик коллективных творческих дел и деловых игр;
- распределять обязанности в соответствии с возможностями учеников;
- организовывать на внеклассных мероприятиях работу, которая будет направлена на формирование и дальнейшее развитие лидерских качеств.

Роль семьи. Родителям необходимо:

- обучить ребенка ставить четкие цели и вырабатывать план;
- обучить ребенка брать ответственность на себя;
- хвалить и поощрять достижения ребенка;

- создавать дома благоприятный эмоциональный климат для ребёнка;
- обучить ребёнка умению управлять собой в конкретных, наиболее волнующих его ситуациях [1; 3].

Заключение. Развитие лидерских качеств у ребёнка младшего школьного возраста способствует выполнению роли лидера, умению быть организатором деятельности, а также является необходимым для социализации ребёнка и формирования нравственного взаимодействия в социуме.

Список литературы

1. Давидович В. Н. Формирование положительного взаимовлияния детей младшего школьного возраста в процессе совместной продуктивной деятельности. – М.: 1994. – С. 12- 19.
2. Кудряшова Е. В. Лидер и лидерство: исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. – Архангельск: Издательство ПМПУ, 1996. – 256 с.
3. Уманский А. Л. Педагогическое сопровождение детского лидерства: Автореф. дис. доктора пед. наук. – Кострома, 2004. – 321 с.

УДК 615.849

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ БУЛЛИНГА СРЕДИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОФИЛЬНЫХ КЛАССОВ ТГУ им. Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Вандышева Е.Ю.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,

г. Тамбов, РФ

prostokaty85@mail.ru

Введение. Несмотря на профилактические меры, реализуемые в образовательных учреждениях, и тенденцию к общей толерантности в современном обществе, проблема буллинга остается актуальной как в российских, так и в зарубежных школах. Согласно статистике ВОЗ, проводившей глобальное обследование состояния здоровья учащихся на базе школ, 42 % мальчиков и 37 % девочек подросткового возраста подвергались травле [1].

Ситуация буллинга несет в себе негативные последствия для всех включенных в нее участников, особенно в средней школе, когда ситуация травли сопровождается появлением подросткового кризиса. Особенностью подросткового возраста является повышенная сензитивность, что совпадает с периодом взросления, когда в жизни появляются моменты неопределенности: как я сдам экзамены, кем быть и т.п. Это способствует тому, что в кризисной ситуации подросток может выбирать добровольный уход из жизни как наиболее «легкий» способ ее разрешения [2].

Основная часть. Культурные, социально-экономические, региональные, гендерные различия влияют на частоту возникновения и особенности развития ситуации буллинга в средней школе.

Учащиеся университетских профильных классов – это выпускники различных школ города Тамбова и Тамбовской области, получившие основное общее образование в сельских и городских школах с разным уровнем обучения и воспитания, что позволяет более широко оценить распространенность явления буллинга в школах Тамбовской области.

В исследовании принимали участие 93 учащиеся 10-х классов 15-16 лет, учитывалась гендерная принадлежность.

Среди учащихся был проведен опрос с целью выявления детей, которые когда-либо становились жертвами травли со стороны ровесников, взрослых/учителей в реальной жизни либо в сети интернет, и детей, которые сами были инициаторами или участниками травли ровесников либо взрослых/учителей. Исследование проводилось анонимно, чтобы максимально исключить вероятность искажения ответов.

В результате исследования получились данные, выраженные в процентном соотношении, которые представлены на рис.

Условные обозначения:

А – учащиеся, которые когда-либо подвергались травле со стороны своих сверстников;

В – учащиеся, которые когда-либо подвергались травле со стороны взрослых/учителей;

С – учащиеся, которые когда-либо подвергались травле в сети интернет/социальных сетях/мессенджерах;

Д – учащиеся, которые были инициаторами/участниками травли по отношению к сверстникам;

Е – учащиеся, которые были инициаторами/участниками травли по отношению к взрослым людям/учителям;

Ф – учащиеся, которые были инициаторами/участниками травли в сети интернет/социальных сетях/мессенджерах.

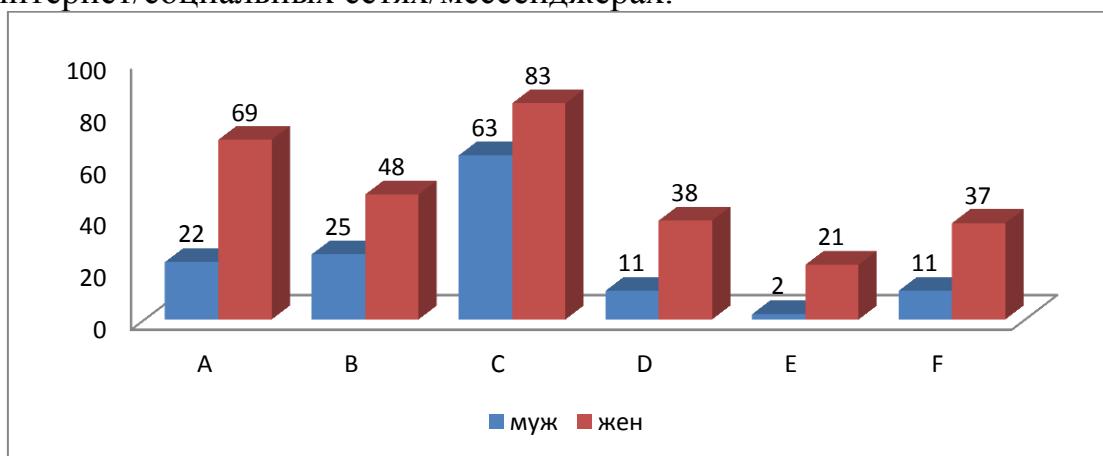

Рис. Соотношение учащихся (%), которые становились жертвами или инициаторами травли, мужского и женского пола

Анализируя диаграмму, мы можем сделать выводы о том, что девочки чаще вовлекаются в ситуации травли, чем мальчики, причем как в качестве жертв буллинга, так и в качестве инициаторов/участников.

Со стороны сверстников девочки подвергались буллингу примерно в 3 раза чаще, чем мальчики. Так, 69 % опрошенных женского пола и 22 % опрошенных мужского пола когда-либо сталкивались с унижениями, оскорблениеми, неприятными высказываниями или действиями со стороны сверстников.

Со стороны взрослых/учителей девочки подвергались буллингу примерно в 2 раза чаще. 48 % девочек и 25 % мальчиков, участвовавших в опросе, сталкивались с унижениями, оскорблениеми, неприятными высказываниями или действиями со стороны взрослых/учителей.

Травле в сети интернет/социальных сетях/мессенджерах подвергались 83 % девочек и 63 % мальчиков, что свидетельствует о большей частоте возникновения этого явления в сети интернет.

Девочки примерно в три раза чаще становились инициаторами/участниками травли по отношению к своим сверстникам. 38 % девочек и 11 % мальчиков признались, что когда-либо являлись инициаторами/участниками унижений, оскорблений, неприятных высказываний или действий по отношению к своему ровеснику.

Девочки примерно в десять раз чаще становились инициаторами/участниками травли по отношению к взрослым/учителям. 21 % девочек и 2 % мальчиков участвовали либо были инициаторами унижений, оскорблений, неприятных высказываний или действий по отношению к взрослому/учителям.

Девочки примерно в три раза чаще становились инициаторами/участниками травли в сети интернет/социальных сетях/мессенджерах. 37 % девочек и 11 % мальчиков, участвовавших в опросе, признались, что становились инициаторами либо участниками унижений, оскорблений, неприятных высказываний или действий в сети интернет/социальных сетях/мессенджерах.

Заключение. Буллинг остается достаточно частым явлением в средней школе, что наглядно отражают данные, полученные в результате опроса учащихся университетских профильных классов. Чаще в ситуацию буллинга вовлекаются девочки: они не только становятся жертвами травли, но и сами являются инициаторами или участниками унижений и оскорблений в адрес окружающих, причем как в реальной действительности, так и в интернет-пространстве.

Список литературы

1. <https://www.who.int/tu/news-room/fact-sheets/detail/adolescents-health-risks-and-solutions>
2. Пруцкова Е.А. Суицид как одна из форм проявления девиантного поведения подростков // Педагогика. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 2(06). – С. 73-76.

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Васильева О.Н.

Покровский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Покров, РФ
f_pokrov@mpgu.su

Аннотация. В настоящее время происходит активное расширение социального, экономического, педагогического, психологического пространства. Прежде всего, это связано с глобализацией и возросшей мобильностью студенчества и работающих людей. В связи с увеличением межкультурных и межэтнических контактов, в том числе в образовательной среде, востребованным качеством специалиста в любой области профессиональной деятельности является межкультурная компетенция – способность эффективно взаимодействовать в реальных ситуациях межкультурной деятельности.

Ключевые слова: психология взаимодействия, межкультурное взаимодействие, образовательное пространство.

В многонациональном государстве, таком как Россия, человек может иметь разные этнические корни, в таком случае культура определяет этническую идентичность. Этнокультурная идентичность – отождествление личности с определенной культурой, ее мировоззрением, ценностями и ценностными ориентациями, традициями, обычаями, нормами поведения.

Психологическими механизмами трансформации негативных стереотипов, осознания привычных этнических представлений, принятия культурного разнообразия как нормы являются самоанализ, эмпатия и рефлексия [3, с. 28].

При встрече с представителем другой культуры мы не только изучаем «чужое», но и вынуждены взглянуть на свою культуру со стороны. В межкультурном диалоге необходимо осознать культурную чужеродность партнера и собственную этноцентристскую позицию, и это очень важно для успеха межкультурного обучения, этот первоначальный этап этнической самоидентификации является механизмом развития межкультурной компетентности и залогом успешного межкультурного обучения.

Он заставляет усомниться в правильности моделей поведения в своей культуре, и это сопоставление «своего» и «чужого» становится мотивом для изучения других культур и паттернов поведения.

Эта конфронтация с собственным «культурным Я» иногда вызывает нежелательные эмоциональные переживания, не способствующие разви-

тию межкультурной компетентности. Поэтому целью обучения является не столько пополнение страноведческих, языковых, культурологических знаний, сколько осознание родной и чужих культур для ориентации в процессе межкультурного диалога, развитие межкультурной чуткости и тактичности по отношению к своей и другой культурам [1, с. 45].

Формирование и развитие межкультурной компетентности студентов происходят как в процессе межкультурного обучения иностранным языкам, так и во внеучебной деятельности.

Межкультурное обучение обычно состоит из нескольких этапов. В модели межкультурного обучения различают шесть этапов, отражающих меняющееся отношение обучающегося к различиям между родной культурой и другими культурами. Начинается межкультурное обучение индивида с отрицания различий и этноцентризма, переходя постепенно к этнорелятивизму и интеграции межэтнических и межкультурных различий в процессе межкультурного взаимодействия [4, с. 12].

Таким образом, необходимость формирования межкультурной компетентности требует переориентации процесса обучения иностранным языкам в русле межкультурного образования.

Содержание обучения включает языковой и речевой материал культурологической (этнической) направленности. Тексты должны моделировать реальные сферы общения, межкультурные ситуации. Они должны обучать восприятию информации о других культурах и передаче информации о родной стране, культуре, этносе.

Помимо этого, критериями отбора содержания языкового материала (текстов-дискурсов, видео, аудиоматериалов, произведений культуры) являются также функциональность, достоверность и качество языкового материала, актуальность, проблемность, релевантность, наличие развивающего потенциала, соответствие учебной программе. Огромное влияние на «цифровое» поколение оказывают цифровые СМИ и социальные сети, поэтому тексты разной модальности, медиа и интернет-тексты, интернет-дискурс обязательно должны присутствовать в учебном процессе.

Использование активных методов обучения, таких как межкультурные проблемные ситуации, кейсы, межкультурные задачи, дискуссии, беседы, тренинги, ролевые и деловые игры, проектное обучение, целесообразно в образовательном процессе, так как именно они являются механизмом развития этнической идентичности и межкультурной компетентности в целом. Организационные формы обучения включают, помимо традиционных, смешанные формы обучения (*blended learning*) – на основе использования цифровых технологий [2, с. 29].

В образовательном процессе необходимо учитывать особенности современных студентов, их субъектный опыт, а также этнический состав группы. Становление и развитие этнической и этнокультурной идентичности невозможно без переосмыслиения и развитой рефлексии,

поэтому необходим рефлексивный компонент, пронизывающий как процесс обучения, так и деятельность студентов.

Список литературы

1. Воронин А. В. Межкультурная компетенция как необходимое условия коммуникации в системе открытого образования // Universum: психология и образование. – 2021. – №8 (86). – С. 45.
2. Ивукина Е. С. Межкультурная коммуникация и язык в контексте лингвокультурологии // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – №XIII. – С. 29.
3. Мацкевич Е. Э., Широкогорова Т. Г. Межкультурная сенситивность как необходимый фактор эффективной межкультурной коммуникации иностранных обучающихся // АНИ: педагогика и психология. – 2021. – №1 (34). – С. 28.
4. Новикова Л. А., Василькова О. В., Акатьева И. С., Этническая идентичность как основа формирования межкультурной компетентности студентов ВУЗа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2021. – №2. – С. 12.

УДК 159.96

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

s.vildgrube@mail.ru

Эпоха социальных перемен и кризисов, сложные условия общественной жизни требуют от человека выбора правильной жизненной линии, способствующей сохранению целостности внутреннего мира и достижению самореализации в будущем. Наиболее значимым фактором развития личности является стремление строить жизненные планы, осмысливать построение жизненной перспективы. Жизненная стратегия – это осознанно запланированные и спроектированные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на жизненных ценностях. Жизненный план – широкое понятие, охватывающее всю сферу личного самоопределения (род понятий, стиль жизни, уровень доходов и т.д.). Жизненные стратегии рассматриваются как определяемая личностью совокупность целей, их последовательность и способы реализации на жизненном пути. Фундаментом жизненных стратегий являются конкретные социальные, экономические, политические и духовные условия общества на каждом этапе его развития

Цель данного исследования: изучение возрастных особенностей психологических составляющих жизненной стратегии личности. *Объект исследования:* жизненная стратегия личности. *Предмет исследования:* психологические составляющие жизненной стратегии личности. *Гипотеза:* существуют различия между психологическими составляющими жизнен-

ных стратегий личности (осмысленность жизни, мотивация достижения, локус контроля) юношеского возраста и периода взрослости. *Психо-диагностические методы исследования*: Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Методика «Когнитивная ориентация (локус контроль)» Дж. Роттера. Методика «Мотивация успеха и боязнь неудач» Реана. *Методы математической статистики*: описательная статистика, t-критерий Стьюдента. *Выборка исследования*: в исследовании приняли участие студенты I-II курсов филологического факультета ГОУ ВПО ДонНУ в возрасте от 17 до 19 лет (30 человек), а также взрослые респонденты в возрасте 35-45 лет (30 человек). Объем выборки составил 60 человек.

Рассматривая общие показатели осмысленности жизни юношей и взрослых респондентов по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, были получены данные, статистически значимые, так различия по субшкале «Цели в жизни ($t_{ЭМП} = 3,7$; $p \leq 0,01$)», «Процесс жизни» ($t_{ЭМП} = 5,4$; $p \leq 0,01$); «Результат жизни» ($t_{ЭМП} = 4$; $p \leq 0,01$); «Локус контроля Я» ($t_{ЭМП} = 3,6$; $p \leq 0,01$); «Локус контроля жизни» ($t_{ЭМП} = 5$; $p \leq 0,01$); «Общий показатель осмысленности жизни» ($t_{ЭМП} = 7,1$; $p \leq 0,01$). Можем предположить, что это связано с нахождением взрослыми новой цели, которая наиболее значима для них и реалистична, позволяющая выстроить новую структуру жизни в связи с кризисным периодом.

Содержание жизненных стратегий и планов личности юношеского возраста чаще всего связано с созданием собственной семьи, окончанием высшего учебного заведения, успешным устройством на работу и учебной успеваемостью. Так, ведущими у студентов, согласно методике «Ценностные ориентации» Рокича выступили жизненные стратегии, связанные с их общественным признанием, любовью, активной и счастливой семейной жизнью. Это подтверждает стремление юношей самоутвердиться в высшем учебном заведении, а также проявлением любовных романтических чувств и перспектива создания своей семьи.

Ведущими жизненными стратегиями и планами личности периода взрослости являются критерии, которые связаны со здоровьем, материально-обеспеченной жизнью, интересной работой и жизненной мудростью. Согласно полученным результатам, предполагаем, что взрослые к данному периоду приобретают мудрые взгляды на жизнь. Основной стороной жизни человека этого возраста является их профессиональная деятельность. Благодаря профессиональной деятельности происходит реализация человеком самого себя и полное раскрытие своего потенциала.

С помощью t-критерия Стьюдента было выявлено, что у юношей и взрослых значимость ряда жизненных стратегий, которые отражаются в ценностях, не являются схожими. Значимость подтвердилась статистически ($t_{ЭМП} = 2,1$; $p \leq 0,05$).

Конструируя и реализуя свои жизненные планы, большинство респондентов мотивированы достижением успеха. По методике «Мотивация

успеха и боязнь неудач» Реана (юноши – 50%; взрослые – 83%), однако мотивация избегания неудач свойственна 17% юношей. Различия между установленными количественными показателями респондентов юношеского возраста и периода взрослости оказались статистически значимыми ($t_{ЭМП} = 4,6$; $p \leq 0,01$).

По данным методики «Когнитивная ориентация (локус контроль)» Дж. Роттера у большинства респондентов юношеского возраста преобладают внешние условия конструирования и реализации жизненных планов – 77% (23 чел.), что говорит об экстернальном локусе контроля. Юноши связывают успешные и неуспешные результаты реализации собственных жизненных планов, с определенными внешними факторами (везение, невезение, действия других людей, различные обстоятельства). Различия между показателями юношей и взрослых, статистически значимые ($t_{ЭМП} = 4,9$; $p \leq 0,01$), что может быть связано с еще не сформировавшимися представлениями юношей о собственной жизни, размытыми границами целей на будущее, а также с поиском себя и своего признания.

Большей части испытуемых периода взрослости присущ интернальный локус контроля (73% (22 чел.). Различия между количественными показателями юношей и взрослых также оказались статистически значимыми ($t_{ЭМП} = 2,6$; $p \leq 0,05$). Это подразумевает взвешенные решения взрослой личности, ее достаточное желание влиять на свою жизнь, а также достигать четко поставленных целей для реализации своих жизненных планов.

Таким образом, существуют различия между психологическими составляющими жизненных стратегий личности (осмысленность жизни, мотивация достижения, локус контроля) юношеского возраста и периода взрослости.

Список литературы

1. Астафьев И. Н. Виды жизненных планов и их индивидуально-психологические детерминанты: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: спец. 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / И. Н. Астафьева. – Ростов на Дону, 2011. – 19 с.
2. Белановская О. В. Временная перспектива жизненных планов в юношестве // Проблемы социальной психологии личности: межвуз. сб. науч. ст. – Саратов, 2004. – Вып. 1. – С. 78-88.
3. Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е. Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 4. – С. 54-65.
4. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость: Учеб. пособие для студ. Высших учебных заведений / О. В. Хухлаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 208 с.

ПОНЯТИЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вилюжанина Т.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк, ДНР
vilyuzhanina@mail.ru

Каждый человек в течение жизни приобретает опыт в разных сферах существования: опыт времени и пространства, опыт рождения и смерти, опыт общения и деятельности, опыт духовности и обыденности, опыт счастья и горя.

Опыт выступает важным понятием в работах известных ученых У. Джемса, Дж. Дьюи, В. Вундта, Н.Н. Ланге, К. Левина, Х. Хекхаузена, Ж. Ньюттона, Дж. Мида, К. Роджерса, А. Маслоу и др. Проблема приобретения личного опыта человеком во взаимодействии с миром занимает одно из центральных мест в современных теоретических и прикладных исследованиях (М. В. Ермолаева, А. Кроник, А. Е. Лагутина, А. Н. Лактионов; Т. М. Титаренко; Н. В. Чепелева и др.).

А. Н. Лактионов отмечал, что «... опыт представляет собой такое психологическое образование, которое дает возможность не только использовать соответствующие задачи знания, умения и навыки, но и определенным образом адаптироваться к условиям жизни, взаимодействовать с окружающим миром, интерпретировать события в мире и себя в этих событиях» [3, с. 145], указывая, что предметом исследования должно быть не опыт вообще, а именно индивидуальный опыт.

Индивидуальный жизненный опыт – опыт, приобретенный личностью в процессе ее жизнедеятельности, который ориентирован на практический результат. Все, что на жизненном пути случается с человеком, становится ее опытом. Можно сказать, что жизнь – это долгий опыт, в котором функционирует уникальный процесс развития личности [1].

Н. Чепелева выделяет два уровня жизненного опыта: личный и личностный [5]. Личный опыт человека определяется его жизненными ситуациями, характером поведения в них, особенностями взаимодействия с другими людьми. Этот уровень опыта присваивается человеком «автоматически», без переработки и осмысливания. При этом он может быть внешним, заданным объективными обстоятельствами, и внутренним, заданным субъективными ситуациями, психологической готовностью субъекта, его актуальными потребностями.

Если же этот опыт каким-то образом структурируется, осмысливается и интерпретируется, то есть интегрируется личностью и превращается в структуры его сознания, он становится личностным. Личностный опыт всегда является внутренним [5].

Исследование жизненного опыта индивида возможно с позиций различных методологических подходов, такой анализ может осуществляться методами нарративной психологии (опыт как текст), экзистенциального подхода (опыт как бытие) и различных психотерапевтических направлений.

Главная функция опыта – обеспечение устойчивой адаптации к повседневности. Человек больше переживает свой опыт эмоционально, чем осмысливает, интерпретирует его. При этом каждый человек относится к своему опыту с большим уважением, доверяя ему, не замечая недостатков, которые видят другие. Суверенность опыта тщательно охраняется [4].

На основе жизненного опыта происходит становление и развитие личности, производятся ее мировоззренческие ориентации, формируется активное отношение к жизни. Человек выступает субъектом собственной активности, что, в свою очередь, является источником формирования индивидуального опыта. Опыт всегда связан с прошлым человека, с тем, что уже прожито и накоплено как следствие жизненной активности в различных сферах жизнедеятельности, познания, творчества, преодоления препятствий и их освоения. От опыта прошлого можно отталкиваться в настоящем и учитывать в планах на будущее [2].

А. Н. Лактионов считает, что индивидуальный опыт представляет собой структурно-динамическое образование, которое составляют социальный, личностный и мнемический компоненты, каждый из которых имеет собственное содержание, генезис и функции [3]. Так, социальная подструктура опыта обеспечивает взаимодействие индивида с социумом, собственную социальную роль, адекватную перестройке способов и средств социальной активности; личностная – накапливает и применяет различные интерпретационные способы, позволяющие оценивать себя, других, явления и события во внешнем мире, определять и корректировать собственное поведение и личностное развитие; мнемическая – накапливает, систематизирует и интегрирует информацию, распределенную в биографическом времени.

Ю. М. Швалб также описывает трехкомпонентную структуру опыта (как индивидуального, так и социальных групп): ситуационный компонент (обеспечивает возможность построения действия в новой ситуации без проб и ошибок), деятельностный (фиксирует структуры собственной деятельности субъекта) и личностный (систематизирует и интегрирует систему «жизненной философии» личности) [6].

Индивидуальный опыт наполнен эмоциями и ценностно значим для субъекта. Конструкты жизненного опыта выполняют следующие функции: обеспечение саморазвития индивида и регуляции его взаимоотношений с внешним миром; систематизация, классификация, интеграция и структурирование окружающего мира; обеспечение социальной наследственности и психологической стабильности; защита от возможных ошибочных действий; иллюстрация собственного опыта. [3, 6].

Жизненный опыт может проявляться в различных формах (целостное описание ситуации, алгоритм способа действия, моральные императивы) и фиксируется для социальных групп в притчах, анекдотах, пословицах, а для индивида – в личностных мифах.

Таким образом, на наш взгляд, актуальной проблемой современной психологии выступает описание психологических механизмов возникновения и функционирования жизненного опыта личности, а также построение эмпирических моделей.

Список литературы

1. Ермолаева М. В. Жизненный опыт как критерий личностного развития в старости // Мир психологии: Научно-методический журнал – 2007. – №3 (51). – С. 145-152.
2. Зазимко О. В. Особенности исследования личного опыта в современных социокультурных условиях / Психологічні особливості особистості в умовах трансформації суспільства: зб. статей за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції (24-25 лютого 2012 року, Україна, Донецька обл., м. Макіївка) / За заг. ред. та упорд. В. М. Синельникова, В. Є. Луньова. – Макіївка: МЕГІ, 2012. – С. 60-63.
3. Лактионов А. Н. Координаты индивидуального опыта. – Харьков: Бизнес Информ, 1998. – 492 с.
4. Розуміння та інтерпретація життєвого досвіду як чинник розвитку особистості: монографія / за ред. Н. В. Чепелевої; Нац. акад. пед. наук України, Ін-т психології ім. Г. С. Костюка. – К., 2013. – 275 с.
5. Чепелева Н. В. Понимание и интерпретация социокультурного опыта в контексте постнеклассической психологии / Н. В. Чепелева // Психолінгвістика. – 2008. – Вип. 2. – С. 27-33. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/psling_2008_2_4.
6. Швалб Ю. М. Психологические формы фиксации жизненного опыта // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н. В. Чепелевої. – К.: Міленіум, 2005. – Т. 2. – Вип. 3. – С. 14-20.

УДК: 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУПРУГАМИ В БЕЗДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

Волошина А.А., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
artyukh98@inbox.ru

Введение. Согласно теоретическим позициям, выработанным по отношению к семье в отечественной психологии, социальная потребность в семье без детей ниже, чем в семьях с детьми (Гребенников И. В., Антонов А. И., Трапезникова Т. М. и др.) [2]. В научных трудах выдвигаются положения, что семья без детей не выполняет репродуктивной и воспитательной функций, не удовлетворяет потребности общества в физическом и

духовном воспроизведстве (Харчев А. Г.), а значит, не гарантирует продолжения существования самого человечества (Ковалев С. В.) [1]. Учитывая актуальность темы для современного общества, исследование отношений в семьях без детей позволит выявить психологические особенности данной семейной системы.

Основная часть. Выборку исследования составили 40 семейных пар, состоящих в браке не менее 3 лет. Из них 20 пар, не имеющих детей, 20 пар – семьи с детьми. Возраст испытуемых от 25 до 40 лет. В результате анализа научных исследований по изучаемой проблеме было выдвинуто предположение, что психологические особенности отношений в семейной системе без детей характеризуются специфическим сочетанием эмоциональной близости и отделенности. С целью выявления психологических особенностей семей были использованы методики: «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) Олсона Д. Х., Дж. Портнера, Лави И., «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) Волкова А. Н., «Тест-опросник удовлетворенности браком» (ОУП) Столин В. В., Романова Т. Л., Бутенко Г. П. [3]. Для изучения особенностей семей без детей и семей с детьми в рамках исследования была разработана анкета.

В ходе анализа результатов анкетирования было выявлено, что супруги в семьях без детей характеризуют семейные отношения, как наполненные любовью и партнёрством, которое помогает им развиваться. Мотивацией отсутствия детей, чаще всего, указывается финансовая составляющая, мотивацией брака оказывается любовь. Семьи с детьми считают свои отношения комфортными, но не лишёнными трудностей во взаимоотношениях с супругом, к браку представителей этой группы подтолкнуло стремление создать семью.

Сравнительный анализ двух групп по методике «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) выявил, что для группы семей без детей характерны такие реальные ценности: эмоциональная связь (Ср.=15), принятие решений (Ср.=10), время (Ср.=9), друзья (Ср.=9), интересы и отдых (Ср.=13), группу объединяет семейная сплочённость (Ср.=66), а семейная адаптация (Ср.=48) из пяти параметров выражена только в контроле (Ср.=13). В сравнении с реальными ценностями, в своих идеалах представители группы стремятся к эмоциональным связям (Ср.=20), семейным границам (Ср.=17), принятию решений (Ср.=8), времени (Ср.=8), друзьям (Ср.=9), интересам и отдыху (Ср.=16), общим показателем группы является семейная сплочённость (Ср.=78), а семейная адаптация (Ср.=65) выражена в лидерстве (Ср.=15) и правилах (Ср.=9). Тип семейной сплочённости сцепленный, а адаптация хаотичная, что говорит о высокой эмоциональной близости супругов, при этом преобладает необдуманный характер принятия решений. Для группы испытуемых, у которых есть дети, реальной ценностью являются семейные границы

(Ср.=16). Исходя из того, что это единственная ценность высокого уровня, семейная сплочённость (Ср.=58) у группы выражена меньше, чем адаптация (Ср.=76). В адаптации выражены: лидерство (Ср.=15), дисциплина (Ср.=15), роли (Ср.=15), правила (Ср.=9). В сравнении с реальными показателями группы стремится к следующим ценностям: семейные границы (Ср.=17), друзья (Ср.=9), интересы и отдых (Ср.=17). У семей с детьми более выражена семейная сплочённость (Ср.=78). Семейная адаптация (Ср.=70) выражена в контроле (Ср.=15), дисциплине (Ср.=15), ролях (Ср.=20). Тип семейной сплочённости сцепленный, а адаптация хаотичная, что говорит о высокой эмоциональной близости супругов, при этом решения также чаще принимаются импульсивно.

По результатам сравнительного анализа реальных показателей с помощью критерия Манна-Уитни были выявлены значимые различия на 1 % уровне по всем ценностям, кроме принятия решений, которые значимы на 5 % уровне.

Сравнительный анализ показателей двух групп по методике «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) показывает различия согласованности ролей в браке. Для семей без детей согласованными ролями являются: родительско-воспитательная (Ср.=2), эмоционально-психотерапевтическая (Ср.=1), интимно-сексуальная (Ср.=2), социальная активность (Ср.=2), что подкрепляется ролевой адекватностью мужчин и женщин. Для семей с детьми согласованными ролями являются: личностная идентификация с супругом (Ср.=1), интимно-сексуальная (Ср.=0), социальная активность (Ср.=0), эмоционально-психотерапевтическая роль (Ср.=2). При этом ролевая адекватность жены выражена в хозяйствственно-бытовой ценности, а мужа в эмоционально-психотерапевтической и внешней привлекательности.

В результате сравнения показателей обеих групп по данной методике с помощью критерия Манна-Уитни, были выявлены значимые на 1 % уровне различия по таким семейным ролям: личностная идентификация с супругом, хозяйственно-бытовая, интимно-сексуальная, родительско-воспитательная, социальная активность, внешняя привлекательность и на 5 % уровне различия по показателю эмоционально-психотерапевтической роли.

Сравнительный анализ показателей двух групп по методике «Тест-опросник удовлетворенности браком» (ОУП) показал, что группа семей без детей характеризуется как благополучная (Ср.=30), а группа семей с детьми как очень благополучная (Ср.=31). Анализ показателей с помощью критерия Манна-Уитни не показал значимых различий.

Заключение. Таким образом, можно сказать, что семьи двух исследуемых групп имеют различия в ролевой согласованности и ролевой адекватности мужа и жены, а также в уровнях семейной сплочённости и адекватности. Полученные данные можно использовать при осуществлении психологической работы как с семьями с детьми, так и с семьями без детей с учетом их специфики.

Список литературы

1. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
2. Соловьев Н. А. Брак и семья сегодня: монография / Н. А. Соловьев. – Вильнюс: Минтис, 1977. – 256 с.
3. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия / В. А. Сысенко. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.

УДК 159.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Гаврилина А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
sport@donntu.org

Психология как наука появилась довольно давно – более 2,5 тысяч лет назад, а её основателем считают Аристотеля, и зародилась она благодаря философии. Психология тесно связана с биологией, физиологией, социологией и другими науками. Как и в любой другой науке, в психологии имеются важные в настоящее время проблемы.

Психофизическая проблема заключается в выяснении того, как происходит взаимодействие психики и физического мира и того, как человеческая психика преодолевает внешнее воздействие [1].

Психофизиологическая проблема ищет связь между психикой и человеческим организмом. Психофизическая проблема так же имеет частные случаи – психоневрологическую и психосоматическую проблемы. Психоневрологическая проблема ищет ответ на вопрос о связи человеческой психики и нервной системы, в первую очередь мозга. Психосоматическая проблема изучает вопрос о взаимном влиянии психики и тела.

Психосоциальная проблема исследует влияние социума на человеческую психику.

Существует так же проблема соотношения различных психических явлений. Она связана с особенностями восприятия явлений психики. Психику человека можно наблюдать только со стороны. Его движения, речь, мимику и действия, и физиологические реакции. Только благодаря им психологи строят предположения о процессах, свойствах и состояниях психики, что сопровождаются этими проявлениями поведения.

Если говорить о главной методологической проблеме, то она заключается в определении предмета психологии. Данная проблема считается одной из самых трудных проблем психологии. Предмет – это объект, который подвергается изучению, исследовательская задача, система методологических средств и последовательность их применения в

одном флаконе. Предмет «строится» самой наукой благодаря своим методам, теориям и категориям. В разные эпохи и предмет изучения психологии отличался. К примеру, в античности предметом психологии выступала душа и чувственное познание мира, в эпоху возрождения – проблема способностей и психического развития, а в новое время предметом изучения психологии было сознание, которое состоит из ощущений, представлений и чувств познавательные процессы.

В психологии большинство явлений изучается с помощью наблюдений и тестов. А вот психологические эксперименты проводятся довольно редко. Поэтому возникает проблема эксперимента. Психологический эксперимент проводится в специальных условиях и нацелен на получение новых знаний о психологии. С самого создания экспериментальной психологии ведутся дискуссии о применимости такого метода исследования, как эксперимент, в психологии [2].

Психология всё время подвергается изменению систем категорий. Появляются новые категории. Но распределение психологических явлений и феноменов проблематично, за счёт того, что отсутствуют чёткие границы между ними. Помимо этого, так же есть проблема противоречивости между категориями и принципами исследований.

Теоретическое и эмпирическое не могут существовать друг без друга. Теория – объяснение и предсказание, эмпирия – описание. В целом они нацеливают человека на понимание того, что происходит. Взаимодействие между теоретическим и эмпирическим происходит с помощью гипотез и критики. А проблема соотношения теории и эмпирики заключается в характере целостности, которую представляют собой эмпирическое и теоретическое, или, если сформулировать иначе, какой характер имеют связи или отношения, что эту целостность задают.

Проблемы современной психологии будут решаться на протяжении многих лет. Однако если собрать вместе все существующие наработки, то получится хотя бы объединить подходы различных школ, что само по себе является процессом сложным и долгим, но это может помочь в решении если не всех проблем, которые являются актуальными, то хотя бы их части [3].

Список литературы

1. Экспериментальная психология. – Текст: электронный // ПСИХОЛОГОС – StudFiles – файловый архив студентов: сайт. – 2021. – URL: <https://studfile.net/preview/2674484/page:8/> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Экспериментальная психология. – Текст: электронный // ПСИХОЛОГОС – Энциклопедия практической психологии: сайт. – 2021. – URL: <https://clck.ru/Xhu8U> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Проблемы современной психологии – наука погружается в кризис. – Текст: электронный // Mind-Control: сайт. – 2021. – URL: <https://mind-control.ru/deyatelnost/problemy-sovremennoy-psikhologii/> (дата обращения: 20.09.2021).

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гнютова А.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nastya-gnutova@mail.ru

В последние десятилетия процесс компьютеризации и внедрения ИТ-технологий практически во все сферы жизни, обеспечил интеграцию современного человека в виртуальное пространство. Интернет-среда, в процессе информационного обмена, общения с виртуальными собеседниками, оказывает влияние на формирование ценностно-смысловой сферы и направленности личности.

В работах отечественных и зарубежных учёных рассматриваются различные аспекты интернет-активности: от положительных возможностей использования интернет-ресурсов в различных сферах жизнедеятельности до определённых рисков, связанных с потерей чувства реальности, интернет-аддикцией, вовлечением в сообщество с экстремистской направленностью и т.д.

Среди авторов, занимающихся изучением влияния киберпространства на личность, стоит отметить Д. С. Мартынову, О. В. Лагутину, Д. А. Будко, Я. А. Волкову, А. В. Ларионову, А. Е. Войскунского, О. Н. Арестову, В. Фриндте, М. Д. Бэка с соавторами, А. Джонсона, Ш. Теркл, а также С. Д. Гослинга и др. Несмотря на повышающийся интерес к данной сфере в научных кругах, многие вопросы, касающиеся интернет-активности, остаются не раскрытыми. В первую очередь, дискуссионным является вопрос соотношения положительного и отрицательного влияния вовлеченности личности в интернет.

Чтобы говорить об особенностях интернет-активности, необходимо отталкиваться от определения данного понятия.

В словарях «интернет-активность», также известная как «активность онлайн», «цифровое поведение», «киберактивность» и т.д., определяется как использование технологий электронной коммуникации, таких как социальные медиа, электронная почта и подкасты для различных форм активности, чтобы позволить более быструю коммуникацию и доступ к информации.

По направленности на принятие или отторжение норм и правил жизни, принятых на данной ступени развития общества, И.Н. Погожина выделяет два вида интернет-активности: просоциальное и антисоциальное. Оба вида интернет-активности имеют ряд характеристик, связанных с построением коммуникации в цифровой среде и индивидуально-психологическими особенностями пользователей интернета: особенностями их

когнитивной, мотивационной, эмоциональной сфер. К антисоциальным поведенческим проявлениям в цифровой среде, связанным с особенностями мотивационной сферы пользователей, относятся интернет-зависимости, самоповреждающее поведение или призыв к нему, вовлечение в антисоциальные или преступные группировки (например, секты, АУЕ) и т.п. [4, с. 198].

Таким образом, понятие «интернет-активность» остается довольно новым и методологически мало разработанным на данный момент.

В данной работе особое внимание уделяется студенчеству, как возрастной категории интернет-пользователей, поскольку юноши составляют особую категорию лиц, наиболее подверженных риску возникновения, как называемых «технологических зависимостей». Этап студенчества является периодом интенсивной социализации человека, развития высших психических функций, становления всей интеллектуальной системы и личности в целом. В связи с этим юный пользователь сети интернет сегодня не просто потребитель различного контента, но и активный создатель, распространитель, медиатор информационного потока [3, с.188]. Через обмен комментариями студенты не только выражают свое отношение к различным событиям, мнениям, постам и обмениваются им с другими участниками интернет дискуссий, но и активно формируют, создают, задают новый формат взаимодействия и общения. Субъективные позиции комментаторов оказывают значительное влияние на смещение, искажение и изменение изначальных смысловых посылов.

Таким образом, студенты, как активные интернет-пользователи, представляют интерес, как для исследователей-психологов, так и педагогов.

Что же обуславливает интерес и обращение студентов к интернет-среде? Здесь стоит говорить о ряде потребностей и мотивов современного молодого человека. Наиболее распартонены: деловой, познавательный, мотив общения (коммуникативный мотив, корпоративный (мотив сотрудничества), мотив самоутверждения и аффилиации.

Понимая мотивы обращения к интернету, стоит понимать и риски, с которыми может столкнуться студент. Негативные эффекты, связанные с взаимодействием с интернетом, варьируются от довольно легких состояний психологического дискомфорта (например, психологический дискомфорт незащищенного пользователя) до довольно серьезных психических расстройств (например, зависимости) и состояний острого социального дискомфорта. В исключительных случаях взаимодействие с интернетом может спровоцировать ситуации, непосредственно угрожающие жизни и здоровью человека.

В первую очередь, вызывает беспокойство, рост популярности интернет-коммуникации. Коммуникация в сети позволяет решать множество проблем профессионального и социального взаимодействия, но вместе с тем, несет в себе многочисленные угрозы психологической безопасности личности. Возможность оставаться анонимным в интернет-

коммуникации спровоцировало широкое распространение в сети таких явлений, как кибер-буллинг, моббинг, троллинг; среди детей и молодых людей растет число жертв сексуальных домогательств; все большее число пользователей социальных сетей и подобных ресурсов рискуют стать жертвами разного рода мошенников [2, с.56].

Вызывает также обеспокоенность отсутствие качественной и своевременной цензуры информации, размещаемой в сети. Существует огромное количество экстремистских обществ, пропагандирующих свои идеи при помощи сети и привлекающих молодежь в свои ряды. Проблемой является и отсутствие контроля за качеством размещенной в сети информации, отсутствие однозначных критериев, позволяющих определить компетентность интернет-ресурсов. Большинство студентов, пользующихся интернетом, не имеют представления о том, как работает всемирная паутина и как в нее помещается информация. В связи с этим возрастают риски использования интернета некомпетентными пользователями, что в свою очередь снижает качество подготовки студентов к парам [1, с.25].

Следовательно, мы видим огромный пласт неизученных тем, как теоретически, так и эмпирически. При этом актуальность изучения особенностей использования интернета будет расти с каждым годом в связи с ростом популярности социальных сетей и внедрением различных приложений во многие сферы социального пространства: общение, обучение, развлечения, работу, творчество и многое другое.

Список литературы

1. Бабаева Ю. Д., Войсунский А. Е., Смыслова О. В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете. – М., 2000. – 234 с.
2. Войсунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. – М., 2010. – 451 с.
3. Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – 341 с.
4. Погожина И. Н., Сергеева М. В., Егорова В. А. Цифровая компетентность и детство – уникальный вызов 21 века (анализ современных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – №4 – 187 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Демяненко А.В., Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

anastasiyaya99@gmail.com, je.angelina@donnu.ru

Проблема ценностно-смысловой сферы личности, в частности ее ценностных ориентаций, является одной из ключевых в психологии. Это вызвано тем, что в результате изменений, которые произошли в нашем обществе и побудили к отказу от стереотипов, перед личностью открылась возможность постановки собственных целей и определения реальных условий их достижения. Формирование таких целей на кризисных этапах развития общества, когда старые принципы утратили свое значение, а новые еще не утвердились, актуализирует потребность изучения ценностно-смысловой сферы личности, которая включает ценностные ориентации, их иерархическую структуру, а также факторы, их трансформирующие [3].

Не менее актуальным на сегодняшний день становится изучение личностной зрелости, под которой понимают сложное структурное образование, которое включает в себя характеристики ответственности в различных сферах деятельности, самостоятельность, эмоциональную зрелость, самореализацию, адекватное самоутверждение, целеполагание [2].

Становление личностной зрелости достигается в соответствии с общими законами онтогенетического развития индивида, в котором чередуются сенситивные, критические периоды и моменты стабилизации. На формирование личностной зрелости влияют как биологические, так и социальные факторы.

Данное исследование было посвящено нахождению связи личностной зрелости и ценностных ориентаций в период ранней взрослости на примере выборки студентов. Было выдвинуто предположение о том, что существует связь между уровнем личностной зрелости и ценностными ориентациями в период ранней взрослости. Для проведения нашего исследования была сформирована одна выборка из 15 человек из студентов возрастом 18-23 года.

Для подтверждения данной гипотезы были выбраны следующие методики: для изучения ценностных ориентаций – тест «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С. С. Бубнова); для определения уровня самоактуализации личности – методика «Диагностика самоактуализации личности» (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина); для изучения когнитивного уровня контроля поведения личности – методика «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Морсановой.

Перейдем к результатам исследования. Для выявления ценностной ориентации студентов мы проанализировали результаты диагностики по

методике С. С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности». Данная методика позволяет выявить 11 шкал, которые образуют систему ценностных ориентаций студентов. Так, наиболее важными оказались ценности «Времяпрепровождение» (*средний балл – 4,9*); «Милосердие» (4,4) и «Признание» (4,1). При этом ценность «Социальная активность» (1,9) имеет наименьшую значимость. Это свидетельствует о том, что для студентов довольно важен нормальный отдых, получение удовольствия, для них характерен высокий уровень альтруизма и желание высокого положения в обществе. Однако для них также характерна некая пассивность, безразличие к социальной жизни и тому, что происходит в мире.

Для выявления основных сфер самоактуализации мы использовали методику «Диагностика самоактуализации личности». В целом, стремление к самоактуализации у испытуемых выражено на среднем уровне (69,4). Шкала «Ориентация во времени» (72,2) показывает, что респонденты понимают экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь», способны наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушением грядущих успехов. Шкала «Ценности» (64,1) свидетельствует, что испытуемые в средней степени разделяют ценности самоактуализирующейся личности (сюда можно отнести стремлении к истине, доброму, красоте, целостности, уникальности, совершенству и т.д.). Баллы по шкале «Взгляд на природу человека» (56,6) описывают веру в людей, в могущество человеческих возможностей. У испытуемых она выражена в средней степени.

Все остальные шкалы данной методики, такие как «Креативность» (68,3), «Автономность» (56,3), «Спонтанность» (65,5), «Самопонимание» (58,7), «Аутосимпатия» (63,9), «Контактность» (68,5), «Гибкость в общении» (68,9) у опрошенных также выражены на среднем уровне.

Для выявления уровня саморегуляции, который характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека, а также для выявления стилей саморегуляции студентов мы использовали методику «Стиль саморегуляции поведения». Было выявлено, что общий уровень саморегуляции (31,5) находится на среднем с тенденцией к высокому уровню. Это говорит о том, что испытуемые самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвижение и достижение цели у них в значительной степени осознанно. При высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели.

Далее рассмотрим основные сферы самоактуализации студентов. Шкала «Программирование» (4,7) диагностирует индивидуальную развитость осознанного программирования человеком своих действий. У респондентов испытуемых в среднем низкие показатели по данной шкале,

что свидетельствует о неумении и нежелании человека продумывать последовательность своих действий. Такие люди предпочитают действовать импульсивно, они не могут самостоятельно сформировать программу действий, часто сталкиваются с неадекватностью полученных результатов целям деятельности и при этом не вносят изменений в программу действий, действуют путем проб и ошибок. Шкала «Оценивание результатов» (3,8) характеризует индивидуальную развитость и адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения. У опрошенных также низкий показатель по данной шкале, что говорит о том, что испытуемые не замечают своих ошибок, некритичны к своим действиям. Приближен к высокому показатель у испытуемых наблюдается лишь по шкале «Гибкость» (7,3). Это говорит о том, что испытуемые демонстрируют пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий.

По оставшимся шкалам («Планирование» (5,5), «Моделирование» (5,7), «Самостоятельность» (5,9)) испытуемые показали результаты на среднем уровне.

Таким образом, результаты пилотажного исследования показали, что для студентов важен нормальный отдых, получение удовольствия, для них характерен высокий уровень альтруизма и желание высокого положения в обществе. Однако для них также характерна некая пассивность, безразличие к социальной жизни и тому, что происходит в мире. Стоит отметить, что студенты самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвижение и достижение цели у них в значительной степени осознанно. При высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели. В дальнейшем нами будут расширены результаты данного эксперимента за счет увеличения выборки, что позволит найти связь между уровнем личностной зрелости и ценностными ориентациями в период ранней взрослости.

Список литературы

1. Канаева Н. А. Ценности и их влияние на формирование личности // Молодой ученый. – 2010. – №1-2. Т. 2. – С. 200-202.
2. Кошелева А. О. Личностная зрелость как фактор успешности профессиональной деятельности: монография / А. О. Кошелева, А. С. Вершков, И. В. Родных; Акад. Федеральной службы охраны Российской Федерации. – Орел: Акад. ФСО России, 2008. – 108 с.
3. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии, 1996. № 4. – С. 15-26.

ПОТРЕБНОСТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ КАК ФАКТОР САМОРАЗВИТИЯ

Заблоцкая Т.Ю.

Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный университет»,
г. Старый Оскол, РФ
Zablotskaya@bsu.edu.ru

Введение. В работе рассматривается потребность в состоянии одиночества как неотъемлемой составляющей процесса обучения для постановки и достижения целей обучающегося. Анализ потребностного состояния приводится как с психоэмоциональных, так и с математических позиций.

Основная часть. Одиночество рассматривают как одну из психогенных составляющих, оказывающих влияние на психическое здоровье и эмоциональное состояние личности. Начало психологических исследований, посвященных изучению одиночества, было положено психоаналитиками школы Зигмунда Фрейда еще в 1885-1900 годах, и на сегодняшний день изучением проблемы одиночества занимаются представители самых разных социальных и гуманитарных наук: социологи, философы, психологи, из чего можно сделать вывод, о том, что проблема одиночества имеет комплексный, междисциплинарный характер.

Д. Перлман и Л. Пепло классифицировали различные подходы к пониманию одиночества как психологического феномена на восемь групп: психодинамические (З. Фрейд, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман, Г. Зилбург), феноменологические (К. Роджерс, Д. Уайтхорн, У. Садлер, Т. Джонсон), экзистенциально-гуманистические (И. Ялом, В. Франкл, К. Мустакас), социологические (К. Боумен, Д. Рисмен, П. Слейтер), интеракционистские (Р. Вейс), когнитивные (Л. Пепло), интимные (В. Дерлега, С. Маргулис) и теоретико-системные (А. Фландерс). Эта классификация является общепринятой и охватывает все общепринятые подходы зарубежных ученых [1]. Современная трактовка одиночества как особого состояния подразумевает акцент на двух аспектах: первый состоит в том, что данное состояние субъективно и напрямую связано с депривацией, проявляющейся в ощущении нехватки доверия и понимания; второй находит выражение через объективное состояние вынужденной физической или социальной изоляции, предполагающее невозможность осуществления контактов с людьми или с какими-либо социально значимыми группами – родственниками, друзьями и т.д. [2].

Рассматривая одиночество как психический феномен, большинство исследователей подчеркивают его различия с такими понятиями, как «уединение» и «изоляция», полагая, что одиночество имеет некий специфический внутренний контекст. Изоляция в большей степени связана

с физической, пространственной и временной локализацией человека по отношению к социальному окружению и является внешне обусловленной ситуацией, а не внутренним психическим переживанием [3].

Предметом одиночества выступает сам человек: одиночество направлено на субъект, объект здесь как бы вторичен. Одиночество личности можно рассматривать как реализацию принципа замкнутого антропологического универсума, согласно которому внутренняя изолированность человека – основа любого индивидуального бытия. По мнению Н. А. Бердяева «...Человек имеет священное право на одиночество, так как через момент одиночества рождается личность, самопознание личности, в одиночестве переживается единичность и неповторимость своего «Я»». В. В. Розанов писал, что человеку одному лучше, потому что, когда он один, – он с Богом [3].

Американский психолог А. Маслоу, изучая особенности самоактуализирующихся личностей, пришел к выводу, что для них характерна потребность в одиночестве. Он подробно описывает содержание и сущность этой потребности и определяет ее как нормальную, абсолютно необходимую человеку, стремящемуся к самопознанию, самосовершенствованию и собственной актуализации. С этих позиций одиночество рассматривается как часть позитивного, конструктивного плана личностного развития. Истинное самопознание невозможно вне одиночества, и здесь важным является характер переживания данного состояния.

С позиций учебного процесса одиночество можно рассматривать как необходимую составляющую для осознания и внутренней проработки полученной новой информации – важных процессов, которые обучающийся проходит сам, на основании которых может провести самоанализ и выделить дальнейшие планы и цели, соответствующие его интересам. Согласно классификации [3, 4] все потребности условно можно разделить на несколько групп, из которых первую группу составляют фундаментальные (базовые) потребности, вторую группу – потребности, приобретенные и побуждающие человека к активности, и третью – потребности эстетического характера. Каждая из этих групп базируется на удовлетворении потребностей более низкого уровня, и для каждой группы имеются свои последствия как в случае их удовлетворения, так и в случае частичного и полного неудовлетворения. Потребность в одиночестве, наряду с потребностью в саморазвитии и самоактуализации, можно отнести ко второй группе. С математических позиций описать их развитие можно с помощью следующей зависимости (1)

$$\tau_1 = \frac{1}{r} \ln \left(\frac{D_k}{D_0} - 1 \right), \quad (1)$$

где $r = \text{const}$ – определяет скорость роста дефицита, D_0 – начальный уровень дефицита, D_k – максимально возможный уровень дефицита.

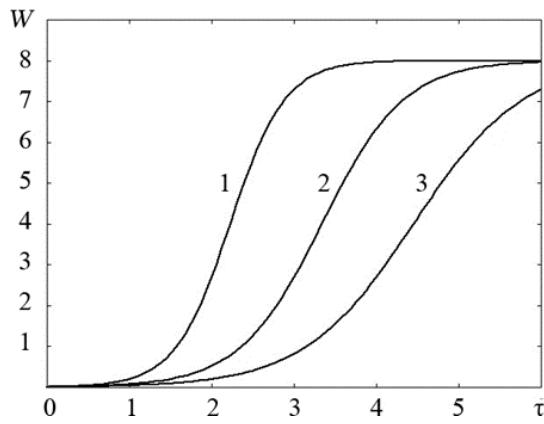

Рис. Зависимость степени потребностного возбуждения W для потребностей познавательного характера и потребностей в самосовершенствовании [4]

Графически зависимость (1) показана на рис., где хорошо видно, что при больших значениях коэффициента r наблюдается рост дефицита за короткий промежуток времени, а при больших значениях D_k скорость развития процесса замедляется. На начальных участках кривая нарастает экспоненциально, а на конечном промежутке асимптотически приближается к величине D_k . При этом точка перегиба кривой смещается вправо тем дальше, чем больше предельная величина насыщения D_k и чем меньше коэффициент стимуляции роста r . Это говорит о том, что потенциальный рост дефицита в каждый момент времени осуществляется лишь частично, в зависимости от того, насколько близко значение накопленной величины приближается к максимально возможному для данной потребности с учетом индивидуальных особенностей субъекта.

Заключение. Таким образом, можно говорить о том, что неудовлетворение потребности в одиночестве в процессе развития и обучения личности не приведет к летальным последствиям, но сохранится в качестве фоновой потребности в дальнейшем.

Список литературы

- Перлман Д., Пепло Л. Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: сб. науч. статей. Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс – 1989. – 624с.
- Кустова Ю. В. Феномен одиночества: теоретические аспекты проблемы // Молодая наука в классическом университете. Ч. IV. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2000. – 233 с.
- Гасанова, П. Г. Психология одиночества / П. Г. Гасанова, М. К. Омарова. – Киев: ООО «Финансовая Рада Украины» (Киев), 2017. – 8-10 с.
- Глазунов Ю. Т. Моделирование целеполагания / Ю. Т. Глазунов. – М.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2012. – С. 71-72.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ

Картузова Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kri-dae@mail.ru

Проблема потребностей в психологии рассматривается с разных теоретических позиций. Это относится и к исследованию потребности личности в безопасности и указывает на то, что данная потребность является достаточно неоднозначным и многогранным понятием. На современном этапе развития науки представлено несколько концептуальных идей, рассматривающих потребность в безопасности в следующих аспектах: как нужду, как состояние, как взаимоотношение субъекта с миром.

С точки зрения К. К. Платонова, Д. Н. Узладзе, С. Л. Рубинштейна потребность в безопасности – это отражение психикой нужд личности, то есть, потребность отражается в сознании субъекта. По мнению Ю. К. Орлова, потребность в безопасности может переживаться и ощущаться только опосредованно, через образ [2]. Отсутствие какого-нибудь предмета или объекта, который мы считаем необходимым для обеспечения безопасности, вызывает то неприятное состояние, то беспокойство, которое мы называем потребностью.

К. Левин, В. Н. Мясищев рассматривали потребность в безопасности как состояние, носящее динамический (активный) характер и возникающее в процессе реализации действий или намерений. Удовлетворение, согласно данной позиции достигается путем разрядки динамического напряжения [4]. Соответственно потребность в безопасности проявляется как нужда, трансформированная в переживание и желание. То есть, возникает потребность в переживании чувства безопасности. Согласно когнитивной теории личности Дж. Келли потребность в безопасности выступает конструктом, позволяющим упорядочить, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний для того, чтобы эффективно взаимодействовать с ним [8]. Фактор личностного осознания позволяет нам представить рассматриваемое нами явление как потребностное состояние безопасности, которое включает в себя сложный механизм личностного осмысления соответствующего дисбаланса.

Согласно подходу Д. А. Леонтьева, потребность в безопасности определяются не через предметы, а через формы деятельности, потому что именно в деятельности потребность удовлетворяется. Соответственно потребность реализуется во взаимоотношениях субъекта с миром. Предметы, которые отвечают данной потребности объединены характером направленной на них деятельности; один и тот же предмет может

относиться к некоторым потребностям и содержать возможность осуществления нескольких видов деятельности [6]. Следовательно, потребность реализуется в деятельности по обеспечению безопасности.

Потребность в безопасности, в контексте взаимоотношения субъекта с миром, носит динамический, активный характер поскольку в процессе реализации действия по её удовлетворению осуществляется как внутреннее развитие, так и происходят изменения в окружающей среде. Динамический характер потребности в безопасности, с точки зрения раскрывается в нескольких положениях:

- потребность личности в безопасности всегда осознаваема;
- потребность в безопасности – это не дефицит, а скорее желаемость или необходимость;
- механизм появления потребности в безопасности включает в себя субъектную активность, сконцентрированную на реализацию целей как необходимости удовлетворения актуализированной потребности [4].

Согласно Л. П. Кисляковой реализация потребности в безопасности формируются в ситуациях сопротивления деструктивным влияниям внешнего и внутреннего характера с целью обеспечения равновесия и развития личности [5].

А. Маслоу определяет потребность в безопасности как активный мобилизующий фактор в неблагоприятных ситуациях. Потребность указывает на необходимость в стабильности, в возможности предсказывать события, быть к ним готовым, оставаться свободным от неприятностей и угроз [7].

Будакова А. В. отмечает, что удовлетворение потребности в безопасности определяет доверие к миру, открытость для общения, внутреннее ощущение эмоциональной стабильности, уверенности, что внешнее негативное влияние воспримется адекватно и пройдет с минимальным отрицательным влиянием на общий психоэмоциональный фон [1].

Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. отмечают, что если потребность в безопасности является неудовлетворенной, однако не определяет всю активность личности, то данная потребность направляет стремление личности к обеспечению постоянства, к упорядочению и структурированию жизни, а вследствие к доверию к самому себе и окружающему миру. Данная потребность, влияя на мировосприятие, определяет предпочтение надежной работе, упрочению своего положения, избегание неприятностей, желание обеспечить себе будущее и быть уверенным в предсказуемости событий, через ощущение контроля за своей жизнью. Ощущая безопасность личность удовлетворена собственной жизнью, осознанием ресурсного потенциала и уверенностью в будущем [3].

Это подводит нас к тому, что обеспечение потребности в безопасности опирается на реалистичную оценку собственных возможностей, которая подкреплена личностными ресурсами. От ресурсов личности

зависит успешность поведения и деятельности человека, его способность удерживать ощущение постоянства и целостности в разнообразных ситуациях и в разное время.

Выводы. Проведя теоретический анализ концептуальных подходов к определению категории потребности в безопасности как обозначения объекта внешней среды, как состояния психики и как взаимоотношения субъекта с миром, можно сделать следующие выводы:

1) потребность в безопасности понимается как объективная необходимость, реализуясь через конкретный образ;

2) потребность в безопасности, рассматриваемое как состояние психики, выступает осознанным компонентом и трансформируется в переживание и желание чувства безопасности тем самым определяя личностное осмысление соответствующего дисбаланса, ориентируя субъекта на запуск определенной стратегии поведения;

3) потребность в безопасности реализует себя в контексте отношений между субъектом и миром через определенные формы деятельности, выступая как внешней, так и внутренней детерминантой.

Таким образом, потребность в безопасности реализуется в необходимости стабильного состояния среды, состояния свободы от различного рода проявлений тревоги или страха, состояния личностной и психической защищенности, которое выражается в доверии, удовлетворенности уровнем готовности и уверенности в будущем. Потребность в безопасности – это необходимость личности в защите от неблагоприятных факторов, она обеспечивается внутренним ресурсным потенциалом преодоления, позволяющим личности ощутить психологическую устойчивость, уверенность и защищенность.

Список литературы

1. Будакова А. В. Психологическая безопасность как условие развития личностного потенциала // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 156-159.
2. Елагин А. Г. Потребность человека быть в безопасности // Проблемы в Российском законодательстве. – 2016. – № 3. – С. 11–13.
3. Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества. – М.: Издательство Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010. – 290 с.
4. Ильин И. П. Мотивация и мотивы. – СПб: Питер, 2011. – 508 с.
5. Кислякова Л. П. Характеристика потребности личности в безопасности и ее обеспечение в образовании // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 115-119.
6. Леонтьев Д. А. Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации// Вестник московского университета. – Серия 14. Психология. – 2016. – №2. – С. 3-18.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2019. – 352 с.
8. Семиченко В. А. Проблемы мотивации поведения и деятельности человека. – К.: Миллениум, 2004. – 521 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ

Киселёва И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
i.kiseleva@donnu.ru

Введение. Разнообразие средств массовой информации на сегодняшний день, с одной стороны, позволяет людям выбирать ее характер, направленность, форму и качество, а с другой, несет риски информационной перегрузки, манипуляции, потребления недостоверных данных. К сожалению, объективно разобраться в многообразии источников информации достаточно сложно и, в некоторых случаях, не представляется возможным из-за отсутствия у человека профессиональных знаний в той области, информация из которой его интересует.

Оценка достоверности информации в СМИ является важным вопросом, как для исследователей, так и для потребителей информации. Разделение всех средств массовой информации на традиционные (радиоканалы, телеканалы, печатные издания) и новые (интернет-сайты, сообщества в социальных сетях, аккаунты блоггеров) не дает ответа на данный вопрос. Хотя традиционные СМИ имеют объективно большую степень достоверности информации, тем не менее, психологическое отношение потребителей к ним ухудшается, доверие стремительно падает. В новых СМИ практически отсутствуют способы профессиональной фильтрации недостоверной информации, но она становится для потребителей более актуальной и востребованной, отношение к ней улучшается, доверие – растет [1]. Согласно Н.М. Шанину, «в настоящее время развитие социальных сетей привело к тому, что восприятие лидерства приводит к восприятию новостного контента, посредством социальных сетей, а не официальных СМИ» [3, с. 83].

Основная часть. Ежедневно сталкиваясь с огромным количеством информации, ее потребитель каждый раз оценивает ее по следующим параметрам: актуальность, объективность, достоверность, полнота и точность [2]. И если актуальность является ситуативной характеристикой, легкой в оценке, то объективность и достоверность проверить сложно. Достоверность информации определяется как степень, в которой потребитель воспринимает информацию как правдоподобную, и является надежным предиктором дальнейшего действия [5].

Одним из важных факторов оценки информации как правдоподобной является психологическое отношение к ее источнику. Одной из форм такого отношения является доверие.

Доверие мы будем определять как социально-психологический феномен, значимый компонент межличностных отношений. По А. Б. Купрей-

ченко, доверие является психологическим отношением, которое может проявляться лишь в активности человека, где оно корректируется и осознается [2].

Доверие к информации складывается на основании субъективной оценки определенных ее параметров, так называемых атрибутивных признаков. Такая оценка субъективна, в нее включаются и случайные факторы, ассоциированные с жизненным опытом человека. Доверие к информации предполагает «осознанное наделение ее свойством надежности, которое сопровождается положительными эмоциональными оценками информации и готовностью использовать ее в своей деятельности» [2, с. 3].

Доверие к информации возникает вследствие доверия к конкретному СМИ, к привычной для человека форме подачи материала (например, сюжеты теленовостей) или к владельцам канала СМИ (например, государству). Согласно различным исследователям, доверие необходимо человеку в следующих ситуациях: 1) значимое событие, имеющее неопределенный характер или связанное с риском; 2) уязвимость человека и его зависимость от поведения других людей; 3) добровольность контакта; 4) отсутствие возможности контролировать события. Информация, поступающая из СМИ, в большинстве случаев, подпадает под данные характеристики.

Важным замечанием, по нашему мнению, является то, что возникшее доверие к конкретному СМИ или к привычной для человека форме подачи материала отменяет оценку достоверности и объективности информации при каждом ее потреблении. Таким образом, человек пропускает мимо своего сознания любые признаки недостоверности информации, которой он доверяет. Данный феномен сейчас является важным маркетинговым и политическим инструментом. На его основе работает таргетинг – представление конкретной информации людям, заинтересованным в ее получении.

По мнению М. Керинга, доверие является важной основой социального порядка и фундаментом для социальной сплоченности, ключевой концепцией функционирования современного общества с его неопределенными перспективами и чрезвычайно рискованными решениями. Его можно рассматривать как решающую переменную для оценки влияния медиа-эффектов на личность. Доверие информирует нас о том, как люди воспринимают и оценивают СМИ [4].

Также М. Керингом и Дж. Меттьзом было проведено исследование на основе факторного анализа, в котором были найдены семантические составляющие доверия потребителей к СМИ. К ним были отнесены доверие к избранным для человека темам, доверие к отдельным фактам, доверие к изображениям (фотографиям), доверие точке зрения конкретного журналиста [4].

Согласно А. Б. Купрейченко, Е. В. Шляховой, доверие к информации СМИ связано с таким социально-психологическими факторами, как ситуация доверия и относительно устойчивые образования личности [2].

По Л. В. Куликову, доверие к традиционным СМИ снижается по следующим причинам: однотипность подаваемой информации, низкая скорость публикации материалов, невозможность вступить в диалог с автором информации, преимущественно негативная окраска материалов, ориентация информации на большинство [1]. По мнению ряда исследователей, рост доверия к новым СМИ происходит под влиянием следующих факторов: усиление социальной изоляции людей, увеличение доли виртуального общения, особенно среди молодёжи, использование приемов управления доверием (таргетинг), многообразие форм подачи и характера материала, что дает возможность выбора.

По нашему мнению, одним из основных факторов повышения доверия является появление новых значимых лиц – блоггеров, которые объединяют в себе характеристики СМИ и референтного субъекта для потребителя информации. Таким образом, информация «приобретает лицо» и преломляется через личность, ее транслирующую. Внешность, манера поведения, успешность такого человека сливаются с доносимой информацией. Появляются условия для возникновения доверия к СМИ через доверие к конкретной личности.

Заключение. Таким образом, рассмотрев теоретические основания феномена доверия к средствам массовой информации, мы видим перспективы для эмпирического исследования данного феномена среди различных категорий потребителей информации.

Список литературы

1. Куликов Л. В. Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание / Л. В. Куликов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2011. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekyt-vliyaniya-smi-na-soznanie> (дата обращения: 26.09.2021).
2. Купрейченко А. Б. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа / А. Б. Купрейченко, Е. В. Шляховая // Психологическая наука и образование [Электронный ресурс]. – 2012. – Т.4. – №1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50284.shtml (дата обращения: 24.09.2021).
3. Шанин Н. М. Социально-психологический феномен доверия к информации / Н. М. Шанин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7. – № 5А. – С. 78-86.
4. Kohring M. Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale / M. Kohring, Matthes J. // Communication Research. – 2007. – V. 34. – №2. – P. 231-252.
5. Li R. Factors Influencing Information credibility on Social Media Platforms: Evidence from Facebook Pages / R. Li, A. Suh // The Third Information Systems International Conference. Procedia Computer Science. – 2015. – №72. – P. 314–328.

СВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И КИБЕРКОММУНИКАТИВНОЙ ЗАВИСИМОСТИ СТУДЕНТОВ

Ключникова М.А., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

klyushnikovam@mail.ua, a.gordeeva@mail.ru

Введение. В современном мире интернет стал неотъемлемой составляющей практически любой отрасли жизнедеятельности человека. Наблюдается формирование альтернативы нашего повседневного общения и взаимодействия – виртуальная среда. Для молодежи данная среда является весьма привлекательной своей полнотой, доступностью множества ресурсов, отсутствием ограничений. Многие молодые люди предпочитают проводить свободное время в сети, нежели общаться со своими сверстниками при непосредственном взаимодействии друг с другом. Все это может приводить к формированию психологической зависимости личности [1]. Если перейти непосредственно к определению киберкоммуникативной зависимости, то она рассматривается как зависимость от общения в социальных сетях, форумах, чатах, групповых играх и телеконференциях, и может в итоге привести к замене реальных членов семьи и друзей виртуальными личностями [4].

Так как студенческая молодежь является будущим нашего общества, то на основании этого остро встает вопрос о формировании и развитии психологически здоровой личности. Понятию здоровая личность в большей степени близко по определению понятие «психологическое благополучие», которое определяется как баланс между комплексом положительных и отрицательных эмоций, присутствующих в жизни человека [3].

В свою очередь, киберкоммуникативная зависимость является одной из проблем нарушения здоровья личности, так как она сопровождается социальной дезадаптацией и выраженными психологическими симптомами [2].

Таким образом, актуальность данной проблемы определяется ее высокой значимостью для решения важнейших вопросов конструктивного развития и функционирования личности, с одной стороны, и недостаточностью теоретических и эмпирических исследований в данной научной области – с другой.

Основная часть. В исследовании, целью которого стало изучение связи психологического благополучия и киберкоммуникативной зависимости студентов, участие приняло 50 студентов, из них 17 юношей и 33 девушки в возрасте от 19 до 24 лет.

Был использован следующий пакет психоdiagностических методик: анкета «Исследование особенностей общения в виртуальном пространстве», методика «Интернет-зависимость» К. С. Янг (адаптация В. А. Буро-

вой), методика «Шкала интернет-зависимости» С. Чена (адаптация В. Д. Малыгина и К. А. Феклисова), методика «Шкала субъективного благополучия» Г. Перуэ-Баду (адаптация М. В. Соколовой), методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

С целью определения групп (кластеров) респондентов, отличающихся по общему показателю склонности к интернет-зависимости и психологического благополучия, была произведена кластеризация наблюдений (метод k-средних). В результате кластерного анализа были выделены 2 группы испытуемых: 1 группа – 23 человека (низкий уровень психологического благополучия/высокий уровень киберкоммуникативной зависимости); 2 группа – 27 человек (высокий уровень психологического благополучия/низкий уровень киберкоммуникативной зависимости).

Анализируя полученные анкетные данные, можно говорить о том, что 25 % респондентов испытывают ежедневную потребность в интернете, 30 % – не представляют свою жизнь без него и у 45 % периодически возникает потребность выйти в интернет. Большая часть респондентов (60 %) знакомятся в интернете и используют виртуальные возможности, чтобы пообщаться с друзьями, найти новые знакомства и скоротать время. 54 % респондентов большую часть своего времени предпочитают отдавать реальному общению, а 46 % – виртуальному.

На основе средних данных, полученных в результате применения методики «Интернет-зависимость» К. С. Янг и «Шкала интернет-зависимости» С. Чена следует, что 1 группа студентов имеет более высокий уровень интернет-зависимости, что, в свою очередь, влечет за собой невозможность преодолеть желание войти в интернет, проявление чувства дискомфорта при его неиспользовании, возрастает количество времени, которое нужно провести в нем, чтобы достичь удовлетворения, что приводит к недосыпанию, нарушению питания и т.д. Вторая группа, напротив, имеет низкий уровень интернет-зависимости. Интернет и социальные сети могут оказывать определенное влияние на жизнь и деятельность студентов: в результате использования интернета бывают нарушения сна и приема пищи. Однако, чаще всего это просто некий помощник, благодаря которому можно качественнее выполнить нужную работу и достичь целей (рис. 1).

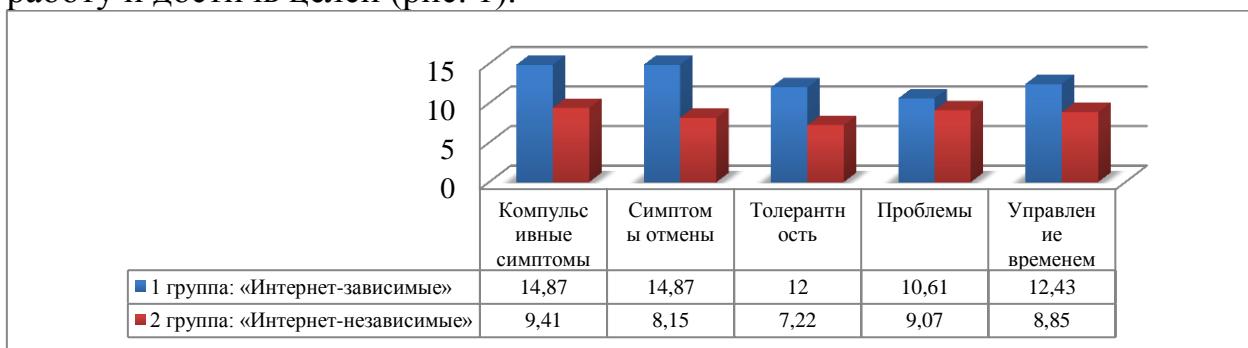

Рис. 1. Выраженность средних значений компонентов интернет-зависимости

Сравнение средних значений, полученных по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф и «Шкала субъективного благополучия» Г. Перуэ-Баду показало, что студентов с высоким уровнем интернет-зависимости можно отнести к «психологически неблагополучным» (1 группа). Они имеют ограниченное количество доверительных отношений с окружающими, зависят от их мнения, испытывают сложности в организации повседневной деятельности, собственном развитии, у них отсутствует интерес и смысл жизни, наблюдается недовольство собственной личностью. Студентов второй группы с низким уровнем интернет-зависимости можно назвать «психологически благополучными». У них не преобладают проблемы, вызванные использованием интернета, не наблюдается заметное возрастание времени пребывания в нем. В их жизни присутствуют положительные эмоции и доверительные отношения с окружающими, они склонны к самостоятельности и независимости, имеют цели в жизни и позитивное отношение к себе. Реальная жизнь для них более привлекательна и интересна (рис. 2).

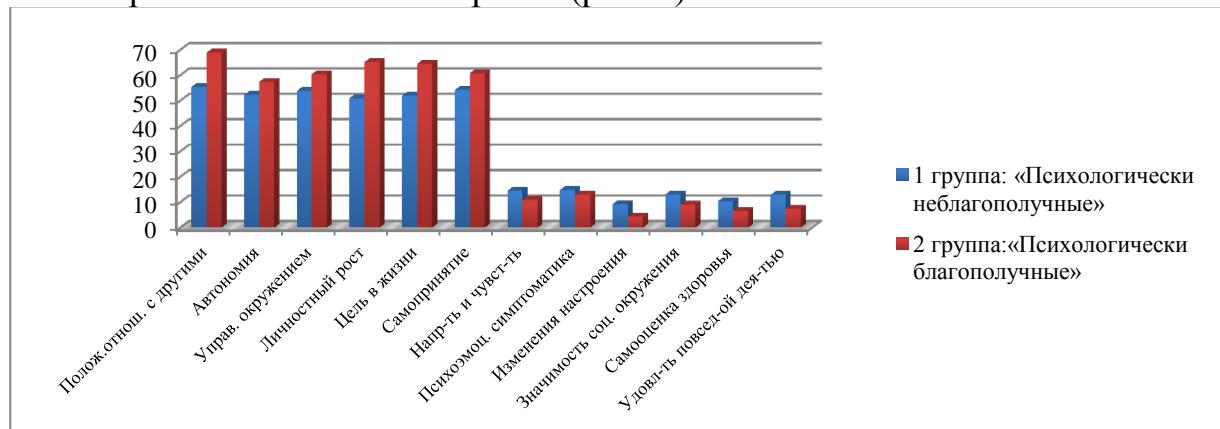

Рис. 2. Выраженность средних значений компонентов психологического благополучия

Заключение. Таким образом, можно говорить о том, что чем ниже ощущение психологического благополучия у студентов, чем меньше чувство их личностного развития и удовлетворенность своим местом в жизни, тем сильнее выражается их стремление проводить время в виртуальном мире, реализовывать свое общение с множеством людей, воспринимая это как желаемую реальность. Жизнь с интернетом наполняется для них новыми красками и воображаемым чувством полноты жизни.

Список литературы

1. Бабаева Ю. Д. Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский, О. В. Смыслова / Под ред. А. Е. Войскунского. – Москва, «Можайск-Терра», 2000. – 432 с.
2. Ловпаче Ф. Г. Психологические особенности Интернет-аддикции как актуальная проблема современного мира / Ф. Г. Ловпаче // Вестник АмГУ. – 2017. – № 1. – С. 91-96.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Ожегова С. И., Шведовой Н. Ю. – Москва, 2015. – 944 с.
4. Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость / К. С. Янг // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24-29.

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАНИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Ковальчишина С.В., канд. психол. наук, доц.

ГБУ ВО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР

lanessa88@mail.ru

Введение. На протяжении своего развития человечество задавалось целью стать лучше, качественней, совершеннее. Человек – удивительное, сложное и так до конца неизученное существо на планете. Его развитие – это длительный, сложный процесс, результат которого зависит от множества факторов. Еще древние умы античности размышляли над закономерностями и методами воздействия на индивида с целью воспитания гармоничного и совершенного человека. Так, например, Платон констатирует, что воспитание и наставления начинаются с самых первых лет существования личности и продолжаются до конца ее жизни [3].

В настоящее время существует множество западных и отечественных концепций, взглядов, алгоритмов, методов, исследований относительно процесса воспитания и развития личности. Теоретической и практической разработке теорий гармоничного воспитания и развития личности посвящены труды различных авторов (А. Адлер, А. А. Бодалев, В. А. Еремин, А. Г. Ковалёв; И. С. Кон; В. В. Краевский, А. Ф. Лазурский, М. И. Лисина, А. С. Макаренко, А. Маслоу, М. Монтесори, А. В. Петровский, К. Д. Ушинский, К. Хорни, Э. Эриксон и др.). Однако, стоит заметить, что проблема морально-нравственного и гармоничного развития человечества в целом остается актуальной и сейчас, поскольку в отношениях между людьми наблюдаются факты насилия, жестокости, подлости, невежества и прочих негативных явлений.

Основная часть. Несмотря на большое количество предупреждающих и профилактических мероприятий, обилие психологов, всевозможных тренингов и семинаров человек подвержен деструктивному поведению.

Следует отметить, что развитие личности человека остается междисциплинарным предметом исследования во многих научных сферах: педагогика, психология, медицина, философия, биология, юриспруденция и др. Научный интерес к данному вопросу способствовал появлению различных теорий и концепций: теория научения Б. Скиннера, когнитивная теория Ф. Хайдера, Ж. Пиаже и Л. Колберга, концепции К. Ясперса и М. Хайдеггера, гуманистическая теория личности К. Роджерса, деятельностная теория (М.Я. Басов, П.П. Блонский, К. Гастев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.А. Ухтомский и др.) [4].

Анализируя существующие подходы в воспитании и развитии личности, методы и приемы можно прийти к выводу, что формирование

асоциального, дезадаптивного личностного профиля является в большинстве своем результатом дисгармоничного психолого-педагогического воздействия среды в результате онтогенетического развития. В процессе социализации индивид проходит ряд социальных институтов: семья, дошкольные учебные заведения, школа, высшие учебные и профессиональные заведения, под воздействием чего подвергается разнообразному влиянию. Как правило, традиционно применяют такие методы воспитания как: убеждение, поощрение, беседа, принуждение, наказание, контроль, оценка, поручение, упражнение, метод примера и др. Важно понимать, что сами по себе методы психолого-педагогического воздействия нейтральны. Они приобретают свою значимость и психологическую окраску с момента применения их педагогом, родителем, воспитателем. В соответствие с этим, как показывает практика, именно от источника психолого-педагогического воздействия будет зависеть деформирующее или развивающее влияние на личность выбранного метода воспитания.

Следует подчеркнуть, что в последнее время, в психолого-педагогических научных кругах методы, подпадающие в категорию наказания, поддаются критике. О возможности и даже необходимости воспитания без наказания высказывали мнение многие педагоги (П. П. Блонский, Н. К. Крупская, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский). Даже Б. Скиннер, один из основоположников теории воспитания как формирования поведения с помощью положительных и отрицательных подкреплений, выдвигает некоторые альтернативы наказанию в воспитании: вседозволенность, когда ответственность за поведение целиком перекладывается на самого воспитанника [1].

Другое, противоположное мнение исследователей, свидетельствует о том, что исключение методов наказания из системы психолого-педагогического воздействия может привести к развитию таких качеств личности как эгоцентризм, завышенная самооценка, невежество, низкая саморегуляция, нарушение коммуникативных навыков и навыков социальной адаптации. Так, в свое время общепризнанный педагог А. С. Макаренко сказал, что воспитание без наказания невозможно [2]. Наказание такой же метод воспитания, как и другие, однако его применение требует большего педагогического мастерства и психологической грамотности. Это как лекарство, которое нужно принимать в крайних мерах с обязательным соблюдением всех инструкций.

Заключение. Таким образом, применение методов наказания при психолого-педагогическом воздействии на личность требует четких и строгих правил, большой эмоциональной выдержки, любви к объекту воспитания, мудрости и психолого-педагогической компетентности. Выше перечисленные качества, на наш взгляд, позволяют оптимально сочетать в практической деятельности многообразный спектр методов воспитания и обеспечивают меру психолого-педагогического воздействия.

Список литературы

1. Байборо́дова Л. В. Теория и методика воспитания. Учебник / Л. В. Байборо́дова, М. И. Рожков. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 384 с.
2. Краевский В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
3. Суворкина Е. Н. Видение Платоном проблемы рождения и воспитания детей / Е. Н. Суворкина // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С. 124 – 129.
4. Хэлл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. Серия «Мастера психологии». – СПб. «Питер», 2000. – 608 с.

УДК 159.99

ИЗУЧЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Ковальчук Н.Н.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
natali_kov.g@mail.ru

Введение. Являясь междисциплинарным феноменом, коммуникативная компетентность исследуется различными научными дисциплинами, и каждая из них видит свой интерес в ее изучении. Нас, прежде всего, интересует развитие коммуникативной компетентности у будущих педагогов. Неоднократно исследователи указывали на необходимость развития коммуникативной компетентности педагогов как профессионально необходимого и важного качества будущего специалиста (Е. М. Кузьмина, Л. М. Войтенко, С. Б. Серякова, Е. В. Филатова и др.).

Коммуникативная компетентность является многоаспектным феноменом, и некоторые исследователи пытаются акцентировать внимание на какой-либо ее особенности. В частности, Т. В. Семеновой выделяется социально-перцептивный аспект компетентности, выделяя в качестве ведущей способности личности к восприятию и пониманию партнера по общению [3]. Некоторыми исследователями рассматривается социально-коммуникативная компетентность личности. В частности, В. А. Корниенко определяет социально-коммуникативную компетентность как сочетание таких компонентов, как способности личности ориентироваться в коммуникативной ситуации, умений и навыков находить адекватную ситуации тему общения, использовать оптимальный коммуникативной ситуации способ общения, конструктивно преодолевать барьеры в межличностной коммуникации [2].

Гончарова К. Э. справедливо отмечает, что уровень развития коммуникативной компетентности находит свое отражение в основных компонентах процесса общения (коммуникативном, перцептивном и интерак-

тивном), каждый из которых определяет в качестве необходимой составляющей наличие: во-первых, профессиональной культуры речи: умение вести диалог, строить монологическое сообщение, грамотно применять профессиональную терминологию; во-вторых, коммуникативной культуры в целом, предполагающей культуру интеллектуальной деятельности, проявления эмоций; в-третьих, коммуникативного поведения, предполагающего оптимальное использование средств и тактик общения, владение общепринятыми нормами и традициями процесса общения [3].

Таким образом, под коммуникативной компетентностью будем понимать сложное социально-психологическое образование, выражющееся в способности человека адекватно определять личностные особенности и эмоциональные состояния партнеров по общению; прогнозировать межличностные события; выбирать и осуществлять адекватные способы общения в процессе социального взаимодействия [1].

В структуре коммуникативной компетентности выделяют мотивационно-ценственный, когнитивный, эмоциональный, организующий (поведенческий) компоненты. При этом следует отметить, что предполагается взаимовлияние, взаимопроникновение компонентов, содержание каждого из них раскрывается через взаимодействие с другими [4]. Нами ранее изучался эмоциональный компонент коммуникативной компетентности будущих педагогов. Остановимся на исследовании особенностей мотивационно-ценственного и поведенческого компонентов данного феномена.

Основная часть. Профессии сферы «человек-человек» предъявляют особые требования к своим представителям. Помимо межличностной толерантности и эмпатии, высокого уровня саморегуляции и отсутствии эмоциональных барьеров в межличностном взаимодействии, входящих в эмоциональный компонент коммуникативной компетентности и изученных нами ранее, исследовательский интерес представляет изучение других ее особенностей.

Для изучения мотивационно-ценственного компонента коммуникативной компетентности мы использовали методику «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях», авторами которой являются И. Д. Ладанов и В. А. Уразаева. Изучение поведенческого компонента коммуникативной компетентности проводилось с помощью методики «Коммуникативные и организаторские склонности (КОС), авторов В. В. Синявского и В. А. Федоришина.

Методика «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях» представлена следующими результатами. Большинство студентов – будущих педагогов характеризуются средний уровень развития гармоничности мотивационных ориентаций. При этом для респондентов характерен высокий уровень ориентации на принятие партнера (54 %) и ориентации на адекватность восприятия и понимания партнера (60 %). Следовательно, большинство будущих педагогов стремятся к общению, основанному на взаимоуважении, внимательном и искреннем

отношении друг к другу, созданию хороших взаимоотношений, к всестороннему обсуждению возникающих проблем и учету различных точек зрения. Шкала «ориентация на компромисс», подразумевающая стремление урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки партнера, представлена преобладающим средним уровнем развития.

Проведение методики «Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей» показало, что значительное количество студентов, принявших участие в исследовании, характеризуются низким уровнем коммуникативных и организаторских склонностей (38 % и 32 % соответственно). Учитывая тот факт, что испытуемые – будущие педагоги, полученные результаты являются настораживающими, поскольку в основе будущей профессиональной деятельности лежит общение в единстве его коммуникативной, перцептивной и интерактивной сторон.

Уровень ниже среднего диагностирован у 12 % испытуемых по показателям коммуникативных склонностей и у 29 % по показателям организаторских склонностей. Средним уровнем развития коммуникативных склонностей характеризуются 19 % респондентов, организаторских склонностей – 7 % респондентов. С данными группами испытуемых необходимо проводить дальнейшую планомерную и систематическую работу по формированию и развитию коммуникативных и организаторских склонностей.

И только около четверти будущих педагогов характеризуются высоким уровнем развития коммуникативных (у 21 % испытуемых) и организаторских (у 25 % испытуемых) склонностей.

Заключение. Проведенное исследование мотивационно-ценостного и поведенческого компонентов коммуникативной компетентности позволяет сделать вывод о недостаточном уровне развития некоторых характеристик личности испытуемых, что предполагает необходимость целенаправленной работы, направленной на развитие профессионально важных качеств будущего педагога.

Список литературы

1. Ковальчук Н. Н. К вопросу формирования коммуникативной компетентности будущих педагогов / Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 277-280
2. Кузьмина Е. М. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.
3. Семенова Т. В. «Юморобика» (тренинг компетентного общения) // Социальная психология комического. – Самара: СГПУ, 2009.
4. Шкиль И. Е. Коммуникативная компетентность студентов технических вузов и ее развитие средствами социально-психологической арт-технологии: дис. ... канд. психол. наук. – Самара, 2014.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Кононенко И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inna.kononenko.1996@mail.ru

В жизни современного человека наблюдается тотальное смешение виртуального и реального миров, реальные вещи и поступки заменяются образами и симуляциями практически во всех сферах деятельности. В опосредованных компьютерных реальностях коммуникативные возможности не скучнее и не проще, чем в реальном социокультурном пространстве. В связи с этим, актуальным остается вопрос осмыслиения виртуального как специфического социального явления, его включение в жизнь современного общества [1].

Рассматривая структуру виртуального общения, были выделены следующие компоненты: «аффективный» с разделением на «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции», «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «личность», «пространство и время», «перцепция». Под «аффективным компонентом» понимается эмоциональная сторона виртуального общения, коммуникативные установки, психические состояния, рефлексивность. Для более детального анализа данного компонента мы также выделили категории «положительная» и «отрицательная» направленность чувств и эмоций присутствующих при опосредованном общении. «Мотивационный компонент» определяет доминирующие мотивы пребывания онлайн, описывает особенности взаимодействия виртуальной коммуникации. «Когнитивный компонент» киберкоммуникации представляет собой целостный процесс, в рамках которого осуществляется обмен информацией, знаниями между пользователями. «Объектность» включает в себя понимание функций, форм виртуального, характеризует восприятие общение через объект (гаджет), сюда относятся его внешний вид и устройство. «Субъектность» предполагает коммуникационную активность, инициативность, виртуальное общение воспринимается глобально, ведь взаимодействие может происходить с большим количеством людей одновременно. Категория «альтернатива реальности» характеризует сам феномен виртуальной реальности, которая описывается идеями «лучшего мира», где происходит освобождение от привычной жизни, переход в другие миры, возможность получить свободу мыслей и действий, а также всецелый контроль над процессом общения, в частности. Компонент «личность» раскрывает моменты, связанные с самореализацией, самопрезентацией себя в киберобщении. Компонент «пространство и время» характеризует индивидуальное восп-

риятие временных рамок данного вида общения, а также ощущение доступности любого и каждого, вне зависимости от расстояния. «Перцепция» – процесс познания одним человеком другого, происходит формирование суждений о намерениях, способностях, эмоциях и мыслях собеседника [2,3].

В исследовании приняли участие 164 испытуемых, из них мужчин – 49 (30 %), женщин – 115 (70 %). Возрастные градации респондентов представлены в следующем соотношении 18-29 лет – 59 (36 %), зрелый возраст 30-50 лет – 54 (33 %), поздняя зрелость 51-75 лет – 51 (31 %).

По формуле А. Н. Алексеева были получены оценки «удельного веса» каждой категории, которые отражены в таблице.

Таблица
Уровень интенсивности представленности категорий

Категории	Укс					
	Вся выборка	Юнош. возраст	Зрел. возраст	Поздняя зрелость	Женщины	Мужчины
Аффективный	7,4	3,6	2,0	2,1	7,9	6,4
Мотивационный	13,6	5,3	4,5	4,4	13,7	13,4
Когнитивный	7,3	2,7	2,6	2,3	7,1	7,8
Объектность	20,2	7,4	6,9	6,8	18,9	23,3
Субъектность	14,8	5,3	5,1	5,1	14,5	15,5
Альтерн.реал.	6,8	3,2	2,3	1,5	7,0	6,4
Простр. и время	3,9	1,3	1,3	1,5	3,8	4,1
Личность	8,0	3,4	2,9	2,0	8,2	7,3
Положит.эмоции	5,7	3,1	1,4	1,3	6,1	4,5
Отриц. эмоции	4,4	2,2	1,1	1,2	4,6	3,9
Перцептивный	7,9	3,4	2,5	2,3	8,1	7,4

Как видно из таблицы наиболее интенсивно представлены компоненты «объектность», «субъектность», «мотивационный», наименее – компоненты «пространство и время», а также компоненты «положительные эмоции», «отрицательные эмоции» в более старших группах испытуемых. Такие данные могут свидетельствовать о том, что виртуальное общение в мировоззрении современных людей отражено в объектах и образах реального мира (телефоны, компьютеры, интерфейсы социальных сетей). Удобство, которое создает объектность, на ряду с этим резко повышает количество свободы действий для человека, то есть увеличивает уровень его субъектности. Субъект, посредством нарастания объектности в мире, получает возможность более полно реализовать свой потенциал. И чем выше степень объектности виртуального общения, тем больше получает субъект возможностей для самореализации, самопрезентации и т.д. [4].

Выраженность «мотивационного» компонента киберкоммуникации предположительно определяет взаимосвязь субъект-объектной диады, и характеризует направленность личности пользователя, его главные тенденции поведения, так как мотивационные состояния личности зависят от объективных обстоятельств, объектов и предметов потребностей

человека, а также от его систем смысловых и ценностных образований, притязаний и других личностных особенностей.

Компонент виртуального общения «пространство и время» в сознании респондентов не выражен, поскольку не предполагает особых затрат ресурсов человека (физических, психологических) в момент коммуникации, в сравнении с реальным общением. В данном случае пользователи сами выбирают, когда ответить на сообщение, кому написать, а пространственные границы стираются за счет видеозвонков, и тем самым личные встречи менее актуальны.

Рассматривая разновозрастные группы испытуемых, стоит отметить, тот факт, что для юношеского возраста выраженным компонентом виртуального общения является «аффективный» с его градациями на «положительные» и «отрицательные эмоции». Также у данной группы достаточно высокий показатель удельного веса по компоненту «альтернатива реальности», а значит в их сознании виртуальное и реальное общение комплиментарные процессы, направленные на масштабный обмен информацией и активное выстраивание межличностных отношений. Отмечается специфика «перцептивного» компонента для юношеского возраста, что говорит об возможностях управления киберкоммуникацией посредством конструирования собственного образа, который презентуется в виде сообщений, изображений, аудио/видео файлами и, в связи с этим каждым участником общения понимается несовпадение образов своего собеседника в реальном и виртуальном пространстве. Компонент «личность» превалирует в группах юношеского и зрелого возраста, что может быть связано с тем, что люди данных возрастных периодов особенно сконцентрированы на самовыражении и самореализации.

Перспективным представляется рассмотреть взаимосвязь компонентов виртуального общения с учетом половых и возрастных категорий.

Список литературы

1. Бочарова Т. А., Бляхер Л. Е. Виртуальность как элемент повседневности// Вестник ТОГУ. – 2013. – № 4(31). – С. 255-262.
2. Волчков Э. Г. Психология общения: учеб. пособие / автор-сост. Э. Г. Волчков; под ред. И. М. Юсупова. – Казань: Академия наук РТ, КФУ. – 2015. – 365 с.
3. Гордеева А. В. Контент-аналитическое исследование структуры образа компьютера // Наука і освіта. – Одеса, 2001. – №6. – С. 138-142
4. Стерледева Т. Д. Субъектность и объектность в аспекте электронной виртуальной реальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 4. – С. 64-68.

САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С НЕПСИХОТИЧЕСКИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ОЖОГОВОЙ БОЛЕЗНИ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

Косенко К.А., Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kado4kaa@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru

Основным фактором для самовыражения, самореализации, самоактуализации и успешной адаптации к различным жизненным ситуациям выступает самоотношение личности. На самоотношение и самосознание личности оказывают влияние различные соматические болезни [1, 2]. В рамках данной работы были рассмотрены ожоговые болезни, возникающие в результате местного действия высокой температуры, а также химических веществ, электрического тока или ионизирующего излучения. В процессе приспособления и адаптации к трудным жизненным обстоятельствам активизируется работа различных копинг-стратегий. Их эффективность будет зависеть от личностных ресурсов, направленных на обеспечение благополучия индивида, решения проблемных ситуаций, поддержания эмоционального равновесия и улучшения общего эмоционального состояния. Поэтому данная категория пациентов является максимально уязвимой в психологическом плане и требует оказания особой психотерапевтической помощи, с учетом возникновения у них непсихотических психических расстройств, а также использования ими различных копинг-стратегий [3, 4].

Целью данного исследования является изучение самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами копинг-стратегий. Объект исследования – самоотношение личности. Предмет исследования – самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами копинг-стратегий. Гипотеза исследования: самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных копинг-стратегий. Психодиагностические методы исследования: методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан»; методика «Исследование самоотношения С. Р. Пантилеева (МИС)»; методика «Шкала депрессии Бека»; методика «Оценка личностной и ситуативной тревожности Ч. Д. Спилберга – Ю. Л. Ханина»; опросник «Выраженность психопатологической симптоматики SCL-90-R»; методика «Диагностика копинг-поведения в стрессовых ситуациях Д. Амирхана». Методы математической статистики: описательная статистика, корреляционный

анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона). *Выборка исследования:* в данном исследовании приняли участие пациенты отделения термических поражений и пластической хирургии Института неотложной и восстановительной хирургии им. В. К. Гусака в количестве – 21 человек в возрасте от 23 до 35 лет.

На основе высоких показателей по шкалам «Тревожность» (3,18), «Депрессия» (3,23) опросника SCL-90-R и высокого уровня депрессии (39,28) по методике А. Т. Бэка, а также высокого уровня ситуативной тревожности (55,71) по методике Ч. Д. Спилберга-Ю. Л. Ханина из 21 пациента нами были выделены 14 человек, которые имеют непсихотические психические расстройства. Полученные показатели позволяют предположить, что данные пациенты большую часть времени находятся в подавленном настроении, а также испытывают трудности в отношениях и взаимодействии с окружающими людьми. Высокий уровень тревоги мешает им адаптироваться к новым условиям, а ситуация, в которой они находятся воспринимается ими как небезопасная. При этом, для большинства из них, в обычной жизни не характерна личностная тревожность. Общий показатель, отражающий уровень психического дистресса, превышает нормативный, что указывает на высокий уровень дискомфорта от симптомов на фоне ожоговой болезни.

Самоотношение, как психологический конструкт, влияет на внутреннюю картину болезни, процесс выздоровления и адаптацию к сложным жизненным обстоятельствам. Результаты по методике С. Р. Пантилеева позволили определить негативную направленность самоотношения пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни. Высокие показатели по шкалам «Замкнутость» (9,22), «Внутренняя конфликтность» (12,93), «Самообвинение» (8,71) и низкие показатели по шкалам «Самоуверенность» (3,43), «Саморуководство» (2,93), «Самопринятие» (2,57) свидетельствуют о том, что испытуемые склонны к чрезмерной самокритике, часто сомневаются в своих способностях, акцентируют внимание на своих недостатках, обвиняют себя во всех промахах и неудачах, имеют проблемы с волевым контролем. Для них характерно проявление защитного поведения и стремление соответствовать общепринятым социальным нормам.

Результаты по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан показали, что пациенты с ожоговой болезнью имеют высокий уровень притязаний по таким шкалам как «Здоровье» (73,29), «Характер» (75,64), «Ум» (79,00), «Авторитет» (71,58), «Самостоятельность» (73,36), «Уверенность» (71,43), средний уровень самооценки по шкалам «Ум» (56,29), «Характер» (51,64), «Самостоятельность» (35,93) и низкий уровень самооценки по шкалам «Здоровье» (25,14), «Авторитет» (38,21), «Уверенность» (24,14). Данные показатели свидетельствуют о том, что общий уровень притязаний для большинства пациентов в разных сферах имеет оптимальные показатели, что указывает на то, что они

могут ставить перед собой реалистичные цели и оценивать свои возможности. Однако, общий уровень самооценки свидетельствует об их неуверенности в себе и в своих возможностях, что делает некоторые из этих целей недостижимыми и провоцирует появление дискомфорта, фruстрации и тревоги.

Высокие показатели по шкале «Избегание» (26,86) и средние показатели по шкалам «Решение проблемы» (18,93) и «Поиск социальной поддержки» по методике Д. Амирхана позволили выяснить, что пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни чаще всего для преодоления жизненных проблем используют пассивную стратегию поведения, а именно – стратегию избегания. Это говорит о том, что в первую очередь они стремятся к избеганию контактов с окружающей действительностью, людьми и уходу от проблемы или проблемной ситуации. Использование данного типа копинг-поведения говорит о том, что пациенты имеют недостаточно развитые личностно-средовые копинг-ресурсы и навыки активного и продуктивного разрешения проблем.

Корреляционный анализ позволил определить, что между показателями выраженности непсихотических психических расстройств, особенностями самоотношения и копинг-стратегиями имеются взаимосвязи, указывающие на то, что высокий уровень личностной тревожности способствует меньшему использованию продуктивных стратегий поведения, направленных на эффективный поиск вариантов решения проблемных ситуаций.

Таким образом, самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни будет иметь негативную направленность, обусловленную использованием непродуктивных копинг-стратегий. Результаты данного исследования могут помочь психологам и психотерапевтам разрабатывать дифференцированные индивидуальные программы психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными копинг-стратегиями и реализовывать их на психологическом, психокоррекционном, психотерапевтическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

Список литературы

1. Вильдгрубе С. А. «Особенности оказания психотерапевтической помощи больным с непсихотическими психическими нарушениями при термических поражениях» / С. А. Вильдгрубе, Г. М. Фирсова // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. – Том 2, № 2-3. –Донецк, 2017. – С. 186-196.
2. Косенко К. А. «Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни» / К. А. Косенко, С. А. Вильдгрубе // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. – Том 9. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 290-293.

3. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. – СПб: Питер, 2011 – 272 с.
4. Яншин П. В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности / П. В. Яншин. – СПб.: Из-во: Питер-Юг, 2014. – 336 с.

УДК 159.964.21

ОПРЕДЕЛЕНИЕ САМОДЕПРИВАЦИИ В ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА

Максименко Е.Г., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

e.maksimenko@donnu.ru

Введение. Научный интерес к проблеме самодепривации сформировался под влиянием опыта глубинной психологии, предметом изучения которой является взаимосвязь человеческого поведения со скрытыми от внешнего наблюдения проявлениями психики: иррациональными побуждениями, влечениями, установками, переживаниями и т.п. При этом глубинная психология ставит своей задачей не только анализ психического, но и обоснование возможностей и способов воздействий на него с целью нивелирования деструктивных тенденций поведения и актуализации личностного потенциала человека [1].

Самодепривация рассматривается нами как процесс отчуждения личности от собственных потребностей. Через близкие по смыслу категории (аскетизм, мистика, трансгрессия, нигилизм, неадаптивность, отчуждение, психологическая импотенция, тенденция к психологической смерти и др.) указывали многие ученые (А. Адлер, Ф. Бэкон, А. В. Брушлинский, Д. Б. Богоявлensкая, Ф. Вольтер, С. Гроф, С.Д. Максименко, В. Райх, Ж.-Ж. Руссо, В. Франкл, З. Фрейд, К.Г. Юнг, К. С. Ясперс, Т.С. Яценко и др.).

В ракурсе нашего исследования важным является вопрос определения самодепривации в поведенческой активности субъекта. Результаты исследования указывают на значительную роль в формировании самодепривации особенностей социализации индивида, воспитательных традиций родителей или лиц, их заменивших, ценностно-мотивационной составляющей референтной группы, морально-нравственные принципы которой ассимилировала развивающаяся личность [1]. Доминирующее влияние на формирование самодепривации оказывают «отвергающие», «непринимающие», «непонимающие» значимые потребности маленького ребенка родители, прежде всего, мать.

Основная часть. Теоретические обобщения позволили обратиться к изучению самодепривации, как явлению парадоксальной адаптации личности, при которой жизненный путь продолжается, однако субъектная

активность направлена не на созидание, а на разрушение либо торможение. При этом деструктивность поведенческой активности личностью, как правило, не осознается. Человек стремится к идеальному результату и невозможность его достигнуть связывает с неблагоприятно складывающимися внешними обстоятельствами или с личностной никчемностью, что эмоционально переживается как чувство вины из-за собственной неполноты [2].

Существенное влияние на понимание феномена самодепривации оказали представления З. Фрейда [4] о том, что невротические расстройства (депрессия, меланхолия, ипохондрия и др.) связаны с утратой либидного объекта, представление о котором из сознательной сферы вытесняется, наряду с неудовлетворенной потребностью в любви к «утраченному» объекту, что в совокупности становится источником мортидной энергии, агрессии, а также идеи Т. Яценко [5] о связи чувства вины со стремлением к самонаказанию,

Опыт взаимоотношений с первичным либидным объектом, связанный с утратой чувства любви как компонента принятия, вызывает агрессивные чувства к объекту и к себе, принимая форму непринятия. В результате все последующие либидные объекты будут нести заряд срашивания любви и агрессии, с непременным исходом утраты. Потеря значимых отношений или профессиональных амбиций всегда будет «пусковым» механизмом, триггером для развития самодепривационных тенденций.

Парадокс заключается в постоянном стремлении к повторению иррационального сценария, связанного с инфантильными желаниями добиться принятия от либидного объекта, который должен быть с обязательной «окраской» агрессора (непринятия, ухода, отвержения и т. д.). В восприятии самого субъекта подобное поведение не является неадаптивным, так как он стремится приблизиться к значимому объекту, мотив принятия которого прослеживается через попытки рационализации действий и отношений значимого окружения, ответственность же за отрицательный результат субъект часто принимает на себя, обесценивая и без того неуверенное слабое «Я».

Многократное повторение сценария приводит к утрате способности любить (безусловно принимать), торможению активности, отказу от социума и к значительной потере самоуважения. Упреки и порицание в свой адрес культивирует самонаказание. Отказ от социума может проявляться как в виде крайней интроверсии, аутичности, так и во враждебности, агрессивных действиях по отношению к другим людям

Тенденция самодепривации тесно связана с принципами удовольствия и долженствования, а также с механизмом «ухода от реальности». Согласно А. Фрейд [3], принцип удовольствия и асоциальное поведение связаны так же крепко, как принцип реальности и социальное развитие. В онтогенетическом развитии психики субъекта стремление к удовольствию вступает в конфликт с требованиями реальности. Следствием этого явля-

ются деструктивные проявления, характерные для детского возраста (жадность, стяжательство, зависть, обидчивость, вспышки агрессии, импульсивные необдуманные действия и др.), обуславливающие десоциализацию.

По нашему мнению, тенденции самодепривации субъекта задаются противоречиями между требованиями внутристихических инстанций «Ид», «Супер-Эго» и социальными требованиями, имеющими полярность «хочу» и «должен». Внутренний конфликт требует разрядки, что выражается у самодепривированной личности в деструктивном поведении, в частности в алкоголизме, наркомании и других аддиктивных формах поведения, когда субъект руководствуется принципом удовольствия, избегая реальности, воспринимающейся требовательной и строго контролирующей инстанцией. Самодепривированная личность субъективно ощущает напряжение, которое на глубинном уровне связано с отношением принципов удовольствия, реальности и долженствования. Устранение напряжения на уровне поведения происходит с помощью различных доступных для индивида возможностей – форм самодепривации – психологические аддикции, психосоматические заболевания, асоциализация, десоциализация, депрессия, невротические расстройства, моторные нарушения и др.

Заключение. Таким образом, формы самодепривации зависят от социально-психологических условий развития и формирования личности. Самодепривация становится фундаментом личностных проявлений, при плохо контролируемых ситуациях, особенно если формируется аддиктивное поведение. Ощущение психологического комфорта требует повторения, отбрасывая воспоминания травмирующих ситуаций, негативных переживаний в прошлое, что создает возможность забыть, вытеснить, уйти от невыносимых представлений травмирующего опыта прежних объектных отношений в мир искусственно созданной реальности, в которой субъект получает определенное собственное пространство и возможность, пусть и парадоксальной, но самореализации.

Список литературы

1. Максименко Е. Г. Развитие личности в условиях родительской депривации. Истоки феномена самодепривации: Учебное пособие / Е. Г. Максименко. – Донецк: ИПО ИПР УМО, 2013. – 110 с.
2. Максименко Е. Г. Глубинная психокоррекция самодепривации личности: монография / Слов'янськ: Вид-во Б. Маторіна, 2016. – 350 с.
3. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа / А. Фрейд ; пер. с англ. и нем.: в 2-х т. – Москва: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 1999. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 400 с.
4. Фрейд З. Либидо / З. Фрейд; пер. с нем. – Москва: Гуманитарий, 1996. – 477 с.
5. Яценко Т. С. Глибинне пізнання самодепривації психіки майбутнього психолога / Т. С. Яценко, В. І. Бондар. – Київ: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2016. – 384 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Мельникова Е.И., Руденко С.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
melnikova_katya2002@mail.ru, s.rudenko@donnu.ru

Введение. Вот уже более двух лет люди всего мира живут в условиях пандемии. Каждый день короновирусная инфекция COVID-19 забирает жизни и здоровье, влияет на сознание человека и сопряжена с постоянными ситуациями неопределенности [3]. Недостаток защитных средств, проблемы с адекватным лечением, а также сугубо человеческий фактор – усталость, напряжение, – индуцируют негативные эмоциональные состояния у населения [5].

На данный момент ценностно-смысловая сфера личности претерпевает изменения. Такие структурные единицы личности, как ценности, установки, нормы, позволяют анализировать все виды деятельности человека, объясняют смену его внутренних психологических побуждений. Конструктивная роль личностных ценностей наиболее явно выступает при интерпретации моральных решений и процессов личностной регуляции принятия решений. Ф. Е. Василюк признает, что на определенном этапе ценности приобретают форму смыслообразующих мотивов. Смыслы производят и отражают ориентации человека, его смысл жизни, отношение к другим людям и себе. Поиск новых смыслов жизни, преодоление человеком трудных жизненных событий непременно связаны с деятельностью, направленной на восстановление душевного равновесия, утраченной осмысленности существования, словом – на производство смысла [4].

Так как ценностно-смысловая сфера личности формируется, развивается и изменяется при воздействии явлений внешнего мира, что может приводить к разрушению и формированию новых ценностей, смыслов, установок, необходимым является ее изучение в условиях пандемии, которая влияет на сознание людей каждый день на протяжении длительного времени [1, 2].

Целью данного исследования является изучение трансформации ценностно-смысловой сферы в условиях пандемии у людей юношеского возраста.

Основная часть. В данной работе представлены результаты сравнения двух психодиагностических срезов ценностно-смысловой сферы личности, осуществленных в феврале и сентябре 2021 года на одной и той же выборке. Количество испытуемых составило 20 человек в возрасте 18-23 года.

Психодиагностические методы исследования: методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), методика «Тест жизнестойкости» С. Мадди

(в адаптации Д. А. Леонтьева), опросник «Шкала оценки влияния травматического события» (ШОВТС) Д. Вейса, методика «Оценка нервно-психического напряжения» (НПН) Т. А. Немчин, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева.

В ходе изучения системы ценностных ориентаций испытуемых с помощью методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич) были выявлены высокие показатели по следующим шкалам терминальных ценностей: «Здоровье» (11,70), «Материально обеспеченная жизнь» (9,63), «Развитие» (10,26), «Свобода» (10,97). Сравнительные данные представлены на графике (рис. 1).

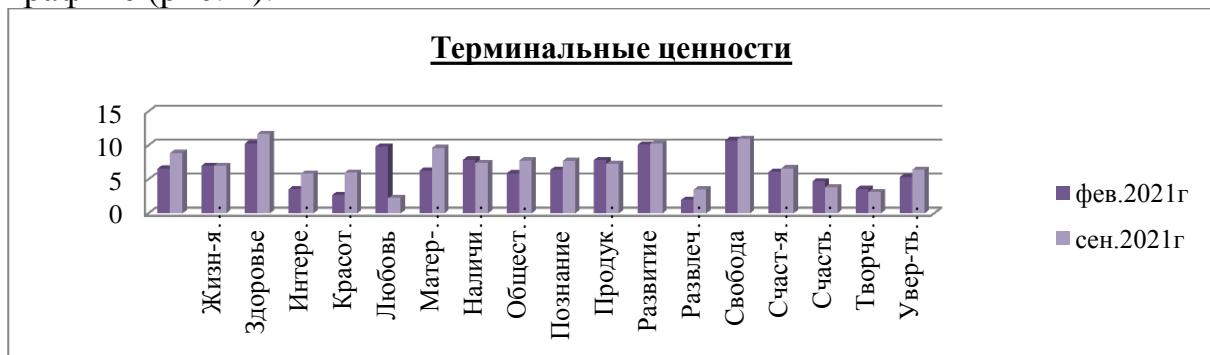

Рис 1. График выраженности терминальных ценностей по методике «Ценностные ориентации» (М. Рокич)

Данные показатели свидетельствуют о том, что для испытуемых представляет ценность физическое и духовное развитие, а также, по сравнению с прошлыми показателями, большую значимость приобрело отсутствие материальных затруднений, при этом значительно снизилась ценность в любви (2,26).

По шкалам инструментальных ценностей: «Аккуратность» (10,63), «Образованность» (10,04), «Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов» (9,52), «Честность» (9,96) можно говорить о том, что для испытуемых доминирующими ценностями по-прежнему остаются общение и самоутверждение.

Перейдем к характеристике жизнестойкости испытуемых. У испытуемых была выявлена средняя выраженность компонентов «Вовлеченность» (31,89) и «Контроль» (28,22). Опираясь на полученные данные можно предположить, что испытуемые, по-прежнему, вовлечены в стрессовое событие и противоборствуют стрессовым факторам. Так же при повторном исследовании выявлены высокие показатели по компоненту «Принятие риска» (20,52). Это дает возможность предполагать, что на данный момент испытуемые в большей степени рассматривают жизнь как способ приобретения опыта, они готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности, обещающим жизнь личности.

Общий показатель шкалы «Жизнестойкость» составил (76,70), что указывает на средний уровень жизнестойкости испытуемых. Данный

показатель остался неизменным. Это дает нам возможность говорить о том, что испытуемые способны совладать с собой в стрессовых ситуациях.

Применение опросника «Шкала оценки влияния травматического события» (ШОВТС) Д. Вейса дало следующие результаты. Шкалы «Вторжение» (8,52) и «Физиологическая возбудимость» (9,81) имеют низкий уровень выраженности, шкала «Избегание» (13,07) – средний уровень, общий показатель влияния травматического события составляет (31,11). Данные по шкалам остаются неизменными. Это указывает на то, что качество жизни респондентов остается сниженным, но при этом фактор пандемии не отражается на сегодняшнем уровне стресса респондентов.

Методика «Оценка нервно-психического напряжения» (НПН) Т. А. Немчин дала нам возможность определить уровень психической напряженности испытуемых в условиях пандемии COVID-19, который, по полученным нами данным, остается умеренным (средний показатель по выборке – 50,15 баллов). У испытуемых наблюдается мобилизация психической деятельности, повышение активности соматического функционирования и чувство подъема моральных, душевных и физических сил испытуемых.

Использование теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева позволило нам получить следующие показатели (по шкалам): «Цель в жизни» (30,11), «Процесс жизни» (28,81), «Результативность жизни» (23,19), «Локус контроля-Я» (19,81), «Локус контроля-жизни» (26,93). Данные показатели имеют средний уровень выраженности. Данные представлены на графике (рис. 2).

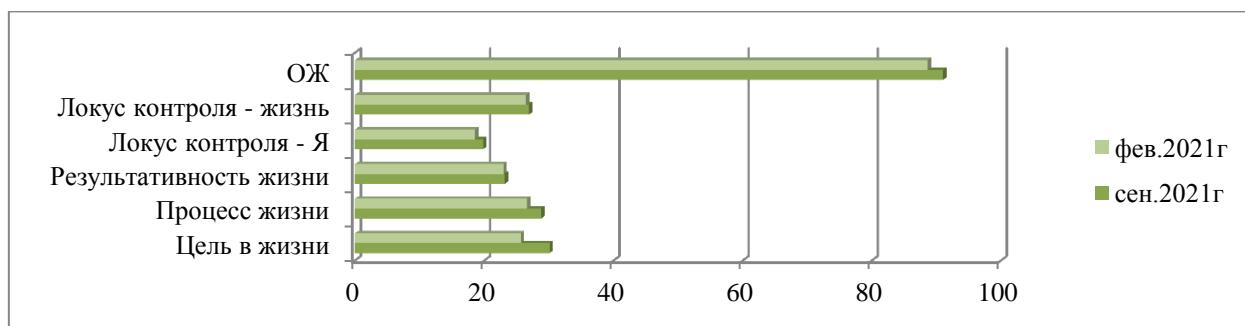

Рис 2. График выраженнойности источников смысла жизни и общий показатель осмысленности жизни по методике (СЖО) Д. А. Леонтьева

Показатели цели жизни и процесса жизни сейчас имеют средние показатели, что отличается от более низких результатов по указанным шкалам ранее проведенного нами исследования. Можно предполагать, что испытуемые уже ставят цели, но не на дальнюю перспективу, не склоняются к бессмысленному загадыванию на будущее. Остальные показатели остались неизменными, что дает возможность говорить об удовлетворенности респондентов прожитым отрезком своей жизни, достаточной свободой выбора и стремлением строить свою жизнь в соответствии с поставленными целями.

Выводы. Таким образом, на данный момент для испытуемых представляет наибольшую актуальность и ценность имеет физическое и духовное развитие, а также отсутствие материальных затруднений. Качество жизни на данный момент остается неизменным, при этом они проявляют достаточно высокую стрессоустойчивость и ставят цели на ближайшее будущее. Результаты данного исследования могут использоваться в психологическом консультировании, а также лечь в основу дальнейших психологических исследований для прослеживания динамики ценностно-смысловой сферы лиц юношеского возраста, их стрессоустойчивости по окончанию пандемии.

Список литературы

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. / Д. А. Леонтьев. – Москва, 2007. – 511 с.
2. Магомед-Эминов М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. – 1996. – №4. – 26-35 с.
3. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения / С. Мадди // Психол. журн. – Москва. – 2005. – Т. 26. – № 6. – 85-111 с.
4. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности: Учебное пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с.
5. Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID19. – Текст: электронный // Изд-во «Институт психологии РАН». – Москва, 2020. – URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения 25.05.2020).

УДК 159.9:355.23

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Могилевская В.Ю.

ГОУ «Приднестровский государственный университет», г. Тирасполь, ПМР
victoriya14025@mail.ru

Введение. Современные условия пандемии привели к росту напряженности и уровня стресса всего населения Приднестровья. Однако, напряжение испытывают специалисты помогающих профессий (врачи, психологи и пр.), а также представители силовых структур (милиция и военнослужащие). Для некоторых из них, устойчивость к стрессам является важнейшим профессионально-важным качеством. Так, среди большого числа различных требований, предъявляемым к будущим кадровым военным особое внимание уделяется стрессоустойчивости,

способности эффективно и качественно выполнять задания военной службы вне зависимости от ее условий.

Основная часть. Стрессоустойчивость как психологический феномен рассматривался в трудах таких исследователей, как Г. Селье, В. Л. Марищук, А. А. Реан, Л. А. Попова, О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов, Е. П. Ильин, А. А. Китаев-Смык, В. А. Бодров, В. И. Евдокимов и др. Анализ стрессоустойчивости военнослужащих проводили Ю. М. Захаров, Р. В. Кадыров, Ю. И. Погодин, В. С. Новиков, А. М. Шевцов, В. А. Пономаренко, Р. А. Абдурахманова, М. Я. Дьянченков, В. Л. Марищук, А. В. Метелев, О. В. Акимова и пр. В их исследованиях стрессоустойчивость раскрывается как совокупность качеств, позволяющих личности переносить серьезные, высокие и значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки, обусловленные особенностями профессиональной деятельности.

По Китаеву-Смыку Л. А. стрессоустойчивость – это целостное качество, затрагивающее все уровни жизнедеятельности человека. Исследователь описывает две наиболее общие формы поведенческой активности при кратковременных, но достаточно интенсивных воздействиях: активно-эмоциональную и пассивно-эмоциональную [2, с. 268]. Структурным компонентом стрессоустойчивости является поведенческая активность. Согласно Марищук В. Л. и Евдокимов В. И. она проявляется у личности в экстремальных условиях, которыми является ситуация военной подготовки. Авторы указывают, что при воздействии стрессоров первая – выражается в импульсивных, несвоевременных действиях, в утрате либо разрушении выработанных ранее личностью навыков, в повторении неадекватных двигательных реакций. Вторая форма поведения проявляется замедленностью действий вплоть до развития ступорозного состояния [3, с. 67].

Метелев В. А. показал, что военная служба постоянно связана с повышенным повседневным и служебно-боевым напряжением, применением специальных средств, риском для жизни, последствиями природного и техногенного характера имеет одну из самых высоких стрессовых нагрузок [4]. Акимова О. В. пишет, что длительные служебные командировки, повседневная служба требуют от военнослужащих и определенной психологической подготовки [1].

В центр нашего внимания в связи с этим, вошло исследование стрессоустойчивости и стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях курсантов военного института. В выборку нашего исследования вошли курсанты Военного института им. А. И. Лебедя Приднестровской Молдавской Республики ($N=54$), профиль подготовки «Мотострелковые и артиллерийские войска», в возрасте 18-25 лет.

Специфика воинской подготовки предполагает высокий уровень стрессоустойчивости и оптимальные стратегии поведенческой активности в стрессовых условиях. Методика исследования включала применение методики «Тест самооценки стрессоустойчивости» С. Коухена и

Г. Виллиансона, и методику «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях» Л. И. Вассермана и Н. В. Гуменюка. Математическая и статистическая обработка данных производилась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Анализ результатов методики «Самооценка стрессоустойчивости» показали, что у 13 % курсантов оценивают свою стрессоустойчивость как «отличную». Хороший уровень стрессоустойчивости продемонстрировали 4,3 % обучающихся в военном институте. Треть курсантов (32,6 %) оценили свою устойчивость к стрессу как «удовлетворительную». Большинство обучающихся военного института (50 %) показали «плохой» показатель. Наименьшая доля респондентов (2,1 %) демонстрируют показатель «очень плохой». Таким образом, можно обобщить, что у курсантов военного института преобладает плохой и удовлетворительный показатель самооценки уровня стрессоустойчивости.

Анализ данных по методике «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях» показал, что у курсантов военного института доминирует промежуточный поведенческий тип АБ (78,26 %), характеризующийся активной и целенаправленной деловитостью, разносторонностью интересов, эмоциональной стабильностью и предсказуемостью в поведении, хорошей приспособляемостью к различным видам деятельности. Более низкий показатель диагностируется у поведенческого типа Б1 (13,04 %) для него характерна рациональность, неторопливость, они чередуют работу и отдых, отсутствие состояния эмоционального напряжения. Наименьшая доля курсантов показала преобладание поведенческого типа А1 (4,34 %), для которого характерна повышенная деловая активность, напористость, быстрое принятие решений, неустойчивость настроения и поведения в стрессонасыщенных ситуациях, стремление к соревновательности.

Анализ показывает некоторую противоречивость полученных результатов, согласно которым курсанты оценивают в большей степени свою стрессоустойчивость как удовлетворительную и плохую, на фоне преобладания смешанной (относительно благоприятной) стратегии поведения в стрессовой ситуации. Математико-статистический анализ показал, что коэффициент корреляции (0,113) не вошел в зону значимости, поэтому можно сделать вывод о том, что показатель самооценки уровня стрессоустойчивости не связан с типом стратегии поведения в стрессовой ситуации. Очевидно, что курсанты не вполне точно представляют резервы своей стрессоустойчивости и недостаточно объективно смогли оценить свою способность преодолевать стрессовые ситуации на фоне достаточно благополучной ситуации с выбором поведенческих стратегий.

Заключение. Результаты нашего исследования показывают необходимость проведения психолого-просветительской работы с курсантами военного института, в ходе которой, необходимо раскрывать сущность и содержание понятия стрессоустойчивости, стратегий поведения в стрес-

свой ситуации, оказывать консультативную помощь в плане выработки у себя психологических качеств, необходимых для противодействия стрессам на воинской службе. Помимо этого, существует необходимость подготовки программы психолого-педагогического сопровождения курсантов военного института по укреплению и развитию стрессоустойчивости.

Список литературы

1. Акимова О. В. Стрессоустойчивость и преодоление стресса в профессиональной деятельности военнослужащих / О. В. Акимова // Актуальные проблемы самореализации личности в современном обществе. – Псков, 2017. – С. 6-15.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – М., 1980. – 368 с.
3. Марищук В. Л. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / В. Л. Марищук, В. И. Евдокимов. – М., 2001. – 94 с.
4. Метелев Е. А. Стрессоустойчивость как основа профессиональной защищенности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту / Е. А. Метелев // Международный научно-исследовательский журнал. Педагогические науки. Выпуск: № 10 (52) Часть 3, 2016. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/stressoustojchivost-kak-osnova-professionalnoj-zashhishhyonnosti-voennosluzhashhix-proxodyashhix-voennuyu-sluzhbnu-po-kontraktu/>
5. Шамов Ю. В. Особенности стрессоустойчивости курсантов военного института / Ю. В. Шамов, В. Ю. Могилевская // Актуальные проблемы современного психолого-педагогического образования. – Тирасполь, 2019. – С. 215-219.

УДК 159.9.07

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Набатова С.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sofya.nabatova@yandex.ru

В процессе жизни, непрерывного отражения окружающей действительности, каждый человек создаёт определённую субъективную картину мира, которая в различной степени может быть адекватна объективному миру. При этом в обыденном понимании существует единственный, самостоятельный и бесконечный мир, хотя на самом деле можно утверждать, что существует столько же миров, сколько людей и культур.

Феномену картины мира субъекта посвящали свои труды такие учёные как В. И. Вернадский, Л. Ф. Кузнецова, И. Лакатос, Т. Г. Лешкевич, Л. А. Микешина, Т. Нагель, К. Поппер, В. С. Стёпина и др. В качестве одного из положений ими выдвигался тезис о том, что целостный образ мира формируется на базе всех типов картины мира.

В своей публикации «Бытие и сознание. Человек и мир» (1957 г.) С. Л. Рубинштейн ввёл в научный обиход понятие «образ мира».

Разностороннее описание данного феномена и уточнение термина было проведено отечественным исследователем А. Н. Леонтьевым. Образ мира он рассматривал в качестве сложного многоуровневого образования, обладающего системой значений и полем смысла.

В различных психологических направлениях теории и практики используются разные понятия для обозначения совокупности представлений человека об окружающем мире и своём месте в нём, о других людях и о самом себе. В качестве примера можно привести следующие термины: «модель мира» (Дж. Брунер), «картина сознания» (Ж. Пиаже), «система личностных конструктов» (Дж. Келли), «семантическое пространство» (Ч. Осгуд), «внутренний мир человека» (Б. Г. Ананьев), «образ мира» (А. Н. Леонтьев), «структура субъективного опыта» (Е. Ю. Артемьева) [1]. Рассмотрим данные понятия более детально.

Модель мира по Дж. Брунеру – это единая система определённых ожиданий, исходя из которой человек формирует конкретные гипотезы [2].

Субъективное семантическое пространство по Ч. Осгуду – это модель категориальной структуры индивидуального сознания человека, представленная в виде математического пространства (координатные оси – основания категоризации, координатные точки – значения той или иной содержательной области) [5].

Личностный конструкт по Дж. Келли – это эталон оценки и классификации явлений и объектов по принципу их сходства или различия, создаваемый субъектом [4].

Картина сознания по Ж. Пиаже – это развитие системы психических действий от одной стадии к другой (данное понятие исследователь рассматривал в рамках детской психологии) [6].

Внутренний мир человека по Б. Г. Ананьеву – это специфическая подструктура, составляющая часть сознания, обеспечивающая системность и целостность всех психических свойств [3].

Субъективный опыт по Е. Ю. Артемьевой – это определённые структуры, которые способствуют организации и хранению истории субъективных деятельности, т.н. «следов» различных видов деятельности. Е. Ю. Артемьева считает, что картина мира личности состоит из эмоционально-оценочных выражений отношения человека к образам объектов внешнего мира [1].

А. Н. Леонтьев использовал понятие *образа мира* в своих работах с целью решить трудности обобщения большого эмпирического материала в области психологии восприятия, комментируя это следующим образом: «в психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» (Леонтьев А. Н., 1975).

Дальнейшие отечественные исследования (В. В. Петухова, С. Д. Смирнова и др.) были посвящены расширению понятия образа мира до интегрального образования познавательной сферы личности. В этих

трудах были выделены такие характеристики картины мира как начальная целостность, активность и одновременность предпосылки и результата познавательного процесса. На данный момент активно осуществляются исследования структурных компонентов картины мира (систем смыслов и значений) в рамках психологии субъективной семантики (Е. Ю. Артемьева, В. П. Серкин, Ю. К. Стрелков) и психосемантического подхода (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелёв).

На современном этапе развития психологической науки существуют две основные точки зрения на соотношение понятий «образ мира» и «картина мира»: одни исследователи их разделяют, другие – считают их взаимозаменяемыми. С. Д. Смирнов однозначно разделяет данные категории, аргументируя это следующим образом: «...образ мира имеет характер ядерной структуры по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде той или иной модально оформленной и, значит субъективной картины мира». По его мнению, основанием для разделения понятий образа мира и картины мира является выделение поверхностных и ядерных структур психики [7]. Подобной точки зрения придерживается В. В. Петухов, который термином «образ мира» обозначает представление человеком мира, а понятием «картина мира» – его знания о мире.

Можно сделать заключение, что исследователи, разделяющие категории образа мира и картины мира, под первым подразумевают ядерные структуры сознания, отражающие наличные связи человека с окружающей действительностью и независящие от рефлексии; а под вторым – поверхностные структуры построения представлений о мире, связанные с процессом познания.

«Картина мира» и «образ мира» употребляются в качестве синонимичных понятий в философских и психологических трудах таких исследователей как Л. И. Гришаева, М. К. Попова, О. В. Пыжова, Н. Е. Сулименко, А. Т. Хроленко, В. П. Яссман. Так, О. В. Пыжова объясняет свою точку зрения следующим образом: «в различных современных гуманитарных науках они (категории «образ мира» и «картина мира») очень часто используются как тождественные, равнозначные, синонимичные, и выбор употребления обусловлен, в большинстве своём, лишь их коннотативными и стилистическими особенностями» [8].

Таким образом, наиболее близким понятию «картина мира» в психологии и философии является понятие «образ мира», но при этом некоторые исследователи разделяют их. Наиболее точное определение картины мира личности можно сформулировать на основании размышлений отечественных учёных (в первую очередь, А. Н. Лентьева). Так, *картина мира* – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой».

Список литературы

1. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: ЛКИ, 2007. – 136 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 782 с.
3. Даниленко О. И. Б. Г. Ананьев о противоречивости развития человеческой индивидуальности / О. И. Даниленко // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 4. – С. 61-65.
4. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов / Дж. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
5. Осгуд Ч. Метод семантического дифференциала в сравнительном исследовании культур / Ч. Осгуд // Социология: методология, методы, математическое моделирование – 2012. – № 34. – С. 172-201.
6. Пиаже Ж. Психология интеллекта: Пер. с франц. / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
7. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вестник Моск. ун-та. – Серия 14: Психология. – 1981. – №2. – С. 15-29.
8. Пыжова О. В. Образ мира versus картина мира: ступени культурфилософской концептуализации / О. В. Пыжова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12 (62). – С. 165-168.

УДК 153.32 + 154.9 + 155.458

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНСТРУКТА «ОБРАЗ ЖИЗНИ» В КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛИЧНОСТИ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

inn1769@mail.ru

Постановка проблемы. Разработка категории «личность» имеет свою методологическую хронологию и представлена двумя этапами. Первый (конец XIX ст. – начало XX ст.) представляет личность на уровне ее функционально-структурных характеристик и относится к классическому периоду развития психологии. Второй этап (вторая половина XX ст. – начало XXI ст.) отражает системное осмысление накопленных эмпирических данных на основе принципа спонтанной субъектной активности личности, вследствие чего, оформляется метасистемная модель изучения человека. Акцент здесь ставится на прогностичности и качественных методах познания, а саму категорию «личность» помещают в поле междисциплинарных исследований.

Отметим, что традиционный системный подход – это метод изучения устойчивых систем, находящихся в режиме равновесного (линейно-

прогностического) функционирования. Признание же того факта, что личность трансформируется не только под воздействием внешне заданных социокультурных условий, но и способна к спонтанной самодетерминированной перестройке собственных ценностно-смысовых структур, означает, что необходимо качественно модернизировать методологию ее исследования. Ориентируясь на симбиоз системного и синергетического подходов к изучению личности как неравновесной биопсихической системы, ее следует, во-первых, представить как метасистему в режиме неравновесного развития (кибернетическая модель). Во-вторых, если личность понимается как многомерная психическая реальность, включающая в себя явления разных уровней детерминации, то в ее научное описание необходимо ввести комплексные междисциплинарные конструкты (социально-интегративный подход).

В этой связи, представляется, что «ядром» исследований, объединяющих кибернетическую модель и социально-интегративный подход, должна стать проблема описания взаимодействий индивидуальности и социума, что, в контексте деятельностного подхода к пониманию психики и поведения может воплощаться в использовании конструкта «образ жизни».

Аналитическая дескрипция поставленной проблемы. Как известно, основными и наиболее часто используемыми категориями социально-психологического анализа личности являются: стиль жизни, образ мира, жизненный путь личности и субъективное качество ее жизни [1; 2; 4]. Тем не менее, при всей многогранности репрезентативных возможностей, перечисленные понятия интегрально не отражают социальные, культурные и биологические составляющие субъектного бытия в контексте разворачивания переменной «время», то есть, в соответствии с представлениями о самодвижении и саморазвитии личности как субъекта самодетерминации [1]. В рамках этих понятий личность сфокусировано не отражается как зона смысловой интеграции различных жизненных систем к которым она принадлежит, что не позволяет понять внутренние механизмы функционирования человека в системе «личность-культура-общество» и эффективно влиять на жизненный уклад (значимое поле проблем для девиантологии, педагогики, психокоррекции и т.п. влияний) [3; 5]. Согласно Ф. Капра, в существующих теориях личности одновременно не представлены три различные, но неразделимые точки зрения на феномен жизни: паттерн, структура и процесс [3]. Представляется, что все эти задачи можно решить, если использовать в процессе качественного анализа личности конструкт «образ жизни».

Обоснование идеи. Образ жизни как объект анализа в психологических исследованиях использует редко, его определения краткие и слабо методологически проработаны [2; 6]. Поэтому, предлагается расширить его понимание и рассматривать образ жизни как субъективно форми-

руемую модель жизнедеятельности, опосредованную субъективным мировоззрением человека. Так, если цели и ценности порождают отношение человека к различным сторонам обыденной реальности, а мотивы и мотивация это порождение того, что цели и ценности воплощаются в конкретной деятельности, то сама деятельность в данном случае, будет иметь свой определенный операциональный и смысловой формат. Применительно к пониманию жизни как процесса в рамках определенных периодов постоянства заданных жизненных условий (социального дискурса) модель жизнедеятельности как определенный жизненный формат может пониматься как устоявшаяся (но не изначально заданная и константная) модель образа жизни человека. Это подвижный процесс, объединяющий реализацию паттерна (мировоззрения) и структуру (жизненный опыт) в единое целое в рамках внешне заданных характеристик жизни.

Воплощение жизненных архиценностей и архицелей в конкретных жизненных условиях порождает определенные жизненные смыслы (предельные) и воплощается в ценностно-смысловой (мировоззренческой) направленности личности как форма субъективного отношения к жизни в целом. Если мировоззрение это просто система субъективного отношения к себе, к другим, к миру предметных вещей и социальных явлений, то образ жизни – это субъективная модель жизненных взаимоотношений в рамках использования мировоззренческой системы в конкретных жизненных условиях.

Поэтому, предлагается понимать образ жизни как модель взаимодействия индивида и окружающих в определенных обстоятельствах (экономических, политических, правовых, социально-культурных и т.д.), как процесс изменения потребностей и интересов личности, как систему ее устойчивых способов организации своей жизнедеятельности в рамках определенных общественных отношений и социальных функций, как дихотомическое по отношению к образу мира понятие и как механизм смыслообразования.

Референтами функциональной структуры конструкта предлагается рассматривать: ценности и смыслы, апперцептивный опыт, самосознание, идентичности и стереотипы жизни личности. Копинг-стратегии, установки и автоматизмы поведения, стили деятельности, когнитивные стили, эмоциональные характеристики поведения и рефлексивные процессы предлагается относить к референтам эмоционально-динамической структуры конструкта.

Вывод. Конструкт «образ жизни» предоставляет психологу широкие диагностические возможности для прогностического анализа личности, а также для проведения качественных и комплексных ее исследований. Образ жизни позволяет содержательно раскрыть интрапсихологический механизм ценностно-смысловой трансформации внутреннего мира человека и усвоения им социального опыта.

Конструкт системно отражает весь спектр онтологических модальностей проявления личности – ее генезис, динамику, содержание и структуру. При этом, образ жизни не эквивалентен мировоззрению, так как образ жизни – это деятельность по разворачиванию мировоззрения в конкретных жизненных условиях. Используя конструкт можно не только прогнозировать, но и эффективно влиять на модель жизненного уклада человека, что расширяет возможности необходимого психокоррекционного вмешательства.

Список литературы

1. Белик А. А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии / А. А. Белик. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 429 с.
2. Зараковский Г. М. Психологические факторы качества жизни людей / Г. М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
3. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – К.: София; ИД «Гелиос», 2002. – С. 21-34.
4. Мадди С. Теории личности. Сравнительный анализ / С. Мадди. – Спб: Изд-во «Речь», 2002. – С. 140-190.
5. Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции / В. Ф. Турчин. – М.: Прогресс, 2000. – С. 20-32, 42-57.
6. Юревич А. В. Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии / А. В. Юревич // Труды Ярославского методологического семинара (Методология психологии). – М.: Изд-во РАО, 2003. – С. 349-357.

УДК 153.32 + 154.9 + 159.923-053.6:130.159:59

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕМЬИ И ПРОЯВЛЕНИЙ ГЕТЕРОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

***Некрасова И.Н.¹, канд. психол. наук, доц.,
Данилова Е.М.², Фролова И.А.³***

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет», г. Донецк, ДНР

³Республиканская клиническая психиатрическая больница № 1, г. Донецк, ДНР
inn1769@mail.ru, e.m.danilova@bk.ru

Постановка проблемы. Вызывают тревогу прогрессирующая жестокость и агрессия поведения несовершеннолетних. Рассматриваясь как результат разных социальных и психопатологических причин (дефекты воспитания, деформации образа жизни родительской семьи, акцентуации и психопатии характера), в литературе гетероагgression не представлена единой точкой зрения относительно механизмов своего возникновения и коррекции.

Так, некоторые авторы рассматривают гетероагgressionю как поведение, содержащее угрозу моральному или физическому благополучию других [3], что не всегда является следствием злых намерений и может рассматриваться как социальная неосторожность [1; 3]. Согласно К. Лоренцу, К. Г. Юнгу, З. Фрейду, А. Адлеру агрессия может быть неосознаваемой и псевдокомпенсаторной, это инстинктивная форма социальных реакций, актуализирующаяся без какого-либо внешнего стимула [3]. Как следствие фruстрации (невозможности справиться с ситуацией) рассматривал агрессивное поведение Д. Доллард, на роль социально-оперантного обучения указывали Л. Берковиц, А. Бандура и др. [1; 3]. Гуманистическая концепция гетероагgressionии: вынужденный защитный ответ индивида на ограничение его свободы [3]. Выделяются *функциональный* (модель поведения) и *предметный* (направленность) компоненты анализа, признаются различные *формы* агрессии (вербальная, физическая, прямая, косвенная, инструментальная), дифференцируются ее *предпосылки* (социальные, психопатологические, психологические), а также *природа* (врожденные или приобретенные свойства личности) [2].

Методология исследования. Как системное социально-психологическое свойство личности, гетероагgression подростков часто сопряжена с деструктивным укладом жизни в родительской семье: психическая патология родителей, деформации образа жизни и ценностно-смысловых ориентиров. Цель исследования: изучить взаимосвязь психологических особенностей образа жизни родительской семьи и проявлений гетероагgressionи в подростковом возрасте.

Отметим, что образ жизни как способ воспроизведения смысловой направленности жизни семей испытуемых репрезентативно представлен через набор (интра-)интерпсихологических переменных, репрезентирующих *эмоционально-динамический* компонент анализа и *социально-функциональную* направленность модели образа жизни. В исследовании референтами *эмоционально-динамического* компонента выступили: эмоциональные характеристики, содержательная направленность копинга как устоявшиеся характеристики поведения родителей в сочетании с принятыми в семьях испытуемых моделями детско-родительских отношений. *Социально-функциональный* компонент представлен анализом специфики культурных интересов, социальной направленности семьи (избирательно представлено в исследовании отношением к труду и отдыху, к жизненным трудностям). Референты оценки агрессивного поведения: уровень, направленность и формы проявления агрессии.

В исследовании коррелировались результаты в родительской (98 испытуемых) и подростковой группах, в том числе с разделение на контрольную и экспериментальную подгруппы (агрессивные (АП)/неагрессивные подростки (НАП)) по 30 испытуемых (U-критерий). Использовались методики: «Стратегия преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолл, анкета для родителей, «Диагностика межличностных

отношений» Т. Лири, «Диагностика показателей и форм агрессии» А. Басса-А. Дарки. Использовалась матстатистика: корреляционный анализ, У-критерий Манна-Уитни.

Эмпирический анализ. Исследование показало, что социально-функциональные и эмоциональные характеристики модели образа жизни родительской семьи идентичны предпочтаемым моделям социального поведения подростков. Стратегия преодоления стрессовых ситуаций, избираемая родителями, значимо положительно связана с избираемыми подростками стратегиями поведения и эмоциональностью предпочтаемых моделей копинга (Ккорр=0,535 для группы АП и Ккорр=0,623 для группы НАП при $p=0,05$ по показателю «ассертивное поведение», Ккорр=0,435 для группы АП и Ккорр=0,623 для группы НАП при $p=0,05$ по показателю «вступление в социальный контакт»). При этом, чем ярче в поведении родителей выражены модели реагирования «импульсивность», «избегание», «асоциальные действия», «агрессивные действия», тем в большей мере подобные модели социальных реакций, как устоявшиеся способы взаимодействия с окружающими, сформированы в поведенческом репертуаре гетераагрессивных подростков (Ккорр=0,487 для группы АП и Ккорр=0,504 для группы НАП при $p=0,05$ по показателю «импульсивность»; Ккорр=0,634 для группы АП и Ккорр=0,498 при $p=0,05$ по показателю «избегание»; Ккорр=0,72 для «асоциальные действия» и Ккорр=0,596 «агрессивные действия» для группы АП при $p=0,05$). Для группы НАП значимых корреляций по перечисленным показателям выявлено не было.

Сопоставление корреляций между уровнем выраженности агрессии и уровнем выраженности стилей детско-родительских отношений в семье показало, что такие модели межличностных отношений подростков как «агрессия», «авторитарность», «подозрительность» и «раздражительность» в наибольшей степени коррелируют с такими поведенческими характеристиками образа жизни семьи агрессивных подростков как «авторитарная гиперсоциализация» (Ккорр=0,439) и «отвержение» (Ккорр=0,598) при $p=0,05$. В контрольной группе НАП корреляции между подобными показателями родительского и подросткового поведения не выявлено.

Аналогичные тенденции связи выявлены при сопоставлении типов отношения к себе и к другим по методике Т. Лири для подростков и для их семей. Так, если наиболее типичными поведенческими характеристиками образа жизни семьи как системы устоявшихся отношений с окружающими являются «подозрительность», «авторитарность», «эгоистичность» и «агрессивность», то именно эти модели социального реагирования будут наиболее представлены в поведенческом репертуаре гетераагрессивных подростков (Ккорр=0,697, Ккорр=0,502, Ккорр=0,396 и Ккорр=0,562 при $p=0,05$ соответственно). Для подростков из группы НАП наиболее взаимосвязанными в образе жизни семьи и поведении подростков оказались «дружелюбие» (Ккорр=0,687), «альtruизм» (Ккорр=0,491) и

«зависимость» (Корр=0,387) при $p=0,05$. При этом, сопоставление по среднему факторов «доминирование-подчинение» и «дружелюбие-агрессивность» в родительских семьях и в поведении подростков из групп НАП и АП, а также результатов диагностики показателей и форм агрессии подросткового поведения с использование критерия Манна-Уитни ($U_{расч} > U_{кр}$, табл. при $p < 0,05$) для показателей «физическая агрессия», «косвенная агрессия», «раздражение» и «негативизм» также обнаружило значимые различия.

Выводы. Агрессивность в общении, склонность к насилию и враждебность гетероагрессивных подростков значимо взаимосвязана с подобными эмоционально-динамическими и поведенческими характеристиками образа жизни в родительской семье. Подтвердилось экспериментальное предположение о том, что качественные и эмоционально-динамические характеристики образа жизни семьи могут рассматриваться как индукторы форм и уровня агрессии подросткового поведения.

Список литературы

1. Бандура А. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс. – М.: Апрель Пресс, 1999. – 508 с.
2. Зараковский Г. М. Психологические факторы качества жизни людей / Г. М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
3. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Минск: ООО «Попурри», 1999. – 624 с.

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В ДОНБАССЕ

Новикова Н.В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
nrv.novikov2010@yandex.ru

Введение. В конце XX – начале XXI вв. проблема существования современного человека в экстремальных, ненормативных условиях жизни и деятельности приобретает все большую значимость и актуальность. Современная ситуация развития общества, характеризующаяся сложностью, противоречивостью и радикализмом, способствует возникновению серьезных личностных угроз, обусловленных, в частности, экстремальными факторами антропогенного характера, к которым относятся военные действия, межэтнические конфликты, теракты и др. Так, в настоящее время ситуацию военного конфликта переживает население Донбасса.

Социально-психологические особенности военного конфликта в Донбассе. В настоящее время Донецкая и Луганская области находятся в

зоне серьезнейшего со временем Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. военного конфликта. На сегодняшний день более 2 млн. человек населения Донбасса живет в экстремальных военных условиях.

Историки и политологи отмечают, что современный донбасский конфликт невозможно отнести к какой-либо группе кризисов и конфликтов, изучаемых в период послевоенных международных отношений, «для характеристики этого страшного противостояния лучше всего подойдет определение «многослойный» или «многоуровневый», как с точки зрения количества заинтересованных сторон в конфликте, так и с позиции вариативности представленных в его развитии проблем» [5].

Важной отличительной особенностью рассматриваемого военного конфликта является чрезвычайно высокая степень опасности, связанная с его принадлежностью к вооруженным конфликтам, представляющим собой крайне острую форму разрешения противоречий между государствами или военно-политическими группировками внутри государства, характеризующуюся двусторонним применением военной силы. Специалисты выделяют следующие особенности современных вооруженных конфликтов: они часто приобретают затяжной характер, имеют тенденцию к расширению состава участников, интернационализации масштабов и перерастанию в войны с более широкими политическими целями [3].

Данные этнодемографического исследования современной ситуации в Донбассе, выполненного российскими учеными в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, констатируют, что военный конфликт привел к значительным потерям среди населения региона – многочисленным жертвам среди военных обеих противоборствующих сторон и гражданских лиц, как прямым, так и косвенным. Оценка численности современного постоянного населения украинского Донбасса и ДНР-ЛНР позволяет сделать вывод о потере востоком Украины примерно 25–35 % его довоенного демографического потенциала [8].

Военный конфликт на Донбассе характеризуется и определенными психологическими особенностями. К ним можно отнести специфические черты так называемых войн «трех кварталов», или войн малой интенсивности: в то время, когда в одном квартале города идут ожесточенные бои, в другом квартале может продолжаться вполне нормальная жизнь. В таких условиях воюющий солдат в течение одного и того же дня может несколько раз оказываться то в боевых, то в мирных условиях. Как следствие, происходит ошибка идентичностей и постоянная перенастройка психики [4]. Такая ситуация в значительной степени соответствует военному конфликту в Донбассе, и применима как к военным участникам боевых действий, так и к гражданскому населению.

В целом, оценивая психологическое влияние экстремальных ситуаций на человека, исследователи считают, что экстремальные ситуации антропогенного характера имеют значительно более выраженные негатив-

ные последствия, разрушают основные жизненные ценности и смыслообразования личности, оказывают деструктивное воздействие на психику и соматику человека [7].

Заключение. Таким образом, можно выделить следующие социально-психологические особенности военного конфликта в Донбассе [6]:

- в настоящее время военный конфликт в Донбассе не завершен; продолжающаяся актуальность конфликта является трагедией по сути, а также затрудняет его анализ с точки зрения научного исследования;

- военный конфликт носит многоуровневый характер и обусловлен большим количеством разноплановых проблем и противоречий, что, соответственно, затрудняет процесс его разрешения;

- военный конфликт может иметь тенденцию к «затяжному» характеру, создает угрозу применения оружия массового уничтожения с непредсказуемыми политическими, социально-экономическими и экологическими последствиями;

- последствиями военного конфликта в Донбассе являются многочисленные человеческие жертвы, существенные прямые и косвенные потери, трансформация системы расселения и национальной структуры региона;

- военный конфликт вызывает крайне тяжелые психологические последствия, как у военных, так и у гражданского населения.

Нами было проведено исследование индивидуально-психологических особенностей переживания личностью ситуации военного конфликта [1, 2]. В результате экспериментального исследования были определены личностные свойства, качества и характеристики, оказывающие влияние на особенности переживания человеком ситуации военного конфликта. К таким характеристикам относятся: определенные свойства темперамента, черты характера, компоненты мотивационно-потребностной сферы, системы смысложизненных ориентаций и жизненных смыслов, а также самоактуализации личности.

Список литературы

1. Бойко О. В. Исследование индивидуально-психологических особенностей переживания личности в ситуации военного конфликта / О. В. Бойко, Н. В. Новикова // Научно-методический журнал «Научная сокровищница образования Донетчины». – 2019. – № 1. – С. 89–92.
2. Бойко О. В. Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта / О. В. Бойко, Н. В. Новикова // Вестник Вятского государственного университета. – Киров: Научное издательство ВятГУ, 2019. – № 4 (134). – С. 94–105.
3. Губанов В. М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. Учеб. пособие. Серия «Высшее педагогическое образование» / В. М. Губанов, Л. А. Михайлов, В. П. Соломин. – Москва: Дрофа, 2007.
4. Кааяни А. Г. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий / А. Г. Кааяни, Ю. М. Кааяни // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – Т. 7. – №4. – С. 59–66.

5. Лабаури Д. Донбасский разлом: причины, суть, итоги конфликта на Юго-Востоке Украины / Д. Лабаури. – В.: Урал, 2015. – № 1.
6. Новикова Н. В. Социально-психологическая характеристика военного конфликта на примере современной ситуации в Донбассе / Н. В. Новикова // Гуманитарный вестник: сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол.: С. Э. Зябрева и др.– Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – Вып. 5. – С. 86–92.
7. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю. С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 319 с.
8. Сущий С. Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса / С. Я. Сущий / /Вестник Южного научного центра. – 2016. – Т. 12. – №2. – С. 82–90.

УДК 159.922

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Папакица Е.К., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
papakitsa-elena@rambler.ru

Введение. Развитие информационного общества неразрывно связано с уровнем развития информационной готовности личности. В процессе выполнения своих профессиональных обязанностей специалист обязан осуществлять весь спектр информационно-поисковой деятельности – от поиска источников информации и методов ее извлечения до анализа, классификации, способов ее конвертации и распространения.

Особое значение приобретает данная проблема именно в процессе подготовки будущих специалистов в системе высшего профессионального образования. Поскольку в соответствии с международными стандартами и требованиями Болонской конвенции к личности будущего специалиста предъявляются высокие требования, и, прежде всего, они касаются развития у него способности к информационно-поисковой деятельности в решении своих образовательных, а в дальнейшем и профессиональных задач.

Таким образом, развитие информационной готовности личности следует рассматривать как одну из приоритетных задач формирования профессионально-значимых качеств личности будущего специалиста [4].

Основная часть. Результаты теоретического анализа научной литературы по проблеме психологической готовности личности в различных видах деятельности дают основание рассматривать информационную готовность личности как разновидность психологической готовности к профессиональной деятельности. В результате научного исследования [2] было определено, что информационная готовность личности – это

комплекс знаний, умений и навыков, личностных особенностей и мотивов, которые обеспечивают стремление осуществлять информационно-поисковую деятельность для решения профессиональных задач.

Разработка модели информационной готовности рассматривается как комплексное научное направление, имеющее междисциплинарный характер, где одинаково важны как фундаментальные, так и прикладные исследования.

Однако, формирование информационной готовности личности несет с собой не только решение профессиональных вопросов, но и многочисленные проблемы.

Наиболее важной из них является недооценка социокультурных аспектов данного процесса, что порождает представление о работе с информацией как об исключительно технологической задаче. Осознание опасности технократизма требует необходимости формирования «информационной» культуры как в личностном, так и в общественном планах [1].

Необходимо заметить, что программы, нацеленные на развитие информационной готовности, обеспечивающие способность личности будущего специалиста заниматься информационно-поисковой деятельностью на государственном уровне отсутствуют.

В то же время в практике подготовки специалистов в высших учебных заведениях такие программы встречаются фрагментарно и не охватывают всего спектра профессионально-важных качеств личности, значимых в контексте развития информационной готовности к профессиональной деятельности.

К тому же психологические службы в системе высшего образования не ориентированы на проведение мероприятий, направленных на развитие личностных качеств, которые необходимы для эффективного и ответственного использования различных информационно-поисковых ресурсов как совокупности средств для решения своих профессиональных задач.

Также стоит отметить различный уровень базовых знаний, умений, развития способностей, мышления и активности в информационной сфере у выпускников образовательных организаций. Более мотивированные студенты осознают значение изучения всего спектра информационно-поисковой деятельности, но они не находят в учебных планах и программах ожидаемой информации. Ведь, вопросы, касающиеся информационной готовности и ее развития, отражены в программах только фрагментарно.

Одной из проблем современного образования, на наш взгляд, является использование традиционных форм и методов обучения. Понятно, что при использовании только такого способа обучения нельзя говорить о формировании тех умений, навыков, уровня мотивации и ответственности, которые необходимы, прежде всего, для осуществления информационно-поисковой деятельности будущих специалистов. Традиционные формы и методы обучения не обеспечивают возможность развития информационной готовности к профессиональной деятельности, особенно ее лично-

стного компонента. В то же время в большинстве высших учебных заведениях, готовящих специалистов, и такие программы практически отсутствуют.

Рассматривая факторы развития информационной готовности личности будущих специалистов необходимо обратить внимание на уровень подготовленности к информационно-поисковой деятельности самих преподавателей высшей школы.

К тому же, развитие информационной готовности может быть затруднено из-за недостаточного уровня развития у будущих специалистов определенных профессионально-важных качеств личности, в частности, толерантности и рефлексии.

В целях решения этой проблемы была разработана психологическая программа [3], направленная на развитие информационной готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности.

Заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об объективной потребности внедрения в учебный процесс образовательного учреждения психологической программы развития информационной готовности участников образовательного процесса.

Необходимо отметить, что предлагаемый курс развития информационной готовности личности будущих специалистов должен быть внедрен на 2-3 курсах, не зависимо от отраслевой специализации.

Что касается дальнейшего исследования проблемы, то актуальным является изучение уровня развития информационной готовности преподавателей учебных заведений.

Список литературы

1. Гендина Н. И. Информационная культура, творчество и креативность выпускника высшей школы в контексте проблем развития человеческого капитала информационного общества (ч. 2) / Н. И. Гендина // Информационное общество. – Вып. 1. – 2009. – С. 57-63.
2. Папакиця О. К. Психологічні особливості розвитку інформаційної готовності майбутніх інженерів до професійної діяльності: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.07. НПУ імені М. П. Драгоманова – К., 2014. – 23 с.
3. Папакиця О. К. Програма формування інформаційної готовності майбутніх інженерів до професійної діяльності / О. К. Папакиця // Вісник Чернігівського національного університету імені Т.Г. Шевченко / за ред. М. О. Носко. – Вип. 105, Т. 2. – Чернігів : ЧНПУ, 2012. – С. 61–65. – (Серія: Психологічні науки).
4. Папакица Е. К. Информационная готовность личности как показатель общественного развития / Е. К. Папакица // Вестник Донецкого педагогического института. – 2019. – № 1. – С. 162-169
5. Чаусова Т. В. Психологические особенности мотивации учебной деятельности личности педагогов: дис. канд. психол. наук: 19.00.07. ЦПО АПН України. – К. 2003. – 246 с.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕЖПОЛУШАРНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА У ДЕТЕЙ

Папков В.Е.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»,
г. Донецк, ДНР
papkovvalery@rambler.ru

Введение. Актуальность проблемы расстройств аутистического спектра (PAC) в настоящее время нарастает в связи с непрерывным увеличением распространенности PAC во всех регионах мира. Осмысление же эпидемиологической ситуации PAC несколько запаздывает. Начальные объяснения расстройств этого типа объясняются «соматическими» материальными причинами (типа побочных эффектов вакцинаций, наследственности). Также прослеживаются попытки объяснить эпидемический рост PAC совершенствованием методов диагностики и обновлением международных классификаций. Эта точка зрения обосновывается, во-первых, перемещением части случаев PAC из одних рубрик классификаций в другие, во-вторых, скринингом данных расстройств в популяциях, в которых ранее не учитывался. Однако, объяснение роста PAC совершенствованием методов диагностики и обновлением классификаций при ближайшем рассмотрении может быть признано несостоятельным в силу того, что этот диагностический и статистический прогресс медицины был непосредственно обусловлен самой эпидемией PAC, когда частота проявлений этих расстройств превысила пределы спорадичности. Когда же нарушения социализации стали распространеными, а коммуникативные нарушения у детей обнаруживались не только психиатрами, а и педиатрами, педагогами и социальными работниками, только тогда мировое сообщество в лице своих институтов, включая ООН и ВОЗ, озабочилось критериями и методами диагностики, приведшими к пересмотру рубрикаций соответствующих международных классификаций и диагностических критериев.

Цель – рассмотреть интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга членов семьи как фактор формирования расстройств аутистического спектра у детей.

Основная часть. Рост распространенности PAC создает определенную методологическую проблему в поисках соответствующих объяснений и обоснований. Возникает соблазн связать нарастающую распространенность PAC с другими расстройствами соматического либо психического спектра, поскольку имеются корреляции с ростом других типов

расстройств, а также повсеместным мультифакторным ухудшением экологии. Коморбидность РАС может способствовать объяснению природы этих расстройств с точки зрения мультифакторности. Тем не менее, в клинической картине РАС имеется некое ядерное смысловое содержание, сближающее само понятие расстройств социальной адаптации с социальным функционированием и социальной адаптацией вообще. И тогда, в свою очередь, такое понимание социального контекста РАС может способствовать некой смысловой консолидации и фундации основного фактора этих расстройств в социальной субстанции, без игнорирования всех остальных патогенетических факторов. Однако, социальность, понимаемая как наиболее фундаментальный экологический фактор, является решающим в формировании РАС как социального феномена, вынуждает в поисках причин обратится к самим основам формирования социальной коммуникативности, восприятие которых осложняется не до конца проясненной природой детства как самостоятельного социального фактора, имеющего, к тому же, весьма значительную модификацию в современном стремительно меняющемся мире [3], а также роли семьи, претерпевающей сегодня весьма значимые трансформации.

Такой подход в анализе взаимоотношений факторов РАС, детства и семьи требует, в свою очередь, определенной методологии, решающей эту задачу путем оценки таких взаимоотношений между формирующимся ребенком как социальным существом и его социальной экологией, представленной его семьей и информационными процессами общества, которые влияют на структуру этих взаимоотношений [2].

Влияние семьи на возникновение РАС описано в литературных источниках [1]. Однако, представляется недостаточной парадигма, в которой детство видится неким страдательным фактором, когда, к примеру, высокий уровень тревожности родителей и прародителей либо их собственные социальные дезадаптации представлены непосредственными факторами развития РАС. Следует учитывать, что дети в процессе своего формирования являются активным фильтром, усваивающим как основную ролевую грамматику социальных отношений, так и лексические единицы поверхностных коммуникативных структур. Дети всегда усваивают идеальные принципы тех грамматических правил коммуникации, которые взрослыми используются как несистемные.

В переводе на язык нейролингвистики можно утверждать, что РАС является своеобразным языком, активно усваиваемый детьми подобно тому, как образуются креольские языки из диалектов эмигрантов, когда межполушарное взаимодействие мозга можно рассматривать в качестве нейролингвистического эквивалента взаимодействия поверхностных и глубинных структур языка в картезианской лингвистике. Соответственно, межличностное взаимодействие членов семьи и ребенка следует трактовать как межполушарную коммуникацию.

Заключение. Профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга у детей и, в том числе, имеющих РАС формируется как производное общего (интегративного) ландшафта функциональной межполушарной асимметрии мозга членов семьи. В результате чего следует говорить об интегративном патогенетическом ландшафте (профиле) функциональной межполушарной асимметрии мозга членов семьи, постоянно общающихся с детьми. В качестве рабочей гипотезы можно полагать, что современные нуклеарные семьи могут образовывать матричные производные от патриархальных и других нуклеарных семей, когда их отпрыски формируют изолированную семейную пару, с профилем доминирования по одностороннему типу, что приводит к декомпенсации коллективного субъекта в коммуникативных процессах. Компенсированная (латентная) социофобия родителей приобретает у детей открытый и уже тотальный декомпенсированный характер. Однако, механизмы, которые у родителей компенсируют социофобию, у детей не образуются, именно, в силу формирования более выраженного у них правостороннего профиля доминирования функциональной межполушарной асимметрии, что обуславливает развитие РАС.

Список литературы

1. Аханькова Татьяна Евгеньевна, Шипкова Каринэ Маратовна Социально-демографические и эмоционально-коммуникативные характеристики родителей и их детей с нарушениями речевого развития // Российский психиатрический журнал. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-i-emotsionalno-kommunikativnye-harakteristiki-roditeley-i-ih-detey-s-narusheniyami-rechevogo-razvitiya> (дата обращения: 30.09.2021).
2. Кулемзина Т. В. Медицинская коррекция состояний здоровья детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: мат. научно – практической конференции с международным участием – Тула: ТГПУ, 2016. – С. 184–186.
3. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2011. Том 8. № 4. С. 3–12. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2011/n4/56243.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

АДАПТАЦИЯ К СТРЕССУ КАК ФАКТОР ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И КОГНИТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

Передера А.О.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
peredera.lina@mail.ru

Введение. В наше время стресс – неотъемлемая часть жизни человека. В современном мире мощное воздействие проявляют различные стрессогенные факторы – экстремальные условия, семантические, психологические, физические, биологические, химические, информационные. Неспособность человека справится с ними, может привести к резкому увеличению количества психических и психосоматических заболеваний. Поэтому сегодня, когда темп жизни становится все более интенсивным, напряженным, и человеку нужно приспосабливаться к этим условиям, проблема адаптации к стрессу становится актуальной как никогда.

Основная часть. Стресс – это понятие, появившееся в физиологии в 30-е годы прошлого века [2]. Оно достаточно быстро вышло за рамки узко биологической интерпретации и стало очень актуальной темой. В современной научной литературе термин «стресс» используется в разных значениях. Во-первых, под стрессом понимается сильное негативное воздействие на организм, которое Г. Селье назвал термином «стрессор». Позже слова «стрессор» или «стресс-фактор» стали использоваться как синонимы. Во-вторых, стресс относится к субъективным реакциям, которые отражают внутреннее психическое состояние напряжения и возбуждения. Это состояние включает в себя как эмоции, так и защитные механизмы, и процессы совладения, происходящие в самом человеке. В-третьих, под стрессом понимаются неспецифические особенности физиологических и психологических реакций организма при сильных и экстремальных воздействиях вызывающие интенсивные проявления адаптационной активности.

Следует сказать, что степень адаптации организма к стрессу (физическому, эмоциональному) играет важную роль и с точки зрения оценки когнитивного статуса личности, поскольку умственная работоспособность человека, активность мышления, острота интеллекта очень тонко реагируют на сбои адаптации. Если человек метеолабилен, зависим от внешних и внутренних колебаний, то первыми признаками болезни и первыми жалобами часто становятся снижение умственной работоспособности и когнитивных способностей. Таким образом, изучая легкие когнитивные нарушений нельзя игнорировать состояние организма и его способность адаптироваться к стрессу.

Изучение адаптации к стрессу имеет многогранную историю. В отечественной и зарубежной психологии проблемой изучения адаптации занимались такие ученые, как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, Г. Селье, Р. Лазаруса, В. Кеннона и др.

Можно выделить, исследования особенностей защитно-совладающего поведения (копинг). В зависимости от возраста и половой принадлежности, были предложены различные варианты классификаций копинг-стратегий и механизмов психической защиты [5]. Для лучшей адаптации к стрессовой ситуации необходимо знание ее объективные и субъективные параметры: 1) валентность; 2) контролируемость; 3) изменчивость; 4) неопределенность; 5) повторяемость; 6) осведомленность. Систематика совладания упорядочивает действия и реакции для преодоления стресса в соответствии с их ориентации на: ситуацию (активное влияние, бегство, пассивность), презентацию (поиск или вытеснение информации) и оценку (переоценка, изменение цели).

Развитие механизмов преодоления трудностей – важная и необходимая часть личностного развития. Из-за определенных жизненных ситуаций у человека могут развиваться неадаптивные стратегии совладания, которые оказывают косвенное негативное влияние на человека и могут привести к ухудшению психологического и физиологического состояния.

Можно выделить одну из основных когнитивных функций – это способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, к изменениям окружающей среды и внутреннего состояния организма, вызванного стрессом, к изменениям общественного мнения и личной эмоциональности. В целом, с психологической точки зрения, главным фактором успеха и жизнеспособности во всех смыслах является способность адаптироваться [3].

Головной мозг – важный интегративный орган человеческого организма. Помимо высших корковых функций, мозг «курирует» адекватную реакцию организма на факторы окружающих среды. Жизненный тонус организма, его эффективная жизнедеятельность зависит от способности адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды [3]. Адекватная реакция на физический стресс – это выражение способности организма выполнять свои жизненно важные функции. С каждым физическим или эмоциональным стрессом функциональная активность мозга и, как следствие, нейрометаболизм возрастают, поскольку вегетативной нервной системе срочно необходимо запустить механизм адаптации.

Заключение. Следовательно, главный фактор жизнеспособности и когнитивной активности во всех смыслах – это способность адаптироваться к стрессу. Адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, изменениям окружающей среды и внутреннего состояния организма, к изменениям общественного мнения и личной эмоциональности.

Список литературы

1. Абабков В. А. Адаптация к стрессу / В. А. Абабков, М. Перре. – СПб: «Речь», 2010.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. – М., 2007. – 680 с.
3. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье. – М.: Мед-гиз, 1960. – 255 с.
4. Тюрина Н. В. Понятие адаптации в современной психологии / Н. В. Тюрина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 5. – С. 152–156
5. Хазова С. А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования / С. А. Хазова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – №5. – С. 188–191.

УДК 159.95

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА МЫШЛЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Петрова М.Ю., Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. Мышление как одна из основных высших психических функций, активно развивается в начальной школе и участвует во всех формах обучения. Начиная с этого возраста, активно формирующееся в системе школьного обучения словесно-логическое мышление перестраивает работу всех других высших психических функций ребенка. [1].

С точки зрения нейропсихологии мышление – активная психическая деятельность, направленная на решение определенной задачи. Согласно нейропсихологии, зрелая психика располагает всеми тремя видами мышления (наглядно-действенным, наглядно-образным, словесно-логическим) в их развитой форме.

Основная часть. Вопросами исследования мышления с позиции нейропсихологии занимались Н. П. Бехтерева, Л. С. Выготский, Л. М. Веккер, Я. А. Меерсон, Н. П. Ливанов, А. Р. Лурия, И. П. Павлов; Я. Я. Ченцова, Р. Сперри и др.

Опираясь на теорию классификации нарушений А. Р. Лурии можно утверждать о психофизиологических особенностях интеллектуальных процессов мозговых структур. Так, говоря о левой височной области (для правшей), следует указать, что она отвечает за работу абстрактно-вербально-логического мышления. Теменно-затылочная область обеспечивает синтез отдельных элементов группы, выделение наглядных признаков и их пространственных отношений. Говоря о лобных префронтальных отделах по А. Р. Лурии, следует утверждать о следующих особенностях интеллектуальной деятельности: формирование гипотез, сопоставление элементов задач, анализе и классификации в выборе действий, выполнении

серийной интеллектуальной деятельности (устное сложение или вычисление), механизме контроля и регуляции своей деятельности [2].

По мнению Л. С. Выготского, влияние социальных факторов развития на формирование мышления в младшем школьном возрасте проявляется в том, что формирование дендритного дерева, всех связей корковых нейронов и межсистемных связей завершается в конкретных жизненных условиях, в которых оказывается ребенок, о которых он получает сигналы от внешних зрительных, обонятельных и вкусовых рецепторов, а также от проприорецепторов [3].

В младшем школьном возрасте, как отмечает И. А. Скворцов, уже начинает формироваться абстрактное мышление, на что также влияет и социальный фактор. Ученый подчеркивает, что программа морфогенеза и функциогенеза будет выполнена лишь при адекватных средовых условиях, а также предотвращении или профилактике вредных для развития ребенка социальных факторов [3].

Исходя из этого, для гармоничного развития мышления как высшей психической функции необходимо создать благоприятные условия с учётом особенностей нервной системы ребенка.

Исследуемую выборку нашего эмпирического исследования составили младшие школьники (учащиеся 3 класса) в возрасте 9-10 лет (46 человек).

Для исследования особенностей мышления младших школьников использовались следующие психодиагностические методики: тест «Цветные Прогрессивные Матрицы» (ЦПМ) Дж. Равена, методика «Словесные субтесты» (адаптированный вариант методики исследования словесно-логического мышления Э. Ф. Замбацявицене), зрительно-моторный тест Л. Бендера, методика «Срисовывание образцов» (З. Матейчек, М. Стриадова) [4].

По результатам исследования уровней интеллектуального развития (методика «Цветные Прогрессивные Матрицы» (ЦПМ) Дж. Равена) выявлено, что у младших школьников преобладает средний уровень развития интеллектуальных способностей – 65 % (30 ч.), что свидетельствует о наличии основных свойств внимания: концентрации, объема и распределения. Однако недостаточно сформированными являются способности к систематизированной интеллектуальной деятельности.

По результатам исследования уровней интеллектуального развития по методике «Словесные субтесты» получено, что у детей младшего школьного возраста преобладает высокий уровень словесно-логического мышления – 64 % (29 ч.), однако выявлена качественная особенность – импульсивность ответов. Это объясняется тем, что у ребенка низкий объем кратковременной памяти, что свидетельствует о необходимости формирования и коррекции таких основных психических процессов, как произвольное внимание и кратковременная память

По результатам исследования уровня развития пространственной организации визуального стимульного материала и зрительно-моторной координации по методике «Зрительно-моторный тест» Л. Бендера у младших школьников выявлены затруднения с целостным восприятием объекта или объектов на плоскости, сложности с представлением и положением предмета в пространстве – 56 % (25 ч.).

По результатам исследования уровня развития зрительно-моторной координации по методике «Срисовывание образцов» (З. Матейчек, М. Стриадова) определено, что у детей младшего школьного возраста имеются неточности, искривления, неверные углы при срисовывании, прослеживаются отклонения от вертикальной и горизонтальной оси – 60 % (28 чел.).

Заключение. Обобщены данные про то, что у ребенка в младшем школьном возрасте доминирующей психической функцией становится мышление, закладываются основы формирования внутреннего плана действия как одного из новообразований этого периода развития, выделяются категории учебных мотивов, способствующие интеллектуальному развитию, в данном возрастном периоде происходит интеллектуализация всех аспектов психического развития (памяти, восприятия, внимания, мышления, воображения), их осознание и произвольность.

Исследовано, что у детей младшего школьного возраста преобладают показатели, которые не соответствуют возрастной норме, что характерно для детей с трудностями в обучении в данной возрастной группе. Несформированность графических навыков, нечеткое восприятие отдельных объектов объясняется педагогической запущенностью, низким объемом зрительной памяти, что свидетельствует о необходимости формирования и коррекции таких основных психических процессов, как оптико-пространственное восприятие и мелкая моторика в ходе обучения.

Список литературы

1. Смирнова А. С. Особенности развития мышления в младшем школьном возрасте / А. С. Смирнова, Л. В. Левицкая. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 11 (115). – С. 183-185.
2. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
3. Глозман Ж. М. Нейропсихология детского возраста : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 272 с.
4. Бизюк А. П. Компендиум методов нейропсихологического исследования / А. П. Бизюк. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 400 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Попова Л.А., Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. Научные исследования последних лет отмечают увеличение количества детей с признаками беспокойства и агрессии, снижение эмоциональной отзывчивости, способности ориентироваться на чувства других, адекватно проявлять свои чувства. Названные тенденции приводят к осложнениям в развитии личности дошкольника и процесса социализации ребёнка, затрудняют его вхождение в мир межличностных отношений.

Кроме того, именно в дошкольном возрасте формируется эмоциональная сфера будущей личности. И от того, как она сформирована, зависит последующее нормальное взросление и успешная социальная адаптация [1].

Целью данной статьи является анализ современных особенностей развития эмоциональной сферы дошкольников.

Основная часть. Вопросы проблемы эмоций, эмоциональных состояний, развития эмоциональной сферы в дошкольном возрасте рассматриваются в исследованиях Е. Е. Кравцовой [2], Г. А. Урунтаевой [3], А. В. Запорожец [4], К. Изарда [5], Л. С. Выготского [6], С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и др.

Так, Е. Е. Кравцова определяет эмоцию как центральную психическую функцию дошкольного возраста. Исследовательница делает акцент на том феномене, что дошкольник нуждается в ярких эмоциональных впечатлениях при условии контроля, управления и осознания полученных эмоций [2].

Г. А. Урунтаева относит эмоции к особому классу психических процессов и состояний, который является собой переживаемое в различной форме отношение человека к предметам и явлениям действительности [3].

А. В. Запорожец в своих работах пишет о предвосхищающих эмоциях, раскрывая сами эти эмоции как особую форму отражения действительности, при помощи которой совершается исправление поведения [4].

К. Изард подчеркивает, что эмоции «это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [5, с. 12].

Л. С. Выготский понимает эмоцию как «реакцию в критические и катастрофические минуты поведения, как точки неравновесия, как итог и результат поведения, во всякую минуту непосредственно диктующий формы дальнейшего поведения» [6, с. 160].

Рассмотрим онтогенез развития эмоциональной сферы в детском возрасте.

Эмоциональная сфера развивается в онтогенезе последовательно. В младенчестве эмоциональные проявления ребенка имеют аффективную природу. На протяжении первого и второго года жизни эмоции выступают и как сигнал неблагополучия организма, и как средство привлечения к себе внимания, и как способ общения и взаимодействия со взрослыми. В младшем дошкольном возрасте аффект уступает место другому типу эмоционального поведения, а точнее – ситуативным эмоциям, которые возникают при социальном или предметном взаимодействии. С прохождением кризиса трех лет усложняется содержание и модальность эмоций, появляются множественные оттенки длительных и глубоких чувств (ревности, зависти, обиды, чувства вины, сопереживания и т.д.). К концу дошкольного возраста эмоции становятся более понятными, более заметными и начинают осознаваться, появляются «предвосхищающие эмоции», происходит соподчинение мотивов. Также развиваются социальные эмоции (переживание человеком своего отношения к окружающим людям), которые обеспечивают установление благополучного вхождения личности в социум.

По мнению Е. Е. Кравцовой, современному дошкольнику не хватает яркости и насыщенности событий в эмоциональной жизни, что негативно влияет на развитие эмоциональной сферы ребенка. В частности, в контакте с цифровым устройством ребёнок испытывает яркие эмоции, но не к живому человеку, а к виртуальному материалу, игре или к гаджету. В результате эмоциональная сфера детей обедняется, так как они находятся в изоляции от реальных людей и живого межличностного общения. Как показывает практика и результаты различных исследований, в процессе сетевого общения или компьютерной игры дети нередко испытывают сильные отрицательные эмоции, но продолжают общаться или играть, так как этот процесс понятен, предсказуем и менее эмоционально затратен [7].

Многие дети дошкольного возраста, как считают ученые, оказываясь в реальном «не цифровом» мире, не способны конструктивно общаться, полноценно реализовывать процессы, связанные с самореализацией и самопознанием [7].

Заключение. Ссылаясь на исследования, эмоциональная сфера дошкольника интенсивно развивается, однако ребёнок, переживая разные эмоции, не способен их распознавать. С другой стороны, ребёнок овладевает «предвосхищающими эмоциями» и соответствующими навыками поведения, которые предопределются эмоциями. Особенностью жизнедеятельности современных дошкольников является их раннее приобщение к гаджетам и Интернету, что негативно влияет на развитие эмоциональной сферы дошкольников и имеет тормозящее воздействие на неё. Поэтому желательно создавать такую среду для дошкольников, в которой недостатки цифрового мира будут минимизированы.

Список литературы

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк: ПГУ, 2011. 388 с.
URL: <https://www.psu.by/images/stories/spf/personal/andreeva/emotionalnyj-intellekt-kak-fenomen-psihologii.pdf>
2. Кравцов Г. Г., Кравцова Е. Е. Психология и педагогика обучения дошкольников: учеб. пособие. – М.: Мозаика-Синтез, 2013. – 264 с.
3. Урунтаева Г. А. Дошкольная психология: учебное пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений. 5-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 336 с.
4. Запорожец, А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. / А.В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1986 – 320 с.
5. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 464 с.
6. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. – М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2004. – 512 с.
7. Петренко С. С. Развитие и коррекция эмоциональной сферы дошкольника // АНИ: педагогика и психология. 2017. №1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-i-korreksiya-emotsionalnoy-sfery-doshkolnika>

УДК 159. 97

СЕМЕЙНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОДРОСТКОВ

Пыханова И.В., Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. На сегодняшний день проблема алкоголизма становится все более актуальной. Этому способствует как нестабильная политическая и экономическая ситуация, так и культурное и социальное влияние. Особенно тревожным фактом является раннее приобщение и быстрое привыкание к алкоголю подростков. Привыкание к спиртным напиткам у подростков происходит гораздо быстрее, чем у взрослых, что в будущем может привести к социальной нестабильности нашего общества.

Основная часть. Изучая теоретические концепции по проблеме подросткового алкоголизма видно, что одни исследователи (Ю. Л. Арзуманов, Д. В. Кущев,) [1] указывают, что в генезисе алкоголизма главенствующую роль занимают биологические, социальные и психологические факторы; другие исследователи (З. В. Коробкина, И. В. Лунина, В. А. Попова) [2] отмечают важность социально-психологических, конституционально-психологических, эпидемиологических и культурных факторов; третьи исследователи (Б. С. Братусь, А. Е. Личко и др.) [3] считают алкоголизм болезнью.

Известно, что первой социальной средой ребенка является его семья. Она играет важнейшую роль в воспитании ребенка, его жизненных нравов

и принципов, именно семья вырабатывает стереотипы по отношению к окружающему ребенка миру. Анализ детско-родительских отношений является отправной точкой в изучении и понимании проблемы развития алкогольной зависимости у подростков, а также перспективным направлением в профилактике алкоголизма. Любой вид деструктивных детско-родительских отношений является пусковым механизмом для развития алкогольной зависимости.

Характер детско-семейных отношений, начиная с раннего детства, способствует формированию личности ребенка. С одной стороны, детско-родительские отношения являются основным фактором развития ребенка, и неадекватное удовлетворение потребностей детей приводит к нарушениям в личностном развитии (М. Кляйн, З. Фрейд); с другой стороны прослеживается значительное влияние стиля семейных отношений на формирование алкогольной зависимости подростка (А. Я. Варга, В. В. Столин).

Исследуемую выборку нашего эмпирического исследования составили учащиеся 8-10 классов в возрасте 14-16 лет (60 человек – 30 мальчиков и 30 девочек).

Для определения *степени алкогольного влечения* подростков нами использовалась методика «А-тест»[4]. Результаты диагностики показали, что у 34 % (20 чел.) выявлено влечение к алкоголю (зависимость от употребления алкоголя). Патологическое влечение к алкоголю определено у 3 % (2 чел.). Такие подростки употребляют алкоголь в неограниченных количествах, не всегда могут себя контролировать, что свидетельствует о риске формирования алкоголизма. Результаты по исследованию показателей степени алкогольного влечения представлены в таблице (см. табл.).

Таблица

Показатели степени алкогольного влечения по методике «А-тест»

Степень алкогольного влечения	Кол-во	%
Отсутствие склонности к употреблению алкоголя	11	18
Умеренное употребление алкоголя	27	45
Наличие влечения к алкоголю	20	34
Патологическое влечение к алкоголю	2	3

Для выявления *алкогольной зависимости* нами была использован тест АУДИТ (AUDIT-Alcohol Use Disorders Identification Test) [4]. По результатам исследования преобладающим является средний уровень алкогольной зависимости у подростков – 58 % (35 чел). Этот факт свидетельствует о том, что большинство испытуемых употребляют алкоголь в умеренном количестве, могут контролировать количество употребляемого алкоголя и влечение к нему. Результаты по исследованию уровней алкогольной зависимости представлены на диаграмме (см. рис.).

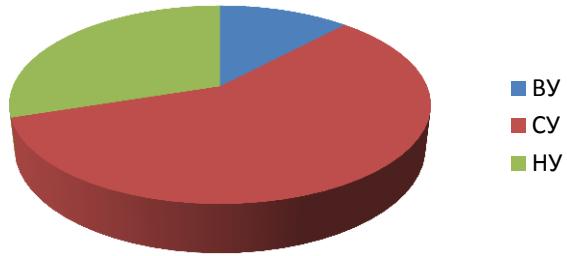

Рис. Показатели уровня алкогольной зависимости по тесту АУДИТ
(AUDIT-Alcohol Use Disorders Identification Test)

Для диагностики характера внутрисемейных взаимоотношений нами была использована методика «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына). Исследование проводилось на 2 группах подростков (группа 1 – подростки с алкогольной зависимостью (А3); группа 2 – подростки, не имеющие алкогольной зависимости).

Результаты диагностики показали, что у подростков, имеющих алкогольную зависимость, преобладает низкий уровень позитивного интереса – 50 % (15 чел.), то есть подростки испытывают недостаток внимания и интереса к себе со стороны родителей; высокий уровень директивности – 55 % (16 чел), что свидетельствует о высоком уровне контроля и авторитарном стиле воспитания; высокий уровень враждебности – 45 % (13 чел), что свидетельствует о чрезмерной строгости в межличностных отношениях.

Показатели уровня автономности показали, что у подростков с алкогольной зависимостью преобладает высокий уровень автономности – 47 % (14 чел.), т.е. взаимодействие основывается на позициях силы и деспотизма; по шкале непоследовательности в группе с алкогольной зависимостью преобладает высокий уровень – 58 % (17 чел.), что свидетельствует о непредсказуемости реакций родителей на поведение подростка.

Заключение. Эмпирическое исследование показало, что существует взаимосвязь между склонностью подростков к алкогольной зависимости и характером внутрисемейных отношений. Подростки, воспринимающие внутрисемейный климат как благоприятный, менее склонны к алкогольной аддикции, чем подростки неудовлетворенные внутрисемейными взаимоотношениями.

Список литературы

1. Ефремов А. Ю. Социально-психологические аспекты причин подросткового алкоголизма / А. Ю. Ефремов, Л. А. Казарян // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Интерактив плюс. – 2016. – С. 57–59.
2. Лунина И. В. Отклоняющееся поведение подростков в условиях социальных рисков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 1. – С. 66–70.

3. Буторина Н. Е. Ранний алкоголизм и коморбидная соматическая патология в подростковом возрасте / Н. Е. Буторина, Г. Г. Буторин // Тюменский медицинский журнал. – 2011. – № 1. – С. 27–28.
4. Диагностический портфель для определения склонности к аддиктивному поведению / Под общ. ред. Иониной О. В. – Тула: ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», 2019. – 39 с.

УДК 159.9.07 + 159.923 + 316.477

ПРОКРАСТИНАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Пюра Д.А., Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kf.psycho@donnu.ru

Введение. На сегодняшний день, когда мир развивается очень быстро, актуальной является проблема рационального распределения личностью своего времени. Данная проблема тесно связана с особенностями временных отношений личности. В зарубежных и отечественных исследованиях таких научных деятелей, как К. А. Абульханова-Славская, Р. А. Ахмеров, Т. Н. Березина, Е. И. Головаха, Ф. Зимбардо, В. И. Ковалев, А. А. Кроник, К. Левин, Ж. Нюттен, В. Э. Чудновский, Л. Франк и др., проблема временных отношений рассматривается в контексте взаимосвязи психологического времени личности с особенностями её поведения, планов, целей, условий их достижения [1, 3–5].

При изучении распределения времени личностью целесообразно рассматривать такой феномен, как прокрастинация. Прокрастинацию можно описать как постоянное откладывание личностью дел различной важности при осознании негативных последствий этого [2].

Открытым остается вопрос о том, как временные отношения личности обусловливают её склонность к прокрастинации, и какое место прокрастинация занимает в структуре временной перспективы.

Таким образом, целью нашей работы является теоретический анализ и эмпирическое исследование прокрастинации в структуре временных отношений личности.

Основная часть. Исследование было проведено на базе ГОУ ВПО Донецкий национальный университет. Выборку составили 60 человек, из которых 48 – девушек и 12 – юношей. В качестве испытуемых были выбраны студенты 4 курса, так как окончание обучения в вузе оказывает непосредственное влияние на особенности их временной перспективы, формируя у них необходимость планирования и осуществления деятельности по дальнейшему трудоустройству или же продолжению обучения с целью повышения квалификации.

Для достижения поставленной нами цели была проведена диагностика испытуемых с помощью следующий методик: методика «Степень выраженности прокрастинации» М. А. Киселевой, О. В. Кариной, Н. Е. Шустовой, методика «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, методика Ж. Нюттена «Метод мотивационной индукции», методика «Шкалы переживания времени» Е. И. Головахи и А. А. Кроника и методика «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева.

В результате анализа структуры временной перспективы у испытуемых данной выборки была выявлена достаточно выраженная ориентация на позитивное прошлое и будущее (3,56 и 3,66 – показатели выше среднего), что говорит об их тёплом, сентиментальном отношении к прошлому, но при этом достаточной мотивации на достижение будущих целей и вознаграждений.

В ходе изучения выраженности прокрастинации у студентов-выпускников был выявлен достаточно высокий уровень прокрастинации (15,22). При этом наш дальнейший анализ показал, что ярче всего она проявляется у тех испытуемых, которые ориентированы на гедонистическое настоящее ($p \leq 0,05$). Также было обнаружено, что чем более растянутым, пустым, неприятным ($p \leq 0,05$) и неорганизованным ($p \leq 0,01$) будут ощущать время своей жизни испытуемые, а также чем менее осмысленной является их жизнь, чем слабее они удовлетворены самим процессом своей жизни и своей самореализацией на данный момент, чем меньше их вера в свои собственные силы и способность самостоятельно строить свою жизнь ($p \leq 0,05$), чем сильнее они ориентированы на негативные воспоминания из прошлого ($p \leq 0,01$), цели, которые не требуют реализации в ближайшее время ($p \leq 0,001$) и события после своей смерти ($p \leq 0,05$), тем сильнее им будет свойственна склонность к прокрастинации.

Также мы проанализировали взаимосвязанные с прокрастинацией феномены, а именно: мотивационную недостаточность, тревожность и перфекционизм, среди которых наиболее выраженным для данной выборки оказался перфекционизм (5,42). Корреляционный анализ показал, что его уровень выраженности у испытуемых будет тем выше, чем более они склонны переживать время своей жизни как пустое и растянутое ($p \leq 0,05$), чем сильнее ориентированы на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время ($p \leq 0,05$), на цели, затрагивающие интересы всего человечества, а также на негативные события из своего прошлого, вызывающие неприязнь ($p \leq 0,01$).

Если говорить о мотивационной недостаточности, то ярче всего она проявляется у испытуемых, ориентированных на гедонистическое настоящее ($p \leq 0,01$). При этом у испытуемых с преобладанием данного феномена наблюдается самый низкий уровень осмысленности жизни, локуса контроля-жизнь ($p \leq 0,05$) и смысложизненной ориентации на результат

жизни ($p \leq 0,01$), а также для них наиболее характерно ощущение растянутости, однообразности и раздробленности времени ($p \leq 0,05$).

Следует отметить, что уровень мотивационной недостаточности у испытуемых будет тем выше, чем более неорганизованным ($p \leq 0,01$), растянутым и раздробленным ($p \leq 0,05$) ощущается ими время своей жизни, чем сильнее их ориентация на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время ($p \leq 0,001$), а также чем ниже их удовлетворенность прожитой частью своей жизни ($p \leq 0,05$).

Испытуемые, для которых характерно преобладание феномена тревожности, имеют самый низкий уровень выраженности локуса контроля-Я среди всех испытуемых ($p \leq 0,05$), а также для них наиболее свойственно ощущение скачкообразности ($p \leq 0,05$), неорганизованности ($p \leq 0,01$) времени своей жизни и наименее характерно ощущение его насыщенности ($p \leq 0,05$).

Тревожность испытуемых возрастает при переживании ими времени своей жизни как однообразного, неприятного, а также в том случае, когда они слабо ориентированы на своё будущее, у них преобладает ориентация на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время, их жизнь является недостаточно осмысленной ($p \leq 0,05$), они не вполне удовлетворены прожитой частью своей жизни ($p \leq 0,05$) и настоящим её процессом ($p \leq 0,01$) и испытывают неприязнь по отношению к своему прошлому ($p \leq 0,01$).

Заключение. В результате эмпирического исследования было выявлено, что чем сильнее у студентов-выпускников выражена временная ориентация на гедонистическое настоящее и негативное прошлое, на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время, тем сильнее у них будет проявляться склонность к прокрастинации; и, наоборот, чем сильнее будет выражена временная ориентация на будущее, тем в меньшей степени студенты будут склонны к прокрастинации. Данные результаты могут быть использованы в работе с выпускниками для оптимизации их деятельности.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – Санкт-Петербург: Алитея, 2001. – 304 с.
2. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я. И. Варваричева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121-131.
3. Головаха Е. И. Психологическое время личности. / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – М.: Смысл, 2008. – 272 с.
4. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Байд. – М.: Речь, 2010. – 352 с.
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – Москва: Смысл, 2004. – 608 с.

ПОДГОТОВКА ПСИХОЛОГОВ-ПЕДАГОГОВ К ДИАГНОСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ

Ревуцкая И.В., Хвасько Н.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
irina.revutskaja@yandex.ua, khvasko.natali@ya.ru

В современной системе дошкольного образования задача изучения психических состояний ребенка для психологов-педагогов является приоритетной, поскольку именно психические состояния выполняют функцию активного взаимодействия дошкольника с внешней средой и определяют характер его взаимоотношений со сверстниками, педагогами и родителями, а также является критерием психического и физического здоровья.

Непосредственно, в этом возрасте происходит интеграция психических состояний с другими психическими явлениями, что связано с системным строением и развитием психики ребенка [4]. Определенные психические состояния у детей могут возникать как результат «провокационных действий» со стороны окружающих. А негативные психические состояния неблагоприятно влияют на протекание и качественное становление произвольности психических процессов, в частности на восприятие, память и самооценку; вызывают деструктивные изменения в психическом развитии: эмоциональной, игровой, когнитивной и социальной сферах ребенка, а также в физиологических функциях, прежде всего в вегетативных и двигательных, так как эмоциональные переживания и физиологические изменения неотделимы друг от друга.

Следовательно, переживание негативных психических состояний оказывает негативное воздействие на все сферы жизнедеятельности ребенка [3], а ранняя диагностика, способствует стабилизации, оптимизации, а при необходимости – коррекции психических состояний дошкольников. На это указывают в своих практических исследованиях Р. И. Бредина, С. В. Велиева, Г. Н. Генинг, О. Ю. Зотова, А. О. Прохоров, С. Г. Шабас и многие другие психологи.

С целью подготовки психологов-педагогов ДОУ к диагностике психических состояний дошкольников им необходимо овладеть следующими знаниями: проведение процедуры психодиагностического обследования ребенка; содержанием понятия «психическое состояние»; подбор методов и методик, изучающих психические состояния в дошкольном возрасте.

Психоdiagностика, как вид деятельности психолога-педагога ДОУ, представляет собой научно-обоснованную систему методов и приемов постановки психологического диагноза. Под психологическим диагнозом понимается конечный результат деятельности психолога, направленный на описание и выявление сущности индивидуально-психологических особенностей.

ностей будущей личности с целью оценки состояния, прогноза дальнейшего развития и разработки рекомендаций, которые определяются диагностической задачей [6].

Необходимыми условиями для проведения психологического обследования ребенка дошкольного возраста являются:

- специальное помещение для работы и обязательное знакомство ребенка с данной комнатой;
- установления эмоционального контакта;
- место расположения ребенка рядом с психологом или с боку, возможно на коленях матери, но не через стол;
- не допускаются комментарии или оценки со стороны психолога во время обследования;
- необходимо поддерживать положительный настрой в контакте с ребенком, поощрять его действия;
- учитывать поведение, реплики родителей, критично относиться к заявлениям родителей типа: «Это он все знает, дома все у него получалось»;
- начинать с заданий, заведомо доступных для ребенка, затем постепенно усложнять задания;
- чередовать словесные и наглядные методики для предупреждения утомления;
- учитывать индивидуальные особенности личности ребенка [5].

В. А. Семichenko описывает психические состояния, как фиксацию уже имеющегося результата некоторых переживаемых или вспоминаемых событий, а также степень реагирования (активность) человека [10].

А. О. Прохоров отмечает, что методы оценки психических состояний могут быть объединены в две основные группы – физиологические (объективные) и психологические (субъективные) [7].

Рассмотрим, предложенные А. О. Прохоровым [8], наиболее актуальные методы диагностики психических состояний в работе с детьми дошкольного возраста.

К первому, относится субъективно-оценочным метод изучения осознаваемых компонентов психических состояний. Субъективно-оценочный метод рассматривается многими исследователями как основной, ведущий метод диагностики психических состояний [9], он дает возможность ребенку сообщить о своих переживаниях, чувствах, телесных ощущениях. В результате образуется описание субъективного восприятия и отношения ребенка к своему состоянию, своим качествам, успешности и т.п.

Минусом данного метода является то, что ребенок в дошкольном возрасте может описать, дать оценку только тем ощущениям или особенностям своего поведения, которые он способен осознать. Зачастую дети не умеют правильно описать или ответить, бывают неискренни в ответах. Но при этом, данный метод имеет ряд преимуществ, таких как: возможность

охватить внутреннюю картину состояния ребенка с разных сторон; на раннем этапе выявить изменения в протекании психических явлений; широкий спектр ситуаций, доступных для диагностики, как отдельного ребенка, так и групп дошкольников; легкость и доступность в обработке результатов обследования, возможность получения однозначной интерпретации на основе сочетания качественного и количественного анализа.

Инструментарием диагностики психических состояний дошкольников субъективно-оценочным методом является методика Н. Я. Семаго «СОМОР» от 4 до 12 лет, направленная на индивидуальное исследование субъективного представления ребенка о его взаимоотношениях с окружающими взрослыми и детьми, о самом себе и своем месте в системе наиболее значимых для ребенка социальных взаимодействий.

Ко второму – относятся методы изучения неосознаваемых компонентов психических состояний, это проективные методы.

Проективные методы дают возможность оценить состояние дошкольника на основе анализа особенностей взаимодействия ребенка с внешне нейтральным, слабоструктурированным и неопределенным материалом, становящимся в силу его неопределенности объектом проекции [1], избежать таких проблем, как языковой барьер или недостаточная способность ребенка к саморефлексии, затрудняющую адекватную самооценку своего состояния, а также, возможность выполнить достаточно строгую количественную оценку исследуемых качеств дошкольников [2].

Кенным методикам диагностирования психических состояний дошкольников относятся: А. О. Прохорова «Паровозик» от 2,5 лет и «Кинотеатр» от 4-х лет, направленные на изучение степени положительного и отрицательного психического состояния у детей дошкольного возраста; Е. В. Кучерова «Эмоциональное ощущение ребенка в детском саду», дает общее представление о положительном и отрицательном самочувствии ребенка в старшей и выпускной группе; Т. Д. Марциновской «Маски» в работе с детьми 5 лет, для диагностики психического развития ребенка; Е. И. Захарова «Анкета изучения особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» – анкета для родителей; Г. Т. Хоментаускас – интерпретационный тест «Печальная мама», которая изучает эмоциональное самочувствие дошкольника в семье [2].

Таким образом, нами представлена система подготовки психологов-педагогов ДОУ к диагностике психических состояний дошкольников, включающая описание процедуры проведения психодиагностического обследования ребенка, содержание понятия «психическое состояние», а также основные методы и инструментарий, направленный на диагностику психических состояний дошкольников. Помимо высших учебных заведений, такую подготовку можно осуществить в условиях последипломного образования.

Список литературы

1. Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб., 2002. – 395 с.
2. Велиева С. В. Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста: Учебно-методическое пособие / С. В. Велиева. – СПб. Речь, 2005. – 240 с.
3. Велиева С. В. Особенности взаимосвязей психических состояний у детей дошкольного возраста / С. В. Велиева // Вестн. ЧГУ. – 2016. № 1. – С. 76–79.
4. Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности / О. Ю. Зотова. – Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2017. – 312 с.
5. Лаврова Г. Н. Методы диагностики и коррекции детей дошкольного и младшего школьного возраста: Учебное пособие / Г. Н. Лаврова – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005 – 90 с.
6. Остапенко Г. С. Использование диагностического инструментария психолога, работающего в системе дошкольного образования / Остапенко Г. С., Насонова Д. В. / Международный электронный научный журнал // Перспективы науки и образования. 2018. 4 (34) – С. 215-219.
7. Практикум по психологии состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. – СПб., 2004. – 480 с.
8. Прохоров А. О. Модель изучения психических состояний: теоретические и прикладные аспекты // Психология состояний. – М.; СПб., 2004. – С. 82–85.
9. Психология состояний: Учеб. пособие / под ред. А. О. Прохорова. М., 2011 – 616 с.
10. Семиченко А. А. Психические состояния / В. А. Семиченко. – К.: «Магистр-S», 1998. – 208 с.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ И САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Репенко М.С., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mari_r8@mail.ru

Введение. Вопросы тревожности и самооценки являются одними из наиболее актуальных проблем в современной психологии. Особое место на сегодняшний день они занимают в современном образовательном процессе. Многие исследователи отмечают, что высокий уровень тревожности может быть обусловлен большими учебными нагрузками и сложностью изучаемого материала. Взаимовлияющий характер носит связь между успеваемостью школьников и их представлениями о своих способностях.

Период перехода в подростчество характеризуется «вытягиванием» временной перспективы в сторону отдаленного будущего, что может приводить к росту неадекватности самооценки, к излишней самоуверенности или, наоборот, к росту тревожности и пессимизма.

Переход на дистанционное обучение, представляющее собой новый формат получения знаний и их оценивания, является резкой сменой информационной среды и способен привести к повышению напряжения, трансформациям в социальных коммуникациях, росту тревожности, повлиять на самооценку и самосознание. Следовательно, исследование тревожности и самооценки подростков в период дистанционного обучения является чрезвычайно актуальным.

Основная часть. В процессе исследования нами была выдвинута гипотеза, что существуют различия в особенностях проявления тревожности и самооценки у подростков в условиях дистанционного обучения в сравнении с очным обучением.

Опираясь на периодизацию Д. Б. Эльконина, нами было проведено эмпирическое исследование уровня тревожности и самооценки у младших и старших подростков. Общий объем выборки составил 47 человек: 26 мальчиков и 21 девочка в возрасте 13 – 17 лет, из них младших подростков – 32 человека, старших – 15 человек.

Исследование тревожности и самооценки проводилось на протяжении 2019-2021 годов. Данные за 2019 и 2021 года были получены в период очного обучения, за 2020 год – в период дистанционного обучения.

Для проведения исследования нами были использованы: Шкала личностной тревожности для учащихся А. М. Прихожан; Тест школьной тревожности Б. Н. Филлипса; Тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалева; Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан. С целью выявления статистической значимости полученных различий использовался t -критерий Стьюдента.

В результате диагностики по шкале личностной тревожности для учащихся А.М. Прихожан было выявлено, что за весь исследуемый период среднегрупповые значения по всем видам тревожности соответствуют нормальному уровню тревожности, необходимому для адаптации и продуктивной деятельности [2]. В период дистанционного обучения наблюдается рост среднегруппового значения уровня тревожности по всем видам тревожности: школьная (с 9,28 до 11,98 баллов); самооценочная (с 10,06 до 12,02 баллов); межличностная (с 9,7 до 10,7 баллов); магическая (с 6,11 до 8,32 баллов); общая (с 35,15 до 43,02 баллов). Это свидетельствует о том, что во время дистанционного обучения у большинства подростков повысился общий уровень развития тревожных состояний, что может быть связано с переходом на новую форму обучения, непривычную для учащихся, с изменившимися условиями взаимодействия с другими людьми, вследствие чего возможны изменения в оценке самого себя [3].

В результате диагностики по тесту школьной тревожности Б. Н. Филлипса было выявлено, что за весь исследуемый период все среднегрупповые значения соответствуютциальному уровню тревожности. В период дистанционного обучения наблюдается повышение среднегруппового значения уровня тревожности по факторам «низкая

физиологическая сопротивляемость стрессу» (с 17 % до 24 %) и «страх самовыражения» (с 29 % до 35 %). Нестабильная и неизвестная ситуация с дистанционным обучением могла послужить триггером к возникновению противоречий в самовосприятии подростков. По остальным факторам тревожности наблюдается снижение среднегрупповых значений, что может быть связано с переходом к дистанционной форме обучения, исключающей нахождение подростков в школьных условиях.

В результате диагностики по тесту-опроснику «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалева было выявлено, что за весь исследуемый период среднегрупповое значение соответствует среднему уровню самооценки. В период дистанционного обучения наблюдается повышение среднегруппового значения уровня самооценки (с 49,4 до 46,9 баллов).

В результате диагностики по методике исследования самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан [1] было выявлено, что за весь исследуемый период наибольшему количеству учащихся (64 % в 2019 году; 70 % в 2020 году; 60 % в 2021 году) свойственен адекватный уровень самооценки. В период дистанционного обучения наблюдается снижение всех среднегрупповых показателей самооценки, за исключением шкалы «ум». Несоответствие изменений уровней самооценки по разным шкалам может быть связано с ростом личного удовлетворения из-за полученного опыта во время дистанционного обучения, и, в то же время, со сложностями адаптации к новым условиям обучения.

Статистически значимые результаты анализа данных по методикам за 2019-2021 года представлены в таблице.

Таблица 1
Статистически значимые результаты исследования за 2019-2021 года

Виды тревожности	Сравнение 2019 и 2020 годов	Сравнение 2020 и 2021 годов	Сравнение 2019 и 2021 годов
Школьная	2,8**	2,5*	
Самооценочная	2,2*		
Магическая	2*	2,7**	
Общая	2,5*		
Фruстрация потребности в достижении успеха		2,7**	
Страх самовыражения		2,1*	3,8**

Примечание: * – результат значим на 5% уровне;

** – результат значим на 1% уровне.

Заключение. Проведенный анализ показал, что существуют различия в особенностях проявления тревожности и самооценки у подростков в условиях дистанционного обучения в сравнении с очным обучением, что полностью подтверждает гипотезу исследования.

Результаты данного исследования могут применяться для улучшения организации дистанционного обучения. Возможно проведение дальнейше-

го эмпирического исследования на данной выборке для выяснения возможного влияния особенностей дистанционного обучения на изменение уровня тревожности и самооценки подростков.

Список литературы

1. Прихожан А. М. Применение методов прямого оценивания в работе школьного психолога. Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психоdiagностических методик. Сборник научных трудов / под ред. И. В. Дубровиной. – Москва: АПН СССР, 1988. – 166 с.
2. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.
3. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: учебное пособие: В 2 книгах. Книга 1: Система работы психолога с детьми разного возраста / Е. И. Рогов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ВЛАДОС, 1999. – 384 с.

УДК 159.922.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЮНОШЕЙ

Репенщук К. Ю.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
fylata_92@mail.ru

Введение. За последние несколько десятков лет проблема субъективного благополучия становится значимой, поскольку все больше юношней не удовлетворены собственной жизнью или каким-то отдельным ее аспектом. К тому же в психологической науке и практике нет точного определения того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в его основе, каким образом можно помочь личности в решении проблемы благополучия.

Для юношей проблема субъективного благополучия всегда особенно актуальна. Благополучие и здоровье юношей представляют собой непрерывный процесс восхождения и осуществления личностной самоактуализации; неблагополучие и болезнь влекут за собой неспособность стать полноценным человеком [3].

Основная часть. Проблема субъективного благополучия рассматривается в русле философских, психологических, социологических и других областей научного знания. Благополучие является многофакторным конструктом, который характеризуется сложной взаимосвязью культурных, психологических, социальных, духовных и физических факторов.

Теоретическую основу понятия «психологическое благополучие» заложил американский исследователь-социолог Н. Брэдберн, который считал, что для его описания необходимо оперировать признаками, отражающими состояние субъективного ощущения общей удовлетворенностью или неудовлетворенностью жизнью [1]. Родственными понятиями для субъективного благополучия являются «оптимизм», «счастье», «удовлетворенность жизнью».

Проанализировав походы различных авторов к пониманию содержания субъективного благополучия, были определены три основные категории:

Во-первых, нормативное благополучие, определяющееся по внешним критериям. Условием данного типа благополучия является степень соответствия индивида той системе ценностей, которая принята в данном обществе и культуре в целом. Человек ощущает себя благополучным, если он обладает набором социально-желательных качеств. Во-вторых, определение субъективного благополучия сводимо к понятию удовлетворенности жизнью в отношении того, что для данного конкретного респондента является хорошей жизнью. Иными словами, благополучие выступает как глобальная оценка качества жизни человека в соответствии с его личной позицией и убеждениями. В-третьих, субъективное благополучие взаимосвязано с пониманием счастья как главенствования положительных эмоций над отрицательными. Данная категория позволяет подчеркнуть приятные эмоциональные переживания, либо преобладающие в его жизни, либо к которым он склонен.

Понятие субъективного благополучия неоднозначно. Согласно исследованию Г. Л. Пучковой, субъективное благополучие обладает следующими признаками [6]:

1. Субъективность – существование субъективного благополучия внутри индивидуального опыта;

2. Позитивность изменения – это не только отсутствие негативных факторов, но и наличие позитивных показателей.

3. Глобальность измерения – включает глобальную оценку всех аспектов жизни личности в указанный период времени.

Основываясь на результатах множества зарубежных исследователей (E. Diener, MacLellan, Dolan), субъективное благополучие является системным образованием, для которого целесообразно выделить структурные компоненты [7]. Во-первых, когнитивный компоненты – включает представления об отдельных сторонах своей жизни; во-вторых – эмоциональный – предстает как переживание, объединяющее чувства, обусловленные успешным функционированием всех сфер личности. Субъективное благополучие индивида складывается из частных оценок разных сторон его жизни.

В теоретических и эмпирических исследованиях субъективного благополучия в юношеском возрасте особое внимание уделяется соответст-

вию актуальных потребностей субъективным возможностям человека по их удовлетворению. Отсюда следует, что при высоких потребностях и низком уровне оценки возможности их удовлетворения возникает субъективное неблагополучие, а противоположное – приводит к благополучию. Согласно исследованиям Л. П. Александровой (2013), С. А. Водяхи (2013), О. А. Елисеевой (2012) было выявлено, что низкий уровень психологической безопасности выступает не только как фактор снижения субъективного благополучия, но и как предиктор изменений его структуры, характеризуется снижением значимости социального окружения в образовательной среде наряду со снижением и активности самого субъекта, актуализацией направленности респондента на осознание своей уникальности [1].

Отечественные исследователи выделили ряд факторов, которые влияют на переживание субъективного благополучия: удовлетворенность жизнью (П. И. Яничев), психофизиологические (М. Аргайл), самооценкой (Н. А. Растрогина), соматические (О. С. Копина) и другие [2]. Факторами, которые влияют на субъективное благополучие юношеской, являются:

1. Социальные потребности, включающие стремление принадлежать к социальной группе и занимать в ней определенное место, пользоваться вниманием, быть объектом любви и уважения;
2. Потребности в познании окружающего мира и своего места в нем: путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей, а также открытия совершенно нового, неизвестного предыдущим поколениям;
3. Потребность в приобретении знаний, связанных с партнерскими отношениями и способностью принять на себя ответственность за коллектив и семью;
4. Потребности в доступности образовательного инструментария;
5. Потребность в формировании уверенности в себе, умении выстраивать межличностные отношения и управлять собой.
6. Потребность в поддержании своей внутренней гармонии.

Юношеский возраст является самым важным этапом в жизни человека, поскольку именно в этот период происходит не только профессиональное самоопределение, но и формирование интимно-личностных взаимоотношений с противоположным полом. Это время развития способностей, упрочнения черт личности и формирования мировоззрения, а также приобретения физической, когнитивной и психологической зрелости человека. Вызывает особый интерес исследование субъективного благополучия студентов О. А. Идобраевой [4]. Данная концепция постулирует условия, которые способствуют или препятствуют позитивному становлению личности на разных этапах онтогенетического развития: подростковом, юношеском и зрелом возрастах. В число таких особенностей включают соответствующие возрасту психологические новообразования и особенности ведущего вида деятельности, эмоциональное благополучие, а также индивидуальные черты личности и механизмы психологической

защиты. Согласно мнению автора, в юношеском возрасте показателем психологического благополучия является самоактуализация.

Заключение. Таким образом, факторы, влияющие на субъективное благополучие, представляют собой детерминанты разного рода, уровня и обобщенности [5]. При этом отмечается сложный характер взаимосвязей объективных и субъективных условий жизни, влияющих на субъективное благополучие личности.

Список литературы

1. Александрова Л. А. Личностные ресурсы преодоления затрудненных условий развития // Личностный потенциал: структура и диагностика / Л. А. Александрова, А. А. Лебедева, Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2011. – С. 97-106.
2. Аргайл М. Психология счастья / М. Аргайл. – Спб.: Питер, 2003. – 271 с.
3. Воронина А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа / А. В. Воронина // Сибирский психологический журнал. – 2005. – №3.
4. Идобраева О. А. К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развигийный и психолого-педагогический аспекты / О. А. Идобраева // Вестник Томского государственного ун-та. – 2011. – №351.
5. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью. // Общество и политика/ ред. В. Ю. Большаков. – Спб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000
6. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия: к разработке интегративной концепции / Р. М. Шамионов // Мир психологии. – 2002. – №2.
7. Diener E/ Subjective well-being // Psychological Bulletin. – 1984. – №95.

УДК 316.48:316.356.2

ДИАДИЧЕСКИЙ КОПИНГ И СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИТУАЦИИ ИЗОЛЯЦИИ СЕМЬИ

Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

tuylrsan@mail.ru

Введение. В современном обществе внутрисемейные отношения подвергаются значительным испытаниям, связанным с распространением коронавирусной инфекции. Защитные меры, предпринятые в пандемию, привели к неизбежным изменениям в психологическом, физическом, экономическом и социальном мире человека. Семейные отношения, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни, также претерпели существенную трансформацию. С одной стороны, COVID-19 стал катализатором проблем в семейных отношениях, с другой – заставил пересмотреть ценности семьи и брака. Поскольку институт семьи является достаточно сложной, многообразной многоуровневой и многофакторной структурой – период самоизоляции повлиял на каждый аспект отношений

между его членами. Режим самоизоляции заставил большинство людей проводить очень много времени дома, с членами семьи, что привело к возникновению стрессовых ситуаций и обострению существующих в семье проблем. При этом для более благоприятного прохождения стрессового периода и адаптации к новым условиям жизни, важным является обращение, как отдельных членов, так и всей семейной системы ко всем своим внутренним ресурсам. Одним из ресурсов преодоления семейных стрессов в период самоизоляции является использование супругами диадического копинга.

Целью данного исследования является изучение диадических копинг-стратегий и их связи с семейными отношениями у супружеских пар, которые находились на самоизоляции в период пандемии.

Основная часть. Под диадическим копингом в психологической литературе понимается форма преодоления напряжения, которая: 1) учитывает сигналы о стрессе от одного партнера и ответную реакцию (вербальную и невербальную) другого партнера на эти стрессовые проявления; 2) предполагает разделение задач и деятельности с партнером (делегированный диадический копинг); 3) включает совместный и согласованный подход супругов к напряженной ситуации (совместный диадический копинг). [1]

По своим характеристикам диадический копинг может быть: симметричным, в том случае, когда двое людей используют одинаковые способы психологического преодоления семейных трудностей, конгруэнтным, если индивидуальные копинги соответствуют друг другу; комплементарным: используемые способы совладания являются взаимодополняющими [1].

Диадический копинг оценивается большинством авторов как ресурсный и наиболее продуктивный тип совладания с трудностями в семье, обеспечивающий не только успешное преодоление стрессовых ситуаций, но и восприятие собственных супружеских отношений как ценных, близких, поддерживающих (конструктивный диадический копинг). Однако, диадическое совладающее поведение может иметь и отрицательное влияние на качество супружеских отношений и может привести к разрыву отношений [2].

В данном исследовании принимали участие две группы супружеских пар: первую группу составили супружеские пары, которые провели период самоизоляции вместе, во второй группе супруги не имели опыта вынужденной совместной самоизоляции.

Супружеский копинг диагностировался с помощью Опросника диадического копинга Г. Боденманна. Исследование диадных копинг-стратегий, позволило выявить характерное для супругов поведение во время стрессовой ситуации и ситуации социальной изоляции и без нее.

Так, для респондентов, которые не имели опыта совместной изоляции, наиболее часто применяемыми копингами являются: информирование

о личностном стрессе, делегированный личностный и делегированный копинг партнера. Что указывает, на возможность в стрессовой ситуации доверить ряд обязанностей партнеру и сконцентрировать все свои силы на решении, конкретной проблемной ситуации.

Для группы респондентов, которые проводили самоизоляцию совместно, получены сходные результаты. Эти партнеры достаточно часто используют такие копинги как информирования партнера о личностном стрессе, поддерживающий копинг, а также делегированный копинг партнера. Применение данных диадических копингов указывает на стремление супругами не только разделить эмоции в стрессовой ситуации, но и получить принятие и поддержку со стороны партнера, при этом в стрессовых ситуациях, партнер берет на себя ответственность с целью уменьшения стресса своего партнера.

Диадические копинг-стратегии партнеров могут являться ресурсом для стабилизации супружеских отношений в стрессовой ситуации, связанной с ситуацией изоляции и пандемии. С помощью корреляционного анализа были выявлено, что диадический делегированный копинг, применяемый супругами, имеет прямую связь с легкостью общения ($r= 0,59$, $p\leq 0,05$). Возможность попросить о помощи, переложить свои обязанности в стрессовой ситуации увеличивает легкость общения между супругами. Негативный диадический копинг имеет прямую связь с взаимопониманием ($r= 0,61$, $p\leq 0,05$) и отрицательную связь с такой характеристикой супружеского взаимодействия как воспитание детей ($r= -0,56$, $p\leq 0,05$). Общение во время стресса имеет прямую связь с нарушением ролевых ожиданий ($r= 0,57$, $p\leq 0,05$). Женщинам в моменты, когда они переживают стресс или перегружены, более свойственно просить помощи у своего партнера (в том числе, передать определенные занятия и домашние хлопоты), с другой стороны – открыто выражать радость практической поддержке, советам и помощи супруга. Однако, не получив желаемого, женщины могут чувствовать определенного рода не согласие с позицией мужчины, что и приводит к нарушению ролевых ожиданий. Поддерживающий диадический копинг имеет прямую связь с взаимопониманием между партнерами ($r= 0,52$, $p\leq 0,05$) и обратную связь с проявлением автономии супругов ($r= -0,59$, $p\leq 0,05$). Следовательно, возможность получения и оказания эмоциональной поддержки в паре приводит к увеличению взаимопонимания со стороны партнера, и снижает на общий уровень конфликтности в паре.

Заключение. Социальная изоляция в ситуации пандемии является для семьи ненормативным кризисом и его успешное преодоление зависит, прежде всего, от наличия у семьи определенных ресурсов совладания с трудностями. Результаты исследования показывают, что одним таких ресурсов, способствующих успешному разрешению семейного кризиса и формированию положительных семейных отношений, может быть применение супругами конструктивных форм диадического копинга. В дальней-

шем, перспективным является изучение взаимосвязей между индивидуальными и диадическими копингами супружов, а также влияния их возможных сочетаний на параметры отношений между супружами.

Список литературы

1. Королева Е. М. Роль диадического копинга для положительной динамики супружеских (партнерских) отношений: Дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Е. М. Королева; [Место защиты: Костром. гос. ун-т]. – Кострома, 2018. – 181 с.
2. Королева Е. М., Крюкова Т. Л. Диадический копинг как фактор положительной динамики супружеских отношений // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье и развитие: материалы IV Междунар. науч. конф. Кострома, 22-24 сент. 2016 г.: в 2 т. /отв. ред.: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – Т.2. – С. 61-64.

УДК 159.92+37.03

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Руденко С.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. Проблематика семейного чтения, несмотря на достаточную изученность, сохраняет свою актуальность. один из наиболее сильных факторов формирования личности, кристаллизации ее индивидуальной модели культурного образования. Чтение знакомит подрастающее поколение с достижениями культуры и искусства. С его помощью дети и взрослые знакомятся с особенностями различных культур и субкультур, что развивает эстетический вкус, способствует взаимопониманию, снятию социальной напряженности. в конечном счете, способствует процессам интеграции в обществе. Чтение выступает одним из факторов социализации ребенка. Традиционным же механизмом социализации посредством чтения в семье является усвоение норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, заложенных в текстах книг и иллюстрациях [1, 3]. В данной работе представлены основные результаты эмпирического изучения психологических особенностей семейного чтения.

Основная часть. В современной литературе термин «семейное чтение» не имеет четкого определения. Чаще всего этот феномен рассматривается как одна из моделей чтения. Ю. П. Мелентьева обозначает некоторые ключевые характеристики семейного чтения [2]. В основе семейного чтения лежит практика «чтения вслух», что вносит в сам процесс чувство близости, сопричастности, способствует формированию доверительной, атмосферы, понимания. Семейное чтение предполагает совместное действие, что способствует воспитанию сотрудничества. и взаимопониманию между разными поколениями. Семейное чтение формирует читательский

вкус и предпочтения. В модели семейного чтения реализуются важнейшие функции чтения – познавательная, воспитательная, развивающая, развлекательная, коммуникационная. Именно воспитательной функции, по мнению Ю. П. Мелентьевой, стоит отвести ведущую роль [2].

С целью выявления психологических особенностей семейного чтения нами был использован проективный метод. Была применена рисуночная процедура «Нарисуй, как читает ваша семья», в основу которой легла рисуночная анкета С. Н. Щегловой с некоторыми уточнениями. По инструкции детям предлагалось нарисовать, как читает их, а также ответить на ряд вопросов. Полученные результаты обрабатывались с помощью метода контент-анализа [3].

В обследовании приняли участие 243 ребенка, в возрасте преимущественно 7-9 лет.

Перейдем к основным результатам обследования. Для 76,7 % обследуемых семейное чтение – это прежде всего домашнее времяпрепровождение. На рисунках этих детей были представлены дома, квартиры или комнаты обследуемых, показано место(места) для чтения, что вполне объяснимо, так как семейное чтение требует одновременного и комфортного нахождения в одном месте всей семьи (или ее части). При этом небольшая часть обследуемых предпочитает в качестве места для чтения библиотеку (9,08 %). Читать всей семьей на прогулке, на природе – в парке или во дворе, на море, – склонны всего лишь 10 % детей. Менее 5 % обследуемых обозначили в качестве места для чтения что-либо другое.

Обратим внимание на изображенные на рисунках персонажи. Часть обследуемых изобразили только себя (13,3 %). При этом в 4,54 % рисунков изображения себя не было вовсе. В остальных же случаях, наряду с изображением себя, присутствовали и иные персонажи/члены семьи. Эти данные вполне согласуются с особенностями младшего школьного возраста (в том числе некоторым эгоцентризмом), а также подчеркивает адекватность представления детей о семье в целом и о семейном чтении – в частности. Соответственно, полученные рисунки могут отражать реальную картину жизнедеятельности детей и их семей. В 41,15 % случаев дети изобразили на рисунке всю семью. 38,8 % обследуемых изобразили чтение вместе со своими братьями и сестрами. Менее 1/5 занимают рисунки, на которых с ребенком читает только мама. Примечательно, что изображали на рисунке только одного из родителей (преимущественно маму) дети как из полных, так и из неполных семей. Мы можем предположить, что дети рисовали преимущественно того родителя, который с ними (или им) читает в реальной жизни. Чаще всего это именно мама. Таким образом, наши данные вполне согласуются с уже выведенными особенностями модели семейного чтения [2]. Чуть менее 10% рисунков показывают совместное чтение с бабушками и дедушками. Такая же часть рисунков содержит изображение животных (которым читают или с которыми читают, как следует из последующих бесед с ребенком).

Сюжеты 85,8 % рисунков предполагают отдых – дома, на природе/на море, на прогулке в парке и т.п. 10 % рисунков изображают какую-либо учебную ситуацию – на уроке в классе, на перемене, по дороге в школу или рядом со школой, в библиотеке. Последние случаи, на наш взгляд, также могут отражать особенности ситуации проведения обследования. Примечательно, что в небольшом количестве рисунков (1,5 %) изображения книги или ее заменителя нет, как нет и изображения самой ситуации чтения. Это может свидетельствовать как о неточном понимании инструкции детьми, так и о косвенном негативном отношении к чтению и вызываемых чтением негативных эмоций и ассоциаций. Зато почти в 3 % случаев изображена только книга, что также может говорить о неполном понимании инструкции, о формальном отношении к заданию. Однако нельзя исключать и вероятность косвенного негативного отношения не к чтению как таковому, а именно к ситуации семейного чтения.

Большинство обследуемых (90 %) предпочитают сказки – русские народные, А. С. Пушкина, Н. Носова, Г. Х. Андерсена, К. И. Чуковского, Т. Янсон, Л. Кэрролла, А. Милна, Дж. Роулинг и пр. В остальных случаях дети предпочитали читать «о природе», «о войне», «о животных», «о динозаврах», «энциклопедии», «рассказы», «приключения».

Отношение к чтению, озвученное вербально, в 81 % случаев оказалось положительным, что может свидетельствовать как о реально позитивном отношении к чтению, так и о влиянии на ответы фактора социальной желательности. В единичных случаях (1,2 %) ответ был отрицательным. Остальные же случаи ясного ответа на вопрос об отношении нам не дают.

Отношение к чтению по неверbalным характеристикам предполагало учет ряда параметров: соотнесенность цветов, размера, детализированность, качество проработки и т.п. Полученные результаты позволяют в несколько меньшем количестве случаев (72,2 %), что и при анализе предыдущей категории, подтвердить положительное отношение детей к чтению. Можно отметить тщательность и детальность проработки рисунков книг, соотнесенность цветов книги с предпочтаемыми цветами главных персонажей, соотнесенность их поз, поворота головы и направления взгляда с книгой в руках, общее доброжелательное выражение лица. В 9,15 % рисунков обнаружено амбивалентное отношение к чтению, как к делу необходимому, но не очень любимому. Лишь 1,23 % случаев подчеркивает отрицательное отношение к чтению. Наконец, отношение к чтению 17 % обследуемых можно описать как нейтральное.

Как мы видим, по анализу указанных двух категорий семейное чтение уверенно опережает самостоятельное чтение ребенка, вызывая ощутимо более позитивный отклик и подчеркивая роль родителей и вообще семьи в целом в постижении мира сквозь призму чтения.

Атмосфера чтения или основной эмоциональный фон в 72,6 % случаев являлись позитивными, о чем свидетельствовали выбранные

цвета, качество штриховки и характер нажима карандаша при рисовании, выражения лиц персонажей, тщательность проработки деталей, сюжет рисунка и т.п. В целом чтение для детей в большинстве случаев сопряжено с позитивными эмоциями. Лишь в 1,69 % случаев атмосфера рисунка может быть охарактеризована как гнетущая, в целом – как негативная.

Размер изображений у подавляющего большинства детей (50 %) был большим, в 41 % случаев рисунки были среднего размера и лишь в 10,6 % – маленькими. Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, о значимости, о роли чтения в жизни детей (соответственно, минимум для половины обследуемых чтение весьма значимо); с другой же, могут характеризовать развитость навыков рисования как такового: умение размещать рисунок на листе, выстраивать композицию и пр. Поэтому данная категория рассматривается не изолированно, а в системе других категорий. При этом стоит отметить, что достаточно часто большему размеру рисунка соответствовал более позитивный эмоциональный фон и отношение к чтению.

Проработанность изображения отмечена примерно в 92 % случаев. Это может свидетельствовать об отношении к чтению, об отношении к заданию и, наконец, навыках рисования как таковых. Обращают на себя внимание 8 % рисунков, которые в целом вполне качественно проработаны, детализированы, в отличии от изображенных на них книг. Это может говорить о том, что ребенок устал или не очень хорошо рисует именно книги. Однако в сочетании с качественной проработкой иных фрагментов изображения может речь может идти и об определенном (часто – амбивалентном или неясном, но, в ряде случаев, и негативном) отношении ребенка к чтению.

Заключение. Завершая анализ особенностей семейного чтения, отметим, что чтение играло и продолжает играть существенную роль в жизни детей. Современная жизнь неминуемо вносит свои корректизы. И задача как семьи, так и учреждений основного и дополнительного образования – продолжать заинтересовывать, отыскивать новые, современные способы мотивирования детей к чтению, способствовать созданию максимально благоприятной атмосферы для семейного чтения. И роль именно семейного чтения в социализации ребенка и развитии гармоничной личности в целом переоценить невозможно.

Список литературы

1. Колосова Е. А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования / Е. А. Колосова. – Москва: РГДБ, 2011. – 118 с.
2. Мелентьева Ю. П. Семейное чтение: теоретический аспект / Ю. П. Мелентьева // Библиосфера, 2011. – № 4. – С. 11–14.
3. Руденко С. В. Психологические особенности семейного чтения / С. В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2021. – № 2. – 133 с. – С. 104-112.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Светличная Н.В.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
svetlichnaya_nata@inbox.ru

На современном этапе формирования Народной Милиции Донецкой Народной Республики особенно актуален вопрос адаптации военнослужащих к меняющимся условиям военно-профессиональной деятельности.

Адаптированность военнослужащих, проходящих военную службу, является важнейшим условием качественного и добросовестного выполнения ими обязанностей военной службы. В трудах исследователей социально-психологическая адаптация трактуется как процесс вхождения военнослужащих в систему психологических связей новой социальной среды посредством активного поиска и выбора линии поведения, которые приводят к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и воинского коллектива [3, с. 43].

Исследователи выделяют ряд ключевых психологических характеристик личности, которые во многом определяют успешность адаптации военнослужащего [2]. Одной из них является жизнестойкость как способность личности успешно преодолевать неблагоприятные средовые условия, демонстрируя высокую устойчивость к стрессогенным факторам [1, с. 11].

Цель исследования состоит в эмпирическом изучении особенностей жизнестойкости военнослужащих как фактора адаптации к военно-профессиональной деятельности. Исследование проводилось на базе подразделения войск Народной Милиции ДНР. Выборку исследования составили 60 военнослужащих в возрасте от 18 до 45 лет со сроком службы до одного года.

Для исследования жизнестойкости военнослужащих как фактора их адаптации сформирован психодиагностический комплекс, в который вошли методики: тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и анкета социально-психологической адаптации работника Р. Х. Исмаилова, адаптированная в рамках исследования к профессиональной деятельности военнослужащих с учётом особенностей военно-профессиональной сферы [5].

На первом этапе исследования выявлено, что 50 % военнослужащих имеют выраженный уровень адаптации, 31,6 % – высокий, 18,6 % – удовлетворительный. Анализ отдельных критериев адаптации показал, что основными факторами выраженной и высокой адаптации военнослужащих выступают прежде всего социальные характеристики воинского коллектива: удовлетворенность своим положением в коллективе и уровень коллективизма (определенность своей роли в группе, отсутствие значимых

разногласий и конфликтов, сплоченность и т.д.). Причинами дезадаптации выступают неприспособленность к условиям военной службы, наличие конфликтов с вышестоящим командованием, негативное отношение к воинскому подразделению и военной службе в целом.

Целью второго этапа исследования являлось изучение жизнестойкости как фактора адаптации военнослужащих к военной деятельности.

Таблица

Процентное распределение показателей жизнестойкости у военнослужащих с различным уровнем адаптации

	Вовлеченность			Контроль			Принятие риска			Жизнестойкость		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	средний	низкий	Высокий	Средний	низкий
Высокий уровень(%)	26,3	63,1	10,6	36,8	57,9	5,3	42,1	52,6	5,3	36,8	52,6	10,6
Средний уровень (%)	36,6	50	13,4	23,3	63,3	13,4	30	60	10	16,7	69,9	13,4
Низкий уровень(%)	0	81,8	18,2	18,2	63,6	18,2	18,2	63,6	18,2	0	72,7	27,3

Большая часть военнослужащих с высоким уровнем адаптации способны успешно выдерживать стрессовую ситуацию, склонны воспринимать актуальную жизненную ситуацию как возможность для нового опыта и развития, контролируют значимые события своей жизни. Военнослужащие со средним уровнем адаптации также способны успешно преодолевать неблагоприятные условия и могут контролировать свою жизнь. В целом, можно отметить, что показатели респондентов с высоким и среднем уровнем социально-психологической адаптации значимо не различаются. Для военнослужащих с низким уровнем адаптации характерна несколько сниженная способность справляться со стрессовыми ситуациями, их успешность деятельности при этом снижается, что, в свою очередь, затрудняет процесс адаптации.

Статистический анализ с применением t-критерий Стьюдента показал наличие значимых различий в уровне жизнестойкости военнослужащих с различным уровнем адаптации. Можно отметить, что показатели жизнестойкости военнослужащих с низким уровнем адаптации существенно ниже, чем у лиц с высоким уровнем ($t=2,26$; $p\leq 0,05$); показатели вовлеченности военнослужащих с низким уровнем адаптации также значимо различаются с показателями выборок высоко адаптированных комбатантов ($t=2,3$; $p\leq 0,05$) и лиц со средней адаптацией ($t=2,03$; $p\leq 0,05$). В целом, военнослужащие со сниженной адаптацией могут преодолевать неблагоприятные условия, готовы преодолевать трудности. Однако эффективность деятельности при этом может снижаться.

Таким образом, адаптированные военнослужащие способны более успешно выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю

сбалансированность и не снижая успешность деятельности; их увлечённости службой и удовлетворению от своей занятости.

Список литературы

1. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Р. Мадди// Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – №6. – С. 87–101.
2. Маклаков А. Г. Психология и педагогика. Военная психология. Учебник для вузов / Под ред. А. Г. Маклакова.– Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 464 с.
3. Кравцов И. А. Дидактический аспект социально-психологической адаптации курсантов к учебе и службе в военной академии / И. А. Кравцов// Психологический журнал. – 2004. – № 3. – С. 43–50.
4. Погодин Ю. И. Психофизиологическое обеспечение профессиональной деятельности военнослужащих / Ю. И. Погодин, В. С. Новиков, А. А. Боченков // Военный медицинский журнал.– 1998. – № 11. – С. 27–36
5. Светличная Н. В. Нервно-психическая устойчивость как фактор адаптации военнослужащих к военно-профессиональной деятельности» / Н. В. Светличная// Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 5: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 338-341.

УДК 159.59

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сердюк А.А.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМД
nastusha30_07@mail.ru

На современном этапе развития психологической науки все чаще зарубежные и отечественные ученые проявляют интерес к позитивным аспектам человеческой жизни. Обусловлено это тем, что научно-технический прогресс, рост темпа жизни, высокая конкуренция и появление новых требований к человеку на рынке труда, рост глобализации различных сфер экономики и социальной жизни привели к возникновению трудноразрешимых жизненных проблем, а, следовательно, возникновению всякого рода стрессам. Зачастую человек оказывается неспособным справиться с навалившимися стрессовыми ситуациями, что в свою очередь может привести к снижению его качества жизни. Следовательно, вопросы позитивного функционирования личности являются крайне актуальными.

Исследование позитивного отношения к жизни на сегодняшний день значимо и необходимо, поскольку позитивное отношение к жизни связано с такими понятиями, как позитивное развитие (Larson, Sanders), оптимизм

(Peterson, Seligman), стресс и совладающее поведение (Крюкова, Водопьянова, Хазова и др.) и т.д.

В данной статье осуществлена попытка анализа основных теоретических подходов к изучению феномена позитивного отношения к жизни в зарубежной литературе. До второй половины 20 века исследований в этой области практически не было. В отечественной психологии в это время исследованию позитивных аспектов человеческой жизни, таких как оптимизм, позитивное мышление, позитивное отношение к жизни, уделялось еще меньше, чем в зарубежной.

Впервые вопросы позитивного отношения к жизни начали подниматься в исследованиях зарубежных ученых. В зарубежной психологии данный феномен рассматривался в контексте позитивной психологии, выделенной в самостоятельную научную область благодаря исследованиям М. Селигмана. В рамках позитивного подхода в психологии (М. Селигман, Дж. Вейлант, Э. Динера, М. Чиксентмихай), позитивное отношение к жизни рассматривается как психическое отношение к жизни, самому себе, происходящим событиям и событиям, которые только должны произойти. Позитивное отношение к жизни проявляется в ожидании счастья, радости, здоровья, успешного завершения любой ситуации и принимаемых решений [2].

М. Аргайл стремление к счастью считает одной из базовых потребностей личности с социологической точки зрения. Вследствие чего позитивное отношение к жизни каждого человека выстраивается на основе нескольких базовых состояний, включая в себя: положительные эмоции, состояние удовлетворенности и отсутствие негативных эмоциональных состояний [1]. С позитивным отношением к жизни связывают также и когнитивные аспекты личности, которые нередко называют способами мышления, в результате чего может складываться оптимистичный взгляд на жизнь.

По мнению позитивного психолога Барбары Фредриксон, позитивное отношение и позитивные эмоции «расширяют и наращивают» наши ресурсы и навыки и открывают перед человеком новые возможности (Fredrickson, 2004).

Профессор психологии, директор Мичиганского центра позитивной психологии Нансук Парк, проводила множество исследований, связанных с позитивным отношением к жизни и физическим здоровьем и пришла к выводу, что оптимистичные люди более активно взаимодействуют с миром и лучше решают проблемы, чем их пессимистичные коллеги. У них более частые и качественные социальные контакты, а также большая социальная поддержка. Все эти факторы могут привести к более здоровому поведению и привычкам и в конечном итоге к улучшению здоровья. (Nansook Park, 2016).

Позитивное отношение к жизни как психологический феномен целесообразно рассматривать через теорию исследования оптимизма как атрибутивного стиля. Позитивный стиль атрибуции (Sapouna & Wolke,

2013) – представляет такие личностные характеристики, как оптимизм (Hirsch, Wolford, LaLonde, Brunk & Parker-Morris, 2009), чувство юмора (Cann & Collette, 2014) и эмпатия (Pérez-González, Guilera, Pereda & Jarne, 2017), играющие ключевую роль в повышении благополучия у молодежи. Оптимизм – это тенденция, при которой люди связывают определенные негативные инциденты с временными и внешними факторами, а позитивные инциденты – с постоянными и внутренними факторами (Seligman, Abramson, Semmel & Von Baeyer, 1979). Это всеобъемлющий инструмент для объяснения жизненных событий, который полезен для психического здоровья (Ammirati, Lamis, Campos & Farber, 2015).

Оптимистический объяснительный стиль связан с хорошим здоровьем и долголетием (Peterson, Seligman, & Vaillant, 1988), эффективными способами решения проблем (Шатте Гиллхам, & Reivich, 2000; Старк & Босуэлл, 2000), снижением депрессии (Гиллхам и др., 2001, Seligman, Abramson, Semmel, & Von Baeyer, 1984), и более быстрым восстановлением после депрессии (Seligman, Castellon, Cacciola, Schulman, Luborsky et al., 1988).

Из более современных исследований позитивного отношения к жизни можно привести в пример исследование, которое получило название «Позитивное отношение к жизни, эмоциональная экспрессия, самооценка здоровья и депрессивные симптомы у долгожителей». Авторами данного исследования являются Каори Като, Ричард Цвейг, Нир Барзилай и Гил Ацмон (2012). В данном исследовании позитивное отношение к жизни относят к личностной характеристике (психометрическому обоснованному показателю личности). В ходе исследования оценивали личности 243 долгожителей, и обнаружили у них качества, которые четко отражают позитивное отношение к жизни. Большинство испытуемых отличались общительностью, оптимизмом и добродушно-веселым спокойствием. Испытуемые считали смех важной частью их жизни, имели широкую социальную сеть и выражали свои эмоции открыто, а не через разлив по бутылкам. Данный способ получил название шкала профиля кругозора личности. В рамках данного подхода структурными компонентами позитивного отношения к жизни выступают: общительность, оптимизм, смех, интроверсия\экстраверсия [4].

Теоретический анализ показал, что в последние два десятилетия в рамках фундаментальной и прикладной психологии – позитивной психологии (М. Чиксентмихайи, М. Селигман, Э. Динер, Б. Фредриксон, И. Бонивелл, Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин и др.) активно ведутся исследования источников и детерминант позитивного функционирования личности, таких как социальные отношения, генетическая предрасположенность, материальный достаток, удовлетворение потребностей, наличие целей и смысла жизни, физическая активность, личные особенности, принятие себя как личности и др. (Леонтьев, 2012)[3].

Таким образом, в дальнейшем исследовании научный интерес представляет концептуализация понятия «позитивное отношение к жизни», а также выявление и обоснование психологических детерминант позитивного отношения к жизни.

Список литературы

1. Аргайл М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 182 с.
2. Киреева М. В., Грибанова О. Н. Проблема позитивного мышления в отечественной и зарубежной психологии // Вестник евразийской науки. 2014. №4 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pozitivnogo-myshleniya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Леонтьев Д. А. Позитивная психология повестка дня нового столетия // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-psihologiya-povestka-dnya-novogo-stoletiya> (дата обращения: 23.09.2021).
4. Kato K, Zweig R, Barzilai N, Atzmon G. Positive attitude towards life and emotional expression as personality phenotypes for centenarians. Aging (Albany NY). 2012 May;4(5):359-67.

УДК 316.62

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ КАК СУБЪЕКТ ВЛИЯНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Ситнова И.В.¹, канд. соц. наук, доц., Панина Е.А.²

¹ФГБУН «Федеральный научно–исследовательский социологический центр Российской академии наук», г. Москва, РФ

²ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
sitnova.irina@Gmail.com, elposte2020@mail.ru

В современном меняющемся мире политическая реальность становится всё более сложной и всё более непредсказуемой. Социальные вызовы, политические и экономические риски требуют профессионального подхода к их осмыслению и анализу. Важнейшим элементом деятельности политики становится работа политического психолога как помощника, советника, консультанта.

Деятельность политического психолога в качестве помощника имеет специфические функции. На помощника возлагается выполнение широкого комплекса функций, занимающих промежуточное положение между конечными фактами процесса подготовки политического или управленческого решения. Начальные фазы этого процесса обеспечиваются соответствующими министерствами, ведомствами, подразделениями аппарата. В техническом плане – техническими службами (машинопись, процесс прохождения документов, размножение). Принятие решения входит в

компетентность руководителя, либо коллектива руководителей, которым он является. На стадии, когда проект и альтернативы решения содержательно и технически подготовлены, помощник рассматривает их соответствие необходимым и формальным критериям, а также их содержательное соответствие ранее принятому или планируемому курсу, личной позиции своего руководителя. Помощник организует необходимую доработку и готовит альтернативные материалы, докладывает руководителю, излагая соответствующую информацию, высказывая иногда собственное мнение (формальная или смешанная консультация), осуществляет контроль за выполнением решения до и после его принятия, организует начальную фазу подготовки перспективных решений или курсов. Речь идёт о широком комплексе функций помощника, в которых предъявляются высокие требования к его общему и профессиональному уровню. Это требует практической самостоятельности, наличия широких административных полномочий, при отсутствии политической самостоятельности. Административные полномочия нужны для того чтобы отдавать указания лицам, которые подчинены его руководителю, но не подчинены помощнику.

На практике все помощники характеризуются политическим и административным «весом» своего руководителя. Если политическая самостоятельность помощника дополняет самостоятельность руководителя, то помощник становится фактически политиком и в случае конфликта может стать его оппонентом.

Деятельность политического психолога в качестве советника предполагает некоторые особенности. Советник это высококвалифицированный и признанный специалист в какой-то области (экономика, финансы, внешняя политика и др.). Ценность советника определяется не его специальными знаниями, но само присутствие такого человека в «команде» политика служит важным политическим средством. Знания советника и его профессиональный авторитет могут быть использованы в борьбе с политическими оппонентами, как сильный аргумент в пользу того или иного курса, решения или отказа от него. Советник действует в более узкой сфере или частных направлениях, но не доступных для помощника уровне профессионализма и авторитета в этих областях. Поэтому советник участвует в формировании долговременных, стратегически значимых компонентов политики, концентрируясь на содержательных аспектах своего круга вопросов, передавая исполнение их технических аспектов помощнику руководителя. Советник может иметь высшие научные и политические регалии. Права и полномочия даются ему с должностью и выступают средством выполнения основных функций. Права и полномочия не могут быть занижены, так как этот факт начинает работать на понижение его профессионального статуса. Деятельность политического психолога в качестве консультанта или эксперта предполагает выполнение более специализированных функций, чем роли помощника и советника. Консультант, который находится в штате бюрократической структуры, как

правило «ведёт» определённый круг вопросов, занимается подготовкой текущих документов части, которой соответствует курируемая им область, поэтому консультанты могут быть не осведомлены по различным смежным вопросам, намерений руководителя и части их пересмотра. Сфера профессиональной ответственности консультанта оценивается в контексте официально принятых стратегий в пределах, которых он должен обладать профессиональной и политической подготовкой, научными и техническими знаниями, опытом практической работы. Политически помощник и консультант находятся в равных положениях. Но профессиональная грамотность консультанта оказывается выше, чем у помощника. У консультанта есть необходимость и возможность заниматься своей профессиональной деятельностью. Политическая самостоятельность консультанта не допускается. Мера административной самостоятельности консультанта ниже, чем у помощника и не идет в сравнение с самостоятельностью советника.

Для современной ситуации в России характерны два вида политического консультирования: 1) политическое консультирование, которое осуществляется «изнутри» аппарата политики (помощники, советники и консультанты), это деятельность по оказанию помощи в определении содержания, структуры, решения задач, за выполнение которых сам консультант не отвечает, но помогает тем, кто принимает решения; 2) политическое консультирование, которое осуществляется «извне», то есть независимыми от клиента консультантами из научных учреждений или консалтинговых фирм.

1. Типы консультирования клиента «изнутри» аппарата политики могут быть трёх видов: неформальное, формальное, смешанное. К первому типу относятся ситуации, в которых в роли советников выступают члены семьи, родственники, друзья, люди, не связанные в данный момент с политиком по службе и т.д. К формальному консультированию относятся все виды соответствующей профессиональной, служебной и политической информации, все официальные СМИ и литература, специальные обращения политика за консультациями к тем, кто обязан их давать лично политику в силу своего служебного или профессионального положения. При смешанном консультировании одна из сторон выступает в официальном, а другая в неофициальном качестве. Каждый из этих типов консультирования обладает для клиента различной информационной, практической и политической важностью.

2. Политическое консультирование, которое осуществляется «извне» аппарата политики предполагает два случая: а) источники консультирования по собственной инициативе направляют политику свои материалы консультативного характера, особенно если они делают это публично или происходит утечка информации; б) обращение политика к профессиональным консультантам, не входящим в структуру, к которой принадлежит сам политик. Политическое консультирование «извне»

аппарата политики это: 1) работа на выборах; 2) работа по выходу из кризисов. Воздействие на избирателей и общественное мнение, с целью обеспечения частичной или полной «победы» одной политической силы, в противоборстве политических сил; 3) построение корпоративной идентичности, PR-политической организации и обслуживание лидеров.

Таким образом, политический психолог как субъект влияния в политике может использовать в своей деятельности метод политического консультирования. Это метод, который помогает клиентам выявить ситуативные и личные проблемы, проанализировать их и дать рекомендации. Процесс, содержание и результат политического консультирования могут оцениваться как с позиции консультанта, так и с позиции клиента. И оценки могут оказаться различными. Так как стержнем, объединяющим эти два подхода, является цель данной конкретной консультации, то успех любой консультации зависит от того насколько консультант понимает подлинные цели обращения к нему клиента и цели самой консультации.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО МОТИВА ПРОТИВОПРАВНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d.ustinov@donnu.ru

Введение. Состояние преступности несовершеннолетних, как социального явления, не может оставлять равнодушным взрослых представителей современного общества. Статистика правонарушений, совершенных несовершеннолетними демонстрирует, что подавляющее большинство противоправных поступков, совершенных подростками и юношами, связаны с посягательствами на чужое имущество. Изучение и нейтрализация внутриличностных и внешних причин противоправного имущественного поведения является одним из факторов успешного противодействия этому негативному явлению. Основными психологическими компонентами, формирующими агрессивное поведение, являются преступные мотивы, среди которых специфически выделяется побуждение удовлетворить критически воздействующие физиологические потребности посредством совершения хищения.

Основная часть. Физиологический мотив противоправного имущественного поведения – побуждение незаконно извлечь материальную пользу для удовлетворения физиологических потребностей, если их неудовлетворение несет непосредственную угрозу здоровью или жизни.

Описание физиологического криминального мотива указывает на его материально ориентированную составляющую и одновременно описывает исключительный характер удовлетворяемых преступным путем потребностей. Совершая противоправный поступок, несовершеннолетний стремится к получению определенной материальной выгоды, которая позволит удовлетворить актуализированную физиологическую потребность. Однако уникальный эмоциональный фон, сопровождающий состояние неудовлетворения такой потребности определяет целесообразность выделения физиологического мотива как частной специфической формы корыстного мотива в отдельный вид мотивов преступного имущественного поведения.

Рассматривая потребностно-мотивационную сферу молодых людей подростковой и раннеюношеской стадии развития в контексте действующих социальных норм, стоит признать, что, с одной стороны, несовершеннолетнему члену общества решать проблемы по удовлетворению физиологических потребностей проще, поскольку эта обязанность возложена на его родителей или опекунов. С другой стороны, если подросток или юноша по каким-либо причинам вынужден самостоятельно решать повседневные жизненные проблемы, то вопрос добычи предметов удовлетворения потребностей либо денежных средств на их приобретение становится острее, чем у взрослого, так как ему сложнее законным путем получить необходимое.

На современном этапе развития психологической науки, при всем разнообразии потребностей, непосредственно связанных с физиологической деятельностью организма, не существует общепризнанного единого набора потребностей, острая актуализация которых может критически и немедленно влиять на организм индивида, а значит послужить психологической основой совершения преступления. Принимая за основу иерархическую модель потребностей, разработанную А. Маслоу, и анализируя ее фундаментальную ступень, где сосредоточены биологические запросы личности, обеспечивающие выживание организма, его жизнедеятельность и равновесие, и без которых значительно затруднено удовлетворение потребностей иных уровней [1], необходимо отметить, что с точки зрения преступной мотивации представляют интерес те из них, неудовлетворение которых в достаточной степени влечет немедленное обострение соматических проблем (потребность в еде, питье, тепле). Помимо потребностей здорового организма, такого характера обострение может быть вызвано и его болезненным состоянием, в том числе, специфическими потребностями организма, испытывающего последствия разового применения психоактивных веществ или страдающего алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией. При этом нецелесообразно считать физиологическим фактором, непосредственно побуждающим к совершению преступления, потребности организма, неудовлетворение которых имеет важное, но отсроченное воздействие.

На основании представленных суждений, определяющим фактором возникновения физиологического мотива противоправного имущественного поведения следует считать восприятие нарушителем собственного состояния неудовлетворения острой физиологической потребности как причиняющего немедленный критический вред здоровью, в том числе временного характера. При этом не имеет значения, была ли у нарушителя возможность избежать ситуации угрожающей неудовлетворенности физиологической потребности или принять меры к ее недопущению.

Особенности криминального физиологического мотива преступления требуют понимания того, что согласно А. Маслоу, энергией обладает лишь неудовлетворенное желание, неудовлетворенная потребность, а удовлетворенная страсть перестает быть страстью [2]. Так, *удовлетворенная потребность в еде, утоленный голод уже не играет никакой роли в текущей динамике поведения индивидуума. Например, ситуацию, когда 14-летний беспризорник ворует и съедает колбасу из-за того, что теряет сознание от голода, вероятно, следует отнести к проявлению физиологического мотива совершения противоправных имущественных действий. В то же время, ситуация, когда этот же подросток, утолив свой голод, возвращается в магазин и ворует колбасу, чтобы съесть ее вечером, будет проявлением иных видов побуждений.*

Рассматривая ситуации совершения несовершеннолетними краж и иных хищений, нельзя судить о наличии или отсутствии физиологического мотива преступления по стоимости, вкусовым качествам и прочим подобным потребительским характеристикам похищенного ввиду того, что на объектах торговли совершить кражу, например, шоколада или йогурта, зачастую, для подростка проще, чем хлеба или воды.

Проведенное исследование потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей показало, что потенциальный преступный физиологический мотив совершения имущественных правонарушений является достаточно редким и ситуативным побуждением. Показатели частоты (встречаемость – 1,59) и силы (интенсивность – 0,85) проявления анализируемого мотива, полученные в результате применения специализированной психодиагностической методики, позволили сделать вывод о его минимальном влиянии на формирование адиктивного поведения несовершеннолетних. Исследованные законопослушные подростки и юноши продемонстрировали схожие показатели потенциального преступного физиологического мотива (встречаемость – 2,09; интенсивность – 1,08), что также свидетельствует об отсутствии сколь-нибудь стабильных проявлений побуждений к противоправному поведению при удовлетворении физиологических потребностей, угрожающих здоровью. Индивидуальность и уникальность внутриличностных и внешних факторов, создающих ситуацию формирования преступного физиологического мотива, осложняют возможность его профилактического прогнозирования.

Заключение. Проведенный анализ физиологического мотива противоправного имущественного поведения продемонстрировал его малое влияние на совокупное преступное поведение несовершеннолетних. В тоже время, отдельные проявления преступного физиологического мотива в критических для испытуемого условиях не позволяют игнорировать этот вид побуждений при организации мероприятий профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Список литературы

1. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечения человека / К. Обуховский. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 132 с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Евразия, 1999. – 478 с.

УДК 004.415:159.955:316.276

НЕЧЕТКАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ В ГРУППАХ ИСПЫТУЕМЫХ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ КОМПОНЕНТОВ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

stvistvi@mail.ru

Введение и цели исследования. Одной из важных устойчивых тенденций в современном научном познании является рост заинтересованности в развитии и расширении сфер применения результатов исследований в области когнитивных наук, в том числе интереса к анализу когнитивных стилей получения и переработки информации [3, 7]. Данные исследования имеют самую высокую степень востребованности в теории управления, в медицине, при разработке высокоэффективных образовательных технологий [3]. К числу решаемых в этой связи научных заданий психологической науки относится проблема идентификации и классификации особенностей когнитивных стилей, определение показателей выраженности их компонентов на основе экспериментальных социopsихологических исследований. В частности, важным в теоретическом и прикладном отношении является определение степени выраженности аналитического и интуитивного компонентов когнитивного стиля [5, 6, 8]. Результатами исследований по данной проблематике выступают формирование общих представлений о совокупности предметных различий в сопоставляемых стилях, а также создание ряда методик, тестов и опросников для выработки интегральных показателей доминирования психологических качеств, свойственных данным стилем особым особенностям. При этом сфор-

мулированы альтернативные точки зрения на интуитивный и аналитический стили, как на биполярные конструкты, противоположные полюсы единого измерения с взаимодополняющими связями, и как на стили, которым свойственна самая значительная мера независимости в совокупной структуре интеллектуального поведения [5, 8]. Идентификации степени выраженности аналитического и интуитивного компонентов когнитивного стиля основывается на представлениях о доступных выявлению различиях между интуитивным и аналитическим способами понимания и переработки информации [5, 6, 8], на учете широкого ряда факторов специфики стилевых особенностей и на используемом способе заключения о доминировании той или иной стилевой компоненты. При этом последняя фаза выработки оценочного суждения крайне сложна ввиду множественности парциальных факторов оценивания выраженности стилевых особенностей, наличия разнотипных, имеющих количественную и лингвистическую природу параметров оценивания, различий в способах и шкалах их измерения, высокой степени неконтрастности получаемых опытных экспериментальных данных. В качестве одного из подходов, повышающих точность учета множественности и неконтрастности парциальных факторов идентификации стилевых особенностей, в работе [6] предложена методика диагностики структурных особенностей когнитивных стилей на основе процедуры разветвленного иерархического анализа данных психодиагностики. В настоящей работе в рамках концепции независимости аналитического и интуитивного компонентов когнитивных стилей для дифференциации неконтрастных данных экспериментальных исследований по оценке их доминирования в группах субъектов психологического тестирования предложено применение многомерной классификации (кластеризации) [4] с использованием аппарата теории нечетких множеств [1, 2].

Характеристика методики нечеткой кластеризации в группах испытуемых. Осуществление многомерной классификации на множестве объектов базируется на формировании их дифференцированных классов методами теории кластерного анализа [2, 4] и заключается в разбиении некоторой исследуемой выборки объектов на подмножества – кластеры схожих объектов с общим свойством, существенно отличающиеся при этом для различных кластеров, что открывает возможности дальнейшего применения специфических методов анализа данных в каждой выделенной группе, уменьшения объема выборки для реализации последующих исследований и возможностью обнаружения в выборке нетипичных объектов. Согласно концепции кластерного анализа, его этапами являются формирование множества переменных – признаков для оценивания включенных в выборку объектов, определение способа оценивания сходства между объектами, реализация алгоритма кластеризации и верификация его результатов, а требованиями к исходным данным являются их описание набором числовых признаков либо матрицами расстояний между объек-

тами, их некоррелированность, однотипность единиц измерения либо оперирование безразмерными нормированными данными, однородность данных выборки. Ключевым аспектом алгоритма многомерной классификации является выбор схемы определения близости векторов наблюдений. В представляющей нечетко-множественной версии метода кластерного анализа, ориентированной на применение в психологических исследованиях, для кластеризации в группах испытуемых при идентификации выраженности аналитического либо интуитивного когнитивного стиля компонентами векторов экспериментальных данных являются элементы нормальных нечетких множеств, введенных в [6] и описывающих степень проявления соответствующего учитываемого признака. В процессе реализации алгоритма формирования кластеров декларируется их число, и исходя из значений функций принадлежности для компонентов векторов экспериментальных данных в ситуациях абсолютного доминирования аналитического либо интуитивного когнитивного стиля по каждому из учитываемых признаков, согласно правилу, представленному в [2], и с использованием указанных значений функций принадлежности, определяются начальные центры конструируемых кластеров. Их дальнейшее формирование осуществляется на основе алгоритма С-средних по принципу минимального средневзвешенного расстояния от анализируемого для включения в кластер объекта до текущих положений центров кластеров [2, 4]. В реализуемом алгоритме средневзвешенное расстояние от объекта до центра кластера определяется с использованием диагональной нормы [2]. После включения в кластеры новых объектов с учетом значений функций принадлежности для компонентов вектора характеристик анализируемого объекта, на основе представленного в [2] соотношения рассчитываются параметры их новых центров.

Заключение. В итоге представленных исследований предложен алгоритм многомерной нечеткой кластеризации в группах субъектов психодиагностики и выделения подгрупп испытуемых с оговариваемой степенью выраженности аналитического либо интуитивного компонентов когнитивных стилей.

Список литературы

1. Алтутин А. Е. Теоретическое и практическое применение методов принятия решений в условиях неопределенности: Т. 1. Общие принципы принятия решений в условиях различных видов неопределенности / А. Е. Алтутин. – М.: Издат. решен., 2019. – 484 с.
2. Зак Ю. А. Принятие решений в условиях нечетких и размытых данных: Fuzzy-технологии / Ю. А. Зак. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.
3. Карпова Е. В. Когнитивные стили: история вопроса и новые проблемы / Е. В. Карпова, А. В. Яблокова // Ярославский педагог. вестн. – 2016. – № 6. – С. 220–226.
4. Лабинский А. Ю. Многомерная классификация с использованием нечеткой логики / А. Ю. Лабинский // Вестн. С.-Пб. ун-та государств. противопожарн. службы МЧС России. – 2018. – № 2. – С. 71–78. – URL: <https://igps.ru/Content/publication/>

- documents/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0% BA%202-2018_63766800812549 8046.pdf
5. Степаносова О. В. Современные представления об интуиции / О. В. Степаносова // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 133–142.
 6. Устинова Н. В. Нечеткая иерархическая модель идентификации степени выраженности интуитивного компонента когнитивного стиля / Н. В. Устинова // Донецкие чтения 2019: Матер. IV Междунар. научн. конф. – Том 5: Философские и психологические науки. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 363–365.
 7. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
 8. Allison C. W. Intuitions and entrepreneurial behavior / C. W. Allison, E. Chell, J. Hayes // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2000. – V. 9, №1. – P. 31-43.

УДК 159.923.2

ИНТЕРЕС К СЕБЕ КАК ФАКТОР САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Филатова Д.С.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел ДНР»
г. Донецк, ДНР
DariaFilitova@yandex.ru

Введение. Современный мир предъявляет все большие требования к человеку. С возрастающим количеством возможностей и вариантов самореализации, современная молодежь сталкивается с необходимостью все более раннего самоопределения в профессиональной жизни, в гендерной принадлежности, в политической сфере, кроме того возникают социальные требования следовать модным тенденциям во внешнем виде, творческих проявлениях и т.д. Но, вместе с тем, в СМИ прослеживается посыл к прогрессивной молодежи «быть собой», «быть индивидуальностью», «быть не похожим на других». Все вместе это формирует у молодежи желание самореализоваться, без понимания возможных путей это осуществить.

Цель данной статьи описать один из базовых факторов самореализации – интерес к себе.

Основная часть. Развитие личности, ее становление в социуме происходит неотделимо от постоянно задаваемого вопроса: «Кто я?», «Какое место я занимаю в этом мире?», «Какова моя цель и предназначение?». Первый осознанный интерес к себе как личности появляется уже с трех лет и далее сопровождает человека на протяжении всей жизни.

Представленной в гуманистической психологии пирамиде потребностей А. Маслоу [5] «самоактуализация» является вершиной данной пирамиды, завершающим звеном всех потребностей человека.

Виктор Франкл пишет: «Поиск смысла жизни – это основная мотивация человеческой жизни, а вовсе не «вторичная рационализация»

(сознательное объяснение) инстинктивных побуждений. Этот смысл уникален и специфичен, так как должен быть найден и осуществлен только самим человеком; только тогда он может удовлетворить его собственную волю (стремление) к смыслу» [7].

Вопрос самореализации личности рассматривался такими зарубежными исследователями как К. Юнг, Э. Эриксон, Э. Фромм, Ш. Бюлер, Р. Ассаджиоли, К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс, Дж. Олпорт, Р. Мэй, В. Франкл, Э. Шостром, К. Гроф. В отечественной психологии данный вопрос рассматривался Б. Г. Ананьевым, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, А. А. Бодалевым, А. Н. Леонтьевым, К.А.Абульхановой-Славской и др.

Обобщая разные источники литературы, посвященные данной теме можно сказать, что самореализация – это процесс, когда человек реализовывает свои способности и внутренние ресурсы в настоящем.

Самореализация является системным психологическим образованием и в ее структуру входят следующие компоненты: содержательный, побуждающий и регулирующий. Актуализация содержательного компонента реализуется путем самоопределения через интерес к себе, а так же рефлексию, самоанализ [1, 6]. Результатом самоопределения становится личностный выбор направления самореализации.

Реализация собственных способностей и внутренних ресурсов возможна только после того как человек тщательно изучит и осознает их в себе. Таки образом первоначальным и базовым фактором самореализации является интерес к себе.

Интерес к себе является многосторонним явлением. Это и интерес к себе в прошлом, и внимательное отношение к своему эмоциональному и ментальному состоянию в настоящем, и осознание и формулировка своих целей и планов на будущее.

Множество психологических исследований посвящено пользе саморефлексии, как в профессиональной деятельности, так и личной жизни (Э. Берн, А. Деркач, Н. Кузьминой, А. Карпова, Е. Потапчука, А. Сафина, В. Ягупова, Т. Яценко). Однако, саморефлексию можно определить как ретроспективный обзор своих возможностей и достижений, т.е. как составную часть интереса к себе.

Поэтому, интерес к себе, в большей степени – это постоянное узнавание себя в настоящем. Человек как личность постоянно развивается и меняется, поэтому внимательное отношение к себе в данный момент времени и является базой функционирования данного механизма.

Важно отметить, что интерес к себе не является нарциссическим проявление личности. В случае нарциссизма человек всячески проявляет и даже навязывает свою личность вовне, он пытается отразиться в других людях [4]. В случае интереса к себе человек направляет локус контроля вовнутрь, на себя.

Следует так же разграничить понятия «интерес к себе» и «сосредоточенность на себе». Существуют исследования, в которых утверждается, что сосредоточенность на себе связана с хроническими отрицательными эмоциональными состояниями и способствует формированию многих психических нарушений, таких как депрессия, тревожное расстройство, токсикомания, шизофрения, психопатия [6]. Это зависит так же от степени принятия себя человеком. В случае с низким уровнем самопринятия влияние высокой осведомленности влияет на формирование симптомов депрессии, алекситимии, снижение психологического благополучия, склонность использовать неадаптивные способы регуляции эмоций (руминации, подавление эмоциональной экспрессии в межличностных контактах) и копинг-стратегии. Высокое принятие в сочетании с высокой осведомленностью снижает выраженность симптомов депрессии, проявления алекситимии, ведет к увеличению психологического благополучия, уменьшению использования неадаптивных способов регуляции эмоций и копинг-стратегий. [3]. В данном случае, термин «осведомленность» используется как составная часть феномена осознанности (Mindfulness), описанной как произвольное сосредоточение внимания на событиях, происходящих в настоящий момент, неосуждающим или принимающим способом [2].

Развитие интереса к себе возможно через наблюдение, внимательное отношение к окружающему миру, саморефлексию, поисковый и исследовательский процесс, стремлению к самосовершенствованию.

Заключение. Таким образом, интерес к себе и как результат знания о себе, понимание своих эмоций, возможностей, предпочтений является ресурсным состоянием личности. Это системообразующим фактором самореализации, позволяющий личности сохранить свою уникальность и идентичность.

Список литературы

1. Галажинский Э. В. Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности / Э. В. Галажинский // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии» (20 апреля 2001 года). – Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. – С. 38-48.
2. Голубев А. М. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности / А. М. Голубев, Е. А. Дорошева // Сибирский психологический журнал. –2018. – № 69. – С. 46–68.
3. Дорошева Е. А. Проблематика оценки аспекта осознанности «наблюдение» / Е. А. Дорошева, А. М. Голубев // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2017: Труды V всероссийской конференции. – Нижний Новгород: ИПФ РАН. – 2017 – С. 90-93.
4. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. – М.: Независимая фирма “Класс”, 2001. – 480 с. – (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 49).
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / Абрахам Г. Маслоу; [Пер. с англ. Татлыбаева А. М.]. – СПб : Евразия, 1999. – 479 с.

6. Рубцова М. О. Взаимосвязь эмоциональных свойств личности и самореализации в зрелом возрасте – Текст: электронный // Материалы межрегиональной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии личности» 20 августа 2009 г. – <http://sibac.info>. (дата обращения: 10.09.2021).
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: [Сборник]: Пер. с англ. и нем. / В. Франкл; Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5-21]. – М.: Прогресс, 1990. – 366,[1] с.

УДК 159.9

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СТИЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СПОРТСМЕНОВ ИГРОВЫХ ВИДОВ СПОРТА

Ходарева Э. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lina.h@mail.ru

Введение. В современном динамичном мире для достижения успеха в любой сфере жизни психологический компонент стал одним из наиболее необходимых. Кризисные ситуации и высокий уровень ежедневного стресса требует развития таких качеств как: правильная мотивация, способность контролировать свои эмоции, умение регулировать мысли и поведение во всевозможных жизненных ситуациях.

В таком виде деятельности, как спорт, умение справляться со стрессом, вызванным высокими физическими нагрузками и психологическим напряжением соревновательного периода, является одним из ключевых факторов достижения успеха. Поэтому необходимость умения справляться со стрессом, который обусловлен особенностями такого вида деятельности как спорт, выводит на первый план такую важную составляющую жизнедеятельности как саморегуляция [5].

Цель данной работы – рассмотреть стилевые особенности саморегуляции спортсменов игровых видов спорта.

Важность проблемы саморегуляции состоит в том, что в спорте при равных физических, технических и тактических уровнях подготовки, психологическая подготовленность спортсмена имеет ключевую роль для победы. Моросанова В. И. [2] утверждает, что саморегуляция способствует мобилизации и интеграции свойств личности для достижения целей, а также выработке адаптивного поведения. Способность управлять собой с учетом поставленных целей и задач, является важным фактором достижения высоких результатов спортсменами [1].

Стиль саморегуляции – важный, но малоизученный фактор психологической подготовки спортсменов игровых видов спорта. Индивидуальные стилевые особенности саморегуляции и управление внешней и внутренней целенаправленной активностью являются типичными, устойчи-

выми для личности, и дают возможность глубже рассмотреть изучаемый вопрос [3].

Эмпирическое исследование. Для анализа саморегуляции у спортсменов игровых видов спорта использовался опросник «*Стиль саморегуляции поведения – ССП-98*» В. И. Моросановой. В. И. Моросанова акцентирует предназначение данной методики для определения типичных и устойчивых проявлений индивидуальных особенностей саморегуляции в самых различных профессиональных ситуациях, за счет чего можно выявить именно стилевые особенности саморегуляции [4].

В исследовании были проанализированы результаты 36 спортсменов, находящихся на разных этапах спортивной подготовки и разделены на две группы. В группе начальной подготовки (ГНП) спортивный опыт спортсменов до четырех лет и спортсмены имеют юношеский спортивный разряд, в учебно-тренировочной группе (УТГ) спортивный разряд от третьего взрослого и выше, а также длительность спортивного обучения составляет более четырёх лет. Выборка ГНП состоит из 15 спортсменов, УТГ – из 21 спортсмена.

Мы смогли сравнить выраженность показателей стилевой саморегуляции у спортсменов игровых видов спорта на разных этапах спортивного обучения. Средний общий уровень стилевой саморегуляции выше у спортсменов УТГ и равен 31, у ГНП – 25,8, что говорит о более сформированных навыках саморегуляции в группе УТГ. Используя t-критерий Стьюдента, мы подтвердили статистически значимые различия для показателей стилевой саморегуляции, таких как: *планирование, программирование, оценка результата, гибкость, самостоятельность, общий уровень*. Различия данных показателей были на уровне значимости $p \leq 0,01$.

В выборке УТГ спортсмены имеют более высокий уровень почти по всем показателям стилевой саморегуляции, но наибольшая разница прослеживается по показателям: *планирование* (УТГ – 6,3, ГНП – 4,2), *программирование* (УТГ – 6,2, ГНП – 4,4), *гибкость* (УТГ – 7,8, ГНП – 5,9). Показатели *оценка результата* (УТГ – 5,4, ГНП – 4,2) и *самостоятельность* (УТГ – 5,7, ГНП – 4,5) также различались на уровне значимости $p \leq 0,01$. По показателю *моделирование* не было выявлено различности между двумя выборками.

Анализируя различия в выборках, можно предположить, что показатель *планирование* выше в УТГ за счет того, что могут ставиться разные цели на данных этапах спортивной подготовки, также влияет более высокий уровень спортивного мастерства.

Не выявленные различия по компоненту *моделирование* (*t*-критерий по данному показателю равен 1,66) могут указывать на то, что спортсмены обоих выборок еще в недостаточной мере умеют контролировать, оценивать и корректировать свои действия самостоятельно.

Показатель *программирование* может говорить о том, что в выборке ГНП еще недостаточно сформирован навык детализации возможных буду-

щих действий, а также что за очередьность выполняемых шагов полная ответственность лежит на тренере, в отличии от спортсменов в выборке УТГ.

Различие в показателе *оценка результата* может быть связана с большим соревновательным и тренировочным опытом у спортсменов выборки УТГ, а также с овладением навыка самооценивания.

При анализе компонента *гибкость* можем утверждать, что специфика игровых видов спорта способствует развитию данного компонента, появляется способность к адаптации под внешние и внутренние изменяющиеся условия, для достижения поставленных задач.

Показатель *самостоятельность* показывает, что более старший возраст и приобретенный опыт позволяет спортсменам принимать решения и, соответственно, брать ответственность за их выполнение на себя.

Заключение. Проведя анализ показателей стилевой саморегуляции у спортсменов игровых видов спорта, мы выявили значимые различия по большинству компонентов саморегуляции, в зависимости от уровня профессиональной подготовки спортсменов. Данный анализ говорит о повышении целостности системы саморегуляции в многолетнем графике подготовки спортсменов, о планомерном повышении уровня саморегуляции при приобретении большего соревновательного опыта и переходе на более высокий уровень спортивной подготовки, а также о необходимости развития навыка саморегуляции на более ранних этапах подготовки, для скорейшего достижения высоких целей.

Список литературы

1. Конопкин О. А., Моросанова В. И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Психологический журнал. – № 3. – 1987. – С. 18-26.
2. Моросанова В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. И. Аронова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 213 с.
3. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 26-35.
4. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6. – С. 5-17.
5. Crust L, Azadi K. Mental toughness and athletes' use of psychological strategies. European Journal of Sport Science, 2010; 10(1):43–51. doi:10.1080/17461390903049972.

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКА

Худокормова Д.Р., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

khudokormovadaria@yandex.ua

Город Донецк, столица Донецкой Народной Республики, более семи лет находится в условиях длительного военного конфликта. Его жители, как и жители всей Республики, живут в экстремальных условиях. В настоящее время среди горожан можно выделить три категории. Первая – это дончане, которые никогда не покидали город, даже в самые трудные его времена. Донецк находится очень близко с линией фронта, поэтому часть его жителей во времена сильных обстрелов 2014–2015 гг. вынуждена была уехать из города. Сейчас наблюдается тенденция возвращения дончан домой. Именно они составляют вторую категорию жителей. Мы выделили третью категорию новых жителей, переехавших сюда из маленьких городков и поселков Донбасса в годы конфликта. Различия в восприятии города и его жителей для каждой из перечисленных категорий дончан проявляются в повседневной жизни, городских коммуникациях, могут приводить к конфликтам, быть причинами желания остаться жить в Донецке или покинуть его. Именно особенность социальной ситуации города делает актуальным изучения городской идентичности жителей военного города.

Городская идентичность в психологии понимается как стабильное суждение человека о себе как жителе конкретного города, прямое переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям [2]. Ее изучением занимались Э. Берджесс, Д. В. Визгалов, Г. В. Горнова, А. Лефф, К. Линч, Э. Сой, Н. А. Шматко, М. В. Яковлева.

В нашем исследовании приняло участие 600 человек в возрасте от 14 до 68 лет. Было сформировано три выборки по 200 человека в каждой: в первую вошли коренные жители Донецка (89 мужчин и 111 женщин, средний возраст которых 34 года), проживающие в городе постоянно, во вторую группу вошли коренные дончане, которые выезжали из Донецка во время активных боевых действий (105 мужчин и 95 женщин, средний возраст которых 39 лет), третью группу составили те жители, которые переехали из других городов Донбасса и проживают в Донецке не более пяти лет (93 мужчины и 107 женщины, средний возраст которых 37 лет). Выборки репрезентативны, в ней представлены люди разных возрастов, профессий, образовательного уровня и материального достатка.

Для диагностики городской идентичности нами были использованы следующие методики [1]: «Незаконченные предложения» (в авторской

модификации); семантический дифференциал «Город в восприятии горожан» (Е. Е. Пронина и Н. С. Гончарова); неструктурированное фокусированное интервью «Мой город» (Н. К. Радина); «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (С. А. Богомаз, В. В. Мацута). Достоверность различий проверялась с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса.

Результаты изучения реализуемости ценностей (методика СОРБЦ С. А. Богомаза) показали, что наименьший результат получили коренные жители, покидавшие город во время боевых действий (*59,61 балла*, что соответствует среднему уровню реализации), а приезжие и коренные жители, не покидавшие город во время боевых действий, видят большие возможности для реализации своих потребностей (*94,99* и *86,31* баллов соответственно). Различия подтверждены с помощью критерия Крускала-Уоллиса на 0,1 % уровне статистической значимости ($H_{эмп.} = 362,75$).

На основе данных, полученных в результате применения методик «Незаконченные предложения», интервью «Мой город» (испытуемые должны были рассказать о своем городе трем людям: жителю обычного города, то есть «своим», жителю Москвы, то есть «другому» и жителю ЕС или США, то есть «чужому») и «Город в восприятии горожан», Донецк для горожан выглядит следующим образом.

Коренные жители, которые не выезжали из города во время боевых действий, считают свой город красивым (*1,68*), вдохновляющим (*1,75*) и мужественным (*1,68*). Оценка дана по шкале от 0 до 3 баллов. Город ассоциируется с родным домом (*58 % ответов*), он является важной частью их жизни (*46 %*), здесь можно стать лучше (*37 %*), сильнее (*70 %*) и мужественнее (*59 %*). Большинство (*89%*) чувствует свою принадлежность к городу и считают, что быть жителем города – значит быть настоящим (*48 %*) и искренним (*42 %*), добиваться своих целей любой ценой (*51 %*), верить в лучшее (*69 %*) и всегда быть готовым к действию (*84 %*). Те респонденты (*11 %*), которые стремятся уехать из города среди причин выделяют желание стабильности и сложность поиска заработка. Рассказывая о Донецке «для своих» (в данном случае – для жителей малых городов) жители говорят о стойкости горожан, красоте города и в целом о жизни. Город «для других» (для столичных жителей) – это описание «реальной жизни», полной трудностей, которые недоступны столичным жителям. Только здесь, по мнению коренных дончан, которые описывают свой город «для чужих», можно осознать смысл жизни и приблизиться к правде.

Коренные жители, которые выезжали на время боевых действий, также считают Донецк мужественным (*1,02*), они отмечают его уникальность (*1,67*) и отсутствие безопасности (*1,07*). Многие (*77 %*) не хотят продолжать жить здесь и в ближайшем будущем снова планируют покинуть город. На это есть несколько причин: отсутствие безопасности (непрекращающиеся обстрелы), отсутствие многих благ, которые есть в странах, не

участвующих в военных конфликтах, и несоответствие заработных плат и затрат на жизнь в городе. Описывая Донецк для разных категорий слушателей, респонденты говорят о недостаточно развитой инфраструктуре, нежелании находится в городе и даже о нарушении прав человека.

Приезжие жители описывают Донецк как новый и современный город (1,73), отмечая его красоту (1,53), яркость (1,82) и способность вдохновлять (1,65). Он кажется большим (50 %), изысканным (37 %), стойким (91 %) и перспективным (75 %). Меньше 1 % опрошенных хотели бы уехать из Донецка, так как видят в нем возможности для развития. Описывают город для разных категорий примерно одинаково: говорят о силе и стойкости, о красоте города и о его уникальности. То есть в целом приезжие жители имеют наиболее позитивный образ города, что можно объяснить тем, что большинство приезжает из маленьких городов и сел, порой достаточно разрушенных во время военных действий, с проблемами найти работу для их жителей.

Психологическая составляющая научного анализа актуальной ситуации в Донбассе является одной из главных задач психологической науки и практики на современном этапе. На наш взгляд одним из важнейших направлений такого анализа является исследование индивидуально-психологических особенностей переживания личности в ситуации военного конфликта. Исходя из данных результатов, можно сделать следующие выводы. Наиболее положительным Донецк стал для тех жителей, которые приехали из других небольших городов и поселков республики, а наименее положительным – для коренных жителей, которые уезжали на время активных боевых действий. Причиной этому могло стать сравнение с другими городами (менее и более развитых соответственно), на их фоне Донецк менял свой облик.

Список литературы

1. Социально-психологические исследования города / Российская акад. наук, Ин-т психологии; отв. ред.: Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2016. – 272 с.
2. Словарь / сост. С. Ю. Головин // Словарь практического психолога – Минск: Харвест, 2007. – 976 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ НАСИЛИЯ В ДЕТСКОЙ СРЕДЕ

Черникова Е.В., канд. пед. наук, доц.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
г. Тирасполь, РФ
chevsararov@mail.ru

Вопросы предупреждения насилия в детской среде рассматривались в работах представителей гуманистического направления воспитания Дж. Локка, М. Монтессори, Ж.-Ж. Руссо, В. Сухомлинского, К. Ушинского и др. Идеи ненасилия отображались в педагогической практике А. Макаренко, Е. Ильина, Ш. Амонашвили, В. Шаталова и др. Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы в области теории ненасилия М. Ганди, Г. Сковороды, и др., которые ориентированы на развитие лучших человеческих качеств [1].

Словарь В. Даля определяет насилие как «деяние обременительное, оскорбительное, незаконное, произвольное» [4, с. 469].

Представляет интерес то, что в последнее десятилетие насилие в детской среде было признано обществом и учеными как серьезная и масштабная проблема, которая порождает множество других социально-психологических, индивидуальных и социальных проблем.

Следует отметить, что по данным ЮНИСЕФ, каждые 5 минут в мире убивают ребенка. В частности, в США в 2011 году от жестокого обращения с детьми до 18 лет пострадало 676 569 несовершеннолетних, из них от физического насилия 118 825 детей и от сексуального насилия 61 472 детей. Вместе с тем, в России, по состоянию на 2012 год, МВД ежегодно фиксирует более 600 тыс. правонарушений в отношении несовершеннолетних, из них 400 тыс. составляют правонарушения, совершенные родителями в отношении собственных детей. Согласно Росстату, в 2010 году в России от преступных посягательств пострадали 100 тыс. несовершеннолетних, из которых погибли 1,7 тыс., получили тяжкий вред здоровью – 2,4 тыс. [2].

По данным министерства Просвещения Молдовы, в период с сентября по декабрь 2016 года 5 тысяч 642 ребенка подверглись насилию дома, в школе либо других общественных местах. По сравнению с первым семестром 2015–2016 учебного года эта цифра выросла на 960. Наибольшее количество случаев – 2 866 – относятся к физическому насилию, 1 306 – эмоциальному, 1 278 – по недосмотру. Также зафиксированы 167 случаев эксплуатации трудом, и 25 действий сексуального характера в отношении детей [2; 3].

Приднестровские граждане – не исключение. Свидетелями насилия в семье в Приднестровье являются 40% опрошенных детей, 56,3%

респондентов наблюдали за психологическим насилием, жертвами физического насилия стали 23,4 % ребят, сексуального 4 % [3].

В этом контексте следует подчеркнуть, что насилие является не только правовой, но и в значительной степени психологической и социокультурной проблемой. В общепринятом смысле, под насилием понимают незаконное использование силы, то есть принудительное, против воли личности влияние на нее.

Многочисленные исследования показывают, что понятие «насилие» имеет юридические и фактические признаки: противоправность насилия; умышленный характер действий; физическое и (или) психическое воздействие; предмет воздействия – физическая и психическая основы личности; объект воздействия – сознание и воля потерпевшего; функция насилия – подавление (уничтожение) или принуждение; социально вредные последствия насильственного воздействия в форме существенного ущерба или опасность его причинения.

Важным для исследования является положение о том, что по форме проявления насилия разделяют на физическое и психическое, правомерное (необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость, выполнение служебного долга и т.п.) и противоправное (совершение преступлений с применением насилия).

В то же время, философия рассматривает насилие как любое унижение человека, что приводит к ограничению физического и духовного потенциала индивидов, мешает овладеть реально определенной полнотой возможностей личностного развития. В философском смысле, насилие является формой неограниченного, произвольного господства. Насилие является одним из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. С философской точки зрения, насилие – такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие – это узурпация свободной воли, оно есть посягательство на свободу человеческой воли. [5].

Главным образом, возможными признаками физического насилия являются: ожоги, ссадины, признаки побоев; маловероятные оправдания, оправдывающие травмы; травмы, не получившие медицинского осмотра: травмы, появившиеся в местах тела, которые не могут обычно появиться в результате падения, подвижных игр; повторяющиеся инфекции мочевыводящих путей или необъяснимые боли в животе; отказ от физического контакта; закрытые одеждой руки и ноги в жаркую погоду; страх возвращения домой или контакта с родителями; самоуничижительные тенденции; агрессия, направленная на других; пассивность и постоянное послушание; настороженность и недоверие к взрослым; бродяжничество .

Мы рассматриваем насилие как реальное действие или угрозу преднамеренного физического, сексуального, психологического или экономического воздействия, принуждения со стороны одного лица по

отношению к другому, с целью контроля, запугивания, внушения чувства страха. Насилие может проявляться в словесных образах, физических нападениях, побоях, угрозах и др. Собственные наблюдения и специальные исследования в этом плане показали, что обычно существует широко распространенный миф, что насилие в детской среде – это проблема только неблагополучных семей, и почти всегда насилие связано с пьянством и бедностью. Однако по некоторым исследованиям это совсем не так. Насилие характерно для всех социальных групп и не зависит от экономического положения семьи.

Следует отметить, что основными формами насилия детей являются: психологическое (эмоциональное), физическое, сексуальное, экономическое и пренебрежение нуждами ребенка. Каждая из этих форм имеет свои особенности и последствия, рассмотрим их подробнее.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что различные виды насилия в детской среде, игнорирование их основных потребностей негативно влияют на развитие, здоровье и жизнь ребенка, нарушают его социализацию, порождают безнадзорность и преступность среди детей.

Список литературы

1. Насилие над детьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Насилие над детьми в Молдове – бич эпохи и страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moldovanews.md/03022017/obshhestvo/144680.htm9>
3. Жестокое обращение с детьми – миф или реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mediacenter.md/publikacii/297-nasilie-nad-detmi-mif-ili-realnost.html>
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т. 2. М.: 2000.
5. Черникова Е.В. Жестокое обращение с детьми – объективная реальность/ Актуальные проблемы развития науки и современного образования: сборник материалов Международной научно – практической конференции. 10 апреля 2017 / отв. Ред. Л.В. Красовская, И.Б. Костина. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С.538–539.

УДК 159.9

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Чуканов Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
chukanove.v@gmail.com

Динамичность жизненного пути современного человека характеризуется достаточно высоким уровнем сложности, частой и неравномерной

сменой стабильных периодов кризисными. Кризисные моменты связанные со сложными жизненными ситуациями, особенностями переживания неопределенности, нарушением жизненной перспективы в континууме прошлое-настоящее-будущее – все это влияет на людей из разных возрастных, социальных групп.

Уязвимость идентичности человека, в условиях социальной нестабильности, приводит к применению человеком дезадаптивных форм поведения, что нарушает не только динамику индивидуального развития, но и общества в целом.

В связи с вышесказанным становится актуальной проблема становления и обретения новой социальной идентичности личности, находящейся в кризисном состоянии, так как эта перестройка происходит путем трансформации ценностно-смысловой сферы. Данная перестройка опирается на жизненный опыт личности, реализуется в актуальном поведении и несет в себе прогностическую функцию за счет расширения и трансформации круга социальных ролей.

Дж. Теджфел рассматривает период социальных трансформаций, при котором происходит перестройка во взаимоотношений между различными социальными группами, как важный компонент в формировании представлений о будущем. Данный компонент обозначается как «определенность» – наличие четкой и функциональной системы целей и ценностей.

Процесс формирования целостной личности происходит путем постепенной интеграции личного опыта (переживания, достижения и др.) в целостную систему субъективности. Однако этот путь никогда не бывает линейным, это всегда непростой поиск тождества, единства, постоянного сопоставления личностных проявлений с требованиями реального бытия.

Устойчивость отношений между «Я» и окружающей средой на протяжении длительного времени – индикатор целостности, сбалансированности, конгруэнтности личности. Показатель динамической характеристики идентичности становится дилемма устойчивость-неустойчивость.

Неустойчивость идентичности определяется разбалансированностью, переменностью, колебанием «Я», а устойчивость-характеризуется четкостью, очерченностью, растянутостью во времени, определенностью, конгруэнтностью личности [1].

Трансформация идентичности происходит, тогда когда человек попадает в новые для него социальные условия, в связи с чем представления личности о себе, о мире, о своем положении в нем перестраиваются, возникает новая иерархическая система социальных идентичностей. Данный процесс реализуется под влиянием различных факторов: вступление человека в новую группы, формирование новых внешних групп, изменение статусов групп, возникновение противоречий между группами др.

Под кризисом идентичности нами понимается периодическое эмоционально острое, ограниченное во времени, субъективное переживание невозможности реализации жизненных целей, задач, планов. Такие пе-

реживания «блокируют» возможности и ресурсы личности, лишающие ее на некоторое время способности противостоять сложившейся ситуации, что приводит к потере контроля над ею, над своими эмоциями, поведением и деятельностью [2].

Итак, внутриличностный конфликт можно считать индикатором наличия у индивида кризиса идентичности как несогласованности между желаемым и реальным; кроме того, среди негативных последствий внутриличностного конфликта выделяют следующие: психологическая дезорганизация личности, снижение активности и эффективности деятельности; повышенный уровень тревожности; зависимость человека от других людей и обстоятельств, депрессия; стрессовые состояния; фрустрация основных потребностей; чувство неполноценности и ничтожности; расстройство жизненных ценностей; потеря смысла жизни.

Невозможность положительного конструктивного выхода из кризиса сопровождается возникновением болезненных переживаний неудачи, неудовлетворенных потребностей, недостижения целей, потери смысла жизни. С тем, следует отметить, что любой конфликт, в том числе, внутриличностный, может решаться конструктивно и иметь положительный эффект. Например, конфликты способствуют мобилизации ресурсов личности для преодоления существующих барьеров ее развития; способствуют адаптации и самореализации в сложных условиях и повышению стрессоустойчивости; конфликты помогают самопознанию и адекватной самооценке; положительно разрешенные конфликтные переживания закаляют характер, формируют решительность в поведении личности [3].

Список литературы

1. Белинская Е. П. Временные аспекты «Я» – концепции и идентичности / Е. П. Белинская // Мир психологии. – 1999. – №3. – С. 140-147.
2. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – С. 12.
3. Троневская Марина Айсовна. «Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры» Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 13. – С. 34-37.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Чумейка Е.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
chumeyka.alena2010@yandex.ru

Введение. Коммуникация является неотъемлемой частью современного мира. Общение – это главный фактор в жизни и деятельности любого человека. Оно без сомнения является важным условием в формировании личности человека, а также его психических процессов, свойств, и функций. Исследование научной литературы убеждает нас в том, что одной из основных, ключевых компетентностей, является коммуникативная компетентность.

Федеральный государственный образовательный стандарт [3] выдвигает ряд требований к освоению основной общеобразовательной программы, среди которых можно выделить требование к развитию коммуникативной компетентности обучающихся. В данном случае коммуникативная компетентность является одной из важнейших характеристик личности, а ведущие специалисты определяют ее как умение ставить и решать коммуникативные задачи определенного типа: определять коммуникативные цели, оценивать ситуацию, учитывать намерения и способы общения партнера (партнеров), выбирать адекватные коммуникативные стратегии, быть готовым к значимым изменениям в собственном речевом поведении, а также способность устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, владеть нормами общения и поведения [2].

Наличие такого типа компетенции позволяет человеку осознать потребность в признании общества и является условием успешной социализации. Развитие коммуникативной компетенции особенно важно в подростковом возрасте, так как связано с базовыми потребностями в общении и самоактуализации. Приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников – одна из важнейших задач развития на данном этапе, и от ее успешного решения во многом зависит благополучие личностного развития подростка.

Основная часть. В отечественной психологии понятие «коммуникативная компетентность» часто приравнивается к понятию «компетентность в общении», и активно разрабатывается с середины 1980-х гг. Поскольку это понятие многогранно, в науке еще не оформленось его окончательное определение. Среди отечественных авторов коммуникативная компетентность рассматривалась психологами – Г. М. Андреева, Ю. Н. Емельянов, Л. А. Петровская, лингвисты – Е. М. Бастикова, Н. В. Долгополова, Г. И. Безродных и методисты Г. К Селевко, Н. В. Кузьмина, А. В. Мудрик.

В работах отечественных авторов выделяют три основных направления в понимании термина «коммуникативная компетенция»:

1) это часть более широкого образования – компетентности в общении, профессиональной, социальной компетентности (Л. А. Петровская, В. Н. Куницына, Л. М. Митина, В. А. Спивак и др.);

2) отождествляется с компетентностью в общении (Л. А. Петровская, Ю. М. Жуков, С. В. Петрушин и др.);

3) самостоятельное образование (Ю. Н. Емельянов, Н. Н. Обозов, Л. Д. Столяренко и др.) [1].

В зарубежной психологии употребление термина «коммуникативная компетентность» не используется самостоятельно, а в составе таких понятий как коммуникационная компетенция, коммуникационная компетентность или коммуникативная компетенция и т.д., которые по содержанию близки к исследуемому.

Целью, нашего исследования, стало изучить особенности развития коммуникативной компетентности подростков. Исследование проводилось на базе МОУ «Каменская ОСШГ №2», Приднестровье. Всего в исследовании приняли участие 50 подростков 7 классов.

Для изучения уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений был использован тест-опросник коммуникативных умений Л. Михельсона в адаптации Ю. З. Гильбуха. Полученные результаты можно сделать вывод о том, что преобладание компетентного стиля (60 %) можно интерпретировать следующим образом, в подростки заинтересованы в установлении межличностных отношений контактирует, проявляет инициативу в коммуникативном взаимодействии. Уровень развития зависимого стиля общения снижен (22 %). Поэтому можно предположить, что взгляды подростков в зависимости от оценки других на их поведение влияют другие люди в ситуации общения. В среднем уровень агрессивного стиля общения является низким (18 %). Следовательно, подростки имеют низкую тенденцию избегать проявления резкости, раздражения, гнева, категоричности суждений, негативных оценок людей и событий, которые могут задевать других людей.

Далее было проведено исследование, направленное на выявление уровня общительности, для этого была использована методика «Оценка уровня общительности» В. Ф. Ряховского. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что у большинства подростков (42 %) преобладает низкий уровень общительности. Таким подросткам сложно выполнять работу, которая требует групповых усилий. Они замкнуты, неразговорчивы, предпочитают одиночество, им трудно заводить новые знакомства. Это может быть связано с тем, что более года подростки находятся на дистанционном обучение, они стали меньше общаться между собой очно, их общение превратилось больше в виртуальное. Таким подросткам стало сложнее выполнять работу, которая требует групповых

усилий. Они стали замкнуты, неразговорчивы, предпочитают одиночество, им трудно заводить новые знакомства.

Затем для определения уровня коммуникативной толерантности была проведена методика диагностика общей коммуникативной толерантности В. В. Бойко. Результаты исследования указывают на то, что преобладающий уровень коммуникативной толерантности, в подростковом возрасте, средний (48 %). Средний уровень характерен для учащихся, умеющих выстраивать контакты с окружающими людьми, достаточно хорошо относящихся к собеседнику.

Заключение. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что в подростковом возрасте преобладает компетентный тип реагирования, большинство подростков занимают низкий уровень общительности и средний уровень коммуникативной толерантности.

Коммуникативная компетентность – одна из ключевых характеристик личности, то есть она имеет особое значение в жизни человека, поэтому ее формированию следует уделять пристальное внимание, особенно в подростковом возрасте. Процесс общения проходит через все сферы жизни и деятельности подростка. Коммуникативная компетентность должна быть одним из основополагающих качеств в процессе формирования личности, а коммуникативные знания, умения, навыки должны обеспечивать эффективное протекание коммуникативного процесса в любом виде деятельности. Исходя из этих положений и полученных нами предварительных результатов диагностики, нами был разработан проект программы социально – психологического тренинга, направленного на развитие коммуникативной компетентности подростков. Тренинговая программа будет реализована в образовательно – воспитательном процессе школы.

Список литературы

1. Жарких Н. Г. Особенности коммуникативной компетентности студентов с разными типами реакций в ситуациях фruстрации: автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.07 / Жарких Наталья Григорьевна. – М., 2010. – 20 с.
2. Захарова Т. В., Басалаева Н. В., Казакова Т. В., Игнатьева Н. К., Киргизова Е. В., Бахор Т. А. Коммуникативная компетентность: понятие, характеристики // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ВНУТРИГРУППОВОГО КОНФЛИКТА

Яновская Л.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yanovlar1@mail.ru

Рассматривая типологию конфликтов, предлагаемую различными авторами, мы придерживаемся мнения, что наиболее удобной типологией является выделение таких видов, как: внутриличностный, межличностный, внутригрупповой, и межгрупповой конфликты. Некоторые исследователи добавляют конфликт между личностью и группой, другие, напротив, считают, что внутригрупповой конфликт можно в одних случаях отнести к межличностному, в других к межгрупповому, лишая его специфических особенностей.

Конфликт, рассматриваемый как столкновение противоречий, предполагает наличие определенной системы, где эти противоречия обнаруживают себя. При этом, уже исходя из названий типов конфликтов, эта система является или «внутренней» или «внешней»: внутриличностный конфликт разворачивается внутри системы личностных качеств, межличностный – во внешней системе межличностных отношений; соответственно, внутригрупповой – в системе характеристик группы; межгрупповой – в системе межгрупповых норм, прав, ресурсов.

Значимость конструктивных разрешений внутригрупповых конфликтов очевидна. Конфликт феноменологически представляет проявление существовавших латентно противоречий, тем самым позволяя их осознать и разрешить. Конфликт в этом смысле есть неотъемлемый компонент развития группы. Непонимание природы конфликта и страх перед его разрушительными возможностями приводит либо к умалчиванию, либо к сведению события случайного, малозначимого, зависящего от личностных особенностей конфликтующих сторон.

Для того чтобы разобраться, что представляет собой внутригрупповой конфликт, мы можем исходить из идеи видов социальных взаимодействий (интеракций), где одной из крайней позиции считается конфликт, в противоположность кооперации (сотрудничества). Конфликт, таким образом, с одной стороны связан с основными характеристиками группы (внутренняя система), с другой – с психологической атмосферой группы как показателя внутригруппового взаимодействия.

Исследование психологической атмосферы группы предполагает изучение благополучия группы в трех измерениях: по вертикали (начальник – подчиненные), по горизонтали (коллеги), и отношение к трудовой или другой общей деятельности.

Основными характеристиками малой группы считаются структура группы (роли и их иерархия в соответствии с основными целями групп-

повой деятельности), нормы, принятые членами группы, не номинально, а реально функционирующие, и сплоченность группы, которая выражается не только в степени групповой идентичности, но и лежащими в ее основе мотивами, – эмоциональная, деловая и ценностно-ориентационная.

Сопоставляя между собой эти два параметра – характеристики группы с одной стороны и измерения психологического климата с другой, мы получим девять различных видов конфликтов:

1. Конфликт, вызванный противоречием в структуре группы в системе вертикальных отношений (например, два начальника у одних подчиненных, – в медицинских коллективах – зав. отделением и старшая медсестра как начальники, и медсестры как подчиненные).

2. Конфликт, вызванный противоречием в структуре группы между коллегами. (Например, уравнивание в обязанностях разных по стажу, опыту и др. параметрам работников, либо, наоборот, различие равных).

3. Конфликт, вызванный противоречием в структуре группы по отношению к основной деятельности группы. (Несоответствие профессиональных качеств работников требуемым для эффективной деятельности способностям).

4. Конфликт, вызванный противоречием в системе групповых норм в отношениях по вертикали. (Несоблюдение субординации, либо нарушение социальной дистанции со стороны старших по должности).

5. Конфликт, вызванный противоречием в системе групповых норм в отношениях по горизонтали. (Нарушение коллегиальных норм)

6. Конфликт, вызванный противоречием в системе групповых норм по отношению к деятельности группы. (Например, нарушение этических профессиональных норм).

7. Конфликт, вызванный противоречием между сплоченностью группы и системой вертикальных отношений (например, наличие «любимчиков» в коллективе).

8. Конфликт, вызванный противоречием между сплоченностью группы и горизонтальных отношений. (Характерен, прежде всего, для эмоциональной сплоченности, которая укрепляется «дружбой против кого-либо»).

9. Конфликт, вызванный противоречием в сплоченности группы и отношением к основной деятельности группы. (Когда характер сплоченности, ее основа, противоречит целям основной деятельности).

Мы привели несколько примеров возможных конфликтов, вариантов которых, безусловно, значительно больше в реальных группах и коллективах. Но и на этих примерах становится понятно, что диагностика внутригруппового конфликта, в основу которой будет положена эта типология, способствует конструктивному разрешению конфликтной ситуации, и, как следствие, потенцирует развитие группы.

О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

m.i.yanovsky@mail.ru

Характерным, а может быть краеугольным феноменом «рыночного» общества является *товар*. Что такое товар? В первую очередь это предмет, обеспечивающий осуществление потребностей субъекта, и в этом смысле являющийся как бы экстериоризованным желанием. Если рыночные отношения идеологизируются, превращаются в ценностную основу мировоззрения, то такого рода отношение к объектам становится для сознания эталонным, парадигмальным, и вследствие этого сферы сознания, т.ч. когнитивная, как бы форматируются по этому эталону. Это означает, что мыслительные операции приобретают характер актов выражения пристрастного отношения к объекту.

Выдающийся исследователь человеческого интеллекта Ж. Пиаже характеризовал такого рода свойство интеллектуальных операций как «необратимость». «Необратимость» по Пиаже – это невозможность (в т.ч. неспособность) по каким-либо причинам мыслительных операций, симметрично обратных к исходным, т.е. неспособность как бы повернуть мыслительную операцию, обратить её назад. Подразумевается невозможность прослеживания операций в прямом и обратном направлениях, рассмотрения их с разных сторон, как бы мысленно вращая. Примеры необратимости: вычитание для человека выступает как отдельная операция, а не как обратная (противоположная) по отношению к сложению; движение назад и движение вперёд – это два просто разных действия, а не одно действие, выполненное в противоположных направлениях. Неспособность к обратимости, по Пиаже, связана с неспособностью к смене точки зрения, с центрированностью на эго-позиции. Такая особенность интеллекта ограничивает возможности интегрирования совокупности мыслительных операций субъекта в целостную согласованную уравновешенную систему. Пиаже считал, что это характерно для незрелого эгоцентрического интеллекта, неспособного к критической рефлексии, поэтому дающему более или менее иллюзорные, квази-мифологические объяснения природным и социальным явлениям [1].

Когда мыслительная операция с каким-либо объектом становится выражением отношения к нему (например, в форме оценочного суждения, в форме приписывания ему каких-либо свойств), то она, как выражение отношения, может быть лишь односторонней – от субъекта к адресату отношения. Этим она и приобретает свойство необращаемости.

Характеризуя особенности эгоцентрического сознания, Пиаже, помимо необратимости мыслительных операций, описывает также две формы представлений эгоцентрического сознания о пространстве:

1) **«Пространство мест».** Вещь неотделима от места, в котором находится, и характеристики вещи неотделимы от характеристик места. Поэтому так понимаемое пространство не существует само по себе, как единая однородная реальность, а является набором разнородных мест (как бы ячеек), в каждом из которых что-то находится. Пиаже назвал этот тип представлений о пространстве «*пространством мест*», «*топологическим пространством*». Примеры таких представлений о пространстве: деньги, попавшие в «правильное» место (например, в банк), меняются и приобретают способность к самовозрастанию; если вещь находится у хозяина из «высшего сословия», то приобретает ореол благородства.

2) **«Пространство проекций».** Вещи вступают в отношения, и место их встречи – это и есть пространство, среда, в которой они как бы проецируются друг на друга как некие формы. Пространство – это сеть отношений. Благодаря им вещи становятся наблюдаемыми. Этот тип представлений о пространстве Пиаже назвал «*пространством проекций*», «*проекционным пространством*» [2]. Примеры таких представлений о пространстве: вещь есть только тогда, когда я её вижу; я есть то, как меня видят окружающие.

Пристрастность, которая заставляет видеть объекты как товар и которая привносит необратимость в мыслительные операции, опирается на имплицитное предположение этих двух пространств. Действительно:

Во-первых, пристрастность всегда *чья-то*, она всегда у кого-то, как бы в чьём-то владении. Значит, она имеет свою как бы «*приписку*», **место**. Пристрастность (желание, потребность) и вообще «заземляет» субъекта, даёт ему опору, место. И она как бы прячет субъекта в этом месте, отделяет от остального мира, «выносит за скобки», придаёт как бы исключительность. Пристрастность, таким образом, предполагает «*пространство мест*» (конечно, мысленное, не физическое).

Во-вторых, пристрастность – это *отношение*, направленное на какую-то сторону объекта, какой-то аспект. Поэтому она имеет дело с определённой **проекцией** объекта. Значит, пристрастность предполагает «*пространство проекций*». Пристрастность в форме желания всегда связана с определённым отношением, «*симпатией*» к объекту желания, т.е. с проекцией меня в него и его в меня.

В целом пристрастность, таким образом, конфигурирует мир как сочетание двух форм структурирования реальности: *мир как «пойманые» в определённые места предметы*, и *мир как система взаимопроекций, отношений*. Всё в мире чьё-то, и в мире постоянно происходит обмен.

Спроецируем эти две формы структурирования реальности на социум и переведём на экономический язык. Получаем два принципа:

принцип собственности и принцип торговли. И то, и другое являются базовыми элементами «рыночных отношений», «рыночного общества».

Поэтому неизбежно товар – это объект не только как предмет потребностей, но и как объект частной собственности, и как элемент торговли. Товар – это всегда вещь *чья-то*, – либо продавца, либо купившего. И товар не может не существовать вне торговли, потому что именно торговля обеспечивает пересечения, встречи вещей, их *взаимопроекции* друг в друга, без чего они не смогут приобрести цену.

Обратим также внимание, что сам обмен (как элемент рынка) как бы задаёт, или выражает схему движения мышления. Но какова эта схема? Это не схема умозаключения как способа производства мысли из некоего исходного материала. Акт обмена – это скорее схема ассоциативного скачка в мышлении, скачка, в котором исходная мысль (то, что обменивают) и мысль последующая (то, на что обменивают) связаны между собой не внутренне, а чисто внешне (внешним подобием или смежностью). В этом смысле обменные рыночные операции имеют примесь чуда: ты получаешь то, чего не делал, плюс при достаточном везении ты получаешь прибыль – чудесным образом возникает большее, чем было, нечто как бы из ничего. Рыночный обмен, таким образом, имея момент иррациональности, привносит иррациональность и в мышление. Ясно, что поэтому рыночная идеология является, в той или иной степени, квази-религией, или квази-магией. Квази-религиозность усиливается в мышлении и принципом частной собственности. Она привносит в мышление догматизацию: здесь человек склонен относиться к своим мнениям, утверждениям, мыслям как к своей частной собственности, которую нужно беречь от «посягательств» разных «злоумышленников».

«Рыночное общество» и в целом «заряжено» эгоцентризмом. Действительно, в «рыночном обществе» каждый субъект основывается в своём социальном сознании на представлении себя как бы неподвижным центром мира (я = собственник, я = потребитель, «я имею право» и т.д.), и на представлении социума как театра с социальными или психологическими, более или менее выхолощенными (по сравнению со мной, «неподвижным центром мира») фигурами-символами, формами с разной ценностью (люди-статусы, люди-функции, люди-капиталы и т.п.). В этом смысле «рыночное общество» имеет структуру театра (что означает, что его психологической осью является «драматический треугольник» С. Карпмана).

Таким образом, «рынок» предполагает достаточный уровень ... упрощённости сознания.

Список литературы

1. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. М.: Римис, 2008. – 448 с.
2. Piaget J. La représentation de l'espace chez l'enfant / J. Piaget, B. Inhelder. Paris: Presses universitaires de France, 1948. – 581 р.

СОДЕРЖАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ярмыши И.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yarmyshia@mail.ru

Введение. Психологическое благополучие является необходимым условием сохранения здоровья и достижения высоких результатов жизнедеятельности. Психологическое благополучие – это интегративная характеристика, показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования, а также степени реализованности этой направленности.

Изучение психологического благополучия в условиях профессиональной деятельности обусловлено осознанием необходимости изучения феноменов, которые характеризуют позитивные и ресурсные проявления субъекта деятельности и недостаточной их изученностью. В профессиональной деятельности психологическое благополучие является одним из значимых компонентов конструктивного развития и функционирования личности, которое проявляется в возможности человека адекватно оценивать существующие условия труда, видеть перспективу своего профессионального роста, верить, что качество жизни зависит от него самого. Это и обуславливает в современном обществе возрастание интереса к изучению психологического благополучия в контексте профессиональной деятельности.

Сегодня особую актуальность приобретает исследование данного феномена в отношении представителей «помогающих» или «социономических» профессий, к которым относятся и медицинские работники. Изменение запросов, необходимость постоянно поддерживать высокий уровень профессионализма, быть в курсе инновационных технологий, ежедневное общение с большим количеством людей – это все приводит к усилению эмоциональной напряженности медицинских работников, возрастанию числа профессиональных стрессов и, как следствие, к появлению условий, приводящих к переживанию профессионального неблагополучия.

Основная часть. Психологическое благополучие в профессиональной сфере является составным компонентом психологического благополучия в целом, является его частным случаем и отражает отношение личности к профессиональным аспектам жизни. Поэтому термины «благополучие», «психологическое благополучие», «профессиональное благополучие» рассматриваются как близкие по значению и взаимозаменяемые.

Изначально интерес к изучению психологического благополучия в профессиональной деятельности продиктован положительным влиянием общего уровня психологического благополучия на эффективность деятель-

ности человека, улучшения качества профессиональной жизни человека и повышения эффективности труда (М. Аргайл, Ю. М. Бояркин, Н. А. Горбач, С. Р. Зенина, В. А. Хвостикова) [1]. В дальнейшем в большинстве отечественных научных работ показатели профессионального благополучия рассматриваются сквозь призму общего психологического благополучия. Изучается структура психологического благополучия представителей разных профессий (Е. В. Бородкина, Ю. В. Бессонова, Д. М. Зиновьева) [2, 3, 4]; раскрывается структурная особенность субъективного благополучия на разных стадиях профессиональной социализации (Р.М. Шамионов) [5]. В ряде исследований изучается взаимосвязь компонентов общего психологического благополучия с условиями профессиональной среды, личностными особенностями профессионала. Предпринимаются попытки выделить факторы профессиональной среды, детерминирующие развитие тех или иных качеств личности, связанных с общим психологическим благополучием (Н. А. Горбач, Н. В. Панкова, С. А. Минюрова, Н. С. Терехина) [6, 7]. Следует обратить внимание на то, что в основном изучение благополучия в профессиональной деятельности представлено исследованиями различных аспектов профессионального неблагополучия в виде профессиональной деформации, профессионального выгорания, профессионального маргинализма, девиантного поведения.

Таким образом, в настоящее время вопрос о содержании и структуре феномена «психологическое благополучие» остается дискуссионным. При этом недостаточно изучено проявление психологического благополучия личности в условиях профессиональной деятельности, в частности у медицинских работников.

Цель исследования: изучить содержание компонентов психологического благополучия в условиях профессиональной деятельности. Объект исследования: психологическое благополучие в условиях профессиональной деятельности. Предмет исследования: содержание компонентов психологического благополучия в условиях профессиональной деятельности у медицинских работников.

Гипотеза исследования: нами выдвинуто предположение, что в условиях профессиональной деятельности содержание компонентов психологического благополучия имеет отличительные особенности, которые обусловлены профессиональным самоотношением, вовлеченностью, жизнестойкостью. Выдвигая предположение, мы исходили из того, что феномен «психологическое благополучие» в контексте профессиональной деятельности может приниматься в качестве показателя профессионального благополучия. Психологическое благополучие является индикатором качества профессиональной жизни человека.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 31 испытуемый: средний и младший медицинский персонал. Основные требования для включения в выборку следующие: общий стаж работы не менее 4 лет; непрерывный стаж на последнем рабочем месте более 3 месяцев на момент

проведения исследования; возраст испытуемых составил от 25 до 52 лет (средний возраст 38,5 лет).

В соответствии с целью исследования после проведения пилотажного исследования группа испытуемых была разделена на две подгруппы: ОГ1 и ОГ2 по критерию неблагополучие/благополучие. В дальнейшем, для выявления базовых компонентов психологического благополучия, отражающих отношение личности к профессиональным аспектам жизни, отношение к себе как к профессиональному, был использован пакет методик: «Профессиональное самоотношение личности» К. В. Карпинского; «Шкала общей каузальной ориентации» Э. Деси и Р. Райана в адаптации О. Е. Дергачевой; «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что медицинские сотрудники в разной степени удовлетворены своим положением в профессиональной сфере. Выявлены сотрудники как с низким общим показателем психологического благополучия – 41,9 % (ОГ1 – 13 чел.), так и с высоким общим показателем психологического благополучия – 45,1 % испытуемых (ОГ 2 – 14 чел.).

Установлено, что в подгруппах по-разному представлены компоненты психологического благополучия. Сходство в подгруппах по шкале *Автономность в профессиональной деятельности* указывает на то, что под давлением производственной ситуации сотрудники остаются уязвимыми и у них может формироваться противостояние социальному давлению.

Достоверные различия на 1% уровне значимости с помощью У-критерия Манна-Уитни выявлены по остальным шкалам, что свидетельствует о разном содержании компонентов, которые составляют общий показатель психологического благополучия. Так, для испытуемых с высоким общим показателем психологического благополучия характерны: спокойствие, уверенность в себе; независимость в суждениях и поведении; они предпочитают принимать решения вместе с другими людьми; стремятся реализовать свой потенциал. Для испытуемых с низким общим показателем психологического благополучия характерны: отсутствие собственного развития, самореализации в рамках профессиональной деятельности; отмечаются сложности в организации повседневной деятельности; есть трудности в установлении доверительных отношений в ситуациях профессионального взаимодействия.

Подгруппы медработников отличаются между собой по выраженности *профессионального самоотношения* как в целом, так и по отдельным шкалам. Достоверные различия выявлены по таким шкалам, как: *Саморуководство в профессии* и *Самоуничижение в профессии*.

Выявлены значимые различия по всем показателям жизнестойкости, как: *Вовлеченность*, *Принятие риска*, *Контроль*. Медицинский персонал с высоким общим показателем психологического благополучия более активно включается в решение жизненных задач (особенно при наличии

стрессогенных факторов в профессиональной деятельности); у них выражена уверенность в том, что вовлеченность в происходящее даст максимальный шанс найти необходимое решение (*Вовлеченность* ($U_{эмп} = 13,5$; $p \leq 0,01$), активно предпринимают поиск путей влияния на результаты (*Принятие риска* ($U_{эмп} = 14,5$; $p \leq 0,01$), убеждены в том, что контроль и преодоление позволяют повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован (*Контроль* ($U_{эмп} = 18$; $p \leq 0,01$), извлекают опыт из всего, что происходит в жизни, не важно, позитивного или негативного (*Жизнестойкость* ($U_{эмп} = 2,0$ $p \leq 0,001$)).

Заключение. Таким образом, гипотеза о том, что в условиях профессиональной деятельности содержание компонентов психологического благополучия имеет отличительные особенности, которые обусловлены профессиональным самоотношением, вовлеченностью, жизнестойкостью нашла свое подтверждение. В ходе исследования выявлены показатели, которые определяют позитивное функционирование сотрудников медицинского учреждения. Однако, наряду с позитивными показателями, установлены и такие, которые могут приводить к снижению продуктивности труда. К ним относятся: отсутствие глубины отношений к ситуации, неполнота самореализации, недостаточное соответствие запросам социального окружения и развитию собственной индивидуальности, слабая вера в свой профессиональный потенциал, склонность переоценивать профессиональную подготовку коллег, приуменьшать личностный вклад в общий результат труда. Данные особенности могут быть учтены психологом в процессе психологического сопровождения сотрудников медицинского учреждения с целью улучшения качества их профессиональной жизни.

Список литературы

1. Аргайл М. Психология счастья; Под ред. М. В. Кларина; Пер. с англ. – М.: Прогресс, 2007. – 403 с.
2. Бессонова Ю. В. Психологическое благополучие личности в труде / Развитие психологии в системе комплексного человекознания. – М.: 2012. – С. 412-415.
3. Бородкина Е. В. К вопросу изучения субъективного благополучия в профессионально-педагогической деятельности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2012. – №28. – С. 31-34.
4. Зиновьева Д. М. Кризисы психологического и профессионального благополучие государственных служащих среднего возраста // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2015. – № 1. – С. 96-99.
5. Шамионов Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. – 2010. – № 1. – С. 237-249.
6. Минюрова С. А., Заусенко И. В. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога // Педагогическое образование в России. – 2013. – №1. – С. 94-101.
7. Терехина Н. С., Сергиенко Е. А., Лекалов А. А., Звенигородский П. В. Взаимосвязь контроля поведения и субъективного благополучия людей различных профессий // Экспериментальная психология. – 2014. – Т 7. – № 4. – С. 52-65.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

<i>Агаркова А.А.</i> Этетические парадоксы социокультурной интерпретации человеческой телесности(в ракурсе профессиональной идентичности)	5
<i>Армен А.С.</i> Феминоцентристская картина мира как выражение кризиса антропоцентризма.....	8
<i>Белицкий А.А.</i> Феномен мистицизма в трансперсональной психологии	11
<i>Белорко Н.М.</i> Раскрытие проблемы личности в работах Н. Бердяева.....	13
<i>Бойчук С.С.</i> Диалектика культурной идентичности и глобализации в структурах модерна	17
<i>Викторов Д.А.</i> Материалистическое понимание информации	20
<i>Виндилович Е.А.</i> Культурные функции семьи в современном обществе	23
<i>Волошин В.В.</i> О понятии «постсекулярное общество».....	26
<i>Глушико Е.С.</i> Самосознание в структуре нравственной деятельности личности	29
<i>Данакари Л.Р., Ивентьев С.И.</i> Человек и духовно-нравственная интуиция.....	32
<i>Даренская В.Н.</i> Традиционная культура как предмет исследования социальной философии	35
<i>Дунаев Р.А., Савотченко С.Е., Перепелкин И.Н.</i> К вопросу о новом образе рациональности в контексте современной сетевой культуры.....	38
<i>Емельянова Н.Н.</i> Культурное самосознание постсовременности.....	41
<i>Ефременко А.А.</i> Осмысленное бытие как атавизм уходящей эпохи	44
<i>Камарали А.В.</i> Национальная культура и информационная глобализация	46
<i>Клименко А.Б.</i> Традиция и модерн в процессе социального развития.....	49
<i>Комисова Е.И.</i> Особенности религиозной веры в современном мире: секуляризация и пародийная религиозность	51
<i>Коновалов А.Г., Коновалова И.В.</i> Историософское основание русской цивилизации. Многонациональный Донбасс в истории России.....	54
<i>Коротков Н.В.</i> Идеи А. Д. Сахарова в контексте проблемы техносферной безопасности.....	56
<i>Красова И.Е., Андреева Т.А.</i> От индивида к личности	59
<i>Кривуля Р.Е.</i> Культурные основания современной российской идентичности	62
<i>Лустин Ю.М.</i> Социальный опыт личности: гносеологический аспект типологической рефлексии.....	65
<i>Малькова М.А.</i> Мобильная солидарность, как характеристика современного общества.....	68
<i>Миргородский А.А.</i> Юридический позитивизм в русской философии права	71
<i>Михайлов А.Е.</i> Социальное проектирование в «политике» Аристотеля	73
<i>Некрасов С.Н.</i> Как можно объединить людей для движения в направлении социального прогресса	76
<i>Прокопенко Д.С., Шелюто В.М.</i> Социализирующая роль мифа	79

<i>Романова А.С.</i> Личностное саморазвитие как путь самопознания и самосозидания	81
<i>Рочняк Е.В.</i> Основные виды синтеза научных знаний	84
<i>Самохина А.А., Половинкина И.С.</i> Ответственность как философско-правовая категория	87
<i>Севостьянов Д.А.</i> Мировоззренческие аспекты государственного строительства ...	89
<i>Сергиенко Н.Л.</i> Российский человеческий капитал: проблемы и перспективы	92
<i>Серостанова О.Б.</i> Ризоматическое и клиповое мышление как феномен современной культуры.....	95
<i>Тимощук А.С.</i> Антиномии цифровизации образования	98
<i>Целик Т.В.</i> Геофилософия евразийцев: современные параллели	101
<i>Шатохина Н.П.</i> Творчество как паттерн детской игры: реализация феномена «если бы...».....	104
<i>Шелухин Ю.Н.</i> Экзистенция творчества	107
<i>Шишкина Е.А.</i> Фрактальное измерение социоприродной реальности.....	110
<i>Ярошевская А.В.</i> Смысл свободы в «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского	113

Философия на линии фронта

<i>Альмухаметов Р.Ш.</i> В тени парадигмы деструктивное конструктивно	116
<i>Артюхов М.Н.</i> Дегуманизация жителей Донбасса как инструмент информационной войны	119
<i>Беспалов А.К.</i> Истоки феномена массового героизма советского народа во время Великой Отечественной войны.....	121
<i>Даренский В.Ю.</i> Государственный переворот в Афганистане в 2021 году как элемент геополитической войны США против России.....	124
<i>Ищенко Н.С.</i> Стигматизация и дегуманизация как стратегии культуроцида русских на Украине	127
<i>Коновалов А.Г., Коновалова И.В.</i> Ментальные войны в условиях стратегической нестабильности	130
<i>Корнилов Д.В.</i> Античная философия лидерства: Герой и Воин	133
<i>Коробов-Латынцев А.Ю.</i> Воевание как упражнение в философии.....	136
<i>Лиценко И.Ю., Ионов Б.В.</i> Войны по линиям разломов.....	139
<i>Музя Д.Е.</i> Межцивилизационные войны как судьбический сценарий XXI века.....	142
<i>Олендарь Н.Е.</i> «Искусство войны» Сунь-Цзы и идеологема «небезопасного положения»	144
<i>Паркин Д.А., Коробов-Латынцев А.Ю.</i> Теория справедливой войны в СССР	146
<i>Слесаренко В.И.</i> Методологические основания воспитательной работы в войсках в условия гибридной войны.....	149
<i>Трухан А.В.</i> Как остановить расчеловечивание человека: ответ Ф. М. Достоевского (К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского)	152
<i>Шульга Д.П.</i> Перспективы идеологемы «Москва – третий Рим» в современном «Русском мире» (РФ, ДНР, ЛНР, ПМР)	155

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеева М.С., Гончарюк Д.Д.</i> Развитие образной памяти у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития на занятиях по ознакомлению с окружающим миром	158
<i>Ангелина Э.А., Буркалъ Е.Н.</i> Содержание жизненных стратегий личности в юношеском возрасте	160
<i>Ан드리енко Е.В.</i> Личностное саморазвитие и личностный рост	163
<i>Андрюшкова Н.П.</i> Социально-психологические факторы развития инфантилизма.	166
<i>Баши Ю.М.</i> Личностные и ситуационные детерминанты поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	169
<i>Барьяхтар О.Ф.</i> Личностные ресурсы в преодолении трудных жизненных ситуаций.....	171
<i>Безродный В.И.</i> Самооценка учащихся с разным уровнем вербальной и невербальной креативности	174
<i>Брешковская К.Ю.</i> К проблеме развития лидерских качеств в младшем школьном возрасте	176
<i>Вандышева Е.Ю.</i> Распространенность буллинга среди учащихся старших классов на примере профильных классов ТГУ им. Г. Р. Державина.....	179
<i>Васильева О.Н.</i> Психология межкультурного взаимодействия в современном образовательном пространстве	182
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Возрастные особенности психологических составляющих жизненной стратегии личности	184
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Понятие жизненного опыта в категориальном аппарате современной психологии.....	187
<i>Волошина А.А., Устинова Н.В.</i> Психологические особенности отношений между супружами в бездетных семьях	189
<i>Гаврилина А.В.</i> Актуальные проблемы общей психологии.....	192
<i>Гнютова А.О.</i> Особенности интернет-активности студентов: психолого-педагогический аспект	194
<i>Демяненко А.В., Ангелина Э.А.</i> Ценностные ориентации студентов с разным уровнем личностной зрелости	197
<i>Заблоцкая Т.Ю.</i> Потребность в одиночестве как фактор саморазвития.....	200
<i>Картузова Н.А.</i> Концептуальные подходы к определению потребности в безопасности.....	203
<i>Киселёва И.В.</i> Психологическое отношение к средствам массовой информации: феномен доверия	206
<i>Клюшинкова М.А., Гордеева А.В.</i> Связь психологического благополучия и киберкоммуникативной зависимости студентов	209
<i>Ковалчичина С.В.</i> К вопросу о сочетании психолого-педагогических методов воздействия на личность в процессе ее развития	212
<i>Ковалчук Н.Н.</i> Изучение компонентов коммуникативной компетентности будущих педагогов.....	214
<i>Кононенко И.А.</i> Характеристика компонентов виртуального общения.....	217

<i>Косенко К.А., Вильдгрубе С.А.</i> Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни с разными типами копинг-стратегий	220
<i>Максименко Е.Г.</i> Определение самодепривации в поведенческой активности субъекта	223
<i>Мельникова Е.И., Руденко С.В.</i> К проблеме трансформации ценностно-смысловой сферы личности в период пандемии.....	226
<i>Могилевская В.Ю.</i> Стессоустойчивость курсантов военного института.....	229
<i>Набатова С.В.</i> Проблема определения понятия «картина мира» в психологической науке	232
<i>Некрасова И.Н.</i> Предпосылки использования конструкта «образ жизни» в качественных исследованиях личности	235
<i>Некрасова И.Н., Данилова Е.М., Фролова И.А.</i> Взаимосвязь психологических особенностей образа жизни семьи и проявлений гетероагрессивного поведения подростков	238
<i>Новикова Н. В.</i> Социально-психологическая характеристика военного конфликта в Донбассе	241
<i>Папакица Е.К.</i> Информационная готовность личности: психологический аспект ...	244
<i>Папков В.Е.</i> Интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга членов семьи как фактор формирования расстройств аутистического спектра у детей	247
<i>Передера А.О.</i> Адаптация к стрессу как фактор жизнеспособности и когнитивной активности	250
<i>Петрова М.Ю., Фархутдинова Ю.Н.</i> Нейropsихологическое исследование процесса мышления у младших школьников	252
<i>Попова Л.А., Фархутдинова Ю.Н.</i> Особенности развития эмоциональной сферы детей дошкольного возраста.....	255
<i>Пыханова И.В., Фархутдинова Ю.Н.</i> Семейные взаимоотношения как детерминанта алкогольной зависимости подростков	257
<i>Пюра Д.А., Рогозина М.Ю.</i> Прокрастинация в структуре временных отношений личности студентов	260
<i>Ревуцкая И.В., Хвасько Н.С.</i> Подготовка психологов-педагогов к диагностике психических состояний дошкольников.....	263
<i>Репенко М.С. Устинова Н.В.</i> Особенности тревожности и самооценки подростков, обучающихся в условиях дистанционного обучения	266
<i>Репецук К.Ю.</i> Теоретический обзор проблемы субъективного благополучия юношей	269
<i>Рогозина М.Ю.</i> Диадический копинг и супружеские отношения в ситуации изоляции семьи	272
<i>Руденко С.В.</i> Исследование особенностей семейного чтения	275
<i>Светличная Н.В.</i> Жизнестойкость как фактор адаптации военнослужащих.....	279
<i>Сердюк А.А.</i> Анализ подходов к исследованию позитивного отношения к жизни в зарубежной психологии	281
<i>Ситнова И.В., Панина Е.А.</i> Политический психолог как субъект влияния в политике	284

<i>Устинов Д.В.</i> Психологические аспекты физиологического мотива противоправного имущественного поведения несовершеннолетних правонарушителей....	287
<i>Устинова Н.В.</i> Нечеткая кластеризация в группах испытуемых при идентификации степени выраженности компонентов когнитивных стилей	290
<i>Филатова Д.С.</i> Интерес к себе как фактор самореализации.....	293
<i>Ходарева Э.А.</i> Анализ особенностей стилевой саморегуляции у спортсменов игровых видов спорта	296
<i>Худокормова Д.Р., Гордеева А.В.</i> Особенности городской идентичности жителей Донецка	299
<i>Черникова Е.В.</i> Современные подходы к понятию насилия в детской среде	302
<i>Чуканов Е.В.</i> Кризис социальной идентичности и его последствия	304
<i>Чумейка Е.В.</i> К вопросу развития коммуникативной компетентности в подростковом возрасте.....	307
<i>Яновская Л.В.</i> К вопросу о формах внутригруппового конфликта	310
<i>Яновский М.И.</i> О когнитивных основах рыночных отношений	312
<i>Ярмыши И.А.</i> Содержание компонентов психологического благополучия в условиях профессиональной деятельности.....	315

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2021: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
VI Международной научной конференции
26–28 октября 2021 г.,
г. Донецк

ТОМ 10

Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой

Дизайн обложки Е.Г. Грудева
Технические редакторы В.Г. Медведева, М.В. Фоменко
Компьютерная верстка А.В. Камарали, Э.А. Ангелина

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР.
E-mail: *science.prorektor@donnu.ru*

Подписано в печать 19.10.2021 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 21окт15/10.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.